

У МАТРОСОВ ЕСТЬ ВОПРОСЫ

БОРИС ДМИТРИЕВ

УДК 821.161.1(477)-313.1
ББК 84(4Укр)6-44
Д53

Дмитриев Б.
Д53 У МАТРОСОВ ЕСТЬ ВОПРОСЫ. / Дмитриев Б. – К.: Альфа
Реклама, 2012. - Ч. I. - 455 с.

ISBN 978-966-2477-89-4

Всем, кого не оставляет равнодушным судьба нашего бывшего большого Отечества, адресуется этот роман. Книга написана в лучших традициях комедийного, фантазмагорического жанра, когда реальные исторические события причудливым образом переплетаются с вымыслами гротескного и мистического содержания.

В легкой, сатирической форме автор предлагает читателю взглянуть на историю нашего Отечества в необычайном ракурсе и быть может открыть для себя нечто до селе неведомое.

УДК 821.161.1(477)-313.1
ББК 84(4Укр)6-44

ISBN 978-966-2477-89-4

© Дмитриев Б., 2012

Борис Дмитриев

У МАТРОСОВ ЕСТЬ ВОПРОСЫ

Романов – 2012 год

ГЛАВА ПЕРВАЯ

По вечерам на озере торжествуют жабы. В тот самый час, когда беспокойное население озера, начиная от полутораметровых щук и заканчивая ватагами тритонов и головастиков, умаявшись от дневных забот, отходит на ночной покой. Когда глубинные обитатели сумеречных вод еще только разминают замлевшее в неподвижности тело и готовятся к ночным смертельным схваткам. Когда наступает пора передачи дозора между дневными и ночными хранителями жизнестойкости огромного водоема и всем становится не до жаб, распоясавшееся зеленое отродье запускает омерзительный свой переквак. Должно быть, при сотворении мира Создатель предусмотрел какой-то особенный, тайный смысл для наступления смутной поры вечернего межвременья. Не исключено, Ему мечталось, чтобы любое живое начало, являясь по преимуществу творением Божиим, имело способность раздуть непомерные щеки и напомнить окружающим о своем замечательном жабьем существовании.

Озеро большое и древнее, вне всякого сомнения еще поившее своими целящими водами безвременно покинувших нас динозавров и птеродактилей. Если на вечерней заре внимательно всмотреться в прибрежные воды, иногда при удаче можно уловить трепетно просматривающиеся отражения этих экзотических чудовищ, лукаво затаившихся в вечности и, похоже, пристально наблюдающих нас. В глубоком прозрачном безмолвии тревожным, беспокойным бывает их вопрошающий взор.

И озеро, и местность кругом с незапамятных времен называют Разливом. Удивительное дело, водоем никогда не разливался, старожилы не помнят, чтобы, даже в самые полые весны, студеной водица хоть однажды выплескивалась из берегов. Иные доморощенные краеведы наивно полагают, что такое мудреное название связано с жабьим перекваком, победно разливающимся над вечерними водами в пору глухого межвременья, в пору триумфа жаб.

Настроение у Василия Ивановича, скажем прямо, было

паршивое, потому что жизнь в дивизии не заладилась с самого утра. Неурядицы начались с того, что воронье очередной раз пустилось в паскудство и обгадило оставленную на центральном командирском пеньке секретную карту боевых действий. Сворачивать на ночь штабную карту, что бы кто ни говорил, не представлялось никакой приемлемой возможности. Легкомысленно, да и просто рискованно было нарушать удачно найденную расстановку вареных картошек в мундире, определявших на стратегическом пространстве диспозицию предстоящих генеральных сражений. Картошки расположились в предполагаемых боевых порядках настолько завидно, что капелевцам до полного уничтожения, с потерей полкового знамени, оставалось не больше трех, от силы четырех-пяти, победоносных для рабоче-крестьянской армии дней.

Между прочим, шkodливое воронье жирно приложилось цветными пастозными плямами в аккурат по расположению четвертой ударной сотни. Любому фронтовику, даже штатскому недотепе, должно быть понятно, что здесь промышляло ночное знамение, способное всерьез озадачить вовсе не склонного к мистике человека, хотя бы и прошедшего сквозь горнило германской войны рыцаря мировой революции.

Совсем недавно, при обороне Царицына, командование поплатилось тяжелыми потерями, не отреагировав должным образом на подобную знаменательную ситуацию. Тогда стая залетных грачей от души поухаживала за штабной стратегической картой, оставленной на дворе без присмотра, и, как показали дальнейшие боевые действия, фактически вывела из строя тяжелую артиллерию. Чапай настойчиво предлагал руководству передислоцировать дальнобойные пушки на защищенные лихой кавалерией позиции, но очумевшие от безбожия политруки отговорили Михаила Фрунзе поддаваться суеверным настроениям. В результате гроыхающая царица полей оказалась подчистую выбрита неприятельским смертоносным огнем, так и не вступив в развернувшееся фронтовое сражение.

Всякий регулярно подвергающийся смертельным опасностям человек хорошо знает истинную цену вещим знамениям и ночным

прорицаниям. Чаще всего они бывают надежней, вернее любых разведывательных данных и сообщений лазутчиков. Войсковые предания за долгие годы накопили в своем арсенале целый катехизис бесценных заповедей и предостережений. Не бабьего, понятное дело, примитивного коленкора, повязанного с черными котами и порожними ведрами, но глубоко мистического прочтения. Например, по кавалерийским преданиям, приснившиеся в постели конские каштаны сулили казаку без всяких проволочек «Георгия» или, на худой конец, десятидневную побывку с серебряной медалью «За храбрость». К медали, как водится, прилагалось дополнительное денежное пособие плюс счастливая возможность ублажить томящуюся в ожидании семью загодя припасенными трофеями.

С превеликим сожалением необходимо признать, что такое случалось большей частью при царском режиме, конечно. По нынешним революционным временам, подобный вещий сон мог спокойно натурализоваться в самом что ни есть досадном разрешении. То есть очнулся среди ночи боец, потревоженный сонным знамением, и тотчас обнаружил под подушкой свежий лошадиный каштан. Чего ожидать от прицельной вороньей картечи по секретной штабной карте, легендарный комдив не знал и с самого утра терзался недобрыми сомнениями относительно расположения четвертой сотни. То ли подразделение следовало без всяких проволочек и боевых операций отправить в резерв, то ли немедленно, скрытым маневром через глубокие тылы сменить диспозицию. В любом случае, оставлять ударную боевую единицу под жирными вороньими плямами было равносильно разгрому, а то и вовсе унижительной сдаче в плен чуть ли ни целого штаба дивизии.

Летнее утро, росное и зябкое, омолодило свежестью Разлив. Был тот непорочный, безмятежного пробуждения час, когда каждый умытый живительной влагой листок смотрит на мир вытарашенными глазами, дивится бездонному небу и не желает задуматься, что будет впереди еще долгий жаркий день, и осень зрелая обязательно будет, и закружит пожухлый листок прощальным хороводом в бесконечную, невозвратную даль.

Вот такой же с виду беспечный, как омытый росой зеленый листок, возится у командирского шалаша с походным медным самоваром красноармеец Кашкет. Весело Кашкету служить денщиком и набивать по утрам сухими еловыми шишками порожнюю самоварную топку. Почетно и, главное дело, чертовски завидно – и не только желторотым новобранцам – жить в одном шалаше с легендарным, недоступным для многих Чапаем. Быть рядом с комдивом в это суровое, судьбоносное время, когда за Уралом непрерывно строчат пулеметы, разворачиваются на полях отнюдь не шутейные, не ведающие пощады бои. Еще забавно наблюдать, как на взмыленных скакунах залетают в Разлив эскадронные комиссары, ошалевшие нарочные и прочая военная мотота. С трудом переводя запаленный дух, после выпитой кружки родниковой водицы, они взахлеб рассказывают о личной боевой храбрости, о досадных потерях товарищей, требуют немедленной помощи и новых дополнительных распоряжений. Нередко залетают и без всякой надобности, только чтобы продемонстрировать командиру свою революционную спесь и готовность отчаянно ринуться хоть в огнестрельный кошмар, хоть в рукопашную кровавую сечу.

Василий Иванович, в решительно заломленной на затылок каракулевой папаше и с полевым биноклем, одетым поверх походной бурки, что само по себе было знаком воинственного расположения, выдвинулся из шалаша. У самых дверей лесного жилища он ненароком споткнулся о внезапно возникшую при его генеральских сапогах собачонку и нечаянно придавил ей хвоста. Собачонка в ответ шуганулась и пронзительно взвизгнула, в связи с чем легендарный комдив легкой рысцой протрусил по нижним ярусам великого и могучего, отнюдь не тургеневского пошиба, немеркнущего русского слова.

Покончив с зоологическим инцидентом и прокашлявшись для корректировки командирского голоса, Чапай окликнул денщика и сделал необходимые распоряжения по поводу заварки утреннего чая. Нельзя сказать, что денщик плохо справлялся с этой задачей самостоятельно. Напротив, он знал толк в настоях разнотравья, однако надо же было комдиву отыгрывать на ком-то раздраженное от

несвежего сна настроение. Большею частью именно в связи с этим он выразил крайнее неудовольствие относительно слабого глянца хромовых трофейных сапог и потребовал привести в надлежащий порядок штабную секретную карту, которую в следующий раз необходимо на ночь тщательно укрывать еловыми ветками.

На что Кашкет обыкновенным образом возмущился в сердцах – «лучше бы воронье башку тебе разукрасило», – но кинулся, тем не менее, с показной готовностью выполнять поставленную боевую задачу.

В заключение Василий Иванович придирчиво осмотрел все нехитрое хозяйство Разлива, не забыв одарить нежным взглядом дремавших у коновязи добротных штабных лошадей. Не обнаружив очевидных причин для собственного недовольства, он с присущей наезднику ломкой походкой отправился по набитой тропе к древнему озеру, чтобы совершить известный набор освежительных для утренней поры процедур.

Оказавшись на сыром песчаном берегу, безупречный рубака крутым жестом правого плеча откинул каракулевою походную бурку, выпростал из дорогих командирских галифе свое бесценное продолжение и смачно возвернул прохладным водам Разлива полсамовара непотребной для задач революции жидкости. Получив глубокое удовлетворение от тесного контакта с природой, Чапай привычно оправил обмундирование, подтянул портупеи, для чего-то потрогал себя за прокуренные усы и присел на заветный прибрежный топляк.

Хотите – верьте, хотите – нет, но месяц тому, сидя на этой самой ольховой коряге, комдив пережил потрясение, которое бесцеремонно исказило всю его дальнейшую жизнь. У людей ведь случаются порой непрописанные злодейкой судьбой обстоятельства, которые заставляют пускать под откос всю ранее прожитую жизнь и делать головокружительные перетасовки на будущее. А произошло, между прочим, вот что.

Однажды, сидя на этом, как теперь оказалось мистическом, месте, в минуту уединенного обдумывания предстоящих генеральных

сражений, в глубоком кармане защитного цвета габардиновых галифе заиграл «Интернационал». Проще говоря, зазвонил мобильный телефон, днями подаренный командармом Фрунзе на последнем общевоинском совещании. Василий Иванович обычным манером извлек из армейских штанов пробудившийся телефон, взглянул на светящийся монитор и тут же потерялся в догадках. Мобильник выдавал абсолютно незнакомый девятизначный номер, вызывающим образом составленный из одних только четверок. Вот эта особенность больше всего смутила, и даже насторожила видавшего всякие позы Чапая. Будучи человеком многоопытным, он прекрасно понимал, что при таком подозрительном начале ничего хорошего ждать не приходится, поэтому с недовольной физиономией огляделся по сторонам.

В эту же самую минуту к берегу, отгребая коггистыми задними лапами, медленно причалила здоровенная зеленая жаба, нагло вылупилась и квакнула полной силой отвисшей глотки. Василий Иванович, разумеется, не отказал себе в удовольствии хотя бы мысленно взять на прицел водоплавающую рептилию, но очень отвлекал отдающий белогвардейщиной непонятный звонок. Похоже, именно из-за распластавшейся у песчаного берега презренной жабы комдив все-таки вышел на связь и приставил к уху мобильный свой телефон.

И вот, извольте знать, услышал невероятное. В телефонной трубке кто-то суровым голосом бесстыдно представился:

– На всякий случай не тревожьтесь, но с вами разговаривает Отче ваш. Да, да, не следует удивляться, представьте себе, собственной персоной.

Возникшее, по причине дичайшего вероломства, молчание начало заполнять отдаленное церковное пение, и даже запахом кадильного ладана тонко потянуло из мобильной трубки. Звонивший между тем, выдержав для фасона драматическое паузу, как ни в чем не бывало продолжил:

– Тот самый Отче ваш, которого вы частенько вспоминаете всеу, иногда даже за компанию с безобидными родственниками. Не забываете, кстати, и про Мою бесценную матушку.

Довериться сумасбродному заявлению самозванца, даже с жестокого бодуна, даже при самой воспаленной фантазии, сами понимаете, было непросто. Однако и отмахнуться от наглого абонента парой традиционных адресных напутствий обыкновенно находчивый Василий Иванович в этой критической ситуации почему-то не решился, не обнаружил в себе достаточного душевного подъема.

На первых порах Чапая посетило легковесное подозрение, что это Петька дуркует с похмелья или, что вернее всего, разыгрывает командира на спор с пулеметчицей Анкой. Не так давно ординарец позвонил голосом Фурманова и торжественно пригласил командира на партийную конференцию, для вручения герою революции наградной сабли с темляком золотого плетения. Вряд ли можно отыскать в военном сословии завязатого кавалериста, который бы не мечтал о таком почетном именном оружии. Комдив от радости потерял бдительность и повелся на эту почти белогвардейскую засаду. Полдня полоскался с мыльной мочалкой в студеном озере, чистил пятки, нафабривал усы, и только прискакав на тачанке при полном параде в политотдел, поздно сообразил, что однополчанин сыграл над ним обидную шутку.

Между тем его посетила и заслуживающая серьезного рассмотрения мысль: «Может, это вездесущая контрразведка из армейского штаба ловчие петли набрасывает, проверяет на устойчивость к атеизму, что, вообще говоря, не так уж и весело».

В последнее время немало лихих командиров поплатилось чинами за свои недостаточно рьяные богоборческие устремления. Не хотелось верить, что и он подцепился на крючок дремлющим операм, в связи с недавней шумной гульбой на крестинах трехмесячного карапуза-племянника. Однако голос самозванного Творца мироздания звучал на удивление веско. Поэтому матерый рубака, проявляя военную предусмотрительность, ответил весьма неопределенно – с напускнутой беспечностью и некоторой долей сарказма:

– Ну и что из этого? Если Вы всамделишный Бог, тогда незачем скромничать, называйте меня просто – апостолом Павлом или хотя

бы евангелистом Лукой.

Чапай хотел было добавить к этому логически правомерному реверансу еще что-нибудь из убойного арсенала виртуозного кавалерийского сленга, но не рискнул, на всякий случай попридержал загребаящих копытами землю коней.

– В принципе, ничего не имею против того, чтобы легендарный герой революции сделался еще и знаменитым апостолом, – как показалось комдиву, без всякой иронии в голосе согласился звонивший. – Но для этого необходимо предпринять некоторые усилия и, прежде всего, переосмыслить свое отношение к собственной жизни. В связи с этим, хотел бы напомнить, что занятие, к которому ты в последнее время так ловко пристрастился, не очень мною приветствуется. Ты же не глупый мужик и не хуже меня понимаешь, что не бывает на свете греха отвратительней, нежели истребление душ человеческих. Собственно говоря, я потому и звоню, об этом и печалюсь, друг мой, или как там у вас, дорогой товарищ Василий.

Пришедший в некоторое замешательство, не ведавший страха под вражеской пулей, комдив принялся нервически сдирать с ольховой коряги отслоившуюся кору, чтобы прицельно уважить дрейфующую у берега зеленую жабу. Не было ни малейших сомнений, что непрошенная рептилия каким-то образом причастна к этому дурацкому звонку. Только со второго заряда Василий Иванович результативно поразил вражескую мишень в левую заднюю лапу. Подбитая мерзость еще наглее округлила глазища, громко квакнула, что-то явно обидное, прозвучавшее наподобие слова «дурак», и отчалила, словно молодая курсистка, брассом по мелкой водице.

Однако представившийся Всевышним телефонный шукарь развернул целую агитационную компанию. Он принялся подбрасывать красному командиру до боли знакомые ребусы относительно смысла жизни, даже пустился разглагольствовать о высоком предназначении человека в этом прекрасном до ярости мире.

Откровенно признаться, вся эта заумная тряхомудия была комдиву глубоко пополам. Даже когда говоривший начинал стращать

смертными муками и для контраста завлекать прелестями райской жизни, Чапаев оставался безучастен. Он ради приличия продолжал слушать валившуюся на его трижды раненую голову ахинею, а сам медленно погружался в тревожные догадки: «То ли я уже допился и дождался самой настоящей похмельной белочки, то ли мир кувыркнулся кверху пятками, то ли Бог на самом деле существует и тогда дела мои совсем плохи, поскольку отношения с библейскими заповедями, говоря по совести, не шибко складывались».

По ходу беседы комдив несколько раз пытался незаметно щипать себя за филейные прелести, дабы удостовериться в подлинности невероятного приключения. Но ушлый собеседник сразу же подымал на смех эти невинные хитрости, даже ехидно предлагал сбегать в шалаш за плоскогубцами. Чем определенно доказывал, что видит все, как в японском телевизоре, и скрываться от него так же бессмысленно, как новобранцу таиться в самоволке от всевидящего ока товарища Фурманова.

Теперь невозможно в полном объеме восстановить, как долго длилась эта перпендикулярная здравому рассудку беседа. Создатель несколько раз отвлекался по собственным нуждам и, подчеркнуто вежливо приносил извинения, продолжал несусветный свой треп. В заключение Он предложил, что называется, поддерживать связь и, в случае необходимости, без всяких церемоний обращаться в любую минуту за помощью.

Василий Иванович, в соответствии с правилами хорошего тона, выразил встречную готовность наладить дружеские отношения, а вот касательно непрошеной помощи с гордостью сообщил, что привык рассчитывать на собственные силы. Очень подмывало для куражу изъявить желание самому приходить на помощь, но вовремя спохватился, уловил некоторый перебор.

Звонки стали повторяться с завидной регулярностью и сделались бесплатным приложением к суровым чапаевским будням. Справедливости ради, следует заметить, что в приятельских отношениях Всевышний не был излишне предусмотрителен или деликатен,

потому как повадился объявляться в режиме бесконечных сюрпризов, очень густо в самые неподходящие моменты. Положим, во время исполнения безотлагательных служебных обязанностей, связанных чаще всего с военной секретностью, или даже в минуты отправления сугубо интимных мероприятий, включая и деликатно сердечные. Так однажды беспардонный «Интернационал» возник поперек пути к пылающему страстью, возделенному женскому телу, практически у самого порога. Комдиву стоило немалых усилий, чтобы сдержать свой гнев и не отправить абонента на теплую встречу с драгоценной мамашенькой.

Постепенно выяснилось, что наверху, в небесной канцелярии, орудуют на зависть пронырливые ребята, которые полностью осведомлены фактически о каждом дне прожитой Василием Ивановичем жизни. Более того, там могут безошибочно определять только еще зарождающиеся намерения и глубоко потаенные желания. Знают о поступках, память о которых и для него самого представлялась запретной. Еще оказалось, что на небесах никто не собирается менять что-либо в его собственной жизни, никто не настроен нарушать начертанный порядок грядущих событий и дней.

Беседы носили чаще всего непринужденный, если не сказать более сильно, дружественный и даже доверительный характер. Создателю ничего не стоило с бухты-барухты поинтересоваться первой женщиной, открывшей прелести любви для набирающего тело уральского казака. При этом, быть может случайно, а может и нарочито, Он умудрился назвать его Адамом. Мог обратиться к детским воспоминаниям маленького Васи, но однажды, не поверите, позвонил среди ночи в очень грустном настроении и предложил исполнить дуэтом самую заветную песню комдива – «Черный ворон».

Однако ничто не укротило боевого духа легендарного рубаки, он продолжал воевать так же азартно и самозабвенно, как в лучшие годы своей безвозвратной молодости, не роняя чести полного Георгиевского кавалера. Лишь однажды, объезжая верхом поля боевых сражений, при виде поверженных всадников неожиданная тоска подступила, стиснула когтями пульсирующее сердце, и тогда более

всего захотелось пасть на колени и высвободить истощенным воплем угнетенную душу: «Господи, прости меня грешного!»

Итак, управившись с утренними освежительными процедурами и привычно примостившись на заветной ольховой коряге, Василий Иванович с наслаждением вдохнул полной грудью бодрящий воздух, поежился на утреннем холодке и, как человек до самых печенок военный, с оценивающим вниманием осмотрелся кругом. Сначала придирчиво осмотрелся невооруженным глазом, но затем приставил под брови командирский бинокль.

За озером, над кромкой дальнего леса, медленно всплывала багровая макушка еще холодного солнца, отчего вся водная поверхность на озере заиграла коралловой рябью. Природа дружно озарилась таинственным преображением, словно в минуту исполнения торжественного тронного гимна, возвещающего приход нового дня. Сколько их было в беспокойной жизни Чапая, этих роскошных утренних зорь, к которым никогда невозможно привыкнуть. Может и потому, что они щедро даруют нам молодящие силы и призывно манят, завлекают миражами грядущего.

На ранней свежести мысли струились необычайно легко и прозрачно, как после вовремя выпитой чарочки или после вручения боевых наград. Поэтому Чапай в очередной раз принялся взвешивать все за и против применительно к предстоящему генеральному сражению. От этой решающей схватки зависела судьба всей фронтовой кампании. Не случайно комдив до поздних петухов шаманил вареными картошками на штабной стратегической карте, выявляя наиболее уязвимые места в боевых порядках противника. И сколько он ни ловчил, как ни комбинировал, неизменно обнаруживалось, что силенок у дивизии маловато. Незаметно для себя самого он начал активно жестикулировать и даже рассуждать вслух:

– Мне бы пулеметов по флангам с десятков, свежих коней да патронов побольше, с патронами просто беда. Если верховное командование не подсобит, вся надежда на саблю – в рукопашном бою всегда наши шашки бойчей. Будет трудно – ногу в стремя и сам

поведу, мне не впервой, на германских фронтах и не такое случилось. Ну да Бог с ним, Бог с ним, как-то управимся.

Неожиданно в глубоком кармане габардиновых галифе призывно заиграл могучий «Интернационал». Чапай по музыкальной заставке безошибочно определил, что это опять не ко времени беспокоит Создатель.

«Вот не спится Ему в такую нежнейшую рань, – про себя усмехнулся комдив, – видно не к кому душеньку под одеялом на заре приложить. Сейчас опять примется или морали читать, или расспросами дурацкими заниматься. Не даст перед боем мозгами спокойно раскинуть, но и не ответить никак не получится».

Между тем Василий Иванович непроизвольно соскочил с ольховой коряги, выпрямился в полный рост, поправил бинокль, одернул обмундирование и по-военному четко, как перед рвущейся в атаку кавалерийской лавой, отрекомендовался:

– У аппарата, Отче наш, весь во внимании!

– Слышу, что у аппарата, – недовольным голосом пробурчал Создатель. – Ты зачем пустозвонишь Василий, для чего без нужды языком своим треплешься? С кем это Бог и какое Он имеет отношение к безумным твоим устремлениям затеять назавтра кровавую бойню? – Без всяких предисловий, как из станкового пулемета, посыпались обвинения из мобильной трубки.

Положа руку на сердце, комдив тотчас смекнул, что на сей раз действительно лопухнулся, шлепнул пару раз без всякой надобности безрассудное «Бог с ним». Не стоило, конечно, приплетать к завтрашнему сражению имя Создателя. Хотя вырвалось это, как водится, машинально, без злого расчета и лукавого умысла. Тем не менее упрек был действительно справедлив и требовал уважительных, соответствующих высокому рангу объяснений.

– Я, Отче наш, еще на уроках закона Божьего твердо усвоил, что не следует взывать к Вашему имени всуе, – начал с дальних позиций мягко стелиться непреклонный Чапай. – Мне в данном случае нет

повода строить капризы, поэтому с готовностью приношу свои извинения. Но ведь и Вы должны иметь снисхождение, делать хоть какие-то скидки. У нас на передовой, вражеские пули, что метлой бойцов из рядов вычищают, обстановка предельно критическая, выполнять приходится много чего и все больше без оглядки на Ваши заветы и правила. Если совсем начистоту, то меня последнее время регулярно беспокоит тревожная мысль. Сердце вещает, что кто-то сливает в небесную канцелярию ложную информацию о нашей дивизии. Никого не хочу обидеть, но вынужден заявить: Ваша разведка местами сильно не дорабатывает.

– Ты, Василий, дурака не валяй и зубы мне не заговаривай. По поводу того, чья разведка местами не дорабатывает, разговора у нас не получится, поскольку речь идет совсем о другом. Объясни для порядка: почему вы ничего не подозревающего Бога постоянно норовите куда-то взять да пристроить? Что это за глупое выражение такое «Бог с ним»? С кем это с ним, с ящиком патронов, что ли? Обрати внимание, ты регулярно говоришь по одному и тому же поводу несовместимые вещи. Один раз говоришь по собственной прихоти «Бог с ним», другой раз беспечно заявляешь «черт с ним». Признаться, меня такая путаница весьма настораживает. Складывается впечатление, что ты не находишь между нами никакой существенной разницы, того и гляди рога мне пристроишь. От меня не убудет, но ты постепенно утратишь способность различать хорошие и плохие дела, а это, уверяю, грозит немалыми бедами.

Удивительное совпадение – пока Василий Иванович рассеянно внимал очередным капризам Создателя, к берегу украдкой причалила здоровенная зеленая рептилия, именуемая по обыкновению «жаба». На первый взгляд может показаться, что в этом нет ничего особенного, но это если не брать во внимание левую заднюю лапу мерзотины, кем-то тщательно перемотанную тончайшей зеленой же водорослью. Перемотанную по всем правилам лекарской выучки, с ровненькой шиной под плотным жгутом.

– Учти, – продолжил Всевышний, – отсюда сверху видно все практически как на ладони или, как ты удачно заметил, все одно как

по японскому телевизору. Я даже вижу, что сейчас рядом с тобой, у самого берега, мирно дрейфует безобидная озерная жаба. Не упусти хорошей возможности проявить для покоя души милосердие, извинись перед трепетной толикой жизни огромного мироздания. Плохо ведь не то, что ты ни в чем не повинную жабу обидел, плохо, что ты ранил себя и когда-нибудь крепко пожалеешь об этом.

Василий Иванович повел не ведающим промаха глазом и в самом деле обнаружил, практически на расстоянии вытянутого сапога, вытаращившую бесстыжие фары отвратительно зеленую жабу. У него даже под ложечкой засосало, так сделалось не по себе. А когда разглядел обработанную как в медсанбате когтистую заднюю лапу, ощутил небольшое головокружение. Благо дело зверюга вовремя включила заднюю и попятилась восвояси.

Создатель между тем, оседлав избитую, вдоль и поперек заезженную тему, принялся журить легендарного Чапая по поводу грядущих смертоносных баталлий.

– Вот ты опять, одержимый безумством вояка, почти всю ночь, вместо того чтобы спокойно предаваться целебному сну, корячился над секретной картой боевых действий. До сих пор мучительно ломаешь голову, как бы назавтра побольше шашкой или пулей бойцов укокошить. Заметь, что многих из обреченных твоим безрассудством людей ты даже краешком глаза не видел, нюхом не чуял, от века не знал. Наверняка между ними есть неплохие ребята, любящие отцы и мужья. Неужели тебе нечем больше в этом мире заняться, как только детишек чужих сиротить? Никогда не пытался отворить для любви свою душу, осмотреться кругом и познать, сколько мудрости, сколько щедрости и милосердия окружает тебя? Уж коль так велика порочная страсть к азартной охоте, взял бы удочки, что ли, рыбалку затеял или бабочек в коллекцию для красоты наловил. У меня и самого, между прочим, невероятных расцветок коллекция для любования собрана. Будешь в гостях, обязательно покажу, завидовать станешь.

Василий Иванович рефлекторно, даже не пытаясь скрывать раздражение, немедленно отреагировал:

– Какие гости, Вы на что это намекаете? Я из дивизии, пока не закончится война, и шагу не сделаю. Вы там, в царстве небесном, со своими делами управляйтесь отдельно, а мне с беляками да всякими мироедами из кулачной прослойки и здесь скучать не приходится. Не серчайте, но не до гостей мне сейчас.

Про себя между тем не без страха подумал: «Ни хера себе разноцветные крылышки, совсем обнаглел старикан, уже и на небеса к Себе незаметно подтягивать принимается. Если с такими подачами и дальше покатит эта дурацкая дружба, придется защиту особую выставлять. Хотя какая к чертям здесь защита, ведь видит, знает все, живешь при нем как дворняжка на привязи».

Солнце поднялось и разыгралось настолько, что начало чувствительно прогревать походную бурку. Тепло его проникло до самого тела и взопрело мускулистую спину Чапая. В связи с чем, он учтиво предложил организовать хотя бы минутный тайм-аут. Получив согласие небожителя и душевно взбодрившись, комдив по-кавалерийски, в один прыжок, соскочил с ольховой коряги. Освободившись от каракулевой накидки, налегке, бряцая притороченной шашкой, Георгиевский кавалер сосредоточенно прошелся по песчаному берегу. А две пестрые бабочки, увлеченно облетая друг друга, увязались за ним.

«Разговаривает со мной как с пацаном, надо давно уже пересмотреть эти неравные, к тому же вовсе небезопасные для меня отношения, – начал активно соображать про себя комдив. – Сейчас заберусь на эту чертову корягу и по полной, невзирая на важность персоны, предъявлю все наболевшее. Должен же и Он хоть однажды войти в мое положение. И вообще, давненько пора самому начинать задавать вопросы. С какого перепуга, например, возвели на людей какие-то грехи первородные и сделали всех непонятно перед кем виноватыми? Интересная канитель получается – кто-то миллион лет назад неизвестно чем занимался, а нам теперь отдуваться приходится. Если кто и повинен за грехи Адама и Евы, так именно тот, кто неудачно слепил эту любовную парочку».

Как полагается образцовому военному человеку, Василий Иванович без промедления занял на ольховой коряге боевую позицию и, приставив к правому уху мобильный свой телефон, предпринял в некотором роде штурмовую атаку.

– Вы, пожалуйста, не сердчайте, Отче наш, но иногда складывается впечатление, что Вы в упор не желаете нас понимать. Я ведь подробно и чистосердечно рассказывал, что у нас революция, что на просторах дивизии бушуют ветры исторических перемен. Нашим бойцам выпала беспримерная участь осуществить заветную мечту человечества – установить полную и окончательную справедливость во всем мире, для всех народов. Вы только вникните в благородный смысл наших триумфальных песен.

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.*

Штурмовая атака комдива хотя и оказалась на поверку довольно компактной, но отзвучала вполне убедительно, ничуть не слабее вступительной речи товарища Фурманова на общевойсковом партийном собрании. Сказать еще хотелось и можно было много чего, но уж больно смущали и сдерживали масштабы весовых категорий. Бог, Он, как говорится, и в Африке Бог. Перед такой монументальной фигурой невольно пасуешь. И с какой стороны не подкатывай, долго трепаться даже у полного Георгиевского кавалера никак не получится.

– Насчет ветров исторических перемен возражать не стану, с этим делом у вас все в порядке, – согласился Создатель. – Но вот мечта о полной и окончательной справедливости в вашем подлунном мире вызывает много тревожных вопросов. По крайней мере до той поры, пока не одержана победа над проказником дьяволом. Говорю об этом абсолютно серьезно. Можно, конечно, не обращать

на прохвоста никакого внимания или делать вид, что его вовсе не существует на свете, но от этого никому не становится легче. Нам самим бывает порой невдомек, почему рожденные в образе и подобии божием люди по собственной воле пребывают на службе у дьявола. А в конце долгой службы и награда по дьяволу – безутешная смерть да забвение. И ничего вам с этим не сделать, невозможно ничего изменить.

– Это правда, лично я ничего с сатаной не поделаю, – не стал возражать Чапай, при этом шлепнул на лбу пригубившего командирскую кровь комара, да так, что алые брызги окропили чело. – Однако меня постоянно подмывает спросить, почему бы Вам, при Вашем могуществе, не взять и не заломить зверюге рога? Ведь от скольких бедствий смогли бы оградить человечество.

– Узнаю любимое ваше занятие – перекладывать собственные заботы на чьи-нибудь плечи, – с издевкой отреагировал Создатель. – Вот с комарами, Василий, ты лихо справляешься, лупишь, как вижу, без промаха. Комара пришибить дело не хитрое, ты попробуй назад отыграть, попробуй воссоздать комарика заново, а ведь вы целый мир вознамерились переиначить. Разрушить можно все что угодно в один момент, гораздо сложнее потом возвести. А тебе никогда не приходит на ум, что дьявол не сам по себе, что он послан на Землю как вызов, как приглашение человека к стяжанию доблести? Не важно, себя ли совершенствует человек, пишет на холсте творение маслом или постигает законы природы, он непременно выходит к барьеру пред дьяволом. Этот поединок не знает пощады, потому что лавровая ветвь победителя достается всегда одному. Под секретом открою: стражники у Триумфальных ворот, несущие караул на выходе из подлунного мира, требуют пропуск под грифом «победа». Должен заверить, что стражников этих никакою силою невозможно сломить, никакими слезами разжалобить. Ты Меня извини, но все-таки хочется услышать конкретно, что за странное слово такое – «революция», что оно по твоему разумению означает.

– Разделяю Вашу любознательность, Отче наш, сейчас объясню, – с готовностью отозвался Василий Иванович. – Но прежде позвольте

узнать, а что случается с теми, кто оказался без этого хитрого пропуска на выходе из подлунного мира, кому не удалось одержать победу над дьяволом?

– А ничего не случается, просто они остаются у вас и с подобными ритуальными почестями предаются забвению. Иногда, для особой потехи, прощание обставляется богатыми хлопотами, порой шумиха доходит до устройства помпезных, не всякому доступных кладбищ. Однако давай не отвлекаться и лучше вернемся к вашей замечательной революции.

– Чего проще, здесь вообще нет вопросов. – Чапай с воодушевлением заломил на затылок командирскую папаху. – Если по-нашему, по-военному, без лишнего словоблудия и порожнего трепа, то за словом «революция» стоит справедливое желание трудового народа объединиться и утвердить себя полноправным хозяином жизни. Известное дело, что для достижения революционного миропорядка необходимо полностью избавиться от скопивших богатства господ, паразитирующих на нуждах простого народа.

Комдив от души порадовался своему необыкновенному красноречию, раньше ему никогда не удавалось так четко и убедительно формулировать великие цели пролетарской революции. А сегодня, не хуже чем у самого Карла Маркса, слова будто шрапнели от стенки отскакивали.

– Понятно, понятно, – в раздумье подал голос Создатель. – Насчет хозяев жизни ты, пожалуй, горячишься, уж поверь, хватанул в запале сверх меры. Не обижайся, но нельзя быть хозяином того, что от тебя ну никак не зависит. Вот до большого потопа, при стареньком паромщике Ное, люди жили едва ли не тысячу лет, и даже тогда не осмеливались величать себя гордо хозяевами. А вы так, каких-нибудь шесть или семь десятков годков, но гонору – на целую вечность. Чудаки, совсем как малые дети. Теперь, если не возражаешь, выскажусь по существу. Мне всегда казалось, что любое стадное оформление человеческого счастья должно унижать настоящую гордую личность. От века не знаю примеров, чтобы скопом удавалось

совершить что-нибудь путное. Все лучшее, чем когда-либо восхищались небеса представители подлунного мира, имеет индивидуальное происхождение. Поэтому нас вовсе не занимает ваше коллективное творчество, пусть и с благородной мечтой осчастливить все человечество. Только и утешает, что даже среди тараканов попадаются штучные экземпляры, которые не желают шевелить усами в ногу со всеми. Ты не серчай, дружище, здесь у меня по дальней связи кто-то настойчиво говорить прорывается. Давай оборвем на минутку беседу, выясню, кому там шибко не терпится.

Если учесть, что у комдива порядком саднила раненая нога, то возникшая пауза подоспела ко времени. Василий Иванович не торопясь ретировался с ольховой коряги на песчаный берег, ухмыльнулся в усы и сделал несколько глубоких приседаний под ласкающий ухо скрип генеральских хромовых сапог. С гибкостью необстрелянного юнца прогнулся взад и вперед, дотянулся вытянутыми пальцами до мокрого песка, выпрямился в полный рост и молниеносно выхватил шашку. Потом сделал пару боевых с просвистом махов и лихо загородил в ножны клинок.

Между прочим, за верхними кустами он заметил выглядывающую из-под зеленого лопуха вредную рожу Кашкета. «Шпионит, сволочь, – взял на заметку комдив, – сегодня же спущу с него шкуру». Но не стал отвлекаться по пустякам, а скоренько прикинул свои доводы в пользу мировой революции.

Собравшись с мыслями, комдив возвратился на прежнюю позицию и примостился седалищем на еще хранящую тепло его тела корягу. Выдохнул с облегчением и решительно врубил мобильную связь.

– Вы слышите меня, Отче наш? – для проверки контакта поинтересовался в телефонную трубку Чапай.

– Слышу, куда ж мне деваться, – спокойно ответил Создатель, – Я вообще слушаю всех и всегда, служба такая, нельзя мне иначе. И все же, забавный ты у меня собеседник. Я же не спорю, что люди должны искать согласия в обществе, строить подходящие для

благополучия большинства условия жизни. Но при этом не следует забывать о главной заботе для любого разумного человека – об обретении вечности. Земля, доложу тебе, удивительно щедра на таланты, сколько достойных сынов предъявила миру она, мы всегда на ваших избранных очень рассчитываем. Чего стоит один только граф из Ясной Поляны, достопочтенный Лев Николаевич. Должен заметить, беспокойным клиентом старичок оказался, нам с ним порой бывает не скучно. Рассуждает красиво и в жизнь влюблен беззаветно, вот уж воистину непреходящее на все времена украшение. Забавно наблюдать, как мудрость ваших славных поводырей сиротливо пылится на книжных полках сама по себе, а человечество сломя голову мчится на перекладных к месту своего назначения, практически без оглядки по сторонам. Скажу не для посторонних, мы вовсе не против этой отчаянной гонки. Хотя в душе сожалеем, что вы редко прислушиваетесь к дельным советам ваших мудрых наставников.

Вся эта пустопорожня болтовня, при всей своей видимой неадекватности, ни в чем комдива не убеждала. Как всегда в краснобайстве Создателя не было самого главного – не было ясных ответов на вызовы сегодняшних дней.

«В самом деле, – рассуждал сам с собою Чапай, – в дивизии половина личного состава уже сложила головы в боях за победу мировой революции, а Он рассказывает байки про чудаковатого графа из Ясной Поляны. Графу тому, при его богатствах, ничего не оставалось, как только валять дурака и порожней писаниной заниматься. А у меня за каждым бойцом вереница детишек стоит, всех одеть, накормить полагается, без наследных имений и крестьянского за миску похлебки труда. Ничего, с беляками разделаемся – все устроится. Сейчас в последний раз попытаюсь выложить Ему как на блюде основные задачи мировой революции».

И непреклонный комдив снова ринулся, будто с развивающимся знаменем в свободной от шашки руке, в неравную схватку.

– Все-таки я хочу, чтобы Вы наконец-то пришли к пониманию наших главных надежд, уважаемый Отче наш. Должен заметить, что

народы подались в революцию не слепой, одуревшей толпой, впереди у нас самые светлые умы человечества. Прежде чем возглавить борьбу, пролетарские вожди написали великую книгу, не уступит священному Писанию. Рекомендую запомнить, «Капиталом» этот труд называется. В нем, без всяких Моисеев, единственная заповедь написана, но уж больно толковая: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Вот мы и ведем дело к мировому сплочению всех пролетариев. Вам, скорее всего, наших забот не понять, потому как привыкли промышлять в одиночку. Когда мир создавали, ни с кем не советовались, наворотили за шесть дней пойдя разберись чего. Теперь нам приходится все переделывать, по законам равенства и братства, или как еще у нас говорят – по уму. Что бы Вам было понятно – честно и справедливо. Так что, выходит, мы Вашу работу доделываем. Я ни на что не намекаю, но у нас за такие услуги магарыч выставят полагаются, железное народное правило.

И вот уже после виртуозного командирского спича наступила вязкая, труднотекущая пауза. Василий Иванович пришел к радостному заключению, что это от его сокрушительных аргументов Создатель утратил способность по каждому поводу умничать.

Тем не менее, из телефонной трубки донесся изрядно подсевший голос Создателя:

– Я здесь на другую табуретку присел, поближе к форточке, – после твоих откровений воздуха иной раз не хватает.

Действительно, было слышно, как скрипит кухонная табуретка, как заедает старинный несмазанный шпингалет и с шумом отворяется форточка. Даже едва уловимый шепот считываемых валерьяновых капель не ускользнул от чуткого микрофона мобильника.

– Ну что тебе сказать, – продолжил Всевышний, – за готовность помочь, конечно, спасибо, ощущаю плечо настоящего друга. Только магарыч полагается выставить по завершении всей работы, если точно следовать вашей народной традиции. Как только управитесь со своей революцией, дайте знать, я не замедлю, не привык оставаться в долгу. По такому случаю, не исключено, что и Сына пришлю, пускай

вместе с православным человеком порадуются. Между прочим, скучает за вами, хотя и обошлись с Ним не очень приветливо. Если пользоваться твоим словарем – не по уму, то есть не совсем справедливо. Извини, что отвлекаюсь, но ты хоть обращаешь внимание, как нынче утром в Разливе птицы поют? Давай помолчим, насладимся хоть малость, – до чего же люблю наблюдать на ранней заре пробуждение вашей природы.

Василий Иванович невольно сосредоточился, и произошло обыкновенное чудо – как будто во всю мощь врубили большой колокольный репродуктор и вывалили на комдива бесконечно пестрое, разноголосое пение птиц. В детстве он безошибочно умел отличить дробное коленце малиновки от трели с росчерком певчего зяблика. Как никто иной понимал разницу между дроздом белобровиком и тем же рябинником, но даже не заметил, как все эти милые, трогательные навыки безвозвратно растерял по фронтам мировой революции. Только поганое воронье не позволяло забывать о себе, регулярно отмечаясь на штабных документах карточными залпами.

– Да ты не расстраивайся шибко, Василий, Я и сам иногда увлекаюсь сверх меры работой, забываю про все, представь себе и про пение птиц, – несомненно для учтивости, деликатно вошел в положение смущенного собеседника Создатель. – Все-таки согласишься, не умеем мы ценить обыкновенную жизнь, может потому и шарахаемся в буреломы мировых революций. Между прочим, Я немного опасуюсь – это ваше невиданное объединение всех пролетариев, оно не будет препятствовать прекрасным порывам души поодиночке влюбляться, обзаводиться детишками, с упованием отходить в мир иной, наконец? Много чего приходится делать человеку без постороннего глаза, чтобы оставаться в образе прародителя вашего, иначе недолго ведь и к макакам скатиться. Я уже не говорю о покорении олимпов бессмертия. Лев Толстой хотя и выходил на сенокос с мужиками, но великие романы ваял без свидетелей. Так же как и дивный поэт Александр, в преподобии Пушкин, под шум ветвей и скрип гусиных перьев, палил одиноко свечу томительными болдинскими вечерами.

– Кто ж спорит, Отче наш, – с готовностью подхватил беседу

комдив. – Случаются занятия, в которых и мы пока что порознь стоим, а там дальше видно будет. Москва ведь не сразу строилась. После окончательной победы мировой революции не хуже чем в раю обустроим жизнь на Земле. Еще будете прилетать к нам в дивизию, как на курорт, отдыхать от вселенских забот. Лично для Вас, по дружбе, льготную путевку в штабе обязательно выпишу. Поселим в лучшие номера, для командирского состава назначенные. Не очень удобно расспрашивать, но если понадобится, сможем путевку и на двоих предложить. Хотите, с видом на Эльбрус, а можно с балконом на тихую бухту. Вырулите среди ночи на балкон с кем следует, вдохнете запах приобоя и такие силы привалят, что уже до утра заснуть не получится.

В ответ на заманчивое предложение Создатель разразился таким неестественно громким хохотом, что Василий Иванович натурально забеспокоился о технической сохранности мобильного аппарата. Это была одна из многих причуд таинственно возникшего небожителя. Он всегда начинал смеяться неожиданно, в самых неподходящих местах, заставляя комдива врасплох, и очень резко, как сабельным махом, прекращал ликование. И вот на сей раз, после приступа гомерического хохота, безо всяких уважительных причины шлепнул что-то совсем непотребное, впору было категорически обидеться и никогда не отвечать на звонки.

Представьте себе, вопрос Создатель поставил как-то совсем возмутительно, недопустимо бесцеремонно. Судите сами, Он без всякой подготовки, как обухом по голове, бессовестно брякнул:

– Скажи мне, гулена, по чести, ну какие из вас райские жители? Ты зачем это с Анкой при законной жене по делам волокитства балуешь?

– Опять двадцать пять, – завелся с пол-оборота Чапай и едва сдержался, чтобы не вышвырнуть дьявольский мобильник в студеное озеро. – И далась же Вам эта златокудрая девка. Разве не противно за всеми подглядывать, как прыщавый мальчишка в замочную скважину. Уж на что непреклонен наш Фурманов и тот по праздникам новобранцам самоволки скоцает, понимает, что всякому человеку

полезно бывает иногда и расслабиться. Это только на небесах жизнь спокойна да благодатна, а в дивизии с утра до ночи мечешься между чертом и ладаном. Поди еще разберись, где сподручней. От Вас, между прочим, никто еще весточки не присылал, не выступил в роли свидетеля, а доверяться пустым обещаниям про безмятежную райскую жизнь, согласитесь, не совсем привлекательно. И есть она сладкая загробная жизнь или нет ее вовсе, кем-то вилами по очень мутной воде для соблазна, а может и в насмешку, написано. Вот покончим с беляками, шашку над койкой приколочу, детишек полный дом приживу, сам нянчить стану. Разве я не понимаю, что с законной женой миловаться положено. Все наладится, дайте срок.

– Лучше бы ты с этими занятиями не откладывал, – участливо посоветовал Создатель. – Всего ведь не предусмотреть, не забывай любимую присказку бывалых казаков: «Человек предполагает, а жизнь копытом лягает». Постоянно предостерегаю тебя, чтобы не засиживался по ночам в штабе с молодыми девчатами. Не ровен час, под покровом темноты накроет противник, на том и закончатся все твои беспокойные мытарства между чертом и ладаном. От нас вернуться, в самом деле, не просто, но ведь силком мы к себе никого не затягиваем. Живите на Земле хоть тысячу лет, как при старом паромщике Ное. Удавалось же вашим далеким пращурам не торопиться к нам в гости.

– За Вашу заботу спасибо, Отче наш, – начал вежливо откланиваться Василий Иванович. – Только захватить меня врасплох, за здорово живешь, у противника не получится. У меня дозоры в секретях стоят, из самых надежных, самых отважных бойцов. Я с ними и собственной кровушки на полях сражений немало спустил. Все одно мы первыми с беляками покончим, отправим их к Вам на последнее исповедание. Вот тогда и убедитесь, какая там нечисть, один к одному, как на подбор собралась. Премного благодарен, что меня грешного не забываете, однако время под горло берет. Возле шалаша небось ординарец давно на докладе стоит. Не сердчайте, на службу пора, негоже командиру примеры разгильдяйства бойцам подавать.

Откланявшись, по строгому чину Георгиевского кавалера,

Чапай неторопливо опустил заметно разогревшийся от долгой беседы мобильный агрегат в глубокий карман галифе и в который раз обратил внимание на одно загадочное обстоятельство. Во время сеанса телефонной связи с Создателем комдив постоянно испытывал странное ощущение физической близости, явственное Его присутствие буквально на расстоянии вытянутой руки. Несколько раз даже ловил себя на внезапном желании протянуть руку и прикоснуться к собеседнику. Но лишь только мобильная связь обрывалась, таинственный абонент молниеносно удалялся куда-то в поднебесье. Вот эта иллюзия близости Создателя и иллюзия молниеносного Его устранения по какой-то ракетной траектории была настолько убедительной, что Чапай всякий раз обращал свой недоумевающий взор в бесконечную небесную даль.

На сей раз, по странному стечению непостижимых без хорошей выпивки обстоятельств, он увидел высоко над озером плавно скользящего молодого ястребка. Распластав упругое перо режущего воздух крыла, тот стерегуще высматривал прозрачные воды Разлива, готовый в любую секунду поразить подуставшего от праздника жизни обитателя древнего озера. Неожиданно шалая мысль посетила комдива: «Быть может, это и есть преображенный Создатель, от такого штукаря чего угодно дожدهшься».

Глядя не отрываясь на парящего ястребка, Василий Иванович легко, словно юнец, соскочил с ольховой коряги и, понятное дело, испытал глубокое удовлетворение от ощущения под ногами земной тверди. Хотел было подхватить походную бурку и направиться к командирскому шалашу, но остался верен строго заведенному распорядку и принялся выполнять инициативно возложенный на себя комплекс физических упражнений.

Он добросовестно проделал знакомые каждому физкультурнику круговые вращения рук, совершил глубокие поясные наклоны. Потом по-молодецки, будто скачущий мячик, преодолел череду упругих приседаний, наслаждаясь тугим скрипом хромовых трофейных сапог. И в довершение привычным рывком оголил наостренную шашку, сделал несколько с просвистом атакующих махов и лихо

вогнал в ножны клинок. Только после окончания всех добровольно принятых для себя физических нагрузок командир накиннул каракулевую бурку и стремительно направился вверх по откосу, к известному всей дивизии чапаевскому шалашу.

Горящих и неотложных забот впереди предстояло бесконечное множество. Еще не все распоряжения командира оставались должным образом принятыми к исполнению в связи с предстоящим генеральным сражением. Еще планировали с Фурмановым объехать передовые эскадроны, провести партийные собрания, настроить личный состав на решительный, революционный лад. Да и с ординарцем предстоял тяжелый, нелюбимый разговор, надо же, наконец, положить предел его безрассудству, иначе и себя, и, чего доброго, самого Чапая под трибунал подведет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На широкой лесной поляне, обставленной вековыми деревьями, под всеми парами кипела по-военному походная жизнь. Прямо против входа в командирский шалаш, на расстоянии не более десятка шагов, за большим, в три обхвата дубовым пеньком, окруженным тесовыми лавками, сутился над разогретым самоваром чапаевский денщик. Долговязый, охламонского вида детина, в вылинявшей гимнастерке, что-то сварливо бормотал себе под нос, остужая резкими помахиваниями припекшиеся ладони.

В ряду всевозможных отличительных несуразностей, характеризующих экзотическую натуру денщика по прозвищу Кашкет, самым неоспоримым его достоинством было умение залихватски играть на трехструнной балалайке. Еще не придумали на свете такой музыкальной мелодии, которую балалаечник не способен был изобразить с первого наигрыша, в самом виртуозном разрешении. Лишь только за эту незаурядную способность Чапай делал ощутимые побрякушки Кашкету, на многое закрывал глаза. Хорошо бывает после жаркого боя ополоснуться нагишом в древнем озере, согреться у костра и послушать вечером задушевное треньканье балалаечных наигрышей. На правой руке денщика, в результате ранения, отсутствовали большой и указательный палец, но оставшиеся три, в компании с тремя посеребренными струнами, с лихвой замещали малый симфонический оркестр.

Здесь же, у импровизированного кабинетного стола, то бишь командирского пенька, забавлялся приبلудившейся собачонкой боевой товарищ комдива и бесстрашный сорви голова ординарец Петька Чаплыгин. Между прочим, почтительно величаемый в дивизии Петро Елисеевич. Он подманивал псинку кусочком белоснежного рафинада, добродушно желая приобщить ее с помощью сладкой жизни к цирковому искусству. Собачонка дерзко вскакивала на дрожачие задние лапки, но сразу же теряла неустойчивое равновесие и с визгом опрокидывалась на спину, чем приводила в неопиcуемый

восторг здорового красноармейца. Ординарец был живым воплощением четвертого богатыря, лишь по забывчивости художника не запечатленного на любимой в народе картине, традиционно украшающей вокзальные буфеты и дворцы культурного просвещения.

При виде сосредоточенного, приближающегося наступательным шагом комдива в распахнутой бурке на Петькиной по-детски бесхитростной физиономии засветилась счастливая улыбка, отвечающая состоянию «жизнь удалась». Возникло полное впечатление, что ординарец готов раствориться в отеческих объятиях легендарного командира. Тем не менее без лишней фамильярности он выстрелился в неподвижной стойке и сделал под козырек, демонстрируя готовность тотчас приступить к выполнению любого, самого рискованного задания.

– Докладывай, герой, как ночевала дивизия? – без долгих предисловий поинтересовался комдив, по-петушиному выпячивая грудь перед габаритами сияющего молодца.

В ожидании ответа Василий Иванович сбросил за спину, прямо на росную еще траву, походную бурку. Ловко захватил в обе руки потертый до бронзовых залысин бинокль и начал рассматривать верхушки ближайших сосен.

То, что Чапай начинал разговор в деловом командирском тоне да еще с приставленным к глазу биноклем, было недобрым знаком – об этом знал любой красноармеец доблестной дивизии. В данном случае Василию Ивановичу сделалось доподлинно известно, что ординарца в расположении ночью не было. Самовольная отлучка за пределы контролируемой территории являлась грубейшим нарушением воинского устава, фактически прямым отступлением от присяги.

Кашкет еще с вечера стукнул командиру, что Петруха втихоря мотался за линию фронта, чтобы сменить у знакомого беляка за четыре трофейные гранаты золотое колечко для своей обожаемой невесты, пулеметчицы Анки. По закону военного времени, дело следовало без промедления пускать в трибунал, и вопрос этот всю

прошедшую ночь не на шутку тревожил комдива. Но вылазка была точно геройской, не в смысле потери четырех гранат, при очевидной нехватке огневых средств, а в смысле добычи подарка для любимой подруги. К тому же Петька не единожды своей боевой отвагой сохранял Чапаеву жизнь и, что самое важное, крепко умел держать язык за зубами. А уж это по революционным временам сразу тянуло на пару «Георгиев». Поэтому Василий Иванович отставил бинокль, пристально посмотрел ординарцу в источающие безмерную радость глаза и задал прямой, как хлопок карабина, вопрос.

– Сам покажешь колечко или дуру станешь ломать? – предельно недвусмысленно поинтересовался Чапай. И перевел внимание на пройдоху Кашкета, который с показной бережливостью отряхивал с походной командирской бурки приставшие листочки и веточки.

Новость, надо прямо сказать, застала Петьку врасплох. Он даже в мыслях не допускал такой подлой засады, был абсолютно уверен, что операция прошла без сучка без задоринки. Если по-честному, то беляком был двоюродный его брат, Митька. С ним прошло безмятежное деревенское детство, с ним делил беспокойную молодость, и дружба эта никогда не терялась. При всей беспощадности гражданской войны, братья так и не научились видеть друг друга сквозь крестовины прицелов стрелковых оружий. Не было серьезных причин да и здравого смысла разрушать годами скрепленную, живую кровную связь.

Не отыскать в целой округе более удачливого конокрада, чем Петькин двоюродный брат, поэтому они сообща частенько обстрепывали гривастые сделки. Не единожды братан втихаря наведывался в расположение чапаевской дивизии. Мог заявиться к Петьке просто на чай, но более всего для совершения доходных комбинаций. Две недели назад Митька не преминул поздравить с днем рождения сердечную зазнобушку почитаемого брата, пулеметчицу Анку. Заявился с роскошным подарком, в виде хрустящего кавалерийского седла чудесной английской работы, в заплечном солдатском мешке, и на обратном пути едва не угодил к чапаевцам в плен. Выручила горячая, из-под белого штабного офицера уведенная лошадь.

Как бы там ни было, но, после короткого замешательства, Петька все одно озарился добродушной улыбкой и небрежно достал из верхнего кармана не по чину дорогой гимнастерки злополучный трофей.

– А чего здесь таиться, можно не только взглянуть, а даже примерить. Я же не потянул его у своих боевых товарищей, – с нарочитой беспечностью предъявил на открытой ладони золотой перстенок ординарец.

Чапаев мельком взглянул на сверкнувший трофей и подчеркнуто, всем своим видом выражая презрение к золотой безделушке, кивком головы указал на центральный пенек.

– Присаживайся, герой, давай почаевничаем, – скорее приказал, нежели предложил командир. – Не хотелось разговаривать с тобой как с предателем революции, все-таки не такого ординарца мне мечталось иметь при себе. Не знаю, как дальше службу нести получится, видно не судьба рука об руку завершать великое пролетарское дело. Теряем людей, и более всего бывает досадно, что не только в бою.

Кашкет особенно старательно орудовал за командирским пеньком с дымящимся самоваром, по-звериному ощущая нашкодившей шкурой, что парочки крепких зуботычин ему не миновать – и это при самом фартовом раскладе. О тяжести Петькиного свинцового кулака он знал не понаслышке, врожденная шельмоватость регулярно способствовала напоминанию его убедительного веса. Поэтому денщик предусмотрительно поставил для ординарца лучшую, почти без замятин походную кружку. Вопреки заведенному правилу, ближе, чем к комдиву, пододвинул к Петьке туесок с рафинадом и сушками. Василий Иванович, щури глаз, хитро наблюдал всю эту застольную дипломатию и перво-наперво предупредил кулачного забияку, чтобы тот попридержал свой воинственный пыл.

– Тронешь Кашкета – лично спрошу, – коротко заявил, будто отрезал, Чапай. – Он правильно поступил, не осрамил, не уронил чести своего командира. Тебе разве неведомо, что нынче беляки по обоим берегам Урала свирепствуют. В любую минуту могут начаться

военные действия, а мой личный ординарец болтается самовольно за линией фронта, чай распивает с противником. Ты, дуралей, не только себя, но и Чапая под трибунал готов подвести, всю дивизию способен из-за каких-то бабских капризов в два счета продать. Тебе что же, Анкина юбка дороже нашей воинской славы? Может, ты и знамя дивизии на какую-нибудь золотую цацку махнешь? Давай, доступ в штаб круглосуточно командирскому ординарцу открыт, тащи своему беляку боевое знамя, обагренное кровью погибших товарищей.

– Ну какой из него беляк, – начал со всей непосредственностью защищаться попавший в переплет ординарец, внешним видом не проявляя никаких признаков душевного беспокойства. – Это же Митька, брательник двоюродный мой. Я же никогда не скрывал своего к нему отношения, Василий Иванович. Кабы не больная мамаша на его холостяцких руках, он давно бы к нам в дивизию перебег. И потом кони у капелевцев больно уж ладные, Митька не может без заработков оставаться. Вы думаете, ваш вороной Вулкан, гордость дивизии, откуда в штабной конюшне по весне оказался? Брательника заслуга, по моей просьбе, как для себя самого подбираю.

У командира, после такого дичайшего откровения ординарца, в приступе гнева затрясся подбородок, бешеной кровью налились и без того огневые глаза. Он даже привстал над скамейкой, как готовящийся к атаке чёрный коршун.

– Так ты что же, подлец, выходит, Чапаю белогвардейскую кобылу подсунул? То-то вижу, она к офицерским аллюрам приучена. Да я с тебя за такую подлянку не просто шкуру, а все жилы спущу, не приму в расчет никакие заслуги, даже боевые ранения. Вот тебе бабушка и Юрьев день, вот и оказался Чапай во вражеском окружении, не надо даже никаких войсковых операций для этого заморачивать.

– Добрый конь, командир, у него под хвостом белое знамя не намалевано, – ничуть не смущаясь приступов гнева Чапая, парировал Петька. – Службу исправно несет, копытами огонь вышибает. Навряд ли и Фрунзе таким скакуном перед строем похвалится. Я только не совсем понимаю, мы будем сейчас происхождением трофейных

коней заниматься или золотому перстеньку по-справедливости ладу дадим?

– Ты давай не юродствуй, со всем разберемся, – пообещал немного уgomонившись, оседающий на скамейку комдив. – По порядку рассказывай, для чего и каким манером завладел золотой побрякушкой на вражеской стороне?

– Скажите, Василий Иванович, разве я не имею права своей невесте для свадьбы подарок добыть? – в свою очередь поставил вопрос ординарец. – Или прикажете ей под венец в красную косынку от товарища Фурманова вырядиться? За нашими девками и так скоро начнут бугаи по деревне гоняться, всю дивизию красными тряпками занавесили, живем, как на ярмарке. Надоело, командир, должна же быть хоть какая-то нормальная жизнь. У меня от крови багряной кошмары по ночам приключаются, только красной косынки на собственной подруге для полной комплектации недостает.

Чапаев нервно выскочил из-за стола, пнул сапогом некстати подвернувшуюся собачонку и вплотную подошел к сидящему на скамье ординарцу. Тяжело, очень недобро посмотрел ему в ясные очи и негромко процедил сквозь зубы:

– Ты, недотепа, Фурманова не тревожь, попридержи на поворотах копыта, в контрразведке таким губошлепам лихо рога заворачивают. И запомни: красный цвет – это знамя нашего пролетарского гнева, нашей революционной кровушки. Ничего худого с твоей Анкой не сделается, если под венец в красную косынку советской невесты нарядится. Кому как ни вам, ближайшим помощникам командира дивизии, подавать молодым бойцам пример пролетарского гнева и верности трудовому народу. Чай не великая барыня, за будь здоров может и без золотых бубенцов обойтись, не за ради них мы жизни свои в бою не щадим, не для этого революцию мировую затеяли.

В незавидном положении оказался бедолага Кашкет, сделавшись невольным свидетелем обретающей политическую окраску свары. По правилам революционного жанра следовало хотя бы кивать головой в знак солидарности с патриотической речью комдива.

Но Петькин тяжелый кулак, начинавший заметно сжиматься в кувалду на дубовой столешнице, не очень способствовал проявлению большевистского гнева.

– Насчет барыни, это как для кого, – не сдавался настырный ординарец, – а для меня дорогая избранница – самая настоящая царица и есть, королева ни с кем несравненная. Имей на то власть, все сокровища мира, не раздумывая, возложил бы к ее точеным ногам и все равно оказалось бы мало. Вы или не были молоды, Василий Иванович, или никогда никого не любили? Да нет для меня в целом свете женщины краше, желанней, чем Аннушка, и почему это я не имею права подарить ей по случаю свадьбы золотое кольцо? Как хотите, так и понимайте, готов пойти под любой трибунал, не сбегу, по заслугам понесу наказание.

Петька неожиданно для себя самого вспомнил, как еще в школе уважаемая всеми учительница рассказывала про влюбленных Ромео с Джульеттой и какое это несказанное удовольствие – умереть за великую любовь. Ему даже самому захотелось, чтобы его расстреляли, но обязательно в жарких объятиях подруги и чтобы долго потом можно было смотреть, как она рыдает, как сокрушается над его бездыханным телом и в отчаянии отправляется следом за ним. Правда, куда и зачем отправляется, было как-то не очень понятно.

– Может, ты и прав, черт тебя знает, – засомневался комдив, – может, мы и воюем за то, чтобы могли своим любимым самые дорогие подарки дарить. Только не надо мне пудрить мозги, я пока еще в состоянии видеть разницу между вечерней молитвой и бараньими яйцами. Одно дело подарки невестам преподносить, другое дело – с противником в дружбе якшаться. Если каждый начнет между белыми и красными по линии фронта скакать, по своему усмотрению на чай к кому попадая вечерком заворачивать, вся дивизия в балаган превратится. Мы люди военные, присягу перед лицом боевых товарищей давали не для того, чтобы анархию в строю разводить, война таких клоунов быстро приструнивает. Наказание понесешь по всей строгости, чтобы впредь неповадно было. Я умею быть добрым товарищем, но и командиром строгим не забываю перед знаменем революции

быть.

Самым крупным специалистом по части золотых и серебряных дел среди всего личного состава заслуженно считался проныра Кашкет. Вокруг него, как мухи вокруг варенья, постоянно крутились какие-нибудь дорогие вещички. Однажды в отбитом у беляков офицерском обозе чапаевский денщик откопал старый валенок, доверху набитый ювелирными украшениями. То был знатный трофей, в награду за который сам товарищ Фрунзе подогнал в пулеметную роту три новеньких, еще ни разу не бывших в употреблении «максима» и пару чистокровных донских рысаков. Кони, признаться, каким-то загадочным образом по-шустрому слиняли с конюшни. Главный лошадиный доктор, кавалер бесконечных заслуг перед именем мировой революции, некто Коценбаум Александр Соломонович, не уставал повторять, что зверюги обожрались некачественной соломы и в одночасье скопытились от сильного вздутия. Однако не знающие устали красавцы-пулеметы и по сей день исправно несли военную службу.

После истории с обозным валенком малая толика золотишка все-таки просочилась в ряды красноармейцев. Время от времени то один, то другой предприимчивый боец выставлял на продажу или обмен дорогие безделицы. Денщик, несмотря на голодное военное время, заметно округлился мордой и сделался еще больше ленив и беспечен. Не случайно молва утверждает, что «кому война, а кому и мать почти что родная».

Когда страсти за центральным пеньком чуток поутихли, доблестные стражи революции все-таки принялись за утренний чай. Василий Иванович, перекатывая в ладонях горячую кружку, несколько раз не удержался и взглянул на злополучное золотое колечко, лучистым сверканием деликатно украшавшее Петькин крайний, самый маленький палец. Неожиданно Чапай резко отставил недопитую кружку и предложил потягивающему липовый взвар ординарцу:

– Дай Кашкету взглянуть на невестин подарок, пускай разберется, он хоть стоит твоих неприятностей. По мне, и дюжиной таких

перстеньков не перевесишь позор, не смягчишь неизбежное теперь наказание. Удивил ты меня, по-предательски, со спины рубанул.

Враз преобразившийся корифей золотых и серебряных дел, все еще пряча шкодливый глаз, по-деловому принял из Петькиных тяжелых ручищ искрящийся драгоценным сиянием золотой перстенок. Денщик с важным видом заправского профессионала испытал изделие на вес, сначала в одной, потом в другой руке, и одобрительно кивнул головой. На зуб брать не стал. Долго и медленно, большей частью для фасона, вертел колечко со всех сторон, то приближая, то удаляя от глаз. Порой с таинственным видом отводил взгляд в сторону и, наконец, вернул изделие законному владельцу.

– Чего тянешь, дубина, докладывай, – вспыхнул от нетерпения ерзающий на скамейке комдив.

Кашкет, не теряя достоинства крупного специалиста, сделал несколько мелких глотков горячего взвара, как оказалось только лишь для того, чтобы потрепать по спинке вертящуюся у ног блохастую собачонку. После чего еще для солидности поразмышлял о чем-то своем, ухмыльнулся и, обращаясь непосредственно к командиру, огласил свой непреклонный вердикт:

– Так себе вещица, Василий Иванович, она хоть и золотая, из червонного материала сварганена, но стеклярус цены невысокой. Больно на американские фортели смахивает, в германскую кампанию частенько попадались такие штуковины. Не желаю никого обидеть, но, по мне, гораздо полезней было бы гранаты для военных батальи в дивизии сохранить. Хотя, когда речь идет о сердечной зазнобе, трудно бывает и разобрать, что на самом деле дороже.

У Чапая от результатов экспертизы майским днем заиграло на сердце. Нет слов, жалко, конечно, разрывных трофейных гранат, но все же это гораздо приятней, нежели бы в пользу Петьки сложилась удача. Он всегда тайно и ревностно завидовал молодцеватому ординарцу. Завидовал его холостяцкой беспечности, да что греха таить, был очень неравнодушен к пылкой красавице Анке. Будь он хоть чуток помоложе да не имей на руках законной семьи, ни за что не

уступил бы сопернику молодуху.

Петька скорчил недовольную физиономию, подбросил золотой перстенок на ладони словно орлянку и картинно опустил в верхний карман гимнастерки. Так же спокойно допил липовый взвар, а остатки небрежно выплеснул через плечо. Его мучил один только нерешенный вопрос: «Стоит ли посвящать командира в исключительную биографию дорогого колечка или скрыть от греха подальше. Все-таки что ни говори, но у вещицы родословная знатная, за такой, если слух просочится, по всему свету гоняться начнут, вместе с руками оттяпают. Не Кашкету, гаденышу, сопли размазывать о моем трофее, даже не подозревает, скотина, что за ценность побывала в его шаромыжных руках». И ординарец, не терпящим возражения тоном, с презрением огласил свой не менее суровый вердикт:

– Много понимаешь, ишак, тебе только кобылам под зад заглядывать, под хвостом золотые червонцы искать. Неужели вы всерьез доверяете этому фармазону, Василий Иванович, он же в ювелирных делах такой же знаток, как я в китайской грамматике. Ничего, дайте срок, уж я-то не поленюсь, натаскаю гаденыша в сокровищах разбираться, на всю жизнь за чужой спиной не схоронится, а память у меня крепкая, еще поквитаемся.

– И чего ты, дуралей, ерепенишься, я денщику доверяю всецело, – выступил на защиту Кашкета повеселевший Чапай и даже дружески похлопал по плечу ординарца. – Он в этом деле толк понимает. Разве забыл, кто пудовый клад в отбитом белогвардейском обозе разворошил? Для всех это был просто валенок, а Кашкет, не будь дураком, сразу просек, в чем секрет, и обнаружил вражеский схрон. Тебе бы самому у него чуток подковаться, тогда, глядишь, в следующий раз половчее окажешься. Сердцем чую, придется повторно к беляку вылазку уже для возврата имущества делать. Мало того что военную присягу нарушил, еще и в дураках оказался. Продул по всем фронтам противнику, все позиции просвистал. Видно зря при себе в ординарцах держу, так можно и до конюха дослужиться. Говорю же, теряю друзей, и не только в бою, от этого на душе сиротливо становится.

Василий Иванович, сидя на скамейке, нарочито горестно закачался всем туловищем, и лицо его выразило неподдельную печаль. Он взял в обе руки неотлучный бинокль и принялся рассматривать верхушки дальних сосен, как бы давая понять, что одиноко ему сделалось в этой недостойной компании.

– Не продул, Василий Иванович, вы что же, во мне сомневаетесь? – отреагировал на отчуждение комдива уязвленный по самолюбию ординарец. – Не хотелось говорить при этом ишаке, но откроюсь. Говорю как на духу. Золотое колечко это в свое время царским барышням принадлежало, тем самым, которых большевики в Ипатьевском подвальчике в расход пустили. О настоящей цене этой штуковины не Кашкету судить, бьюсь об заклад, подороже всего его трофейного валенка будет. Вы эту шкуру не больно и слушайте, ведь я до поры молчу про обозный трофей, еще надо посмотреть, кого первым под трибунал подвести полагается. Ряшку такую отъел, что на тачанке за неделю не объедешь, знаю ведь, на какие средства жить приспособился.

Кашкет, после всего услышанного, даже слегка поперхнулся остатками взвара. В истории с обозным трофеем, разумеется, рыло его крепко обвалялось в пуху, но ведь и Петьке кое-что перепало. Две золотые чайные ложечки как с пенька отвалили ординарцу, не считая денежных постоянных услуг. И все же более всего огорошило упоминание о царском трофее. Про вырученные бриллианты, после расстрела царской семьи, слухи до него, натуральным образом, кое-какие доходили. Однако предположить, что вот так ненароком выпадет удача держать их в собственных руках, не мог позволить себе даже в самых смелых фантазиях. Тем более пойдя разберись, сколько должно стоить снятое с венценосного пальчика украшение.

– Петро Елисеевич, не обессудьте, дозвоьте еще разок подержать в руках золотое колечко, – беспокойно засуетился Кашкет. – Может, я второпях чего не приметил, дело ведь тонкое, требует большого внимания. Вам всегда так не терпится, что нет никакой возможности сосредоточиться, вникнуть спокойно, прицениться по-настоящему. Царские ценности – это же мой профиль, никто в

целом мире вернее меня экспертизу не проведет, зуб даю, надежней швейцарских банков сработаю.

– Я если разок подчекрыжу твой профиль, на всю жизнь царское золотишко щупать руками заморишься, – доходчиво, очень убедительно предостерег денщика скорый на расправу жених. – Только раскрой где-то варежку, живьем закопаю, даже у Фрунзе за пазухой не схоронишься.

Василий Иванович за трудные фронтовые годы хорошо изучил прямой, бескомпромиссный норов своего ординарца, именную шашку готов был выставить под заклад, что тот трепаться напрасно не станет. Можно было не сомневаться без лишних расспросов, что с колечком действительно связана непростая история и ценность оно представляет куда как значительную. Видно не по зубам денщику оказалась царская эта штукавина.

Поэтому комдив молча принял для себя единственно верное решение – непременно вмешаться и расплести этот загадочный ребус. Но для начала достал из кармана галифе расшитый цветным бисером кисет, не торопясь, прокуренными пальцами завернул козью ногу, сам задымил и предложил угощаться товарищам. Петька не соблазнился табачком от командирских щедрот, сославшись на бессонную ночь и неважное настроение. Предлагать дополнительно дармовое курево Кашкету, понятное дело, никому не пришлось. Он проворно соорудил, величиной с добрый огурец, самокрутку, в которую вместились почти полкисета отборного табака, и зачадил, как могучий Везувий.

– Ты брехать-то бреши, да не заговаривайся, – начал провоцировать ординарца комдив. – Двух недель еще не прошло, как набаламутил с продажей кобылицы генерала Деникина, всю пулеметную роту на уши поставил. Никаких уроков для себя не извлек, не покался, новую комедию с громкими именами начинаешь разыгрывать. Только я тебе не придурковатый калмык с пулеметной конюшни, враз осажу, напрочь забудешь не только про перстень, но и про шnurки царских барышень. Ты аль взаправду свою Анку царевной объявить

вознамерился, совсем от любви одурел? Может, и себе императорскую корону в кузнице у Алексея Игнатьевича втихаря забабахает? Советую почаще спускаться на озеро, остужать свою жаркую голову, не ровен час на корню запылает она.

Петьке сделалось невероятно досадно. Он не обиделся, когда шаромыга Кашкет обмишурился с золотым перстеньком и не признал в нем дорогую вещицу. Но совсем не по делу засомневался Чапай в чистосердечно раскрытой истории происхождения золотого трофея, обидно было выслушивать унижительное недоверие любимого командира. К тому же приплел для чего-то кобылу генерала Деникина, которую ради хохмы за пару царских червонцев впарил растяпе конюху из пулеметной роты, может даже и калмыку, кто его знает. Так ведь сам потом и признался комдиву, что для успешного торга приплел генеральскую масть. Здесь же совсем иной коленкор. Перстенок этот, без всякого сомнения, на пальчиках царской дочурки блистал. Дорогущая вещь, не может быть по-другому, и нет ничего плохого, что теперь украсит Анкину подвенечную ручку. Пускай всем станет завидно, что невеста моя достойна любых, даже царских регалий.

– Ей-богу, Василий Иванович, – преданно присягнул командиру Петруха и рванул непроизвольно ворот гимнастерки, обнажив густо поросшую рыжей курчавиной грудь. – Мы с брательником и не такие дела проворачивали. Если он поставил на обмен золотую вещицу, с гарантией царского происхождения, можно принимать без всяких сомнений. В нашем роду своих надувать не положено, за такие шалости крепко умеют наказывать. Я про его кружева знаю много чего, стоит только капелевцам тихонько шепнуть, свои же офицеры к стенке поставят. Не вчера на свет народился. Братан у меня на таком кукане сидит, что баловаться ни за какие коврижки не станет.

– Ты давай не бузи, – потребовал Чапай, – толком рассказывай, все по порядку. Откуда взялось это кольцо, как к беляку попало и причем здесь венценосные барышни. Что ты за человек такой, вечно в какой-то дряни по собственной дури изгадишься. Дело, скажу, не шутейное, болтаешь языком что ни попадя, совсем башкой соображать разучился. А ну как в штабе у Фрунзе дознаются про геройства

твои да про царские украшения, нам здесь всем контрразведка такой подвальчик устроит, что Ипатьевский легкой разминкой покажется. Не примут в расчет ни твои, ни мои геройства, не посмотрят даже на боевые ранения.

После наметившейся перспективы оказаться в армейских застенках, ординарец маленько притух, по-шустрому сообразил, что последствия действительно могут оказаться не очень радужные. Он подтащил к себе бисером расшитый кисет, достал из кармана собственную осьмушку газетной бумаги и неспешно завернул козью ногу. После первых затяжек по телу волной прокатилась легкая блажь, предвестница душевного успокоения, и Петька начал покорно колотиться.

– Что тут долго рассказывать, – в святой простоте развел руками бесхитростный воин, – обыкновенная фортуна. Колечко царское Митька затрофеил у недавно казненного комиссара, который принимал личное участие в расстреле императорской семьи. Братан мой, слово даю, в пленного комиссара не стрелял, его белые офицеришки порешили. Митьке пришлось только продырявленное тело закапывать и, понятное дело, приглянул для себя трофейное барахлишко. Сапоги на скрипучем ходу присмотрел и кожаный френч, почти как у Фурманова. Он, дурачок, чуть было этот фасон на ведро прошлогодней картошки у знакомого мужика не сменял. Слава богу, седло решил обновить, вот кожа в срочном порядке и понадобилась. Распорол подкладку штыком от винтовки, а из-под нее золотишко посыпалось. Видать много чего интересного было на барышнях царских навешано.

Братан под секретом показывал мне золотой образок двухсторонний. С одного боку Богородица эмалью нарисована, с другого – молоденькая царская дочь улыбается. Окажись на руках у меня еще пара обменных гранат, вместе с кольцом и золотой образок прихватил бы. Митька обещал не спешить до поры, придержать золотую вещицу. После боя поправлюсь с трофеями и, глядишь, махну через фронт за обменом. Царевну спилю, а образ Матери Божией пускай Аннушка на груди своей носит, на войне пригодится, от пули лишний

раз в бою сбережет. Оно понадежней Фурмановских красных косынок окажется. Хотя перед большевистским наганом, в расстрельном подвальчике, тонка кишка даже у Пресвятой Богородицы оказалась.

История, которую поведал однополчанам Петька, произвела должное впечатление. Уже никто не сомневался, что перстенок этот действительно царского происхождения и цена ему даже трудно представить какая немалая. Некоторые вопросы, конечно, возникали в связи с жестоким расстрелом законной обладательницы золотого трофея, но как говорится, «бабушка с возу, а мы с песнями дальше поехали».

– Дай-ка сам посмотрю на штуковину эту, – после некоторого раздумья деловым, рассудительным тоном потребовал Василий Иванович и потер в нетерпении шершавые ладони. Физиономия Чапая при этом сделалась почти как у знаменитого Карла Фаберже, правда без академической седой бороды, но зато в лихой папахе из отборного бухарского каракуля.

Комдив дождался, когда ординарец извлечет из верхнего кармана своей гимнастерки царское колечко, и бережно принял в дрожащие руки золотое, с сверкающим камнем дамское украшение. Так же, как и все многоопытные люди, Чапаев попробовал в руке на вес ювелирное изделие, кивком головы выразил полное удовлетворение, покрутил со всех сторон и посмотрел на свет для чего-то. Несколько раз по-кашкетовски то приближал, то удалял колечко от глаз, но, положив руку на сердце, не обнаружил в нем никаких внешних признаков царского достоинства.

«Баловство, оно и есть баловство, – заключил про себя после тщательной экспертизы комдив, – у моей супружницы побрякушка ничуть не хуже на пальчик нанизана».

Единственная, заслуживающая серьезного внимания мысль, посетившая командира во время осмотра трофея, состояла лишь в том, что Анке, пожалуй, не следует носить перстенок, снятый с руки убиенной барышни. Как ни ряди, но мародерство больно уж грязное дело и завсегда возвернется расплатою. Вряд ли это кровавое

приключение с царским колечком ограничится расстрелом одного только казненного белогвардейцами комиссара, такая ниточка не затеряется. О чем тут же, без всяких лукавых затей, поведал своему фавориту.

– Честно скажу, Петька, не нравится мне вся эта канитель. Чую нутром, что добром твое дело не кончится. Нехорошо, что золотое кольцо с безвинно или пусть по заслугам убиенной барышни содрано. Смерть, она метки черные ставит, за расстрелянным комиссаром обязательно кто-то следом подтянется. Наши деды, хотя и приносили добычу с войны, но сами никогда ее на себя не напяливали, худой приметой считалось. Так что радоваться особенно нечему. Никогда ведь толком не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Бывает, что иной раз лучше по доброй воле отказаться от свалившегося на голову барыша, чем потом разделять чью-то горькую участь.

Надо сказать, что справедливые опасения комдива, так или иначе, посещали и беспокоили бесшабашного ординарца. Он и сам хорошо понимал, что негоже возиться с барахлишком казненной девицы. Одно дело – гибель воина на поле сражений, но совсем иная закладка, если убийство человека под стенкой случается. Здесь могут завязаться такие проклятия, что потом никакими молитвами, полчищами загубленных душ не искупятся. И еще не известно, сколько кровушки отворится после той живодерни, что случилась в Ипатьевском гиблом подвальчике.

– Я вот как считаю, – огласил командир, после некоторых размышлений, свой заключительный вердикт. – Правильно будет, если вы почаевничаете здесь без меня, а я к озеру до ветру схожу, обдумаю наедине сложившееся положение. В таких делах не следует к чертям на рога торопиться. А ты носа не вешай, – ободрил Чапай приунывшего ординарца, – и не смей, повторяю, приниматься учить денщика ремеслу золотарному. Чтобы мне потом не пришлось тебя самого из геройского ординарца в плешивого ювелира перелицовывать.

Василий Иванович, лениво ломаясь, поднялся из-за стола, хмыкнул в подкрученные усы и так же лениво продемонстрировал

боевым товарищам «потягушки». Потом примерил на мизинец левой руки мелкое дамское колечко и для чего-то принялся рассматривать его в перевернутый бинокль. Долго и внимательно вникал в удаленный оптическим прибором перстенок, наконец резко, как будто решил для себя что-то очень важное, отстранил неотлучный бинокль и со словами «не балуйте здесь без меня» и с очень загадочной физиономией торопливо направился по натопанной тропе к древнему озеру. Вездесущая собачонка, труся дробной кавалерийской рысцой, увязалась было за ним, но Кашкет предусмотрительно возвернул ее легким похлопыванием ладошки о собственную коленку.

Не раз и не два вспоминал потом комдив, как, спускаясь по крутому береговому откосу, он неожиданно ощутил небывалую легкость, как будто невидимые ангелы закружили его на крылах своих. До сладострастия захотелось увлечься этим дивным кружением, довериться невесомости и отчалить в упоительно влекущую даль. Возникло приятное осознание, что он готов, что жаждет плотского перевоплощения, очарованный легкостью ангельского парения. Буквально волевым, сабельным махом он вырвал себя из стихии потустороннего наваждения, возвернулся в реальность и тяжело присел на заветную ольховую корягу, у самой кромки воды. При этом две скучающие жабы, быть может, душевно проводившие время на первом в своей жизни любовном свидании, шарахнулись в разные стороны.

«Вот так, наверное, умирают или сходят с ума», – подумал изрядно напуганный Чапай. И еще подумал, что это скорее всего одно и то же.

Комдив извлек из глубокого кармана габардиновых галифе неотлучный мобильный телефон вместе с глаженным носовым платком, пропахшим терпким табачным настоем. Немного переведя дух, обтер сухим батистом лицо и на какое-то время замешкался в нерешительности. Машинально почесал стриженный под ежик затылок, потрогал себя за усы и принялся рассматривать серебряные кнопки на полированной телефонной трубке.

Необходимость обратиться за помощью к Создателю, буквально пару минут назад, вот только что, сидя за командирским пеньком, представлялась абсолютно понятной, не вызывающей ни малейших сомнений. Только Он мог безошибочно установить подлинность Петькиного трофея и дать единственно верный совет, как следует распорядиться золотым перстеньком, без печальных для пулеметчицы Анки последствий. Теперь же, после занятия позиции на ольховой коряге, начали одолевать нехорошие подозрения. Чего доброго, у Всевышнего запросто может сложиться ложное впечатление, будто дивизия не за пролетарское дело героически борется, а втихаря промышляет бандитским разбоем, золотишко по собственным карманам распихивает.

«Впрочем, наверняка Он все уже знает», – по здравом размышлении заключил Чапай и твердо набрал известный лишь ему одному ключевой девятизначный номер.

Фактически еще не были нажаты последние четверки, как в трубке с готовностью ответили. Можно относиться к этому как угодно, но привыкнуть к подобным канканам, увы, невозможно. Создатель без всяких предварительных расспросов, со старта обрадовал:

– Я, Василий, в чужих сокровищах не разбираюсь и, по счастью, сколько помню, никогда не стремился к ним. Должен тебя разочаровать, на небесах несколько иные, более скромные представления о подлинных ценностях, они вовсе не связаны с железяками и цветными камнями. Не раз уже говорил тебе, что все самое дорогое находится в самом человеке, но вы не желаете соглашаться с этим, обманываете себя, постоянно выдумываете богатства какие-то смехотворные. Это оттого, что к вашим богатствам дорожка под горку накатана и путь на удивление скор. Мучительно прекрасна дорога к немеркнущим сокровищам, сокрытым в каждом из вас. И те соискатели доблести, которые с дерзновением преодолевают сей славный маршрут, воистину делают как боги, они по праву занимают почетное место в наших первых рядах.

– Вы даже слова не дали сказать, а уже целую лекцию прочитали

и все за всех порешали, – выразил справедливую досаду Василий Иванович. – С Вами же невозможно нормально беседовать. Вот не припомню, честью полного Георгиевского кавалера клянусь, чтобы я когда-нибудь тосковал по царским сокровищам, поэтому для чего же упрекать меня в несуществующих слабостях? Готов согласиться, что иногда нарушал Божьи заповеди, но гоняться по фронтам за бабскими украшениями мне и в голову никогда не пришло бы. Вы же знаете не хуже меня, что ординарец сменял золотой перстенок на четыре гранаты и получил заверение о его принадлежности дочери Николая Второго. Петькин двоюродный брат, клятвенно заверяет, что колечко потянул казненный белогвардейцами комиссар, участвующий в расстреле царской семьи. Вот я и звоню с открытой душой, чтобы предъявить лично Вам эту злополучную штуку. Хотелось услышать авторитетное мнение – действительно ли трофеем принадлежал царской особе и, главное, как поступить с ним сегодня по совести?

– Ты, Василий, оставайся минутку-другую на связи, не выключай телефон, мне необходимо в срочном порядке сделать кое-какие распоряжения, – довольно неожиданно, без должной реакции на более чем сенсационную просьбу комдива, объявил Создатель.

А в трубке между тем запел по нарастающей грудным задушевым басом Федор Шаляпин, затянул покорившую весь белый свет «Дубинушку». Грустный, былинный ее лад чудесным образом вызывал из залежей прошлого таинственные истоки великой мистерии «Матушка-Русь», задумчиво воспевал ее небесное заступничество.

Оставшись наедине, Чапай принялся сокрушаться, что по собственной дурости вляпался в это, как теперь представлялось, отнюдь не развлекательное приключение. Не следовало, конечно, затевать бестолковое разбирательство Петькиных подвигов и тем более не следовало беспокоить Всевышнего. В конце концов, эта бодяга с царским колечком касается одного только ординарца, ему самому и расхлебывать. Своих забот, не терпящих безотлагательных действий, готов хоть кому одолжить, а вынужден чужие прелести на выражах заворачивать. Вот уж воистину «черти чем» приходится заниматься.

Между тем Всевышний не замедлил, не прошло и полминуты, как в трубке послышался Его мягкий, баритоновый речитатив:

– Когда бы ты, Василий, только и делал, что гонялся по фронтам революции за чужими сокровищами, мы бы с тобой, уж поверь, не созванивались. Для таких лиходеев другие, специальные службы имеются. Поразмышляй на досуге и постарайся понять Меня правильно. Ты знаешь, вот эти две жабы, потревоженные недавно тобой, бывают счастливее многих богатых людей, и только потому, что им ничего не известно про ваши смехотворные ценности. И пожалуйста, перестань трепаться, ухлопали ни в чем не повинную девушку и теперь начинаете из ее личных вещей раздувать богатства несметные. Такое колечко порядочному человеку и в руки брать стыдно должно быть. Ничего, кроме сожаления, в моем разумении, эта история не вызывает. Я, тем не менее, только что сделал кое-какие запросы, обожди самую малость и узнаешь мое окончательное ко всему отношение.

Создатель опять растворился в эфире, а Василий Иванович утром почуял, что ничем хорошим этот балаган не закончится. Принятое решение окажется каким-нибудь особенно каверзным, несущим неизбежную расплату за содеянную оплошность. Ждать пришлось довольно долго, но вот в трубке опять послышался знакомый, почти уже родной баритоновый речитатив:

– Наверное, тебя это несколько удивит, драгоценный дружище, но коль скоро горишь благородным желанием досконально разобраться с дорогим золотым перстеньком, а заодно, полагаю, и с вашей любимой мировой революцией, с радостью спешу на подмогу. В связи с этим обязуюсь организовать тебе теплую встречу с самим императором Николаем Романовым. Очень рассчитываю, что по русским обычаям обласкаетесь в распростертых объятиях, посидите мирно за чаркой, душу друг дружке откроете. Заодно настоящую цену дамскому украшению сложишь, надеюсь, что и распорядишься колечком по совести.

После этого, более чем неожиданного предложения Василий Иванович не на шутку разволновался, не только спина, но и пятки

взопрели. Перспектива подобного рандеву, даже при сквозном черепном ранении, едва ли могла прийти Чапаеву в голову: «Неужели Всевышний настолько озверел, что принял подлое решение отправить геройского командира в расход, устроить ему свидание с Николаем Вторым на том свете. Не напрасно чуяло сердце, что дело одним только приставленным к стенке комиссаром не ограничится. Откровенно признаться, не ожидал подобной засады от небесного, как вроде бы казалось, заступника».

Из последних усилий, сохраняя подобающее Георгиевскому кавалеру спокойствие, комдив помаленьку начал включать задний ход:

– Хочу заявить, Отче наш, что мне и в родной дивизии вовсе не надоело. Я за чужими спинами от смерти никогда не таился, готов нести перед Вами любую ответственность, но много осталось всяких дел неоконченных. С беляками следует до конца по квитаться, достаток надежный для личного состава обеспечить, о чем не раз обещался бойцам перед строем. Задумано много чего, разве все перечтешь. Детишек неплохо бы еще в дом навести, вырастить, на ноги поставить и больно внуков дожидаться мне хочется. Может, пусть пока обождет, пускай не торопится убиенный Ваш царь Николай. Время придет, обязательно свидимся, а с перстеньком и без него разберусь, оно мне не больно и надо-то, все одно что лошади зеркало.

В телефонной трубке отчетливо слышалось, что у Создателя работает параллельная мобильная связь. Складывалось впечатление, будто Он разговаривает ещё с другим абонентом, по какому-то специальному каналу. Разборчиво прозвучало, как небесный Отец сделал строгие распоряжения, перевел дыхание и не допускающим возражения тоном объявил красному командиру свой верховный вердикт:

– Имей в виду, что царь Николай никакой не наш, но только и исключительно ваш венценосный государь, не следует беспечно швыряться своими кумирами. И в расход, хорошенько запомни, мы никогда никого не пускаем. Вы с подобными нежностями и без нас успешно справляетесь, кого угодно этой страсти обучите. И вот тебе

Мое твердое решение – встречу организую сегодня же, без всяких ненужных отсрочек. Вечером, как только начнет смеркаться, к вам в Разлив обыкновенным манером прибудет на ужин великий князь Николай Второй, из дома Романовых. Вы уж примите его со всей подобающей щедростью, проявите любовь и радушие. Как знать, быть может и он когда-нибудь отблагодарит тебя своим теплым участием. А чтобы дружеская встреча удалась с полным блеском, пришлю за компанию с ним отчаянного народовольца, студента Ульянова Сашу. Того самого, что пакетик взрывной мастерил, для метания в царя Александра Освободителя, то есть в драгоценного батюшку последнего императора. Им давненько пора бы уж повстречаться, объяснить друг с дружкой, обменяться взаимным прощением. Нескучным, полагаю, сложится нынешний вечер в Разливе. Рассчитываю, что, по вашим правилам, еще и магарыч выставишь Мне за такое редчайшее удовольствие.

Еще больше разволновался Василий Иванович, еще жарче взопрела спина, как сабля в ножнах забряцали зубы. Проще было вообразить себя порубанным шашкой в бою, нежели представить эту дикую встречу с черти как воскресшими персонажами. Каким фасоном, с какими почестями следует принимать да еще и беседовать с убиенным царем плюс с удушенным братом вождя мирового пролетариата, комдив не понимал, просто упирался башкой, словно в задницу сивого мерина.

Познакомиться с Александром Ульяновым перспектива, некоторым образом, заманчивая, ведь это же родная кровинушка товарища Ленина. Но тогда злополучный ужин приобретает откровенно политическое оформление и не может, просто не имеет права состояться без партийных приветствий товарища Фурманова. В противном случае, все будет выглядеть как прямое посягательство на его непосредственные комиссарские полномочия. И опять упираешься в задницу – ведь ни под каким видом нельзя посвящать комиссара в свои тайные связи с Создателем. Стуканет громче дятла, засранец, в штабе армии контрразведка мигом подключится, сплетни потянутся, вся жизнь пойдет под откос.

– Не переживай, Василий, с такими гостями не бывает много хлопот, – подоспел на подмогу Создатель. – Это все господа образованные, при хороших манерах, они сами придумают, как и о чем говорить, празднословить не станут и покинут вас в самый подходящий момент. Между прочим, Я и не подозревал, что в связях с Создателем есть что-то постыдное, требующее особой секретности. Если не со Мной, то с кем же тогда можно дружить и общаться с открытой душой? Неужели твои комиссары вернее, надежней Того, Кто сотворил целый мир и снисходительно наблюдает все ваши шалости. Как всегда, обижаешь Меня, Василий. Впрочем, не привыкать, Я не в претензиях, люди редко умеют платить благодарностью. Сын Мой частенько вспоминает про вас, иногда и с любовью. Плохо ведь не то, что безвинно распяли Христа на Голгофском ристалище, плохо, что имя Его продолжаете пинать и доньше. Однако прощаться пора, как всегда масса дел неотложных. Не скучай без Меня, не робей, нет-нет да позванивай.

Никогда еще беседа с Всевышним не оканчивалась для комдива так безнадежно недосказанно, с таким набором безответных вопросов. Что это за идиотская затея такая – душевно отужинать с давно убиенными персонажами. Здесь или проверка на пролетарскую прочность, или прямое глумление, скорее всего, по причине тупой безнаказанности. В любом случае, затеянный Создателем вечерний шабаш с благополучно отошедшими в мир иной фигурантами никак не вписывался в принятые нормы уважительных товарищеских отношений.

Оставшись один на один с веселой перспективой провести сумасбродный вечер в окружении воскресшего царя и ожившего бомбометателя, Василий Иванович порядком взгрустнул. Тоже ведь какая-то несусветная дикость, кому нужны эти дурацкие встречи, когда события давно уже позади и все одно ничего изменить невозможно. Между тем отступить было некуда. Создатель своих решений никогда не меняет и в этой части надеяться на чудо не приходится. Гости обязательно явятся, и что в результате должно получиться, Чапаев, при всей своей многоопытности, не понимал, не мог свести воедино. Все

вместе не добавляло ни задора, ни оптимизма.

«Дернул же меня черт ввязаться в эту идиотскую канитель с Петькиным трофейным кольцом, – опять огорченно принялся сокрушаться комдив, – уж лучше бы я не прикасался к нему и ничего не знал о его царственном происхождении. И все эта сволочь, Кашкет, с него начались неприятности, отправлю скотину в окопы, глядишь, под пулями хоть немного ума наберется. Не сообщи он про подвиги ординарца, не было бы никаких содранных с убиенной царевны перстней и дурацкой встречи с давно отошедшими в мир иной господами тоже ведь не предстояло бы».

Чапай с раздражением посмотрел на мизинец, и к великому удивлению своему, кольца на пальце не обнаружил. Василий Иванович даже замотал головой, как свирепеющий бык или как будто одолел полкружки матерого самогона. Он жутковато огляделся кругом, перешарил глазами песок вблизи ольховой коряги, но и там не обнаружил пропажи. Хотя голову мог дать на отсечение, что буквально секунду назад перстенок блистал на его мизинце.

«Этого мне только не доставало», – справедливым негодованием начал заводиться комдив. Звериное чутье безошибочно определило, чьим неусыпным радением состряпано это паскудное дело. Ко всем предстоящим вечером напастям не хватало еще и скандала с ближайшим помощником. Он тут же решительно полез в карман галифе за мобильником. И надо же такому случиться, телефон на опережение, как бы в насмешку, нагло заиграл ненавистный уже «Интернационал».

– У аппарата, весь во внимании, Отче наш, – как ни в чем не бывало бойко отрапортовал Чапай и насторожился в ожидании очередного подвоха. По такому раскладу смешно было рассчитывать на что-нибудь благополучное. Однако, на всякий случай, стал краем глаза наблюдать за мизинцем, со слабой надеждой, что сейчас, каким-нибудь незаметным манером, злополучный трофей возвратится на законное место.

– Про кольцо, Василий, забудь, – безо всяких предисловий, словно сабельным махом отрезал звонивший. – Ты же сам пожелал

разобраться по совести. Рассуди, положи руку на сердце, ведь это единственное, что у них от земной жизни осталось. Нельзя отбирать у людей последнюю память, у вас даже последний табачок принимать не положено. К тому же, как ты сам понимаешь, всякое преступление неотвратимо влечет за собой череду неизбежных расплат. Правильно будет ограничиться недавно поставленным к стенке комиссаром, для чего пополнять этот скорбный ряд. Так что призываю тебя к милосердию, и тогда ты узнаешь, что иногда потерянная вещь бывает дороже самого вожаденного приобретения. Постарайся не злиться и не серчать на Меня.

На этом Создатель категорически вырубил мобильную связь.

Василий Иванович без привычного энтузиазма ретировался с ольховой коряги. Постоял какое-то время в нерешительности на прибрежном песке, искушаемый горячим желанием вышвырнуть в озеро ненавистную телефонную трубку, но совладал с собой и тяжелым ходом направился к давно уже поджидавшим у командирского шалаша однополчанам. С неохотой взбираясь по береговому откосу, он невольно вспомнил воздушное кружение легкости, с которым совсем недавно спускался к озеру. Наверное тогда уже это был недобрый знак, решил для себя комдив, и еще сообразил, что жизнь весьма капризная девка и не всякое легко начавшееся дело предполагает удачный исход.

По итогам своего довольно продолжительного отсутствия Чапаю предстояло каким-то щадящим образом преподнести ординарцу правдоподобную версию пропажи свадебного подарка. Если сейчас подойти к столу и выложить правду, что это своевольный Создатель умыкнул царское колечко, сообщение будет выглядеть до неприличия бессовестно. Петька ни за что не поверит и решит, что командир зажилил дорогую вещицу. Эта несправедливость более всего угнетала комдива.

Кроме прочего, ему предстояло сделать необходимые распоряжения по организации сегодняшнего идиотского ужина. Объяснить прибытие экзотических гостей без посвящения в свою тайную связь

с Создателем, понятное дело, уже наверняка не получится. Но как преподнести эту пикантную новость без явных признаков очевидного умопомешательства, Чапаев не представлял. Поэтому Василий Иванович рассудил отложить все разборки до вечера, с надеждой, что, после самого явления злополучных гостей, многое должно решиться самим собой.

На подходе к центральному пеньку Чапая приветствовала вертящая собачонка, которая, радостно подвизгивая, так и норовила чиркнуть хвостом по хромовому гляncy генеральских сапог. Комдив дружелюбно присел на корточки, взял псинку на руки, погладил, легонько потрепал ее теплое тельце и от всей души позавидовал собачей безмятежности. В связи с чем вспомнил справедливое замечание Создателя, что иная болотная жаба бывает счастливее многих, отчаянно озабоченных своею персоной людей.

Присев на скамью к ожидавшим в нетерпении сослуживцам, он пустил собачонку на волю и нарочито беспечно заявил, что с царским кольцом все в порядке, оно, по его разумению, действительно принадлежало венценосной дочурке, но есть еще один деликатный момент, о котором Петька узнает лишь вечером.

Надо заметить, что намек на какой-то деликатный момент не оказался для ординарца полным сюрпризом. Одно только необъяснимо долгое отсутствие командира вызывало справедливые подозрения, не говоря уже о всем услышанном далее.

– Сегодня вечером к нам в Разлив пожалуют на ужин необыкновенные гости, – многозначительно объявил Василий Иванович. – Наберитесь терпения, люди прибудут очень издалека и очень почтенные, они помогут досконально разобраться с Петькиным драгоценным трофеем, и похоже, что еще многое с чем. Судя по всему, вечер обещает сложиться не скучным, предвижу заранее, он доставит немало приятных волнений и, похоже, неизгладимую память на будущее. В связи с этим принимайте к немедленному исполнению мой командирский наказ. Денщику поручаю подготовить полную комплектацию для варки рыбацкой, по высшему классу, ухи, такой,

что у казаков исстари «царской» зовется, и побеспокоиться насчет доброго первача. Только не такого, каким угощались на прошлой неделе, после чего у меня двое суток башку отворачивало. Если командира подобной гадостью почивают, представляю, каково рядовым красноармейцам приходится.

– Удивительное дело, мне вообще показалось, что нам ненароком казенку из Смирновских запасов подсунули, – мгновенно отреагировал на синем глазу прощелыга Кашкет. — Может, раки попались не очень съедобные, меня ведь тоже немного подтащивало.

– А ты, Петро Елисеевич, – не обращая внимания на дичайшую ложь денщика, продолжил отдавать поручения комдив, – уж будь добр, приведи себя в надлежащий порядок, больно вид у тебя последнее время какой-то совсем затрапезный. Ты кто таков есть? Ты есть боец Красной Армии, к тому же личный мой ординарец, прямо скажем, живой пример для всей пролетарской дивизии. Сходил бы на озеро, что ли, побрился, помылся как следует, на нюх не переносу от бойца кобылячьего запаха. Пора, знаешь, становиться благороднее, что ли, мы же за чистую, светлую жизнь сражаемся в огне революции.

«Интересная канитель получается, – подумал про себя ординарец, – у командира совсем чердак прохудился. Сколько мы этих благородных за штабом к стенке поставили, а теперь самим благородными сделаться сдуру советует, чтобы и нас следом, под стенкой, как кур перехлопали. Если так дальше дело покатит, наши с Чапаем дорожки и впрямь разойдутся».

– Так ведь были же в России господа благородные, Василий Иванович, – напомнил для ясности отнюдь не смутившийся ординарец и небрежно извлек из кармана галифе такой же, как и у Чапая, расшитый бисером кисет. – Много было, выходит зря мы усердствовали, может, следовало оставить горстку знатных персон для приплоду? Хороший хозяин завсегда оставит пару добрых гусей на развод.

– Ты поболтай у меня, башка бестолковая, – не замедлил осадить пустобреха Чапай, – благородные разные бывают. Мы из пролетарской и крестьянской бедноты таких защитников революции

вырастим, что царским гвардиям и не мечталось. Белые офицеришки к нашим новым лихим командирам и в денщики не сгодятся. Разве что Кашкету в подручные, самовары или сапоги гуталином надраивать, – легонечко юморнул, похлопывая по плечу денщика, Василий Иванович.

Петька мастерски соорудил из газетной осьмушки заготовку под «козью ногу». Не торопясь заправил ее отборным сухим табаком, придирчиво осмотрел со всех сторон, провел, где требовалось, влажным языком и чиркнул для запала своими же спичками. С наслаждением задымил, прищурил глаз и философски заметил:

– Трудновато будет из пролетарской бедноты благородных бойцов для мировой революции вырастить. Это же каждому дуралею суконные портки подавай, рысаков дорогих да золоченые сабли с эполетами выложи. Потом французскому языку обучи, обучи красиво из бокалов шампанское пить да с бабами по-кавалерскому обходиться. Денег на все это уйма пойдет, заморишься даже считать сколько. В нашем полку, при старом режиме, поручик благородный служил, так у него один только золотой портсигар дюжину тельных буренок стоил. Представляете, если в нашей дивизии за каждым красноармейцем по дюжине рогатой скотины в атаку подыметесь, перед таким македонским нашествием любой противник дрогнет, без боя лапы вверх задерет.

Василий Иванович даже не предполагал в своем фаворите таких виртуозных полетов разгулявшейся фантазии. Наверное, не только Кашкету, но и вертлявой собачонке ненароком подумалось, что это от крепкого самосада мозги ординарцу заклинило. Комдиву же ничего не оставалось, как только хмыкнуть себе в порыжевшие от табачного дыма усы, почесать за каракулевой папашой затылок и выдать ординарцу строгий наказ:

– Балаган прекратить, нечего здесь дурачком представляться, немедленно отправляйся в расположение выполнять боевое задание. Найдешь в пулеметной роте кашевара Арсения, закажешь от моего имени добрых харчей для вечернего сабантуя. Обязательно

раздобудь зернистой икорки и балычка осетрового, впрочем, тебя ли учить, не впервой застолье справляем. А вечером, при полном параде, пожалуйста вместе с Анкой в Разлив. Высокое благородие, которое нынче заявится, без прислуги жрать не приучено. Пущай пулеметчица подсобит у стола, выпишет гладкой задницей перед знатной публикой наши ядреные кружева. Разговоры закончены, всем приступать к исполнению.

Петька с готовностью вихрем поднялся из-за стола, сделал под козырек и строевым шагом поспешил к коновязи исполнять командирский наказ. В одно касание метнул свое крепкое тело на жующего сочную зелень коня, дал ему шпору, и тот, сплюнув зеленую пену, на рысях помчал седока.

Между тем отсутствие золотого перстенька и сомнительные намеки на каких-то необычайных гостей не очень грели ординарцу мятежную душу. Подозревать комдива в крохоборстве до сегодняшнего дня не было серьезных причин, но ведь люди меняются, разные приходят на дворе времена. Тем более что в последний месяц с Чапаем творится что-то явно неладное. Часто бывает задумчив, зачем-то уединяется и все больше с ехидством улыбается, как будто знает и таит в себе что-то. В любом случае, если зажилит колечко, ни за что не спущу, обязательно поквитаюсь. То ли коня, то ли шашку упру среди ночи. Я ему не Кашкет, не привык в дураках оставаться.

Вот в таком боевом настроении чапаевский любимец проследовал в расположение родной дивизии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Любознательному читателю, дабы проникнуться героикой тех знаменательных лет, полагается твердо усвоить, что легендарная Чапаевская дивизия представляла собой не совсем обычное армейское формирование. Дивизия, разумеется, была ударной передовой группировкой и принимала активнейшее участие во всех фронтовых баталиях, но она еще была и особого рода учебно-тренировочной базой, на которой верховное командование отрабатывало самые смелые задумки не дремлющей стратегической мысли. Попросту говоря, не в абы какой воинской части выпала удача нести почетную службу Петьке Чаплыгину.

В штабе дивизии ни на минуту не затихал широкий поиск свежих идей, отвечающих задачам торжества мировой революции. Любой штабной писарь пребывал в постоянной готовности выдавать на гора фантастические проекты, в сравнении с которыми все старые военные доктрины отступали на задний план. Самое пристальное внимание уделялось созданию и освоению новейших образцов современного оружия с небывалой поражающей мощностью.

Чего стоила одна только грандиозная программа, развернутая на базе второй экспериментальной конюшни, под руководством известнейшего селекционера-новатора Розенблада Моисея Христофоровича. Исследователи, что называется, со дня на день ожидали появления на свет уникального потомства из-под каурой красавицы Насти, которое должно было положить начало элитной породе длиннотуловищных боевых рысаков с багряными хвостами и гривами. На хребтинах этих знатных чудо-коней свободно сможет размещаться от четырех до семи хорошо вооруженных красных бойцов. Предполагалось на крупах несокрушимых богатырей закреплять по станковому пулемету, в результате чего практически возникал безрельсовый бронепоезд, способный в глубоких тылах сокрушить и деморализовать любого противника. Уже композиторы написали, а духовые оркестры на память разучили специальный марш победителей

для приветствия ожеребившейся Насти и серьезно ставился вопрос о сооружении героине при жизни бронзового изваяния.

Параллельно разрабатывалось сразу две модификации ударных комплексов, для дневного и ночного ведения боевых действий, с применением никелированных автомобильных фар. Некоторые сожаления вызывало досадное обстоятельство, что фар пока еще импортного производства, завезенных с империалистических фабрик до неприличия прогнившего Запада. Хотя для критических ситуаций, во время буржуйских экономических блокад, не исключалась возможность использования доморощенных керосиновых фонарей.

Моисей Христофорович бесконечно гордился своим уникальным победоносным детищем и повергал в смятение даже бывалых корифеев военного искусства. Командование деликатно торопило генерального конструктора, но тот был упрям, как египетский фараон, и непоколебимо стоял на своем, дескать, дайте срок, мы еще утрем сопли этой белогвардейской сволочи, покажем им, где даже раки не шибко зимуют.

В непрекращающемся академическом поиске, в азарте делового соперничества никто не хотел уступать. Поэтому в четвертой краснознаменной конюшне немедленно развернули свой научный плацдарм под руководством корифея недремлющей ветеринарной мысли Коценбаума Александра Соломоновича. В обстановке строжайшей секретности, огородив конюшню тремя рядами колючей проволоки, отечественного, без сомнения, производства, там приступили к выведению уникальной ахалтекинской породы недюжинных боевых коней о семи ногах.

Лазутчики из второй экспериментальной конюшни ухитрились под покровом ночи пробраться к тусклому оконцу денника и разглядеть под светом лампы «летучая мышь» всамделишную пятую ногу, откровенно просматривающуюся под брюхом известного всей дивизии буланого производителя Герострата. Справедливости ради надо сказать, что пятая нога пока еще не была так велика, как остальные четыре, но то, что она уже прорезалась и порой болталась, словно

обрубок оглобли, видно было даже невооруженным глазом. Сам Александр Соломонович со дня на день обещался навестить в ближайшую кузню, чтобы там заказать триумфальную подкову на пятое копыто. Одним словом, прогрессивная жизнь в дивизии кипела, как лапша в казанах полковых кухонь.

Для совершенствования командного и рядового состава привлекался и использовался весь положительный опыт, накопленный человечеством, непосредственно от времен динозавров до зала "Авроры" включительно. В связи с этим не оказался обделенным должным вниманием исторический опыт церковного домостроительства. Известно, что в монастырях, во время принятия пострига, послушники нарекаются новыми именами для вступления в обновленную, непорочную жизнь. Этим актом принявшие постриг послушники как бы отмежевываются от греховного прошлого и устремляются на поиски небесной благодати практически в непорочном состоянии.

Неутомимые борцы за пролетарское дело не просто подхватили эту красивую духовную традицию, но возвели ее на высшую ступень совершенства. Многие революционеры принялись энергично отказываться от наследственных родительских фамилий и присваивать себе новые прогрессивные имена. Не один только Лев Давыдович Бронштейн в одночасье сделался Троцким, но уже половина дантистов дивизии гордо величали себя непоколебимыми Сидоровыми. Некоторые, особенно продвинутые в смекалке революционеры даже наловчились освоить обратный обряд пришивания.

Не ведающий устали, Александр Соломонович и здесь проявил небывалую находчивость, ведь некоторым приходилось по несколько раз заменять подгулявшую фамилию и тогда они неоднократно вынуждены были отпаривать крайнюю плоть. Понятное дело, что святыня потихоньку истончалась, не выдерживала бесконечных перелицовок. Поэтому неутомимый новатор блестяще разработал и сконструировал почти незаметную швейную молнию для очередного преображения.

Захотел, например, Александр Соломонович сделаться

Кудияровым, шморгнул замочком – получи деревня трактор. Захотел снова объявить себя Коценбаумом, шморгнул в другую сторону замочком – опять красота, только бы руки не заморились. Удобно чрезвычайно, никаких лишних хлопот, и главное – всегда находишься на самом стряже идеологических стихий. Памятник за эту незаурядную находчивость на родине новатора ставить пока еще не намерились, но перспектива присвоения почетного звания «Дважды сюрприз мировой революции» активно обсуждалась на закрытых партийных конференциях.

Не всеми бойцами и не сразу с энтузиазмом воспринимались и поддерживались смелые прогрессивные начинания. Кое-кто старался продолжать жить по старинке, трусливо отрекшаяся от учения классиков марксизма. Специально для проведения в широких массах разъяснительных работ из центра в дивизию был прислан полномочный нарочный, с бьющим без промаха маузером и большой чернильной печатью, хранящейся для надежности в пристегнутой деревянной кобуре. Это был очень крупный специалист по налаживанию и обустройству человеческого счастья в широкой прослойке рядового состава и вообще по организации строевого режима в отдельно взятой дивизии.

С первых дней своего пребывания в должности Дмитрий Андреевич Фурманов решительно и рьяно принялся за проведение глубоких экономических перемен. Потому что любая революция – это, прежде всего, коренная реформация общественных экономических отношений. В полном соответствии с революционным пылом негибемого борца за правое дело, комиссар составил и приступил к реализации генерального плана прогрессивных реформ. План этот, в самом общем виде, сводился к затейливым конфигурациям на предмет того, что у кого следует отобрать, кого облагодетельствовать, кому пообещать пронзительно светлое будущее, а кому предоставить будущее незамедлительно, за сараем, у краснокирпичной стеночки.

Грандиозные преобразования начались с того, что для бурного процветания дивизии решено было в кратчайшие сроки разбудить творческую инициативу в недрах рядового состава, так сказать,

подтолкнуть позитивные перемены снизу. Толкание снизу называлось многозначительно – НЭП. Бойцам в связи с этим рекомендовалось создавать единоличные и кооперативные предприятия по перелицовке хомутов и седел, желательно с единовременным пошивом уздечек и ременных вожжей. Смело предлагалось не замыкаться в малом бизнесе, а организовывать средние и очень крупные производственные мощности по изготовлению новейших образцов конской сбруи, по возможности с блестящими заклепками, с кистями и бубенцами по всему ассортименту шорных изделий. При этом снимались любые ограничения роста, позволялось расширяться до гигантских концернов и комплексных трестов вплоть до закрытых акционерных сообществ под грифом «совершенно секретно».

Люди, подхваченные ветром экономических перемен, в едином порыве освоили доходные сбруйные ремесла и за короткий срок настрочили горы пахнущей свежей сыромятиной конской экипировки. Воодушевленные бойцы с утра до ночи, в полном составе со своими многодетными семьями, сидели рядком под конюшнями на камушках, высматривая голодными глазами залетного покупателя.

На первых порах особенно шустрые красноармейские женки на всякий случай слегка подворовывали друг у дружки сбруйный товар. Но когда окончательно убедились, что никто в дивизии покупкой конского снаряжения не озабочен, махнули рукой и дружно потянулись пестрой толпой на объездную дорогу в поисках легкого заработка. Но и там, за отсутствием модельных кондиций и должной квалификации, фортуна показала язык мало востребованным краснокосыночным путанам, практически как на знаменитом портрете красавца Эйнштейна.

Вездесущий Фурманов, словно баба-яга в ступе, метался по дивизии, бил себя по орденам и убеждал стариков, сопливых детишек и несостоявшихся жриц любовных утех, что осталось потерпеть самую малость и реформы возьмут свое, щедро отворят рога изобилия. В целях наглядной агитации, Дмитрий Андреевич взял с собой на тачанке огромный бивень мамонта в качестве того самого рога изобилия, сработанный по заказу местным краснодеревцем из

коряги липового дерева. Наглядное пособие действовало безотказно успокоительно. Каждый примерял на себя, как долго сможет жить припеваючи в компании с таким исполинским кладезем дармового пропитания.

Натурально и отважные корифеи трудовых будней, Моисей Христофорович с Александром Соломоновичем, не щелкали почем зря ушами. Они, посовещавшись между собой, тихонечко приватизировали напополам все четыре дивизионные конюшни и положили называть их пролетарским научно-производственным комплексом. Здесь каждый сознательный боец, независимо от вероисповедания и партийной принадлежности, мог спокойно за умеренную плату получить перед боем в аренду приглянувшегося рысака. Специально для удовольствия красноармейцев был разработан душевный ритуал передачи во временное пользование боевого коня под гитарный перезвон и мужественно-слезоточивое пение жеребьячьего доктора Коценбаума. Ритуал был настолько сердечным и трогательным, что некоторые, не в меру сентиментальные лошади, не совладав с собой, падали со всех четырех копыт от переживания в обморок.

Вырученные от научно-производственной деятельности деньги, все до единой копеечки, целевым образом направлялись на развитие фундаментальной теоретической базы революционного предприятия, для успешного завершения новаторских изыскательных работ. С этой же целью неутомимые энтузиасты, не щадя ни здоровья, ни сил, без усталости посещали заморские страны, участвовали на международных лошадиных аукционах и выставках. Выступали с научными докладами на ветеринарных коллоквиумах, – одним словом, делали все возможное, чтобы качество поголовья их пролетарского комплекса ни в чем не уступало лучшим мировым стандартам.

Сам Дмитрий Андреевич, как непосредственный разработчик и вдохновитель небывалых экономических реформ, в бурном потоке деловых инициатив и новаций незаметно соорудил закрытое акционерное общество с застенчивым наименованием «Промнавоз». Так себе, ничем особенно не выделяющееся компактное предприятие по изготовлению и реализации печного топлива.

Работа на производстве была организована следующим незамысловатым образом. Регулярно из всех полковых конюшен, а также общественных и частных скотных дворов, по утвержденному партийным активом плану, дежурившими бойцами свозился на центральную усадьбу свежий, ароматно дымящийся навоз и складировался в гигантскую дубовую бочку. В емкости все это счастье заливалось чистой родниковой водой и при помощи специальных удобных лопат тщательно вымешивалось работниками до состояния необходимой технологической кондиции. Пару часов подготовленная горячая смесь выдерживалась по рецептам старинных шампанских вин, и затем, по стальным трубам, проложенным глубоко под землей, готовое печное топливо прокачивалось мощными турбонасосами в соседние дивизии, где неизменно пользовалось коммерческим спросом.

Иные чапаевцы, по простоте душевной, наивно полагали, что, кроме основных держателей промнавозовских акций, имена которых вспоминать и произносить вслух считалось очень дурным тоном, частью дивидендов смогут воспользоваться и рядовые красноармейцы, особенно из тех, кто круглыми сутками ворочали деревянными лопатами в дубовой бочке. Однако доходы каким-то фантастическим образом прокачивались вместе с предметом торговли по тем же подземным трубам в соседние формирования и оседали на безымянных казначейских счетах. Комиссар только беспомощно разводил руками и клятвенно обещал на партийном собрании возвести стометровую каланчу, чтобы смотрящие дозорные тщательно отслеживали каждую пролетарскую копейку, не упуская из виду ни одного окропленного трудовым потом революционного рубля.

Последнее время хранящиеся в строгой секретности сведения о наличии промнавозовской кассы не от праздного любопытства тревожили Петьку Чаплыгина. Впереди предстояли немалые свадобные расходы, и он, как законный держатель акций, с надеждой рассчитывал на справедливое денежное пособие. Женитьбу отгулять мечталось такую, чтобы капелевцы остервенели от зависти и даже подумали, что это личный состав радостно салютует скорый приход

зари коммунизма.

Надо иметь в виду, что чапаевский фаворит пользовался у однополчан особым почетом и уважением. Его любили за легкий нрав, за безупречное мужество и, конечно, за тесную близость к легендарному комдиву. Многие красноармейцы свои личные просьбы адресовали Василию Ивановичу непосредственно через ординарца, и, как правило, Петьке удавалось добиваться положительного их разрешения.

При всем том личные отношения между чапаевским любимцем и забранным в кожаную тужурку комиссаром не складывались фатальным образом. Их обоюдная неприязнь возникла немедленно, сразу же после первого знакомства, что, вообще говоря, было вполне объяснимо. Слишком прямолинейно и нахраписто вел себя ординарец при крайне трепетной формации большевистской природы товарища Фурманова. Это был тот самый классический случай, когда «гусь свинье не товарищ».

Дмитрий Андреевич нюхом чуял, что ординарец сомнителен насчет верности идеалам революции, и потому возмутительна была его причастность к когорте счастливых обладателей промнавозовских акций. Подобное положение, не только с точки зрения идеалов мировой революции, но и по нормам беспартийной гражданской морали, являлось вопиющей несправедливостью.

Однако близость лихого рубаки к легендарному комдиву не позволяла до поры навести в этом щепетильном вопросе надлежащий пролетарский режим. При любой возможности, по ходу дележа доходной части промнавозовских дивидендов, Фурманов всячески урезал Петькину долю, однако денег, которые с легкостью отваливались ординарцу, все одно с лихвой хватало на безбедную жизнь. Комиссар загодя ожидал, что жених припрется просить денег на объявленную влюбленными свадьбу, и внутренне наслаждался предстоящей возможностью поиздеваться над хамоватым засранцем, продемонстрировать ему несокрушимую силу ленинских и марксистских идей.

Петька Чаплыгин в чудесном душевном расположении, после

выпитой пары кружечек жигулевского пива, шествовал по центральной улице уездного города Лбищенска, густо увешанной красными стягами и агитационными транспарантами, отчаянно голосящими о надвигающемся коммунистическом изобилии. По всему видно было, что Фурманов понапрасну времени не терял и на мелкие подачки от матушки-природы не рассчитывал. Почти на каждом кривом заборе красовались гигантские плакаты с изображением восходящего солнца над головами подпрыгивающей от счастья детворы и революционным призывом: «Ты лично помог отечеству с заготовкой стратегического сырья?» или «Каждое ведро стратегического топлива приближает нас к коммунизму».

По улицам революционного Лбищенска бдительно несли караул специальные наряды снайперов, которые шныряли с дробовиками наперевес и ссаживали с катушек залетных дворняг, норовивших задрать заднюю ногу, бесстыже осквернить священную классику марксизма-ленинизма. Истреблению подвергались не только четвероногие диверсанты; нельзя было забывать и про всяких летающих вредителей, готовых в любую минуту подвергнуть агитационный арсенал внезапным картечным залпам.

Уже на дальних подступах к комиссарской резиденции Петька с любопытством стал отмечать разительные перемены, произошедшие во внешнем оформлении главного фасада большевистской цитадели. Радикальной этой реконструкции предшествовали жаркие, наделавшие много шума политические баталии.

Проблемы начались с того, что сразу же по прибытии в дивизию Дмитрий Андреевич распорядился вывесить на фронте парадного крыльца идеологического форпоста внушительных размеров портрет Карла Маркса. Не все красноармейцы сразу признали в бородатом дядьке вождя мирового пролетариата. Кое-кто решил по старинке, что это образ Николая Угодника освящает высокое присутственное место, и на всякий случай украдкой осенял себя крестным знаменем.

Иконописное изображение Николая Чудотворца издавна

почиталось на Святой Руси, поэтому справедливо на равных соперничало с портретами пролетарских вождей. Почитание вывешенного Фурмановым замечательного образа дошло до такого восторга, что самые отчаянные богоносцы, под покровом глубокой ночи, забрались на фронтон и обрамили портрет Карла Маркса в старинный церковный киот.

Фурманов, разумеется, не смог равнодушно снести подобное издевательство над гением всего прогрессивного человечества. Комиссар таки принял волевое решение и вывесил на подмогу Карлу Марксу еще и портрет Фридриха Энгельса. Разместил их аккуратно рядышком, пришпандорил гвоздями дляковки коней и распорядился забрать пространство вокруг нарядным красным сатином. Много раз отходил на значительное расстояние, придирчиво изучал общую панораму и результатами остался вполне удовлетворенным.

Удивительное дело, но по дивизии поползли издевательские слухи, будто покончивший с атеизмом партийный предводитель вывесил на фронтоне крыльца своей резиденции сразу два священных образа – апостола Петра и апостола Павла. Еще больше объявилось охотников, уже не таясь осенять себя крестным знамением, проходя мимо величественного храма идеологического просвещения. Однако нашлись, как всегда бывает в подобных делах, доброхоты, которые глухой ночью, под праздник Воздвижения Животворного Креста, обрамили-таки оба портрета в старинные церковные киоты с блестящей шумихой из медной фольги.

Тогда Дмитрий Андреевич, со своей стороны, пошел на радикальные меры и вывесил на подмогу, посреди Маркса и Энгельса, портрет улыбающегося Владимира Ильича. А чтобы ни у кого и в мыслях не возникло соблазна косить на церковную троицу, комиссар нарочито подобрал знаменитый портрет Ильича в захватской кепке.

И только эта роскошная ленинская фурага явила собой апофеоз торжества научного атеизма. В самом деле, нельзя же было предположить, что церковные иерархи в конце побесились и приобщили к лику святых улыбающегося подвижника в шаромыжной кепке.

Мужики, которые раньше благоговейно крестились на образ, стали с проклятием плевать в сторону большевистского крыльца. Чем доставляли немало душевных удовольствий непобедимому Фурманову.

Тягомотина с портретами коммунистических вождей, к несчастью, на этом не окончилась. Вот уж воистину – пришла беда, отворяй ворота. Какой-то мерзавец подрисовал среди ночи Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу точно такие же шаромыжные кепки, как у Владимира Ильича. Но самое возмутительное, что с козырьками, смотрящими в разные стороны. Может быть, в самих фурагах и не было ничего оскорбительного, все-таки ленинский стандарт, но вот то, что козырьки у всех трех вождей были развернуты в противоположные стороны, сразило наповал кожаную тужурку. Трясущийся от гнева комиссар лично вскарабкался по приставной лестнице на фронтон и записал цветной плакатной гуашью издевательские головные уборы.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что империалистическая контра не оставит дивизию в покое и будет продолжать идеологические диверсии. Но чтобы ни одна сволочь не имела возможности подобраться к фронтону, комиссар распорядился намотать вокруг портретов вождей побольше колючей проволоки в качестве ажурного декоративного орнамента. Опять несколько раз отходил от крыльца на различные расстояния, придирчиво изучал общую панораму. И был окончательно удовлетворен своей незаурядной находчивостью, потому что публично, фактически на глазах всей дивизии одержал блестящую викторию в беспощадной идеологической борьбе с врагами мировой революции.

Петька произвольно замедлил ход перед крыльцом большевистской цитадели, до самых ушей разинул от удивления рот, обнаружив в просветах колючей проволоки новоявленную троицу. Он, для страховки, даже огляделся по сторонам, чтобы окончательно сориентироваться на местности, ведь чего не бывает с похмелья, можно и маршрут с бодуна перепутать. Но ни выпитое накануне, ни сегодняшняя пара жигулевского не нарушили маршрутный расчет ординарца – он стоял в аккурат перед крыльцом Фурмановской резиденции.

Проволока на фронтоне была намотана так искусно, что сразу трудно получалось сообразить, кто именно находится за колючкой – коммунистические вожди или смотрящие на них ротозеи, и с какой стороны, собственно говоря, находится настоящая воля. Особенно настораживал молодцеватый образ несравненного Владимира Ильича. Была в его азиатском прищуре надежная вертухайская хватка, говорящая, что шаг в сторону или прыжок вверх считается наглейшей попыткой к побегу, со всеми без промаха вытекающими последствиями. Видавший не слабые виды, отчаянный конник даже немного замешкался у дверей, ноги сами противились заворачивать в эту экзотическую контору. Деваться, однако, было некуда, и ординарец все-таки переступил порог большевистского святилища.

У комиссара в приемной, с полуовальным, забранным в тюремную решетку окном, правила бал известная красавица Фуксина Люся, незлобно именуемая в личном составе «комиссарской подстилкой». Барышня, с грозным бюстовым оформлением, не самой ранней свежести, торжественно восседала за накрытым кумачовым сатином всамделишным канцелярским столом. Когда бы к общему колориту кабинетного устройства присовокупить беспощадно красные Люсины щеки и губы, может вполне показаться, что посетителям идеологической цитадели какой-то волшебник напяливает солнцезащитные из красных же стекол очки. Все здесь было тотально окрашено цветом алой зари коммунизма, практически без инородных включений.

Петька вальсирующей походкой подкатил к улыбающейся секретарше, изобразил неполный реверанс и вручил из-за спины предусмотрительно заготовленный букетик полевых ромашек и лютиков.

– О любви не говорю, Люсьена, знающие люди вчера мне на ушко шепнули, что о ней все давно уже сказано, – артистически кривляясь, юморнул ординарец. – У вас здесь все настолько художественно, такие декоративные узорчики на фронтоне заплетены, что, клянусь Парижской коммуной, расставаться не хочется. Проволочка колючая очень трогательно применена, и главное – отменного качества. Самое

время подавать по инстанциям рапорт о переходе к вам на почетную службу. На большие чины не замахиваюсь, но ночным караульным вахту нести счел бы для себя за солидное продвижение.

И уже без иронии, кивая в сторону плотно затворенных дверей таинственного Фурмановского капища, лихой ординарец поинтересовался:

– У себя?

– У себя, – утвердительно ответила Люся, шаловливо прикрывая смазливую мордочку полевыми цветами. И, положив указательный пальчик на сладкие пухлые губки, тихонько добавила: – Но очень заняты.

– Знаем, как и чем они себя занимают. Очередное нашествие на зажиточных мужиков разрабатывают, хлебушек промышляют для голодных бойцов. А может, в домино с каким-нибудь придурком режутся, дупель пусто разыгрывают?

– Ну почему вы такой грубиян, дорогой наш Петро Елисеевич? Присядьте, пожалуйста, на свободное место, скрасьте своим присутствием печаль моего одиночества, – игриво кокетничала секретарша. – Я непременно о вас доложу, а вы пока сердечно поведайте всеми покинутой женщине, что в большом мире творится и каково оно нести лавры счастливого жениха. Это же представить без слез ну никак невозможно, какую невосполнимую потерю несет женская половина личного состава дивизии.

Петька вальяжно, по-домашнему развалился на предназначенном для удобств посетителей стуле и, с нескрываемым удовольствием, протянул свои ладные атлетические ноги, обутые в щегольские хромовые сапоги. Они хотя и были днями экспропрированы с пристреленного белогвардейского офицера, зато имели стальные гравированные шпоры и сделались предметом зависти многих штабных удальцов. Чего только не предлагали ординарцу в обмен за этот знатный, несравненный трофей!

– Ни за что не поверю, что вы безнадежно одиноки, мадам. Такие

шикарные женщины не должны и не могут оказаться в забвении, – рассыпался в обратных комплиментах Петруха. – И давайте серьезно. Я понимаю, что у партийных работников существуют недоступные для низшего боевого состава военные тайны, но все-таки поведайте, с кем так душевно воркует за закрытыми дверями ваш драгоценный патрон? И вот еще что: почему они так небрежно облицованы обшарпанным дерматином? Специально разработаю в тылах у противника войсковую операцию, раздобуду багряной кожицы, постараюсь, чтобы лучшего, непременно козлиного происхождения, и лично устраню непорядок.

– Какие могут быть в дивизии секреты от главного разрушителя дамских сердец и какой же вы на самом деле ехидненький, Петр Елисеевич. А еще первым кавалером на просторах революции значитесь, – вторя ординарцу, ответила смышленная барышня. И уже доверительно, являясь ближайшей подружкой пулеметчицы Анки, по-приятельски сообщила жениху, что к Фурманову третий день кряду наведывается благочинный протоиерей Наум, неутомимый постник и непревзойденный молитвенник.

На то были довольно веские, более чем уважительные причины. Дело в том, что к предстоящей годовщине великого Октября кровь из носу требовалось закрыть две из пяти действующих в приходах благочинного церквей. Дмитрий Андреевич давненько присмотрел хозяйским оком каменный трехпрестольный храм в соседней деревне Матвеевке, с точки зрения потребностей производственных мощностей «Промнавоза». Неуклонно нарастающие объемы поставок жидкого топлива испытывали острую нужду в просторном сухом помещении для приема и складирования стратегических сырьевых ресурсов. К тому же комиссару приятно согревала душу трогательная перспектива хранения деликатного продукта непосредственно под покровительством целителя и великомученика Пантелеймона, в светлую память которого был когда-то освящен центральный престол соборного алтаря.

Незадача проистекала вот по какой причине. В Матвеевке правил службу добрейший свояк благочинного, и отец Наум под

всякими предложениями старался переложить попечительное внимание Фурманова на большую, тоже каменную, церковь в селе Ракитном. Там, между прочим, настоятельствовал заклятый недруг и соперник протоиерея, некто целибатник Никодим. Еще при старом режиме на епархиальных собраниях принципиальный Никодим бесцеремонно обличал Наума в непомерном возлиянии горячительного и всячески препятствовал получению наградного, с эмальями и цветными камнями, креста. Теперь подворачивался удобный повод продемонстрировать супостату священную мудрость: «мне в отмщение – аз воздам».

В прилежно оформленных списках протоиерея Наума, по каллиграфиям которых в самое ближайшее время не в меру ретивое духовенство предполагалось отправить на молитвенную заготовку таежных дровишек, целибатник Никодим неизменно оказывался под первым номером. В параллельных списках, добросовестно составленных отцом Наумом, для предстоящего паломничества избранного духовенства на поиски небесной благодати в ореоле северного сияния, Никодим занимал опять-таки почетное заглавное место.

Но для комиссара этот самый целибатник приходился постоянным партнером для вечерней игры в подкидного дурака. При этом надо иметь в виду, что Никодим, по собственной инициативе, сдавал карты в обоих случаях, кто бы ни оставался в дураках. Таким образом, налицо обнаруживалась досадная несогласованность заинтересованных сторон. В нерасторжимый гордиев узел завязались вечерняя карточная игра с критическими нуждами «Промнавоза» и бесконечными капризами благочинного.

Переговоры растянулись на три долгих дипломатических дня, с бесконечными дебатами и успокоительными возлияниями. Дмитрий Андреевич в состоянии был, разумеется с позиции силы, одним кавалерийским наскоком распотрошить этот гордиев узел, но ему положительно требовалось сохранить дружеские отношения как с целибатником Никодимом, так и с протоиереем Наумом, который регулярно баловал комиссара деревенскими гостинцами. Вот и сегодня, после Люськиного доклада о прибытии чапаевского фаворита,

они скоренько доедали принесенную благочинным вареную курицу, соленые грузди, пирожки с потрохами и допивали, что бог послал, для смирения мятежного духа.

Нельзя сказать, что комиссар излишне обеспокоился визитом хамоватого ординарца, тем не менее деловое застолье пришлось закруглять раньше времени, фактически не придя к деловому согласию. К тому же еще разок принесенная вареная курица ну никак не могла навредить делу мировой революции.

Спустя четверть часа кабинетное затишье отворилось, и в дверном проеме предстал во всем своем великолепии раскрасневшийся протоиерей Наум с роскошной физиономией, о которой в народе говорят, что она заточена под лопату. Предстал в засаленном, нестиранном еще с благословенных царских времен подряснике, с наградным, возлежащим на сытом брюхе крестом, осеняющим самое великое достояние священства.

Науму самому на мгновение показалось, что он находится посреди царских врат на архиерейском выходе, с готовностью огласить хоть большую, хоть малую ектенью. Со стороны заметно было, что благочинный сделал даже пару произвольных движений правой рукой, словно во время служебных каждений, но тут же спохватился и с поклоном поприветствовал командирского ординарца.

Петька, без видимых признаков желания подойти под благословение, лениво оторвал свое седалище от пригретого стула. Как полагается человеку военному, выпрямился в полный рост, преклонил смиренно голову, потом хитро подмигнул благочинному и с нескрываемой иронией посочувствовал:

– Вы все поститесь, драгоценный наш батюшка, плоть свою, не щадя, истязаете. По всему видно, заживо вознамерились посетить райские кущи. Если понадобится надежный попутчик, всегда к вашим услугам. Отправимся теплой компанией, последнее время только и думаю, как бы поскорее в раю оказаться. Вам бы сейчас кадило в зубы да хорошего богомаза с набором тонких кистей, уверяю, грандиозный портрет получился бы. По такому случаю готов название

подходящее для шедевра предложить. Настоятельно рекомендую: назовите парсуну «Спас в подворотне», осчастливьте дорогих прихожан чудотворным изображением.

У отца Наума, от такой неслыханной наглости, и без того не очень китайские, налитые кровью глаза увеличились до размеров алтарного диска, на котором разделяют под заклатие жертвенную просфору. Ему захотелось незамедлительно предать анафеме распявшегося богохульника, но учитывая, что глумление происходит в смутное время и не на церковном амвоне, отец Наум совладал с собой и промолвил сквозь пегую бороду назидательным тоном:

– Нехорошо, очень плохо, уважаемый красноармеец Чаплыгин, что именно в такой вызывающей форме позволяете себе приветствовать православное духовенство. Вам, как полномочному представителю командования, не совсем удобно делать публичные замечания, но и безмолвствовать по поводу вашего издевательского безбожия, конечно, тоже не стану. Церковь хотя и отделена от государства, но не отделена от народа божия и нам небезразлично, в каком состоянии пребывают бессмертные души наших православных мирян. Поэтому священство всегда будет стремиться к совместной работе с командованием, дабы действовать рука об руку на этом ответственном поприще. При доброй воле и взаимном расположении всегда можно находить обоюдное для души утешение.

В заключение отец Наум нервически передернул кустистыми бровями и, шепча тресвятие, картинно перекрестился, твердо прикладывая к плечам щепоти жирных еще от курицы пальцев. Но и это не все, потому что потом покорно уронил глаза долу и, творя молитву, принялся гладить широкой ладонью позолоченный крест вместе с пузом. Сделал он это весьма театрально, практически по-Станиславскому.

Петька хотел было оставить без ответа поповскую абракадабру, но, как истинный воин, не мог позволить себе покинуть поле брани, не сказав последнего слова. Лицо его приняло бескомпромиссное выражение, и он отвязался в крайне неуважительной форме по

отношению к человеку, облаченному в священные ризы:

– Не знаю, как кому, но лично мне наслаждаться взаимными утешениями совсем не с руки, многоуважаемый предводитель черного, белого или какого у вас там еще духовенства. Давненько разошлись наши стежки-дорожки. Закон Божий, должно быть, один на всех, только брюхо у нас по-разному скроено. Вы давненько на Земле, как в раю, обитаете, словно птицы небесные, ни сеять, ни жать не приходится. Вам-то чего в коммунистическое будущее торопиться, вы его для себя давненько под молитвы беззубых старушек состряпали. А нам еще долго до своего счастья придется корячиться. Церковь ведь за тысячу лет ни одного бедняка из нужды и холопства не вытащила.

В дверном проеме, за широкой Наумовой спиной, в перепоясанной портупеей кожаной тужурке, показался по-большевистски озабоченный комиссар. Он не стал вмешиваться в каверзные богословские споры, только акцентированно заметил увлеченным бесполезной болтовней однополчанам:

– У меня совсем нет свободного времени. Ты, Петька, если ко мне, поторапливайся, служение революции не знает свободных минут. А вы, Люсьена, уж будьте любезны, срочно подготовьте отчетные материалы о последнем выездном собрании партактива. И, как я уже намедни наказывал, соберите для ознакомления личные дела молодых кандидатов. Здесь надо быть всегда начеку, чтобы замаскированный враг из кулачной прослойки тайком не проник, не затесался в ряды нашей партии.

– Одну минуточку, – заторопился отец Наум, – я все же хочу объяснить с командирским ординарцем, сделавшимся по собственной воле моим оппонентом. Сейчас многие наловчились бравировать неуважением к духовенству, пренебрежением к православному исповеданию, даже общества безбожников для молодых людей открываются. Не требуется много ума, чтобы растоптать в человеке стремление к Богу, только это все одно что заставить горемыку без совести полный век коротать. Мы только делаем вид, что не находим следов бессмертия наших истерзанных душ, но эти следы обнаруживаются

на каждом шагу. Вот случится с человеком какая беда, не к безбожникам в клуб постучится – в церкви защиту станет искать. А если свадьбу с любимой захочет сыграть, без венчания в церкви не согласится. Пусть тайком, пусть без широкой огласки, но захочет духовного благословения, стало быть, поступит по зову души. Все это не единожды мною проверено, и вы, товарищ Чаплыгин, не считайте себя таким уж героем. Жизнь обязательно когда-то закончится, а с ней прикроются все ваши подвиги; поразмышляйте с собой на досуге, что будет потом и будет ли это потом лично у вас.

Петька враз смекнул, на какую свадьбу намекает хранитель опиума для народа. Рисковую тему потревожил потерявший после сытого возлияния бдительность, осмелевший благочинный. С такими вещами, как Петькина свадьба, шутить никому не дозволено. Ответ последовал незамедлительно, крайне жесткий:

– Венчаться приехать не обещаю, но вокруг церкви три раза с ветерком прокачу, это дело святое, еще и с пулемета пальну. Мы на прошлой неделе рождение сына у моего дружка обмывали, так из гаубицы по церковному куполу в деревне шарахнули. Должен признать, на этот раз устояла церквушка, деды наши кирпичную кладку мостили на совесть. Но ведь еще пара красных соколиков родится – и как пить дать завалим всю вашу контору. Теперь, если вы уже завершили молитвы, разрешите пройти.

Дождавшись, когда отец Наум, молча посапывая, опустит с дверного порога свое тучное тело, нахрапистый ординарец проследовал в недра революционного святилища. При этом, не оглядываясь, заворил за собой тяжелую дверь.

Посреди большой, еще хранящей запах вареной курицы комнаты насмерть стоял из резного красного дерева стол, густо заставленный по алой скатерти разнокалиберными бюстами вождей мирового пролетариата. Были здесь и миниатюрный Карл Маркс величиной с божью коровку, и незабвенный Жан-Жак Руссо, вылепленный самим комиссаром из красно-коричневой глины, но больше всех впечатлял рекордный, окрашенный в розовую гуашь Фридрих Энгельс,

практически тройного от натуральной величины масштаба. В красном, без традиционной иконы углу, рядом с разобранным пулеметом, красовался старинный несгораемый шкаф, габаритами под стать гигантскому Энгельсу, в котором хранилась промнавозовская гербовая печать вместе с трудовой общественной кассой. Все остальное пространство внушительного кабинета было предоставлено революционной символике. Сплошные «Вся власть советам!» и «Вперед к победе коммунизма!» на голосящих агитационных плакатах вдохновляли посетителей нескончаемым оптимизмом и верой в светлый завтрашний день. Эффект солнцезащитных, только с еще более красными стеклами очков действовал в комиссарском кабинете с нарастающей мощью.

– Ты чего это с попами воюешь? – нарочито весело поприветствовал командирского фаворита с добродушной гримасой товарищ Фурманов. – Давно в боях не бывал, скучаешь по лихой кавалерийской атаке? Понимаю, хорошо понимаю молодой твой задор, застоялись наши резвые кони.

Петька загодя знал, что разговор предстоит не из легких. Чем мягче примется стелить Дмитрий Андреевич, тем ухабистей окажется дорожка к своим законным деньгам. Но не прост, не наивен был ординарец, не с пустыми руками явился к распорядителю промнавозовской кассы. Поэтому ответил комиссару, не роняя ни капли боевого задора:

– Ни с кем не воюю, просто терпеть не могу, когда на сытое брюхо Христом забавляются. Я готов согласиться, что иному человеку нужен и Бог. Но зачем нужен Богу отец Наум, например, никогда не пойму. Хотя это самый главный вопрос для верующего человека. Мало ли кому чего в жизни нужно и хочется, важно понять: для чего нужен Богу ты сам. Вообще моя бабушка всегда говорила, что крест не на пузе, а в душе носить полагается. И еще говорила, что человек познавший, для чего он востребован Богом, уже пребывает, ему навсегда уготовано место в раю.

Комиссар удивленно вскинул по-пороссячьему белобрысые

брови. Был он весь какой-то неправильно чистый и бесцветный, как вылинявшая гимнастерка. Может, от долгого сидения в кабинете, а может, от великих переживаний за пролетарское дело, кожа на лице комиссара и особенно глаза приобрели водянисто-бледный окрас. Даже выпитая с отцом Наумом четвертинка матерого самогона и вареная домашняя курица не подтолкнули горячую кровь под его прозрачную кожу.

– Вот ты какой, не перестаешь меня радовать, Петр Елисеевич. Но позволь поинтересоваться: если так серьезно относишься к Богу, то зачем же по колокольням из пушек палить? Я хотя в этих вопросах и стою на твердых революционных позициях, но, как честный человек, должен признать, что подобная пьяная выходка уличным хулиганством по закону считается.

Разговор неожиданно приобрел вожделенную для Фурманова идеологическую подкладку. А здесь он в любимой стихии как рыба в воде, и потому не без любопытства ожидал Петькин ответ: «Иди знай, вдруг ляпнет, скотина, какую-то дурь непотребную, сразу же рапорт куда следует настрочу».

– Это чтобы черти в церквах не прижились, – с абсолютной убежденностью заявил ординарец. – В Бога можно верить или не верить, но нельзя отрицать, что место, где в самом деле обитает Господь, никому не дано осквернить. Если на храме рушится крест, то это говорит лишь о том, что его давно и бесповоротно покинул Христос. И надо еще хорошо разобраться, кто именно и почему не по нраву пришелся Спасителю.

Дмитрий Андреевич, озадаченный не слабым по тексту ответом, в глубоком раздумье подошел к отворенной форточке, раскурил оправленную в дорогое серебро черешневую трубку, и кабинет наполнился густым запахом старорежимного табака, с тонким фруктовым привкусом. Все-таки славно бывает после сытной трапезы убажить разомлевшее тело легким дурнопьяном благородного курева. В «Капитале», правда, об этом ничего не написано, видимо у Маркса на самое главное не хватило чернил.

– Мы, Петька, с тобой столько беляков за правое дело на фронтах революции перешлепали, что не только Богу, но и черту прислуживать мелковатым занятием скажется, – смачно попыхивая трубкой, с наслаждением любясь собой в клубах сизого дыма, изрек комиссар. – Ты знаешь, я последнее время склоняюсь к мысли, что люди охотнее верят не в Бога, а в черта. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сомневался в существовании нечистой силы. Как ни мудри, но с чертями нам проще, видать, находить понимание. А ты молодец, не ожидал. Тебе бы по-хорошему в партийную школу отправиться, неплохой для революции комиссар мог бы со временем получиться. Однако хвались, с чем пожаловал?

Разговор, таким образом, выкатился прямым ходом на финишную позицию, и ординарец с готовностью перешел к изложению деловой сути своего визита:

– Вы, Дмитрий Андреевич, не хуже меня осведомлены, с чем пожаловал, не надо делать вид, будто не слышали о заявленной нами свадьбе. У вас же повсюду осведомители с ослиными ушами стоят, заботу отеческую о красных бойцах проявляете, крепко переживаете, чтобы мы сослепу мимо счастья своего не проехали. Между прочим, Аннушка целый вечер лично для вас оформляла свадебное приглашение. Настоящий шедевр приготовила – до чего же ловка в рукоделиях ненаглядная невестушка моя оказалась.

Петька извлек из верхнего кармана гимнастерки аккуратно завернутое в наутюженный батистовый платок пригласительное извещение. Театрально поднес на ладони рукоделие к собственному носу и с наслаждением вдохнул знакомый Анкин запах, волнующе скупажированный из аромата свежего сена с вызовом дешевеньких саратовских духов. После чего вручил шедевр со словами: «Обратите внимание, у самого сердца носил».

Фурманов понимающе улыбнулся и принял из Петькиных рук персональное приглашение. Бережно развернул батистовый платочек с вышитыми гладью двумя целующимися голубками и подчеркнуто внимательно прочитал торжественное послание.

В открытке Аннушкиным каллиграфическим почерком сообщалось о дате бракосочетания и предполагаемом удовольствии от присутствия на нем всеми уважаемого комиссара. При всей дамской изысканности свадебного приглашения и способе его вручения, от Дмитрия Андреевича не ускользнула скрытая насмешливость счастливой молодости, дополняемая осознанием собственной безнаказанности чапаевских любимцев.

– Что тут скажешь, молодцы, хороший пример подаете для молодежи в дивизии. Надо постоянно смотреть в будущее, каждая новая семья окрыляет революцию надеждой. Для вас же, не щадя своих сил, прокладываем дорогу счастья напрямик в коммунизм. Вы с Анкой для меня ближе, чем дети родные, готов последним куском поделиться. Желаете, любой бюст вождя выбирай на столе для подарка, только Энгельса не могу от души оторвать. Советую обратить внимание на Плеханова, уверяю тебя, Анка от радости до потолка прыгать начнет. А насчет денег сразу предупреждаю: в промнавозовской кассе нет ни гроша. Сам рассуди, не хуже меня понимаешь, капелевцы дивизию со всех сторон обложили, мы вынуждены новые магистрали для прокачки печного топлива в землю закладывать. Одних только стальных труб за границей на десять тысяч червонным золотом закупили. Уже хотел и сейф из кабинета в приемную выставить, зря только место в углу занимает, пускай Люська в нем свою губную помаду хранит. Я уже прикидывал, размышлял про вашу долгожданную свадьбу, не знаю, что и делать, как вам помочь. Может, на следующей неделе козу на базаре продам, обязательно поделюсь последней копеечкой.

Петька именно таким и представлял лицемерный ответ комиссара, поэтому на его физиономии не выразилось никаких разочарований. Он с отсутствующим видом подошел вплотную к бюсту Фридриха Энгельса и начал с нежностью гладить его роскошную бороду. Мельком взглянул на Дмитрия Андреевича и мысленно попытался представить его точно с такой же бородой. Это вызвало абсолютно неуместную для серьезного разговора смешинку.

– Мы ведь не первый день знаем друг друга, – сказал, давя себе смех и лишь слегка улыбаясь, жених. – Денежки на свадьбу я и

сам как-нибудь раздобуду, только зачем же козу понапрасну губить. А явился я к вам, Дмитрий Андреевич, представьте себе, по личному распоряжению командира дивизии. Он приказал незамедлительно доставить в Разлив сотню целковых для каких-то секретных военных расходов. Не пойму почему, но просил убедительно, чтобы деньги предоставили в ненавистой вам царской монете. Похоже, что для важных стратегических целей понадобились, может даже заграничный лимузин решил для политотдела к юбилею революции наконец-то купить.

Фурманов так пыхнул черешневой трубкой, что с горелки посыпались бенгальские искры. Он полностью исключал самодеятельность – Петька не отважится по собственной инициативе спекулировать на авторитете Чапая. Значит, это был самый настоящий заговор, комдив принял сторону ординарца и решил своей властью обеспечить расходы на свадьбу. Дело принимало откровенно издевательский разворот. Все преимущества оказались на стороне хамоватого жениха, комиссар пока еще не был настолько силен, чтобы перечить чапаевской воле.

Он молча отворил тяжелую дверцу крашеного под орех несгораемого шкафа и, загородившись от непрошенных глаз своим большевистским телом, погрузился в его таинственное чрево. Долго что-то там перекаладывал с места на место, мучительно переживая бестолковую трату промнавозовских денег, однако нервно отсчитал десяток царских червонцев.

– Хороший ты парень, Петька, – сказал Дмитрий Андреевич, поворачиваясь к торжествующему победу ординарцу, – только запомни, бывают и лучше. Надеюсь, что все самое главное у тебя еще впереди.

Комиссар вынул из ящика письменного стола листок чистой бумаги и плотно завернул в него сложенные столбиком золотые монеты. Слегка подбросил на ладони увесистый тубус и, словно отрывая от сердца, вручил ординарцу. Не молча вручил, но, пристально глядя в глаза, высказал благословение:

– На полную катушку желаю повеселиться, только поберегите

подошвы, следите, чтобы обувка не прохудилась.

– Мы всегда начеку, – утешил Фурманова даже не пытающийся скрывать свой восторг ординарец. – Если получится, на свадьбу, пожалуйста, не опаздывайте, не заставляйте нас в такой радостный день волноваться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Почти над самым обрывом, там, где вольный Урал широкой излучиной отсекает крайние избы города Лбищенска, открытая многим ветрам, расположилась тщательно охраняемая казарма пулеметной роты. Станковые пулеметы, с любовью называемые красноармейцами «максимами», заслуженно считались главной ударной силой мобильной Чапаевской дивизии. Не случайно Василий Иванович лично распорядился занять под пулеметную роту отдельно стоящее помещение, к которому невозможно подобраться скрытым маневром. С одной стороны – полноводный батюшка Урал, с другой – хорошо просматриваемая улица, а значит, прицельно простреливаемое пространство. Все вместе делало пулеметную казарму по-настоящему крепким орешком.

Прямо от казармы, с заднего двора, по отлогому спуску были проложены длинные деревянные сходни, которые облегчали бойцам доступ к Уралу. Дневальные курсировали по сходням и черпали из реки чистейшую воду для повседневных житейских нужд. Иногда на реке красноармейцы устраивали шумные купания и затевали мелкие постирушки.

Жизнь и вода – понятия нерасторжимые, ученые давно уже скрупулезно подсчитали, на сколько процентов человеческое тело состоит из воды. Если к этим процентам добавить толику мелких пороков и глупостей, наполняющих нашу мятежную плоть, можно с лабораторной точностью установить ее полный молекулярный расклад.

Внизу, по малой воде, рядом с плоским деревянным помостом был забит капитальный березовый кол, на котором крепился шелковый трос для ловли донными крючьями знатной каспийской белуги, хорошая особь которой спокойно вымахивала до двух и более центнеров. В добрые времена редкий день обходился у Яицких казаков без пареной красной рыбы, редкое застолье накрывалось без свежего посола зернистой икры. А сейчас как будто благородная рыба

объявила бойкот очумевшему от братоубийства народу. Неделями снасти порожними полоскались в текучей уральской воде, не подавая сигналов о рыбацкой удаче.

Смотрящим осточертело без толку мотаться по сходням, проверять холостые снасти, даже лошадиный поддужный колокольчик подвесили на шелковый трос, чтобы не прохлопать улов. Но щедрый в прежние годы Урал не проявлял благосклонности к терпящим голоду чапаевцам. Это невозможно ни объяснить, ни понять, однако факт остается фактом – красная рыба словно возревновала к красному же цвету пролетарской революции, категорически отказываясь заплывать на нерест в Урал.

Петька сгорал от нетерпения козырнуть перед обожаемой невестой золотыми червонцами, так геройски добытыми к предстоящей свадьбе у неприступного в своей жадности комиссара. Увесистый тубус тяжелых монет, приятно оттягивающий карман армейских штанов, сам правил в пулеметную роту, где несла боевую службу пылкая красавица пулеметчица Анка.

Здесь же расчетливый ординарец планировал наведаться в казарменную кухню, чтобы разжиться к важным вечерним гостям осетровым балычком и баночкой свежего посола черной зернистой икры. У кашевара Арсения всегда имелся в подпольном леднике неприкасаемый запас всяких вкусностей из красной рыбы. Не только от Василия Ивановича, но и от товарища Фурманова регулярно наведывались посыльные в хорошо оберегаемый ледник пулеметной роты за опасной для желудков рядовых красноармейцев жратвой.

Кашевар, применительно к которому измерения ширина и высота не имели принципиальной разницы, дружелюбно поприветствовал словно песню ворвавшегося в кухню, пышущего энергией и восторгом чапаевского фаворита. Для демонстрации подчеркнутого уважения к гостю, Арсений отложил только что побывавший в кипящем котле здоровенный черпак и перво-наперво поинтересовался драгоценным здоровьем комдива. Получив благоприятные отзывы, мечтательно вспомнил про балалайку Кашкета и с готовностью

полюбопытствовал, чем может оказаться полезным.

Осведомившись о важных гостях и не менее важных приготовлениях к вечернему ужину, Арсений предложил ординарцу самому спуститься в ледник и на свой глазок подобрать для Чапая гостинцев, мотивируя тем, что своя рука всегда остается владыкой.

Это была традиционная постановка решения вопроса. Кашевар, таким образом, каждый раз демонстрировал свое полное доверие к комсоставу и на всякий случай снимал с себя возможную ответственность за некачественный выбор продуктов. Начальству угождать непростая наука. По-любому, то ли балык недоявленным, то ли икра пересоленной окажется.

– Ты, Арсений, давай дурака не валяй, – сказал не терпящим возражений тоном ординарец. – Собери чего следует да упакуй хорошенько, а я пока к Анке на часок отлучусь, про любовь поворкуем немножечко. Чем она, кстати, без меня занималась? Что разведка доносит, втихаря к ней никто не захаживал? Рассчитываю на тебя как на верного боевого товарища, шуру любому спущу – и тому, кто нашкодил, и тому, кто знал да помалкивал. У нашего комиссара есть хорошая присказка: «кто не с нами, тот всегда против нас» – вот по этому большевистскому правилу и буду, в случае чего, действовать.

– Едва ли кто-нибудь, Петр Елисеевич, к вашей невестушке подступиться отважится, – выразил законное сомнение на хитром глазу кашевар. – Своя, пусть и бестолковая, голова, она каждому дорога, в этом деле шибко не забалуешь. Аннушка ваша, я так думаю, с бельем на Урале полощется. С самого утра на кухонной печи наволочки да простыни в корыте вываривала. Если не у реки, так с пулеметом своим в оружейном сарае милуется.

С верхних ступенек крутых сходней во всю необъятную ширь открывался напоенный русским духом захватывающий вид на вольную своенравную реку, на зауральские заливные луга, с непересыхающими озерами и ериками, обросшими плотным кустарником. Примерно на полпути к горизонту начинался зеленый лес, не сплошной вздыбленной грядой, но рваными клочковатыми пятнами,

живописно контрастирующими с синевой бездонного неба. И еще робко торчащие в дальней дымке кресты колоколен, как маячки присутствия человеческой жизни, трогательно дополняли раздольный российский пейзаж.

Выйдя на дощатые сходни, ординарец слился всей широтой своей необъятной души с развернувшейся панорамой и даже ухватился за поручень, чтобы не поддаться настроению и не улететь ненароком в манящую бесконечную даль. Едва осмотревшись, он обнаружил суженую красавицу, которая в мокрой холщовой рубаше, низко наклоняясь над проточной водой, увлеченно полоскала бабье свое барахло.

Крадучись ступая по скрипучему деревянному маршу, Петька все явственней различал молодые упругие икры и бесстыдно выступающие задние прелести возлюбленной. Волнующая сердечная дрожь, предшествующая лихой кавалерийской атаке, завладела безудержным молодцем. На какое-то время он замедлил кошачий свой ход, потом вдруг сорвался разъяренным вепрем и сшиб захваченную врасплох принцессу в прозрачные воды Урала. Звериным тиском притопил пулеметчицу к самому дну и сильным, неотвратимым напором проник в ее вожделенное теплое тело.

Аннушка видела в воде открытыми перепуганными глазами хищный оскал своего повелителя и только в эту минуту поняла, почему в дивизии, за глаза, называют ординарца «бешеным». Страсть была так велика, что хватило немногих судорожных рывков, чтобы в обоюдном блаженстве затрепетать от сладостного восторга и медленно, едва живыми, ослабевшими телами, подняться на поверхность. Невеста, жадно хватая плотоядным ртом свежий воздух, накинулась было на жениха с кулаками, но тот по-детски простодушно заморгал голубыми глазами и уже ничего не оставалось, как броситься в сильные объятия и слиться в долгом, чувственном поцелуе.

Выбраться из воды оказалось задачей не менее сложной, чем взятие языка или обезвреживание пулеметного гнезда остервеневшего противника. Потому что на Петькиных галифе не осталось ни

единой пришитой пуговицы, ни одной уцелевшей подвязки. Другой может и стал бы отсиживаться в спасительной воде дотемна, но только не геройский чапаевский ординарец. Подобрал мокрые штанишки в охапку и, на всякий случай, озираясь по сторонам, он поскакал антилопой по сходням в казарму. За ним, неспешно, всамделишной царственной поступью, проследовала счастливая пулеметчица, втайне страстно желая, чтобы кто-нибудь для зависти оказался свидетелем этой оголтелой любви. И даже потом, когда развешивала на бельевой веревке мокрые мужские портки, нарочито долго возилась с деревянными прищепками, демонстрируя завистникам погранный стыд.

Оказавшись в Анкиной комнате, ординарец сполна реабилитировал себя за досадную невоздержанность, и уже лежа в горячей постели, молодые в который раз принялись обсуждать свадебные приготовления, уточнять гостевые списки и перечень обязательных к праздничному столу угощений.

Без злорадства, с легким юморком сравнили свадебное платье невесты с Люськиным, непременно вызывающе красного цвета, нарядом и поспорили о возможном, но обязательно жлобском подарке товарища Фурманова. На неожиданное предложение пулеметчицы втихаря обвенчаться у благочинного протоиерея Наума, ординарец даже подскочил на панцирной сетке и ответил сквозь зубы решительным «нет». Анка вплотную рассмотрела медальное лицо своего кавалера и сделала единственно верный для себя вывод, что с этим молодцем шутки, по-видимому, плохи.

– Эх, Анка, – мечтательно закинув под голову оголенную руку, после непродолжительного молчания заговорил Петька. – Вот перебьем беляков, шашки на гвоздь повесим, жизнь в дивизии наладим, умирать не захочется. Чапай по ночам карту стратегическую составляет, одному только мне и показывает. Тебе под большим секретом скажу: он после войны по всем ротам провода с электричеством протянуть собирается. Говорит, что электричество – это локомотивная тяга для коммунизма. Машин разных за границей накупим, ничего делать своими руками ни бабам, ни мужикам не придется. Живи и радуйся, только детишек успевай клепать да в хорошем достатке

растить и воспитывать.

– Так уж и ничего, – капризно возразила Аннушка. – А стряпать, а со стиркой возиться, а в огороде управляться твоему электричеству тоже прикажете? Мужики всегда так считают, что бабий труд никакой цены не имеет. Попробовали бы хоть на малое время все заботы по дому на себя возложить, сразу бы по-другому запели.

– Вот баба, ничегошеньки ты не понимаешь, – ласково потрепав любимую за нос, перешел на покровительственный тон ординарец. – За границей буржуи давно уже умных машин понастроили, таких, что и со стиркой, и в огороде будто по-щучьему велению сами справляются. Знай только подключай провода и задания всякие для удобства жизни придумывай. А сам тем временем разносолы всякие трескай да про мужа родимого не забывай, больше внимания и ласки сердечной подбрасывай.

Анка призадумалась на минуточку, как бы вспоминая что-то далекое, и, мягко отстраняя припавшего к ее налитым молодостью грудям ненасытного ординарца, тихим голосом убежденно ответила:

– А я люблю зарей на Урале с бельем полоскаться, на душе становится вольно и петь всегда очень хочется. Мне кажется, если ничего не делать, то жизнь, как у хрюшки в сарае, получится. Она ведь тоже всегда только жрет и глазенками бlyмает, никакой полезной работы не делает. Я, Петенька, сама со всем управляться намерена, можешь даже сказать Чапаю, чтобы к нашей избе электричество проводить не планировал. Хотя нет, пусть проводит, чтобы лампочки в доме повесить, – детям будет светло школьные книжки читать и прилежно уроки в тетрадках записывать.

Петька с тоской посмотрел на залитый солнечным светом подоконник, где вулканической горкой подсыхал извлеченный из шитого кисета намокший табак. Нестерпимо захотелось курнуть, чтобы солидней поумничать перед наивной невестой. Вместо табачной затяжки он насладился запахом обожаемого женского тела и продолжил беседу:

– Это ты так говоришь потому, что сама наукам никаким не обучена. Василий Иванович после войны всех учиться пошлет, кто упираться сдуру решит, того силой заставит. Он мне почти каждый день говорит: «Учиться, учиться и еще раз учиться». В будущем жизнь слаще постелится тем, у кого знаний и мудрости всякой побольше, здесь нет никакого сомнения. Умом свою жизнь люди так развернут, что в рай позовут, а многие еще упираться станут, за комиссарскую куртку цепляться начнут. Глядишь, и тебя Чапай учиться заставит, не век же с пулеметом в окопах торчать. Может, еще настоящим доктором в белоснежном халате окажешься, детишек станешь лечить или захворавшим красноармейцам уколы с лекарствами ставить.

Анка не без гордости представила себя в глаженном халате, со слуховой трубкой и позолоченных очках – все как у взаправдашних губернских врачей. Больше всего она обрадовалась блестящим очкам, верному признаку чего-то необыкновенно серьезного. А вот по поводу ума и учебы справедливо заметила:

– Да ведь толком никто и не знает, когда ума больше, а когда и поменьше. Если совести побольше – это сразу видать, а с умом полная неразбериха. Мы вот думаем, что Чапай самый умный, а люди в дивизии голодно живут, значит, что-то неладное делает. Может, Фурманов во всем виноват, худое влияние на комдива оказывает. Мы на первых порах и без партии неплохо с беляками справлялись. Перебили бы всех подчистую и без кожаных курток порядок на свой лад навели. На комиссаров, поди, тоже где-то олухи учатся, не с неба же они к нам в дивизию падают. Ты скажи мне, Петруша, вот родится после свадьбы дитя, если парнем окажется, на кого учиться пошлем, кем мечтаешь вырастить первенца своего?

Петька даже приподнялся на локтях, до того неожиданным оказался Анкин вопрос. Ему будто и в голову не приходило, что после их любовных утех вполне могут появиться настоящие дети. Быстро справившись с неожиданным для себя откровением, он с готовностью выпалил:

– Сын наш будет полководцем великим, как Василий Иванович

или как Михайло Кутузов, на другое я ни за что не согласен. Правда, и одноглазый сынишка мне не очень-то люб. А если в кожаной куртке, как Фурманов, родится, так лучше ему у тебя в животе оставаться. Я тогда его, Анка, все одно назад затолкаю. – Шутник даже сам закатился от смеха, удивляясь пришедшей в голову веселой фантазии. Потом успокоился и серьезно продолжил: – Я тут недавно прикинул и покоя лишился, неужели нашего Владимира Ильича или Александра Македонского сделали так же, как меня и тебя. Чапая еще куда ни шло, но Ленина?

Анка не выразила живого интереса ни к ликованию, ни к бредням жениха относительно великих людей. Глаза ее странно расширились, сделались грустно-серьезными, и она, обращаясь к детским воспоминаниям, проникновенно сказала:

– А я вот мечтаю про сына, чтобы он, как покойный мой дедушка, птицеловом добычливым стал. Дедушка Ваня всю долгую жизнь с певчей птицей не расставался, клетки готов был с утра до ночи мастерить и все больше на природе ловчие снасти испытывал. Барину под Благовещенье целыми стаями птиц поставлял, для весеннего вылета, да на праздничных ярмарках с шутками весело торговал. Очень часто и меня на зимний промысел брал, вдвоем ведь сподручней шелковистые сетки растягивать. Ты даже представить не можешь, что за радость принести с мороза большую плетеную клетку с добытой птицей. Таким звонким гомоном наполнится горница, таким птичьим счастьем, будто в райском саду оказался. Мы иногда даже начинали щебетать всей семьей вместе с птицами. Приведи мне судьба родиться на свете мужчиной, только и делала бы, что без усталости в полях с ловчей клеткой носилась.

Бывают женщины, к которым нельзя приспособиться, невозможно привыкнуть, потому что они неиссякаемы в своих неисчерпаемых фантазиях и ненасытных желаниях. От этого и происходит их бесконечная пленительность и стержовность. Они влекут к себе всякого мужчину, манят своей одержимостью, пока, наконец, тот полностью не иссякнет, не обанкротится, даже с широкой и щедрой душой. Тогда женщина, не оборачиваясь, без жалости и сожаления

идет к другому, как к новому источнику праздника жизни. Анка была из тех неумных особ, с которыми жизнь всегда полна неожиданностей. Даже в простой ситуации, связанной с судьбой возможного сына, она оказалась более чем оригинальной и заставила ординарца поволноваться.

– Вот, тоже еще придумала, птицелова в дом привести, – запротестовал Петька. – Мне такой соловей и бесплатно не нужен. Парень должен быть человеком военным, все остальное – одно баловство, от слабости тела и недостатка ума, этот вопрос решен для меня окончательно. Так что давай не дури, вынь да положь, предъяви мне хотя бы Суворова, надо же нам еще разок наведаться в гости за Альпы. А певчими птицами, Аннушка, на том свете, в раю, наслаждаться придется. Если, конечно, терем уютный мне с тобой архангелы в яблоневом саду приготовили.

Петька Чаплыгин неожиданно выскочил из жаркой постели в чем мать родила, выхватил из-под стеганого одеяла голую пулеметчицу, притянул к себе железной хваткой и стал как угорелый кружиться с ней по тесной комнатенке.

– Так люблю тебя, что когда-нибудь возьму и раздавлю насмерть. И сам радостно погибну вместе с тобой.

– Вот этого я больше всего и боюсь, Петенька, – гортанным голосом сказала Анка и мягко выпросталась из его звериных объятий.

От страха ли оказаться раздавленной или от внезапной воздушной свежести, все литое под мрамор, матовое тело красавицы покрылось мелкой гусиной кожицей. На роскошных сосках эта тревожная пупырчатость проявилась особенно явственно. И Петька, не удержавшись, потянулся к ним с ласковым поцелуем. Но Аннушка, словно испуганная лань, юркнула в еще горячую постель и укрылась одеялом до подбородка.

В короткой душевной схватке между служебными обязанностями и ленивым влечением пресыщенной плоти, верх одержало военное правило, по которому – первым делом пулеметы, а кое-что

обождет на потом. И ординарец тактично переключился на деловой, озадаченный тон:

– Принеси, Аннушка, штанишки с веревки, на ветру, должно быть, просохли. Пуговиц каких-то пришей, надо же будет в Разлив добираться. Приведешь в порядок портки, а я отлучусь к кашевару на кухню, заберу у Арсения командирский гостинец. Перекусим маленько и пора разбегаться, еще не со всеми делами управился. Чапай на вечер ужин с высокими гостями назначил, по всему вижу, встреча предстоит не простая, готовится больно ответственно, может даже Фрунзе заявится. Тебя велел пригласить, за столом поухаживать. Так что смотри не опаздывай, заодно доставишь харчи от Арсения. Задницей не шибко при чужих людях выкручивай, я ведь добрый и тихий до времени.

Анка, предварительно заставив ординарца отвернуться и не подсматривать, быстро прибрала себя в домотканое женское платье. Так же быстро и ловко привела в порядок постель и, нарочито картинно завораживая не слабым лафетом, вышла из комнаты, прикрыв за собой скрипучую дверь.

У Петьки в расположении с самого утра наметилось одно деликатное дельце. Ему необходимо было во что бы то ни стало, сегодня же, повидаться с Кашкетовым кумом Гаврилкой, который нес службу в конюшне четвертой сотни и который единственный знал о вчерашней вылазке за линию фронта. У Гаврилки он брал на дорогу строевого коня и белогвардейское обмундирование, добытое в недавнем бою и надежно припрятанное на сеновале. В том, что Чапаю стало известно о ночной вылазке к белякам, виноват, в первую очередь, был конюх Гаврилка, и оставлять подставу без наказания Петька, разумеется, не мог. Такие подарки не входили в его личный кодекс суровых, бескомпромиссных даже по мирному времени правил.

Конюшни четвертой сотни квартировали в старинных купеческих лабазах, размеченных по базарной площади уездного города Лбищенска, в аккурат напротив обшарпанного кафедрального собора. В добрые благословенные времена на площадь съезжались

знаменитые рыбные ярмарки. Купцы возами перли на продажу пудовых мороженных судаков и жерехов. Торговали всеми сортами вяленой и копченой рыбы. На святках подвозили дорогой красный улов, добытый зимним багрением, конечно уже после того, как Яицкие казаки полностью завершали поставки к царскому придворному столу. Торговали празднично, бойко, вперемешку с кулачными боями, пьяными плясками и крестными ходами, под перезвон соборных колоколов.

Ныне только забитые накрест перекошенные церковные врата да осиротевшие купеческие строения уныло и безмолвно горевали о прошлом. Лабазы попеременно, с разным успехом, грабили то белые, то красные, а то и обыкновенные любители пограбить, без всяких политических прикрас. Грабили до тех пор, пока не остались абсолютно опустошенными на удивление крепкой кладки кирпичные стены и прочная железная кровля. Вот по этим заброшенным строениям и были, собственно говоря, размещены боевые кони четвертой, не знавшей поражения сотни.

Петька размашистым, все сметающим на своем пути ходом пересек базарную площадь, через которую, припадая на заднюю лапу, тащила бессильно свисающий хвост какая-то издыхающая от старости дворняга. Он миновал караульного у крайней конюшни, даже не ответив ему на приветствие, и отворил пинком сапога прикрытую дощатую дверь. Ординарца обдало запахом конского навоза и свежего сена. В этой настороженной, изредка нарушаемой резкими пофыркиваниями тишине текла неспешная лошадиная жизнь.

Гаврилка без гимнастерки, в подпоясанных веревкой штанах, беспечно беседуя наедине сам с собой, замешивал на проходе в деревянном корыте битый овес с пареной репой. Излюбленное, между прочим, лакомство для молодых стригунков. Он даже ни оглянуться, ни испугаться по-человечески не успел, как получил пушечный удар из-под Петькиного кулака-катапульты. Пролетев полконюшни без парашюта, Гаврилка крепко саданулся башкой о кирпичный простенок и шмякнулся в теплую навозную жижу. С кровью выплюнув пару досрочно отслуживших зубов, про запас отоваренный конюх уныло

размазал кровавые сопли, от самого локтя до запястья костей, и, запынаясь, пролепетал:

– Я же ему по-братски, почти как себе доверял, а еще кум называется. Чтобы он околел до срока, подлюга.

– Вот и я тебя по-братски уважил, – брезгливо констатировал ординарец. – Попадешься еще хоть раз на глаза, остальные зубы до нуля подсчитаю. Буду бить, пока рога на макушке не вырастут, а потом добавлю за то, что долго росли. И запомни: нынче же ночью перенесешь трофейное обмундирование в штабную конюшню, там хорошенько закопаешь на сеновале. Не забудь при встрече передать Кашкету мой большевистский привет, он у меня теперь на очереди следующий, по льготным тарифам обслужится. Можете даже посостязаться, чемпионат среди потерпевших устроить, у кого зубы крепче окажутся.

Петька Чаплыгин сплюнул в сердцах, круто развернулся на одном каблуке и, не оглядываясь на утирающегося кровавыми соплями конюха, победоносно направился к выходу. Уже у самых настежь раскрытых дверей вовремя вспомнил, что ночью, спускаясь в глубокий овраг по мокрой траве, притомившийся конь заломил неловко копыто и начал заметно прихрамывать. Ординарец тотчас же вернулся, внимательно осмотрелся по стойлам и нашел опечаленного болью коня. Тот стоял с приподнятой задней ногой, с заметно припухшим, подрагивающим нижним суставом. Глаза животного болезненно слезились и выражали покорность судьбе.

– Быстро двигай сюда, скотина, – громко позвал Гаврилку ординарец, – веревку неси.

А сам принялся гладить по холке страдающее животное с вызывающим уважение неподдельным участием, как будто и в самом деле готов разделить, принять на себя часть его боли. Сострадание переживалось настолько сердечно, что у Петьки ощутимо заныло в нижнем суставе, как будто это и он, вместе с конем, подвернул темной порой собственную ногу.

– Я же дважды предупреждал, что конь подвернулся, разве трудно было замотать ему ногу. И кто тебя, предателя, только на свет народил? – уже без всякой злобы, просто ради правды заметил Петруха.

Конюх рысью метнулся по деннику, снял со стены веревочный жгут и, подбежав к стойлу, начал хлопотливо рассматривать поврежденную ногу. После чего тщательно размял опухший сустав, разгладил со всех сторон твердыми пальцами. По вздрагиванию сильного крупы можно было догадаться, что коню очень больно, но он терпеливо доверился врачующим людям. Наконец Гаврилка, не отрываясь от поврежденной ноги, по-деловому спросил:

– Ты будешь перематывать или я? Наверное, у меня это лучше получится.

– Перематывай ты, а я коня придержу, ему же несладко придется при этом.

Петька с материнской нежностью прильнул теплой щекой к влажной морде коня и начал по-детски шептать ему на ухо приятные лошадиные радости, которые наступят после небольшого терпения. Гаврилка, как заправский коновал, подлез под брюхо животного, без страха, профессиональными движениями принялся врачевать поврежденное место. Плотным рядком от самого копыта уложил веревочный жгут и затянул концы в цыганский узел.

Только после завершения всей операции хворый конь высвободил из Петькиных объятий взопревшую голову, повернул ее и уставился налитым кровью глазом на веревочный жгут. Несколько раз попробовал опереться копытом об пол, обнаружил некоторое улучшение и в знак благодарности закивал головой.

– Как думаешь, выдюжит конь? – негромко поинтересовался ординарец.

– Выдюжит, еще здоровее окажется, – с уверенностью ответил сведущий конюх. – Надавлю капустного сока и буду все время подмачивать жгут, через пару дней как рукой снимает. Можно сразу

седлать и в парадный строй выводить.

Петька достал из кармана серебряный полтинник, вертанул его щелчком большого пальца правой руки, подхватил на лету и сунул Гаврилке с наказом:

– Вот возьми, купишь несколько ведер овса с отрубями, покорми хорошенько коня, негоже оставлять в беде боевого товарища. А за зубы никого не вини, сам заработал, может, до свадьбы новые, лучше прежних вырастут да ума хоть немного прибавится.

И уже со спокойной, заметно облегченной душой ординарец покинул конюшню. Теперь все военные действия на сегодняшний день были благополучно завершены, но оставалась еще одна, довольно непростая оказия, не терпящая уже никаких отлагательств. Надо было непременно появиться у Алексея Игнатьевича, знатного кузнеца и уважаемого по всему казачьему Уралу человека. Дважды приходили от кузнеца посыльные, передавали просьбу о встрече. Петька безошибочно догадывался для чего и кому нужна эта встреча и даже не сомневался, о чем пойдет на ней речь. Поэтому, положи руку на сердце, отправился на разговор не в самых розовых ожиданиях.

Дело в том, что большинство счастливых обитателей легендарной Чапаевской дивизии, в силу разных причин, едва ли не от молодых ногтей, пребывало под магическим воздействием sacramентального слова «халява». Любовь к дармовщине, иногда в воспитательной, а часто и откровенно придурашливой форме, закладывалась в сознание людей с самого детства. Не только прекраснодушные народные сказки изобиловали и улаждали душу бесконечными «вдруг откуда ни возьмись» или «по щучьему велению», но и доминирующее христианское исповедание было прицельно ориентировано на принятие дармовых небесных подношений.

Каждый православный священник, облаченный в длиннополую черную ризу, неотлучно имел при себе карманный молитвослов, убористо испещренный магическими текстами, способными повлиять на любую житейскую ситуацию в капризной человеческой судьбе. Эти чудотворные прописи, дарующие небесное заступничество,

вычитывались сердобольными чревовещателями иногда за малую, но порой и за вполне ощутимую мзду.

Захотел, предположим, человек заняться обыкновенной торговлей. Ему в первую очередь полагалось обратиться к главному распорядителю небесной благодати, к хранителю благочестия протоиерею Науму. Тот с видом циркового факира извлекал из штанов карманный молитвослов, вычитывал в рубрике «торговля» магические изречения, исторгнутые из уст Иоанна Сочавского, и великомученик тут же принимался за дело, то есть начинал умножать в торговле положительное сальдо. После чего барыши просто лавиной сыпались на голову клиента, позолотившего Науму упрямо выставленную лапу. Заступничество великомученика естественным образом напрямую зависело от размеров подношения и готовности отзываться на неиссякаемые нужды отца Наума. В целом, складывалось впечатление, что Иоанн Сочавский возглавлял в небесной канцелярии министерство торговли вкупе с главным налоговым ведомством.

Или вот вам еще одна, знакомая каждому хлеборобу житейская ситуация. Предположим, у кого-то в хозяйстве прихворнула кобыла. Такая беда случается сплошь и рядом. Что может приключиться на крестьянском подворье более досадное, нежели потеря конской тягловой силы? И опять-таки ничего нет вернее, как с полтиной в зубах притащиться к протоиерею Науму, то бишь к распорядителю небесной благодати, чтобы он справил молебен взявшим над домашними животными силу Флору и Лавру. Хворая кобыла еще до завершения требы начинала грызть в нетерпении удила и чуть ли не напяливать на себя рабочую упряжь. Многие в Чапаевской дивизии не без основания полагали, что Иисус Христос в Нагорной проповеди только и говорил, что о процветании торговли да о благоденствии хворых кобыл.

Случались, конечно, иногда и проколы, может быть и довольно досадные. Так однажды, не ведавший устали благочинный намолил молодой казачке, чтобы ее доблестный муженек в самое ближайшее время дослужился с двумя Георгиями до почетного звания есаула. Поп поймел за эту недешевую услугу полновесный царский

червонец. Не прошло и недели, как с фронта пришла печальная весть о потере несостоявшимся есаулом левого глаза и правой ноги. Рассвирепевшая казачка отловила вечером на церковном подворье неустанного молитвенника и принялась обхаживать его огрызком оглобли, ритмично приговаривая: « Это тебе за Георгиевские кресты, а это тебе за есаула».

Когда Фурманов в самый разгар революции с восторгом обрадовал, что большевики твердо решили бесплатно раздавать крестьянам землю, многие восприняли эту новость как давно ожидаемую и приятную во всех отношениях халяву, хорошо усвоенную с детства по любимому правилу «вдруг откуда ни возьмись». У отца Наума с утра до ночи не переставал захлопываться молитвослов на странице с откровениями священномученика Харлампия, который взял великую силу над плодородием целинных и пахотных земель. Свой собственный урожай благочинный собирал немедленно и, в перерывах между молитвами, аккуратненько складировал в глиняный горшок, припрятанный в углу за большим домашним киотом.

Самые завзятые любители дармовщины наперегонки поскакали в поля и принялись сажеными аршинами межевать бесплатную землю, а когда чуть-чуть охолонули, с удивлением обнаружили, что среди захватчиков шары почему-то оказалась одна только голытьба. Кое-кто прискакал практически без порток, с готовностью начинать сладкую жизнь от самого первого бездельника, праотца нашего Адама. Голодранцы поликовали, поплясали на бескрайних просторах, но очень скоро выяснилось, что жрать сильно хочется. Земля на вкус оказалась отнюдь несъедобной, а гнуть коромыслом спину и преодолевать расстояние от непаханого клина до поджаристой караванной корочки ни умения, ни горячего желания не было.

Дмитрий Андреевич усадил всех возбужденных обладателей дармового клина в тесный кружочек у чадающего сушеным кизяком костерка и прочитал натошак большую главу из «Капитала». Читал с выражением, как военную присягу, но желаемого чуда насыщения революционных крестьян пятью неиссякаемыми хлебами не произошло. Голодные мужики с тоской помянули благословенную щедрость

Евангельской притчи и в сердцах подвергли сомнению могущество пролетарских вождей.

С каким выражением ни читал комиссар страницы из «Капитала», как ни изгалялся благочинный отец Наум, размахивая чудодейственным молитвословом, в дивизии оставались упрямы, которые привыкли уповать лишь на собственный труд и житейскую добропорядочность. Им незачем было метаться наперегонки по полям, отмерять десятины бесплатной земли. Они продолжали упорно трудиться в своих крепких крестьянских хозяйствах, попивая по вечерам дружными семьями малиновый с баранками чай. Это обстоятельство больше всего раздражало и нервировало пламенных революционеров. Фурманов давно уже сообразил, что от прискакавших в поля голодранцев толку не будет и дивизию, скорее всего, накроет всамделишный голод. А вот если подпутать бесплатной землицей зажиточных мужиков, одарить их неслыханной милостью от большевиков, у власти появится законное право потрошить по осени чужие закрома, по-революционному распоряжаться зерновыми запасами.

Третьего дня, затянув покрепче портупееми кожаную куртку, Фурманов обошел с вооруженным нарядом зажиточные подворья и радостно объявил их хозяевам, что советская власть, от великих щедрот и от избытка любви к хлеборобам, приняла решение наградить мужиков бесплатной землицей. По окончании речи стоящий за плетнем духовой оркестр, в лице трех напрягающих небритые щеки музыкантов, заиграл триумфальный «Туш».

Смышленные зажиточные мужики с почтением выслушали благую весть, но не проявили должного энтузиазма, не побежали наперегонки в поля межеваться. Тогда Дмитрий Андреевич обошел по второму кругу крепких хлеборобов, предварительно увеличив вооруженный наряд и добавив в оркестр улиточную валторну да еще корнет «ля пистон», и уже очень строго обрадовал: если мужики добром не примут в подарок от советской власти бесплатную землю, будут иметь дело с «чрезвычайкой». Никто еще толком не понимал, что обозначает новое слово «чрезвычайка», но было в самом его произношении что-то подозрительно знакомое, нестерпимо созвучное

строчащему пулемету.

В светлой горнице зажиточного кузнеца Алексея Игнатьевича за раздольным, как деревенский майдан, сосновым столом, сидел десяток потомственных хлеборобов, веками возделывающих благодарную приуральскую землю. Они выращивали почти весь потребляемый в дивизии хлеб и, кроме неистового желания трудиться, не имели ни к кому ни малейших претензий. Но в этом и была их роковая ошибка. Потому что купаться в достатке и радоваться жизни без молитв протоиерея Наума или щедрот пролетарских вождей в дивизии никому отродясь не полагалось. Тем более сейчас, когда у красных бойцов начинали возникать недобрые подозрения: а стоило ли вообще затевать большевистский переполох?

Хорошо памятуя, что «бесплатно только птички поют», собравшиеся у Алексея Игнатьевича мужики играть с революционерами в поддавки вовсе не собирались. Аппетит у большевиков был шакалий, и бесплатная земляца, при любом раскладе, должна была закончиться для крестьян бесплатным же отбором урожайного хлеба.

Петька сидел за сытно накрытым столом рядом с хозяином дома, что само по себе свидетельствовало о значительном к нему уважении, и за обе щеки уплетал рыбный пирог с судаком и тушеной капустой. На малый сход Чаплыгина пригласили с надеждой, что он, как человек с казачьей закваской, сможет по-свойски повлиять на комдива и власти оставят работающих мужиков в покое. Они готовы были поставлять для пропитания в дивизию хлеб, по справедливому, разумеется, ценам, отвечающим нуждам хозяйства. Готовы были отпускать выращиваемый хлеб в рассрочку, с выплатой под ответственность Чапая, лишь бы власть не беспокоила бесплатной, дармовой землей и не преследовала «чрезвычайкой». Уже было выпито немало графинов высокоградусной житней водочки, уже были доедены пироги с грибами и клюквой, но к общему плану согласованных действий уважаемый сход пока еще не пришел.

– Не понимаю я вас, – обстоятельно рассуждал ординарец, запивая грибной пирог шипучим медовым квасом, – чего вы кобенитесь?

Советская власть нарекает крестьянам в вечное пользование лучшие земли, мы за нее, между прочим, немало собственной крови пролили. Владейте бесплатно землицей и спокойно трудитесь, об чем вы хлопочете? В царские времена о такой манне небесной наши деды и думать не смели. Это же самая первая цель коммунизма – каждому хлеборобу предоставить бесплатно свой земляной надел, чтобы жилось и трудилось в свое удовольствие.

– Бесплатная землица, паря, достается только покойникам, потому что от них назад ничего не получишь, – процедил, играя желваками, порядком захмелевший казак дядя Михей. И тоже отхлебнул из глиняной кружки шипучего кваса.

На крепком подворье старого казака, межевавшем в аккурат с Петькиным отчим домом, еще до революции в образцовом порядке содержались справная рабочая лошадь, строевой, под седлом гарцующий конь да пара откормленных неутомимых волов. Настоящим хозяином был Георгиевский кавалер дядя Михей. За безупречную службу, по казачьим законам, он получил на вечное пользование изрядный надел родючей земли и упрямым крестьянским трудом сколотил нехитрый деревенский достаток. В семье подрастали два сына, которым полагалось к сроку поставить отдельные избы, помочь обзавестись полезной скотинкой, поделиться землей. И со всем бы управился работящий Георгиевский кавалер, если бы власть в дивизии не захватили кожаные куртки, которые полжизни проболтались по каторгам, а теперь вознамерились предоставить народу светлую участь. Потому что где-то на берегах мрачного Рейна двое отнюдь не обездоленных жизнью мечтателей, в перерывах между лафитом и кофеем, воспылали любовью к сталеварам и конюхам.

– Мне, мой милоч, землю задаром никто не давал, – сжимая в кулак клещеватую мужицкую лапу, продолжил дядя Михей. – Я за нее порядком своей и чужой крови выпустил, двадцать лет верой и правдой прослужил царю и отечеству. Вот ты только что сказал, что вы кровь на фронтах не щадя проливали. Согласен. Уж не знаю, для чего вы ее между своим народом проливали, только Россия большая, хватит на всех. Пускай комиссары берут со своими голодранцами

бесплатную землю и пашут во весь горизонт, кто им мешает наладить богатую жизнь. Фурманов для чего шастает с ружьями по крепким мужицким подворьям? Это за что нам такое внимание, мы чужого в свой дом никогда не тащили. Большевикам хотелось землицы – они ее сполна получили, только хлеба сама земля не уродит. Вот и ищут комиссары дармовую хребтину, на которую можно взвалить нелегкий крестьянский наш труд.

От Петькиных глаз не укрылось, что все присутствующие за хлебосольным столом мужики единодушно разделяют позицию старого казака, да и ему самому были близки и понятны слова задиристого дядьки Михея. Но он также был осведомлен и разделял положение своего командира, на плечах которого лежала забота о содержании красноармейцев и их многодетных семей. Все резервы давно уже были исчерпаны, после недавнего урезания котловых пайков в одном из эскадронов поднялась голодная смута, и Чапаю пришлось лично приложиться к оружию. Однако и авторитет комдива имеет свой, пусть и высокий, но все же предел, без хлеба дисциплину в дивизии не удержать. Поэтому ординарец строил беседу в примирительном русле.

– Ну хорошо, давайте спокойно обо всем потолкуем, – обращаясь к присутствующим, предложил, отставив пустую тарелку, ординарец и обтер рукавом гимнастерки замасленный рот. – Мы в революцию для чего подались, чтобы всему трудовому народу и вам, в том числе, жилось много лучше. Советская власть за бесплатно отдает мужикам вольные земли, чтобы спокойно трудились и делались все зажиточней, все богаче. А вы начинаете мордой крутить, напраслину на Советскую власть не по делу возводите. Чего здесь скрывать, нам сейчас нелегко, надо же как-то с беляками покончить. Потерпите немного, помогите нам с хлебом, а потом шашки на гвоздь и вместе такую жизнь в дивизии развернем, что никому и не снилось. Коммунизм ведь построим, все общим сделается, будешь есть пироги и не знать, чьими мозолями этот хлебушек добыт. Набивай только пузо и не забывай революцию благодарить. Пускай вы сегодня сомневаетесь в комиссарах, но Чапаю вы не можете не доверять, он за

вас жизнь готов положить.

– Для чего вы затевали революцию, эта ваша забота, – не стал возражать суровый казак дядя Михей. – Но лично я об этом никого не просил, отродясь не желал, чтобы кто-то за меня мою жизнь обустроивал, делал ее на свой лад сытней и богаче. Мне, может, в самый раз приходится то, что имею, и о другом никогда не тужу. И что это за дурость такая, скопом крестьянскую жизнь проживать, может вы и мою женку гуртом обгулять собираетесь. Ты, Петька, или дурой прикидываешься, или взаправду блажной, не понимаешь, что землю дадут за бесплатно, чтобы потом заставить бесплатно на ней же работать. Земли никогда не бывает вдоволь, я готов прикупить немалую часть, у меня сыновья подрастают, должен приготовить им хозяйский надел. Но только за отцовские деньги, чтобы дети мои ни перед кем не оказались в долгу. Чтобы никто не пришел с карабином и не согнал со двора, как приبلудную паршивую псину.

– Пустое городите, дядя Михей, – самодовольно вытянув под столом длинные ноги, ответил Петруха Чаплыгин. – Советская власть, она ведь народная, зачем же ей ходить поперек честного хлебороба? Если совсем без дураков, то любая власть при желании может согнать с земли мужика, включая и ваших сынов. И совсем не важно, как досталась она, за свои ли, за чужие деньги, вы это знаете не хуже меня.

– Не сгонит с законной земли ваша власть, – даже подпрыгнул на скамейке взъерошившийся дядя Михей. – Потому что тогда сыновья на вилы посадят твоего комиссара. Купленного никто не отдаст, а бесплатное в руках не удержишь. Я за свое кому хочешь глотку перегрызу, так и передай своему командиру. Чего вы молчите, мужики, – обратился ко всем присутствующим расхोлившийся старый казак. – Может, я неверно чего говорю, ждем твоего слова, кум Алексей.

Собравшиеся за общим столом молчали не потому, что им нечего было сказать, и совсем не из осторожности держали язык за зубами, – для них важно было услышать последнее слово Алексея Игнатьевича, для этого многие и явились сюда. Они терпеливо ждали, как приговора, его последнего слова. Как поступить с

бесплатной землицей, принимать решение мог только он, признанный по всему течению казацкого Урала, не единожды проверенный временем народный вожак. Князем промежду собой уважительно величали мужики Алексея Недюжева, на то имелись серьезные, более чем убедительные причины.

Предки знатного кузнеца Алексея Игнатьевича никогда не носили княжеского титула. Был он дальним отпрыском старинного казачьего рода Недюжевых, тех самых, что выдали в жены Емеле Пугачеву молодую казачку Софью. Много всякой воды утекло с времен Пугачевского восстания, но народная память намертво закрепила в своем арсенале героика казачьего бунта.

В бесконечно перелицованной книжной истории нашего беспокойного Отечества это наверняка одна из самых скупо заполненных страниц. Прежде всего потому, что на Пугачевский мятеж накладывалось жестокое табу всей чередой коронованных российских властителей. В свое время великий русский поэт коснулся запретной пугачевской темы в «Капитанской дочке» – и немедленно отведаль свинца, поощрительным приветом от дома Романовых. Дабы никто не сомневался, каков он русский дух и чем все это может пахнуть. Потому как зловеще неистребимы глубинные мотивы той стихийной крестьянской войны.

В середине восемнадцатого века на российский престол, в результате дворцового переворота, взошла несравненная Екатерина Великая. Прусского происхождения, императрица решительным образом продолжила реформы, начатые еще Петром, на европеизацию страны, разумеется, милого ее сердцу германского разлива. Екатерина правила страной беспощадно и расточительно, не церемонясь с подопечным народом и опираясь только на избранных фаворитов.

По существу, все Екатерининские преобразования несли на себе черты оголтелого глумления над русским миром. При дворе с особой доблестью состязались в показном презрении всего исконно русского – начиная от родного языка и заканчивая православным

исповеданием. Многие чада известных придворных особ вообще не умели изъясняться на русском. А чего стоила одна только секуляризация, которой императрица поставила православную церковь по всей Святой Руси на крайнюю степень нужды и унижения? И, как знать, не выступи тогда Пугачев в защиту русского мира, не подымись казачество на Яике, еще неизвестно каким бы духом сегодня животворилась великая Русь. Многим намерениям Екатерины не суждено было уже после этого сбыться.

Стихия византийского бунта была подавлена ревнителями римского запада жесточайшим образом, и прежде всего потому, что православному духовенству недоставало гражданского мужества поддержать свой богоносный народ. Это преступное малодушие возымело необратимый характер и потянулось гнилой нитью через всю дальнейшую жизнь православной Руси.

Далекie предки Алексея Игнатьевича после пугачевских событий оказались лишенными казачьего чина и вынуждены были осваивать мирную профессию. Лучшим по всему течению батюшки Урала сделался кузнечный уже род бывших ратников. Большой удачей считалось для Яицкого казака заполучить шашку, сработанную в кузнице знаменитых Недюжевых. И порода, и кровь, текущая в жилах этих мастеров огненных дел, вызывали к себе уважение и являлись порукой непререкаемого авторитета на долгие годы.

Вот почему зажиточные хлебобобы собрались на малый сход именно в горнице Алексея Игнатьевича, вот почему терпеливо дожидались его последнего слова относительно бесплатной землицы от большевистских щедрот.

– Что я вам скажу, мужики, – начал глуховатым голосом отпрыск старинного казачьего рода, положив бессильно на стол руку с непомерно тонкими для кузнеца благородными пальцами и обручальным, еще от предков, кольцом. – Каторга страшна не страданием, не в этом ее главное зло. Каторга навсегда убивает в человеке уважение к добросовестному труду. Все эти комиссары в кожаных куртках никогда уже, до конца своих дней, не смогут, не станут распахивать землю, ни

до горизонта, ни поза горизонт, любезный кум мой Михей. Поэтому Фурманова с сохой ты никогда на земле не увидишь, а вот закалку тюремную, со всей ее мерзостью и убийственной беспощадностью, повстречаешь еще не раз на житейском пути.

Долгая пауза повисла в избе, только слышно было мерное тиканье ходиков да пыхтение стоящего у сосновых филеночных дверей самовара.

– А тебе, Петька, отдельно скажу. Рано вам гвоздь забивать, рано шашки тупить и на стену вешать. Вот прикончите огрызающихся беляков, за нас обязательно приметесь, а потом еще друг за дружкой гоняться с револьверами станете. В чередке грядущих от большевиков преступлений не положишь предела, это как с горы – если уж покатился, остановиться никак не получится. Думаю, не требуется нам Чапая о чем-либо просить, но и землю от большевиков брать бесплатно не станем. Разговора не было, и это мое последнее слово.

С тяжелым сердцем выслушал сход приговор почтенного председателя. Все понимали, что это будет прямой вызов большевистской власти, за которым последуют жесткие ответные меры. Но растоптать в себе право на Богом данную жизнь, с элементарной возможностью полагаться на собственный труд, знающие себе цену хлеборобы ни за что не могли.

– Ульяна, – возвысив повелительный голос, обратился к супруге кузнец Алексей. – Подавай самовар, заканчивать будем. Заверни каждому гостю пирогов для детишек, пускай от нашего дома гостинцев отведают. Новая власть еще не успела вкус к пирогам у детишек отбить, а вот внукам едва ли придется лакомиться начинкой с судаком и капустою.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В Разливе между тем полным ходом разворачивалась, не уступающая общевойсковой, операция по приготовлению к вечернему сабантую. Принимая во внимание, что Василий Иванович лично ходил с денщиком на озеро и собственноручно драл в норах раков, учитывая, как он придирчиво отбирал для ухи каждую вытрусенную из трехперстной сети рыбешку, бывалый Кашкет безошибочно установил, что гости на вечер ожидаются исключительно важные. Безо всяких дополнительных на то распоряжений, он по собственной инициативе пару часов исступленно драил на прибрежном песке кухонную утварь. Миски, кружки, казан, самовар – все было доведено до состояния собачьих прелестей, даже вилки с ложками были тщательно перемыты и перечищены, да еще вдобавок развешены на ближайших кустах для просушки, словно новогодние елочные украшения.

Расспрашивать командира, кого ожидаем на ужин, не полагалось по чину, за это недолго было и затрещину схлопотать. Собственные блуждающие догадки упрямо выводили на фигуру товарища Фрунзе. Только тот мог так серьезно, так ответственно озадачить Чапая. Кашкету еще не доводилось оказываться с командующим армией за общим столом, поэтому предстоящую встречу он рассматривал как счастливую возможность блеснуть умением быть полезным начальству. Прежде всего продемонстрировать свои несравненные музыкальные качества и, как знать, быть может, даже получить повышение. Признаться, комдив порядком осточертел со своими капризами, особенно в последнее время сделался абсолютно невыносимым. Мог в течение дня по нескольку раз отменять свои же распоряжения, мог нагрубить, рассмеяться без всяких видимых причин или, замкнувшись, молчать до посинения.

Уже были тщательно перемыты и отобраны малые раки для предварительного навара царской ухи, отобраны большие раки для подачи закуской к столу после бурного кипячения в укропной воде.

Примерно такие же продавались на одесском привозе – по пять и по три. Уже от старой золы было тщательно очищено постоянное место кострища и с запасом нарубана кладка сухого валежника. Уже принесены из ближайшей деревни свежий хлеб, огурцы и четвертина казенной отборной водочки с пробкой под красным гербовым сургучом. Но еще не была обыграна и тонко настроена Кашкетова зазноба, трехструнная балалаечка.

Управившись со всеми стряпчими приготовлениями, начисто вымыв и обтерев полотенцем натруженные руки, он бережно, как младенца, вынес из глубины шалаша старинный, в самом деле, концертный инструмент. Так же тщательно обтерев полотенцем, осмотрел со всех сторон балалайку и принялся, внимательно вглядываясь куда-то под кроны старых деревьев, настраивать свою неразлучницу.

По молодости лет, – не поленитесь приподнять для почестей шляпу, – Кашкет прилежно учился в консерватории по классу скрипки у известнейшего петербургского профессора. И хотя не являлся представителем традиционной скрипичной национальности, считался одним из лучших студентов, подающих блестящие артистические надежды. Никто не знает, что произошло на самом деле, как случилось, что многообещающий ученик не явился однажды к профессору в класс, но это произошло. Он не явился ни к этому, ни к другому профессору и больше никогда в своей жизни не взял в руки скрипку. Однако зачем-то приобрел себе дорогую концертную балалайку и страстно сосредоточил на ней свое щедрое музыкальное дарование. Даже лишившись на фронте двух пальцев правой руки, он не забросил игру, а настойчиво переложился на трехпалое исполнение и полностью восстановил былую виртуозность и весь необъятный репертуар.

Художественный вкус и музыкальные запросы Чапая, надо прямо сказать, не отличались особым изыском, а в Кашкетовой игре его подкупало не столько феерическое мастерство, сколько необъяснимая серьезность исполнения, не очень соответствующая как самому инструменту, так и окружающей действительности. Балалаечные наигрыши Василий Иванович мог слушать часами, без

отдыха, случалось, что и бессонными ночами напролет. При этом он забывал обо всех неотложных делах и фронтовых неурядицах, а мыслями уносился в какие-то дивные, фантастические обстоятельства. Так однажды, поддавшись незнакомой волшебной мелодии, комдив оказался в томных объятиях жгучей цыганки, после которых долго не мог оклематься, – все никак не мог разлучиться с посетившим его наваждением.

Уважительно, не нарушая сосредоточенности музыканта, легендарный комдив подсел краешком к центральному пеньку и принялся с наслаждением вслушиваться в балалаечный скороговорочный напев. Выждав приличную паузу, он обратил на себя внимание легким покашливанием и задал Кашкету неожиданный вопрос:

– А скажи мне, играя, сможешь ли ты на своей замечательной арфе, без репетиции, сию же минуту исполнить «Боже, Царя храни!»? Вас в консерваториях этим шедеврам, небось, перво-наперво обучали. Мне ведь тоже пришлось с царским гимном в душе на германцев ходить и с друзьями погибшими довелось под эти звуки прощаться. Интересно, получится на твоей балалайке похлопотать перед Богом, чтобы царя хорошо схоронил, или недотепой прикинешься?

– Это как же, товарищ комдив, не получится. Можно и царя, и царицу, и детишек от имени всей мировой революции схоронить. Можно так постараться, что никто и с лопатами не докопается.

И тут же, с радостной от удачного каламбура физиономией, ритмично отбивая такты босой ногой, Кашкет лихо завернул на балалайке какой-то браваурный дивертисмент, в том смысле, что «и в ямку закопал, и надпись написал».

Чапай, по совершенно непонятной для музыканта причине, отчего-то раздраженно заерзал на лавке, потом вдруг вскочил как ошпаренный, помянул в сердцах чьих-то родственников и срывающимся, далеко не командирским голосом затарахтел, как несмазанный пулемет:

– И откуда ты взялся на мою горемычную голову? Всякому

терпенью приходит конец, пора заканчивать эту несмешную комедию. Учти, в Разливе придворные шуты ни к чему, я в два счета на передовую засватаю. Там со своей балалайкой не шибко под пулетным огнем поюродствуешь. После первого же выстрела в штаны наваляешь. Это тебе не самовары в Разливе топить, под тенью лесов и соловьиные трели.

Денщик, с выпавшими из орбит глазами, в сторону отложил замолкшую балалайку, искренне недоумевая, чем же так неловко досадил командиру. Чтобы все-таки разрядить обстановку, он решил объясниться с Чапаем:

– Но ведь царь Николаша – наш классовый враг, Василий Иванович, чего с ним зазря церемониться. Шлепнули в подвале семейную кодлу – туда им всем и дорога, сколько можно последние соки из народа сосать. Фурманов на политзанятиях бойцам говорит, что царям полагается быть только в дикой природе, среди гадов ползучих и кровожадных зверей. Я тоже считаю, что люди прекрасно и без царей своими жизнями распорядятся.

Возражать денщику в этот раз, по совести, было нечем, революционная правда стояла несомненно на его стороне. Поэтому легендарный комдив непривычно быстро уgomонился, обессиленно присел на скамейку, потеревил в раздумье усы и после некоторого молчания выразил свое отношение к делу:

– Враг-то он враг, только золотишко цареву, ходят упорные слухи, где-то за Уралом беляками припрятано. Здесь соображать по-военному надо, вопрос сегодня колом стоит о выживании целой дивизии, нам к зиме портянки купить бойцам получается не на что. А фураж, а провизия, а патроны, да еще Петька с Анкой чертову свадьбу гулять ненароком удумали. И обо всем я один позабочусь, все расходы на мне, третий месяц красноармейцам харчевое довольствие укорачиваем, не ровен час к белякам подадутся.

Кашкет, делая вид, что впервые слышит о предстоящей свадьбе, еще больше выпучил бараньи глаза и участливо полюбопытствовал:

– Неужели удумали, командир? Наглость-то какая неслыханная. И вы эту случку спокойно благословляете? Истинный бог, не понимаю я вас.

– Вот сволочь, много лишнего себе позволяешь, – мгновенно завелся комдив, уязвленный в самую точку сердечной мозоли. – Таки определю на передовую, больно уж просишься. Сейчас же тащи из шалаша штабную тетрадку. Можешь сам рапорт подать, а не то я приказ настрочу.

Денщик не сдавался, стратегический перевес был на его стороне:

– Так ведь сами заставляли в кустах танец с саблями наяривать. Стон в Разливе стоял такой, что не только камыш, но и молоденькие деревья на опушке леса согнулись. Я в ваших игрищах шкурой своей рисковал больше, чем на передовой, хоть бы к награде разочек представили. И брюшко у неё, доложу вам вполне подходящее, от дивизии долго не скроешь. И так бабы за спиной ехидно судачат, будто у Анки дитё сразу в бурке народится.

Чапаев невозмутимо достал свой кисет, сыпанул на осьмушку газеты хорошую щепоть духмяного табаку и в одно касание сварганил себе самокрутку. Сделал пару глубоких затяжек, прокашлялся и резонно предположил:

– Мало ли от кого брюшко, в дивизии сабель не одна тыща поблескивает. Бойцы такие нахрапистые, что только юбку держи, своего не упустят.

– Так уж и поблескивают, – недовольно проворчал себе под нос посвященный в сердечные тайны Чапая денщик. Он снова взял в руки уже созвучно настроенный инструмент, поднялся на ноги и стал прохаживаться возле центрального пенька, устремив свой взор в поднебесье и отыскивая на ладах мотив полузабытого «Боже, Царя храни!».

Чудно было в этой лесной глухомани, на берегах архидремучего озера, поившего своими целеящими водами еще динозавров, слышать

торжественный мотив царской величальной церемониальности. В памяти у комдива потянулась вереница былых душевных переживаний. Под успокаивающий дурман табака и звуки давно позабытой мелодии вспомнились ратные, с царской еще службы, дела. Возникли ожившие образы погибших товарищей, многие из которых приняли смерть с этим утешительным сердцу мотивом. Какая-то горькая досада опечалила ему душу, то ли за глупое прошлое «Боже, Царя храни!», то ли за еще более нелепое «Боже, Царя храни!» настоящее.

Василий Иванович примирительно подозвал к себе балалаечника, предложил посидеть с собой рядом и собственноручно сварганил ему самокрутку. В обмен на сигарку, он бережно принял из рук денщика инструмент и принялся неумело подбирать на тонкой струне только что отзвучавший мотив.

– А что ты вообще о царе знаешь и думаешь? – вдруг неожиданно поинтересовался Чапай. – Каким он, по-твоему, был человеком и стоило ли России лишать себя самодержца? Все-таки огромному народу невозможно обходиться без пастыря, надо, чтобы кто-то стоял у руля впереди. Мы хоть и пишем на знамени революции «Вся власть советам!», но не забываем, что Ленин у нас всему голова. Как скажет Ильич, так и будет. Вот и получается, что всякие «советы» нужны нам как архиерею ручной пулемет во время причастия.

– Лично я о царях мало что думаю, наверное, как и они обо мне, – более чем справедливо заметил Кашкет, делая глубокие затяжки и ловко наставляя пальцы комдива на нужные для верного тона лады. – Что же до Николая Второго, то какой из него, скажите на милость, был царь, если он бабе своей ладу дать не сподобился. Чем такой, так уж лучше вообще никакого, сколько можно тараканов на кухне смешить. Вот если бы кто другой, предположим Гришка Распутин, в цари подвизался, другая бы доля Россию ждала, совсем по-иному наши судьбы сложились бы. Это же готовый Иван Грозный у трона стоял, оставалось только корону надеть и все завертелось бы, будто по Гоголю. Помните про Птицу-тройку, про стремительно мчащуюся впереди всех народов великую Русь.

Василий Иванович нехотя оторвался от балалайки, с недоумением посмотрел на Кашкета и в сердцах с раздраженьем подумал: «Плетет какую-то ересь». Тем не менее не стал возражать, снова затренькал на тонкой струне начинающую складываться мелодию. И все-таки через короткое время, отложив инструмент, поинтересовался:

– И что бы такого, скажи мне на милость, мог предложить для России этот бабник и плут твой, не сносивший башки Григорий Распутин. Ведь он, кроме как девок на сеновалы таскать да ворожкой по ночам заниматься, ни на что не был годен. Я что-то не припоминаю за ним великих заслуг перед нашим Отечеством. Может, сына единокровного в царских покоях и смог бы кинжалом под бок порешить, но во всем остальном для Грозного рылом не вышел, не такие нужны впереди Птицы-тройки кумиры.

Кашкет допалил до горячих ногтей на халяву доставшуюся самокрутку, недокурком прицельно щелкнул в сторону будущего костра и, похлопывая рукой о коленку, подманил привязавшуюся к нему собачонку. Та, послушно исполняя волю кормильца, подскакала дробной рысцей, выструнилась на задние лапки и разинула пасть в ожидании призовой подачи. Денщик достал из кармана завернутый в носовой платок кусок рафинада, саданул им о край дубовой столешницы и скормил собачонке отвалившуюся часть. «В сущности, жру с кобелем от одного же куска, – философски рассудил про себя Кашкет, – а сию здесь и важно болтаю с этим героическим дегенератом про какие-то несостоявшиеся судьбы России». Однако продолжил этот странный не то чтобы спор, скорее, свободный обмен художественными мнениями.

– Григорий Распутин, я уверен, принес бы в Россию страх божий, – заявил не без гордости собравшийся с мыслями денщик. – А без страха ни один народ, ни одна страна правильно организоваться не может. Таков непреложный закон, таковы суровые правила жизни. Посмотрите кругом, даже в нашем Разливе любая живая козявка под страхом живет. Оттого в лесу и в воде всегда полный, как у хорошей хозяйки, порядок. Чисто и свежо, покуда мы со своим шалашом не заехали. Потому что без страха явились, возомнили себя

безнаказанными хозяевами на общем пиру жизни. Гадим, где ни попадя, мусорим, чем придется, вот и платим по жизни мытарствами за отсутствие страха пред Богом.

Василий Иванович не нашелся чем возразить и, невзирая на командирские регалии, закивал головой в знак согласия:

– Это ты прав, без порядка и страха никуда не годится, с нашим народом без твердой, решительной воли нормальную жизнь просто никак не устроишь. Стоит мне на денек покинуть дивизию, и уже какая-нибудь гадость обязательно приключится. Если не драку по пьянке развяжут, так ночью казенный магазин под орех обнесут. Но скажи мне тогда, почему православные попы не подсобили народу, не привели Гришку Распутина к власти? Они-то в первую очередь были заинтересованы возвеличить его, если, как ты говоришь, с ним пребывал страх божий.

– Я вам про страх божий, а вы мне про попов, нескладно у нас получается. Попы-то больше всего и боялись Распутина, потому что с царем они единой золотой пуповиной повязаны, в добром согласии из народа российского не просто веревки, а канаты плели. Мне когда-то давно одна прозорливая бабка наперед все сказала, будто призрак Распутина еще дважды взойдет на российский престол, каждый раз с усеченной фамилией и со все более сужающимся разрезом азиатских глаз. После Распутина обязательно взойдет на Российский престол некто Путин. И вот как только возвеличится на престоле человек с коротким прозвищем Тин, тогда и вздрогнет, возродится в муках великая наша страна. Бог вещь, быть может, даже вместе с нашим преобразившимся духовенством. Потому что только после третьего щелчка известный всем поп сподобился подпрыгнуть до самого потолка, а ведь у Пушкина каждое слово через душу России пропущено.

Кашкет, таким образом, запетлял беседу в область каких-то сомнительных для командирского разумения материй. Чапаю не было никакого дела до вломившегося в царские покои Гришки Распутина, так же как и до шельмующих на церковных приходах православных

священников, и насчет страха Божия он не был стопроцентно уверен. А потому, раздавив сапогом недоуток, смачно сплюнул и сделал следующее заключение:

– Признаться, в поповской ереси я не шибко силен, не стану ни спорить, ни соглашаться. Но хорошо знаю другое. За океаном есть одна удивительная страна, Америкой называется, в которой люди чудесно приспособились жить без всяких страхов и божьих помазанников. Говорят, у них там все лихо и справедливо поставлено, нам еще долго до американского достатка корячиться, одна надежда на революцию.

Денщик несказанно изумился, он даже пнул от расстройства ногой ни в чем не повинную собачонку. Попросил вернуть балалайку, тронул одним пальцем среднюю струну и кокетливо наиграл на ней знаменитое «хэппи бездэй».

– А в Америке, чтобы вы знали, самый жуткий страх и правит всей жизнью, – уверенно выдал Кашкет и отложил на пенек балалайку, – великий страх оказаться без денег. Такая жуть бывает страшнее, чем трепетанье перед каким угодно тираном, она не знает пощады, ее ни с чем не сравнить. Как только этот жестокий страх полностью накроет Америку, без всякой войны рухнет страна. Даже небоскребы не устоят, все развалится, потому что страх Америки – великий обман. Когда-то и динозаврам казалось, что главное никому не уступить с аппетитом, в этом был их недремлющий страх. Но недолго казалось, время безжалостно расставило все по законным местам.

– Буровишь, черт знаешь что, с тобой и не поговоришь по-человечески, – возмутился ни бельмеса не понявший Василий Иванович. – Давно заметил, игра на музыках не прибавляет ума, все усилия трастишь на ветер, стараешься непонятно зачем. Вот сейчас скажу тебе новость, после которой и струны на балалайке сами порвутся. Без шуток советую, на всякий случай попусти в инструменте колки.

– Знаю я ваши нечаянные сюрпризы, – беспечно усмехаясь, ответил денщик, – важными гостями хотите сразить. Ставлю в заклад балалайку, уже и собака под лавкой давно догадалась, что на вечер

в Разлив пожалует не ниже чем сам командарм Михаил Васильевич Фрунзе.

– Эх ты, дурачина, – возликовал как малый ребенок комдив, – не стесняйся, выше бери. Хоть балалайкой о голову бей, но к нам на ужин сегодня же заявится царь Николай. Не Фурманов переодетый, не какой-нибудь ряженный клоун, а настоящий, большевиками расстрелянный царь. Как тебе новость? Обрати внимание, у твоей собачки даже от неожиданности хвост опустился.

Чапай украдкой искоса следил за денщиком. Ему не терпелось проверить эффект, воочию убедиться, насколько неотразимое впечатление произведет этот убойный сюрприз, сразит ли он наповал неподготовленного человека. Если представить себя на месте денщика, то недолго и башкой помутиться.

«Интересно, кто из нас больше буровит», – сам про себя подумал изрядно озадаченный Кашкет. Но быстренько справился со своими сомнениями и брякнул как ни в чем не бывало:

– Да знаю я все, чего тут не знать. Давненько мечтаю с Николашкой отужинать.

Василий Иванович на пол-аршина взлетел над скамейкой, у него даже перекошились усы и висящий на ремешках бинокль крепко саданул в подбородок.

– Откуда ты можешь знать такое, скотина, ты чего здесь мне дуру ломаешь? Сейчас же тетрадку тащи из шалаша, лично приказ настрочу. Будет тебе на передовой и царь Николашка, и вся его разряженная в бриллианты семья. Видно, не судьба тебе в хорошей компании сегодня душевно отужинать.

Кашкет без тени смущения, как будто страшилки комдива не имеют к нему никакого отношения, заиграл на трехструнке в полный голос лакированных дек императорский гимн и козлиным фальцетом подпел «Боже, Царя храни!».

– Вот охота вам передовой инвалида стращать? – оборвав музицирование, поинтересовался денщик. – Сами только что объявили

о визите Николая Романова, а теперь меня виноватым поставили. Я привык доверять командиру. Вообще же, если честно сказать, я всегда знаю все наперед, мне и говорить много не требуется. Сердцем чую, побратаюсь нынче с царем. – А про себя между тем не без ехидства подумал : «Глядишь, не сегодня, так завтра в дурку легендарный комдив угодит, вот смеху-то будет».

– Не помрешь своей смертью, Кашкет, без всякой обиды тебе говорю, – завершил разговор Василий Иванович и снова достал из кармана кисет, чтобы очередную сварганить самокрутку. Несколько добрых затяжек привели в равновесие командирский взрывной характер, и Чапай, на манер денщика, подманил постукиванием ладони о коленку резвящуюся на воле дворянку. Однако размышления о пользе страха для общества не отпускали его.

– «Интересно, – неспешно соображал про себя Чапай, – вот эта бездомная собачонка прибилудилась в Разлив с надеждой на милость от стряпни денщика или, скорее, из страха перед дикой природой? Похоже, что прав шалопутный денщик, именно страх оказаться растерзанной какой-нибудь голодной зверюгой прибил сюда беззащитную псину».

Своим чередом с озера стали доноситься пока что отдельные, пробные жабы приветствия, верные спутники вечерней зари. Очень скоро это робкое, самое первое кваканье начнет обрастать более громкими, осмелевшими голосами. Пока, наконец, не сольется в единый, торжествующий жабий переквак, в котором невозможно выделить чей-то отдельный голос. Но это будет несколько позже, когда солнце угасающим каленым диском упрется в прямой горизонт.

А пока Василий Иванович принял решение малость расслабиться, прогуляться с собачкой по берегу озера. Понаблюдать в одиночестве за всякой шкодливой малявой, снующей в рыже-зеленых водорослях у самой кромки прозрачной воды. Подсмотреть наудачу за камышовой стеной хлесткий удар щучьего боя и следом рассыпающееся веерным разметом бегство обреченной рыбеи мелюзги. Что как раз и является прямым свидетельством неотвратимости денщиковой

правды про необходимый в природе недремлющий страх. Сделав командирские, преимущественно формальные, распоряжения по разведению костра и по особым, сопровождающим варку рыбацкого супа хитростям, Чапай в компании с вертлявой собачонкой, при полном обмундировании, отправился к озеру.

Есть в ряду всевозможных человеческих слабостей и совершенно особенная, которая, быть может, с адамовых дней запечатлелась в нашей генетической памяти как неизбывный источник тихого счастья, воистину невечерней радости. Нет сердца, которое бы не возбудилось в нежнейшем восторге от запаха первого дымка, от вида трепетного язычка занимающегося пламени.

Кашкет, точно как в детстве, с переполняющим душу волнением принялся за разведение лесного костра. Как и полагается, он сложил шалашиком мелкую щепу, сверху добавил сушеного хвороста и с первой же спички запалил, пока что робко наметившийся, очажок. Потом будет большой ненасытный огонь, пожирающий почти без остатка все новые порции дров, но именно это, первое трепетание пламени способно вызывать в душе архаическое, несравненное наслаждение.

Невзирая на тихую радость, одна неотступная мысль тревожила душу, не давала покоя Кашкету, мысль, связанная с ожиданием сумасбродного визита Николая Второго. «Или наш Наполеон окончательно умом трепыхнулся, – рассуждал про себя озадаченный балалаечник, – или на дивизию надвигается нешутейная бесовщина, а значит, пора потихонечку удочки сматывать».

Костер, управляемый дирижерской волей денщика, приходил в движение, как большой симфонический оркестр. В одну стихийную ткань сливались треск и шипение дров, под сопровождение набирающего силу огня, словно скифской пляски живого пламени. Немало требуется пережечь заготовленного впрок валежника, чтобы накопить раскаленного жара и приняться за варку костровой царской ухи. Два рогача и перекладина под казанок всегда были припасены у денщика и сохранялись в полном боевом порядке. Они с готовностью лежали рядом и дожидались своего часа. Потому что прежде

опытный стряпчий должен заняться чисткой лука и картофеля да еще повозиться с наловленной рыбкой, лениво трепыхающейся в глубоком оцинкованном ведре.

Как ни был увлечен ответственным приготовлением ухи, насвистывающий царский гимн Кашкет, как ни был удручен чапаевскими бреднями, однако безошибочно заметил в просветах лесной тропы несомненно Анкин, известный каждому красноармейцу ситцевый в горошек сарафан. Денщик, из любопытства, подхватил стоявшее рядом ведро и спрятался с уловом за командирским шалашом. Всегда занято из-за кустов смотреть в безлюдном месте на одинокую молодую женщину.

С покрасневшимся и возбужденным лицом, с глазами полными бездонной неги, бесконечно влюбленная во весь белый свет, почти не касаясь травы, пулеметчица подбежала к центральному пеньку, побросала на него принесенные оклунки и звонко обозвалась:

– А где все?

Немного расстроившись от безответной тишины, внимательно осмотрелась кругом и присела на тесовую лавку. Через минуту еще громче аукнула:

– Есть кто-нибудь?

– Тебе что, меня одного недостаточно? – злобно отозвался, выглядывая из-за шалаша, обвязанный холщовым полотенцем денщик. В одной его до локтя оголенной руке судорожно подрагивал взъерошенным хвостом огромный окунище, в другой был зажат окровавленный стальной тесак. Чувствовалось, что схватка между стряпчим и рыбиной не на жизнь, а на смерть еще не закончилась. Об этом свидетельствовал переполненный презрением, вытаращенный окунем глаз.

– Вечно ты, как привидение, по кустам ошиваешься, – вместо приветствия обрушилась на однополчанина Анка. – Нормальный человек должен открыто участвовать в жизни, а не шпионом шнырять. Девки незамужние в штабе болтают, что лучшего жениха, чем Кашкет,

не сыскать: он тебе и обед приготовит, и порядок в избе наведет. А по мне, прежде всего, мужика в избе подавай, а полопать мы и сами на печке состряпаем. Что-то не густо у вас здесь с народом, почему нет никого, где командир и важные гости, неужели не дождавшись меня распрощались? – смягчая тон, слегка пошутила пулеметчица.

Денщик, всем своим видом давая понять, что с бабой разговаривает на равных только по снисхождению, нехотя поставил в известность:

– На озеро поплелся твой героический Чапай, голове командирской охолонуть понадобилось. Вы там, в расположении, непонятно чем занимаетесь, а у нас горячка такая стоит, что мозги закипают. Не пойму, что творится с комдивом, – может, в больницу придется вечером на тачанке свезти, где башкой захворавшие лечатся. На войне и не такое случается. Помню историю, когда целый взвод, после плотного рукопашного боя, прямиком в дурдом спровадили.

Анка медленно поднялась во весь рост у центрального пенька, измерила денщика недобрый взглядом и, не по-женски стиснув крепкие зубы, внушительно процедила:

– Тебе что, сволочь, жить окончательно осточертело? Не хватает ума подобрать более верного способа на тот свет перебраться? Вот сейчас подоспеет Петруша, под наганом расскажешь все гадости, что болтал про комдива. Долго ждать не придется, не успеешь даже глазом моргнуть, как башку он тебе продырявит. Закопаем вместе с балалайкой, никто и не вспомнит, тебя давно уже черти со сковородкой в аду поджидают.

– Черти, они никого не забудут, а в сковородке места хватит на всех, – насмешливо глядя окуню в источающий презрение рыбий глаз, без всякой злобы ответил денщик. – Ты, прежде чем героизмовать, сама спустилась бы к озеру, поговорила с Чапаем и разобралась, какая канитель ожидает нас всех. Даже не представляешь, что он буровит, пребывая как будто в трезвом уме. А то раскудахталась, как бьющий мимо цели кривой пулемет. Решила, если невестой ординарца заделалась, так на тебя никакой управы не сыщется. Плохо ты

еще знаешь Кашкета, гляди, как бы не просчиталась, иногда бывает, что ошибаться можно один только раз.

Пулеметчица ловким движением ног поочередно сбросила летние туфли, развязала косынку и быстрой походкой подошла к командирскому шалашу. Для чего-то долго смотрела вовнутрь, как будто отыскивая там дорогую пропажу. Носом тянула знакомый настой сухих трав и терпкий запах мужского жилища, тоской исходивший из безлюдного, безмолвного шалаша. Потом, повернувшись, внимательно оглядела всю знакомую до последней веточки территорию Разлива и, ни слова не сказав Кашкету, шаркая босыми ногами по намятой траве, потянулась к древнему озеру.

На ольховой коряге, спиной к береговому откосу, низко склонив обнаженную голову, сидел легендарный комдив. Руками он машинально теребил притихшую на коленях блохастую собачку. Было во всей бессильной позе Василия Ивановича что-то несказанно трогательное, по-детски незащитное, такое, что у Аннушки, при виде его, сами собой навернулись светлые слезы. Боевая подруга отчаянно рванулась к тайному герою своего любвеобильного сердца, обхватила его мягкими, крепкими руками, прижала голову к роскошным, как у всамделишной Мадонны, грудям и, наклонившись, прямо в ухо горячо зашептала:

– Не могу без тебя, Васенька. Брось всю эту революцию, уедем в Актюбинск, я ведь дитя от тебя под сердцем ношу.

Потом резко отстранила Чапая, снова притянула к себе, окатила лицо влажным пылом горячих губ и в который раз принялась убеждать, уговаривать, как будто для нее ничего более важного не существовало на свете.

– Будет тебе, Аннушка, там дуралей этот наверху болтается, – негрубо освободился от страстных объятий Василий Иванович. – Любопытен уж больно, нет спасу, наверняка из-за кустов краем глаза выглядывает. Он ведь втайне сохнет по чарам твоим, меня не обманешь, ревнует беспросветно, как застоявшийся мерин. Ты лучше присаживайся рядышком, посидим, за военную жизнь неспешно промеж

себя поворкуем.

Чапай учтиво подвинулся на замшелой коряге, уступая пулеметнице пригретое место. А сам, нахлобучив папаху, превозмогая смущение, проникновенно сказал:

– Для чего ты мне душу бередишь, лебедушка. Не могу я бросить семью, не для этого с женой обручался. Разве на таком примере следует воспитывать молодых бойцов революции. Петька любит тебя без ума, будет мужем хорошим, а мне только остается завидовать вам. Расскажи поподробней, голубка, что нынче в дивизии происходит, с каким настроением относится к службе личный состав. Фурманов, я слышал, беснуется, красноармейцев политучебой замордовал и промнавозовскими поставками всех донимает. Ты учти, дорогая, о жидком топливе и тебе заботиться следует. В промнавозовской кассе и Петькины акции есть, семейная жизнь ведь немалых расходов требует. Сразу после свадьбы новую избу ставить придется, хозяйством обзавестись, а деньги не пахнут, они хоть замешаны на скотинячем дерьме, но многие проблемы снимают. Так что, присматривайся, прислушивайся, кто чего лишнего по пьянке взболтнет, и тихонечко Петьке на ушко в постельке шепни. Революцию надо делать с умом, трезво понимать и оценивать общую обстановку. К свадьбе, небось, и платье новенькое приобрела, и перину пуховую заказала?

Анка кокетливо передернула статуарными плечами, нежно пригладила Чапаю усы и, пряча глаза, гортанным, волнующим голосом ответила:

– Еще пока нет, ничего не купила, но сегодня Петя деньги большие принес. Знаю, что без вашей подмоги они не достались бы. Фурманов, жадюга, по собственной воле ни копейки не даст, как будто не Петя в боях больше всех отличился. Кто, кроме него, языка отважится брать? Вот бы комиссара хоть разочек заставить сходить через линию фронта, все портки обмарал бы.

Василий Иванович с пониманием положил руку на дорогое, с маленькой родинкой у самой шеи плечо, твердой рукой потискал его, дескать, «Не бойсь!» – и поведаль совсем доверительно:

– Это хорошо, Аннушка, что Фурманов вкрай бережлив, он ведь наши деньжонки как пес сторожит, пускай даже под видом золота партии. Жизнь долгая, все до поры, ведь и другие могут настать времена. Может, придется еще под шумок собственные партийные билеты на акции «Промнавоза» менять, вот тогда мы с Фурмановым и посчитаемся. Ты поверь мне, лебедушка, пустое все это, здесь на вечер куда как серьезней дела намечаются. Вот с тобой, как с самым родным человеком, хочу посоветоваться. Будешь наверняка удивляться, но сегодня к нам в Разлив на ужин пожалует Николай Второй и за компанию с ним Сашка Ульянов, старший брательник вождя всех народов. Честно скажу, мне эти визитеры щучьей костью в горле стоят, но деваться теперь уже некуда. Даже не знаю, как пережить, как не оплошать в этот свалившийся на мою несчастную голову вечер.

Анка вывалила одуревшие от испуга шары, на мгновение ей показалось, что озеро колыхнулось, как тазик с водой, но быстро взяла себя в руки и подумала: «А может, прав был денщик, может, у Василия Ивановича немного подвинулась крыша от тяжелых военных забот. Ничего удивительного, такие нагрузки непросто даже полному Георгиевскому кавалеру нести». Она решила пойти на малую хитрость и сделать вид, будто ничего не расслышала, а для правдоподобности все внимание сосредоточила на ластящейся уже в ее подоле собачонке, перекинула кверху брюшком и стала щекотать, перебирая шерстку игривыми пальцами.

Не единожды катаный жизнью Чапай тотчас смекнул, что сердобольная пулеметчица дуру включила, неприятно поморщился и резко отнял руку от только что близкого и дорогого плеча. Молча уперся глазами в приставленный бинокль и принялся, задрвав голову, рассматривать парившего в небе знакомого ястребка. Тот, распластав упругие крылья, замер на встречном ветру в неподвижном дозоре, зорко высматривая в природе изъян. «Вот бы и мне, – подумал Чапай, – взлететь однажды к небу и наблюдать в ястребином полете за всем, что творится в дивизии».

– Не с кем и поговорить по душам, – посетовал комдив, с горечью отстранив полевой бинокль. – Ты думаешь, легко быть командиром

дивизии или весело через день посылать на верную смерть молодых необстрелянных бойцов, у которых и жены, и дети, и матери есть. Мне же потом в глаза им смотреть. Можешь хоть на минутку представить, во сне, как наяву, с каждым встречаться приходится. Много о чем никому не расскажешь, Аннушка, видно такая судьба, доля такая. А у командира твоего с головой все в порядке, надежен мозгами как никогда, ты уж не сомневайся. Об одном только переживаю: хватило бы вам всем ума и спокойствия пережить сегодняшний ужин. Гости к нам и впрямь необыкновенные нынче пожалуют, еще раз могу повторить – лично Николай Романов и старший брательник самого Ильича. Откуда придут и как, сама потом догадаешься, а не догадаешься, не получишь большого урона.

– Не знаю, как правильно понимать вас, Василий Иванович, – деликатно выразила недоумение удрученная Анка. – С царем-то нашим вроде бы как благополучно в подвальчике попрощались, разве что с того света заявится к нам. Я, конечно, согласна, что в дивизии революция, но все-таки не настолько, чтобы по своему усмотрению мертвяков оживлять. Согласитесь, больно неправдоподобно все получается.

Пулеметчица аккуратно сняла с прямой шеи Чапая командирский бинокль и начала рассматривать парящего высоко над озером ястребка. Почему-то ей показалось, что одинокое патрулирование небесного хищника удивительно перекликается и напоминает, в сущности, такого же героически одинокого Чапая, завязанного рыцаря революции. И еще ей открылось, сама собой созрела убежденность, что комдив абсолютно в здравом уме и надо обязательно помогать ему, непременно оставаться рядом.

– Я буду делать все, что вам надо сегодня, Василий Иванович, – решительно заявила пулеметчица, возвращая командиру бинокль. – Можете полностью довериться мне.

– Спасибо, Аннушка, – дрогнувшим голосом благодарно ответил комдив. – Я никогда не сомневался в тебе. Но надо как-то устроить, чтобы и Петька, и сволочь Кашкет вели себя подобающим образом,

чтобы не получился конфуз. В эту историю небесные силы замешаны, не доведи до греха устроить скандал – ведь для нас этот вечер может оказаться последним. Поднимешься наверх, крестик у меня в шалаше под подушкой возьми и, на всякий случай, тихонько одень. Да с ребятами по-свойски поговори, пускай не вздумают валять дурака, здесь не ярмарочный балаган и никто разыгрывать сцены не собирается. Гости придут самые настоящие, очень почетные, и необходимо оказать им должное уважение. Обязательно проследи, чтобы у Кашкета все было приготовлено к столу по высокому классу. Нельзя нам ни в чем допустить хоть какую промашку, только вежливость, только братское гостеприимство и вечная до самого гроба любовь. А теперь ступай, Аннушка. Я еще немножечко здесь на ольхе посижу, на тебя, как на родную кровинку, надеюсь.

Бесстрашная пулеметчица, душой прикипевшая к стихийной натуре Василия Ивановича, окончательно убедилась, что он при здоровом уме, настроен решительно и что вечер, на самом деле, обещается быть из ряда вон выходящим. Поэтому Анка крепко прижалась к комдиву, поправила ему лихую папаху, поцеловала прямо в горячие губы и, бойко соскочив с коряги, направилась вверх по береговому откосу выполнять командирский наказ.

На озере между тем на полную катушку разыгрался неумный жабий переквак. Под малиновый свет вечерней зари эта жабыя какофония воспринималась как бессовестное торжество мерзотного естества над вселенским миропорядком, над извечной строгостью хода небесных светил и звездных туманностей. И поди еще без пол-литры по-хорошему разберись, что в действительности является подлинным оправданием существования Вселенной – божественная разумность полета по строгим орбитам необъятных небесных исполинов или триумфальное, самозабвенное пение жабьего отродья.

Чапаев, чуть погодя, тоже бойко ретировался с ольховой коряги, встал на замлевшие от неподвижного сидения ноги и совершил на берегу несколько по-молодецки пружинистых приседаний, как всегда насладившись скрипом роскошных генеральских сапог. Потом по привычке оголил сверкнувшую никелем шашку, хотел было

совершить пару боевых с просвистом махов, но, передумав, медленно опустил в ножны клинок.

Как всегда, внимательно осмотревшись кругом, Василий Иванович неожиданно вдруг проникся необыкновенной красотой божьего мира и еще более неожиданно ощутил всю нелепость присутствия себя в нем, со всеми своими фронтовыми заботами, мелкими страстями и абсолютно бесполезной мирской суетой. Какое дело было этой прекрасной вечерней поре до недругов-капелевцев, до поставок стратегического сырья и даже до таинственного визита Николая Романова. Как-то сама собой открылась совершенно простая, доселе неведанная правда, что мир божий и люди в нем живут по разным законам, выполняют разные предназначения и в этой вопиющей несогласованности сокрыта великая трагедия любой человеческой доли.

В Разливе кипела авральная работа по подготовке к незаурядному, в самом деле экстравагантному ужину. Смеркалось настолько, что издалека хорошо было видно, как от костра прямым столбом поднимаются оторвавшиеся горящие искры. Бредущему по тропе философски настроенному Чапаю отчего-то подумалось: «Непонятно, зачем они устремляются вверх, в объятья погибели, ведь надежней внизу, в общем жару подольше продлить упоение жизнью. А может, настоящая жизнь в том как раз и состоит, чтобы вырваться из ада общего пекла и озарить весь божий мир своим единственным, неповторимым светом».

Со стороны, в ореоле пылающего костра, неестественно крупной показалась фигура ординарца, пробовавшего на соль кипящую в казане с кореньями воду, перед тем как забросить малых раков для первого взвара. За центральным пеньком, на дубовой столешнице пулеметчица с денщиком дружно нарезали ровными ломтями душистую домашнюю колбасу и коралловый осетровый балык. Даже подбежавшей ко времени псине обломился не слабый фронтовой положняк.

Но у Василия Ивановича от всего увиденного и на грош не

прибавилось энтузиазма. Он мучительно пытался найти для себя объяснение, почему именно для него Создатель подгадал эту идиотскую встречу. Почему бы засранцу Фурманову не подбросить подобное веселенькое приключение, тем более когда дело касается семейства Ульяновых. У комдива даже в самых диких фантазиях не возникало желания отужинать с убиенным царем, а тем более с казненным брательником вождя мирового пролетариата. Между нами говоря, ему и с самим Лениным встречаться большого желания не было. На душе сделалось до того неуютно, что возникало подловатое для боевого командира желание бросить всю эту канитель и бежать без оглядки, хотя бы и в Актюбинск. Но он тут же ловил себя на мысли, что как раз по этому поводу в Писании промыслительно заповедано: «Ложь – конь во спасение».

Сосредоточенно приближаясь к центральному пеньку, Чапай командирским глазом обвел в свете костра всех присутствующих, хмуро улыбнулся боевым товарищам и по вечернему негромко, но так, чтобы слышали все, заявил:

– Очень рад видеть своих ближайших помощников в полном порядке и здравии. Вам не раз приходилось делить со мной тяжелейшие испытания и всегда с честью из них выходить. Надеюсь и сегодня не осрамите своего командира. Пустое говорить не желаю, скоро сами увидите все и поймете, что судьба приготовила нам не слабый сюрприз. Время, скорее всего, позволяет, поэтому предлагаю по-семейному отведать по кружечке чая. Война войной, а чай на фронте – дело первостепенное, все одно как боевая присяга.

Кашкет, не дожидаясь дополнительных распоряжений, молча направился к полыхающему костру, возле которого дымился ведерный красавец-самовар. Он легко подхватил его под фигурные, заправленные слоновой костью ручки и поднес к центральному пеньку. Дождался, когда Чапай займет за столом свое командирское место, и лицом к нему поставил парующий самовар. Плотно притер протекающий ажурного плетения бронзовый краник и деловым тоном поинтересовался, что подавать к чаю, одни только сухарики или более существенное приложение. Тем временем сыпанул крупную щепоть

душистого сбора травы в надраенный, как церковный потир, медный заварочный чайник.

– Не стану же я в одиночестве чаи разводить, – добродушным тоном подкрепил свое приглашение, усевшийся на свое любимое место, комдив, – бросайте все, составляйте компанию. Негоже бросать своего командира один на один с кипящим самоваром, заодно и об интересном нашем ужине хоть чуток покалякаем. Вам же не терпится разузнать, из-за какого бугра заявятся эти странные гости. Что можно скажу, но, право же, очень небольшое. Визитеры придут внезапно, живыми и здоровыми, такими же, как все нормальные люди. Об остальном не требуется много ума, чтобы самим догадаться – без небесного промысла такие чудеса не случаются.

Петька, не заморачиваясь по пустякам, привычно уселся рядышком с легендарным своим командиром. Перво-наперво попросил Аннушку соорудить на столе что-нибудь существенное, для поднятия настроения, а сам принялся разливать по кружкам свежесваренный чай. Ловко наполнив и пододвинув Чапаю командирскую кружку, он весело заглянул ему доверчивыми глазами в лицо и прямо поинтересовался:

– Скажите, Василий Иванович, чего вы так беспокоитесь? Мы тут между собой самую малость помозговали и пришли к общему согласию. Царь придет – примем царя, нам не впервой с кем угодно, хоть за чаркой, хоть в бою, повстречаться. Потребуется, можем и с чертом, можем с самим Александром Македонским отужинать. Мне так даже не терпится вблизи посмотреть на эту почтенную публику, а то по одним только старым картинкам и помним о них. А знаете, я уже догадался, вы и с колечком решили повременить, чтобы похвастаться перед прежним владельцем. Вот он удивится дорогому трофею.

– Ты, Петька, давай не бравируй, – предостерег ординарца комдив, – дело предстоит исключительно важное, гораздо серьезней, нежели в одиночку голыми руками брать языка. Я не обо всем могу пока рассказать, но еще и еще обращаю внимание, что гости придут в Разлив самые настоящие. Не потешные ряженые, не

переодетые контрразведчики или скоморохи от Фурманова, но собственной персоной батюшка царь и при нем старший брательник товарища Ленина. Не представляю пока, чем может окончиться это свидание, однако, при благополучном исходе, в дивизию не должно просочиться ни единого слова. Тебя, Кашкет, больше всех это нынче касается, не доводи до греха. Жарь на своей балалайке, что есть мочи, «Краковяк» или «Барыню» и не очень-то дурацкими вопросами гостей озадачивай.

Петька давно уже подозревал денщика, что тот завербован штабной контрразведкой и постукивает бараными рогами в турецкий бубен. Предупреждал об этом и своего командира, но Чапай беспечно отмахивался, считал, что ему нечего скрывать от недремлющих стражников мировой революции. К тому же всегда был уверен, что вместо потайного лучше засвеченного иметь при себе стукача.

– Я никак не врублюсь, вы это без шуток, командир? – абсолютно резонно поинтересовался денщик. – Мне, в простоте душевной, постоянно казалось, что царя Николая Второго некоторым образом с комфортом сопроводили в невозвратную даль нашим революционным трибуналом. С ленинским брательником, если память не изменяет, торжественно распрощались в свое время на перекладине. Воля ваша, Василий Иванович, но какие могут быть после этого совместные ужины – это же настоящий Армагеддон получается. Может, тогда заодно и святого князя Невского к столу пригласим. Он случаем не на нашем озере рыцарями раков закармливал? Вы, быть может, решили, по-христианскому обычаю помянуть принявших лютую смерть Николая Романова и брательника Ленина. Так это мы завсегда, прямо сейчас давайте и опрокинем по стопочке. Пусть мы не монархисты, не капелевцы, но император православным человеком, кажется был, да и Ульянова, скорее всего, родители в детстве крестили.

Пулеметчица с ординарцем переглянулись между собой, согласованно насторожились в ожидании ответа комдива, даже вертлявая собачонка присела на задние лапы и на всякий случай зажала зубами свой хвост. В самом деле, должна же наступить хоть какая-то ясность с этим загадочным, свалившимся с неба ужином. Если у командира

ненароком съехала крыша или возникло желание разыграть в Разливе комедию, вовсе не обязательно держать боевых товарищей за дураков. Все одно рано или поздно придется развенчать провокацию.

Но Чапай как ни в чем не бывало загорелся хорошей идеей. Ему показалось очень дельным и своевременным предложение денщика, и он охотно, без долгих раздумий одобрил толковую мысль:

– А ведь и впрямь, давайте сей же час саданем по сто грамм. Дело впереди предстоит непростое, пожалуй, на трезвую голову оно не очень с руки представляется. Может, под хмельком все гораздо понятней, без излишней мороки заладится.

Анка, на правах заботливой хозяйки, принялась накрывать гостевой стол. Заставила Кашкета прибрать парующий самовар, очистить столешницу от чайной посуды, а сама нырнула в командирский шалаш за свежей простынкой, традиционно заменявшей столовую скатерть. Тщательно выстелила ладонями домотканую холстину на дубовом пеньке, оправила со всех сторон и вместе с Кашкетом начала расставлять приготовленные закуски. Резаные балыки, икорка, рыба копченая, огурчики малосольные – все без спешки и суеты появилось на белой скатерти. Петька, словно баюкая грудного ребенка, вынес из шалаша четвертину чистейшего отгона житной водочки и торжественно водрузил в центре пенька. Чапаевцы в приподнятом настроении расселись по привычным местам, и Василий Иванович командирской рукой наполнил специально припасенные для подобного торжественного случая стограммовые стопочки из граненого под хрусталь бутылочного стекла.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– За что все-таки выпивать собираемся, господа хорошие? – слышался негромкий вопрос, заданный выходящим из лесной темноты человеком. – Пить без тоста так же нелепо, как чокаться порожними бокалами, что просто невысказано для русского человека. Вы не находите, что порядочный человек должен относиться к выпивке в высшей степени уважительно и осмысленно?

Все присутствующие за накрытым под девизом «Привет коммунизму!» столом на мгновение оцепенели. После чего, словно по команде, единым порывом развернулись в сторону говорившего и увидели в свете костра двух приближающихся мужчин. Один был одет в защитного цвета полевую военную форму, другой – в студенческий университетский сюртук. При этом складывалось четкое представление, что незнакомцы пришли из обступившего поляну затаенного леса разными дорожками и рассматривают друг друга в первый раз с нескрываемым любопытством. Младший по виду, в студенческих одеждах, гость делал старшему непонятные знаки рукой, как будто предлагал подойти к столу с другой стороны, на военном языке – «взять в окружение».

– Ни фиги себе, – не сдержался Петька, признав в человеке под полевой гимнастеркой не единожды виданного на картинках царя Николая Романова, с фрачным Георгиевским крестиком, приколотым на левой груди. По спине ординарца пробежала знакомая лихорадочная дрожь, как перед кавалерийской атакой или в момент взятия языка. Рука непроизвольно потянулась к деревянной кобуре, и он снял с предохранителя свой безотказный маузер. Легкий сухой щелчок взведенного оружия тревожной ноткой прошил тишину.

– Нехорошо, не в русских традициях поднимать налитые чарки, не дождавшись званных гостей, тем более когда приглашенные вами же люди с дальней дорожки пожаловали. Мы с Александром Ильичом, что называется, с небесного скорохода на встречу без пересадки, пожаловали. Путь немалый проделали, рассчитывали на гостеприимную

встречу. Нам обещали дружеский стол и приличное обхождение, а за маузеры ничего мы не слышали. Хорошо, что артиллерию не задействовали, прямо Бородинское сражение для нас подготовили.

Петька, понятное дело, мгновенно смекнул, что неудачно на сей раз проколся, а потому смущенно засуетился. Но не стал возвращать предохранитель на прежнее место.

– Это я на всякий случай, дорогие товарищи, капелевцы гады не дремлют, из-за каждого куста ожидаем засаду. Волей-неволей приходится быть начеку. Не столько за себя, сколько за вас беспокоюсь, служба такая, несущая под присягой полную ответственность за безопасность в Разливе.

Появление таинственных гостей оказалось настолько неожиданным, что чапаевцы от растерянности даже забыли подняться в приветствии. Тем не менее произвольно раздвинулись на тесовых лавках, предоставив возможность гостям располагаться за хлебосольным столом.

Царь с подчеркнутым достоинством отрекомендовался: «Николай». При этом по-военному отсалютовал рукой под козырек. Так же по-военному подошел к единственной даме, галантно снял головной убор, приложился к ручке и присел к столу между Кашкетом и Аннушкой. Студент небрежно назвал себя Александром Ульяновым и без тени замешательства уселся между комдивом и пулеметчицей. Один только ординарец не удостоился почетного соседства гостей. Брательник вождя немедленно подхватил ломоть ноздрястого белого хлеба, навалил на него пару добрых ложек зернистой икры и сообщил принимающей стороне, что те могут не представляться, потому что прибывшим на ужин хорошо все известно про каждого. И еще поставил на вид, что с российским императором он познакомился только что.

Гости выглядели, как и полагается с дальней дорожки, немного усталыми и заметно взволнованными. На первый же взгляд было видно, что царские порточки изрядно поизносились, а левый модельный сапог, некогда топтавший персидские ковры дворцовых

покоев, отчаянно нуждался в ремонте. Особенно смущало наличие на военной гимнастерке неумело заштопанных дырочек, оставшихся от смертоносных револьверных пуль.

Император пребывал в известной неловкости, ощущая на себе любопытные взгляды красноармейцев. Аннушка буквально пожирала горящими глазами Николая Романова, во всем естестве которого сквозило никогда ранее не виданное ею благородство, обусловленное не только внешним человеческим совершенством, но и таинственным небесным помазанием. Спокойная правильность черт, постановка головы и медальная шея, как знак величайшей покорности и несгибаемости воли, магнетически влекли к себе роскошную женщину.

Лицо Александра Ульянова существовало как бы независимо от студенческого сюртука, – может быть, из-за непропорционально вытянутой шеи и следов беспощадной удавки на ней. К тому же это лицо удивительным образом походило на физиономию Василия Ивановича. Один и тот же раскосый разрез миндалевидных глаз и легкая рыжеватость волос подозрительным образом указывали чуть ли не на родственную их близость. Если бы на макушку студента напялить каракулевую папаху и приторочить усы, тот вполне мог сойти за дублера, так сказать, запасного комдива. Своим демонстративным поведением брательник Ильича изображал полное безразличие ко всему происходящему. Он подчеркнуто делал вид, что оказался за общим столом по какой-то нелепой случайности.

В целом компания подобралась довольно живописная, а предложенный командиром тост выпить за прибывших гостей и за то, чтобы дети не боялись по ночам паровозов, привел публику в неопикуемый восторг. После сдвинутых и опрокинутых граненых стопок все дружно навалились на холодные закуски. Чтобы как-то разнообразить аппетитное причмокивание и разрядить начинающее становиться неловким молчание, Чапаев первым завел разговор и поинтересовался у Александра:

– А вы что же, до сегодняшнего вечера, в самом деле, не были

знакомы с великим князем Николаем Александровичем? Неужели ваша первая встреча произошла именно здесь, в нашем славном Разливе? Какая удача, что мы сделали свидетелями этого исторического сближения. Все-таки вам наверняка есть что друг другу сказать, а быть может, совершить православное замирение, все одно как в прощёное воскресенье.

– Персонально нас друг другу никто никогда не представлял, – сквозь набитый рот пояснил Александр, – про себя могу лишь добавить, что никогда не горел особым желанием познакомиться с бывшим или пусть все еще настоящим российским императором. Слухами ведь не только земля, но и большая вселенная полнится, знаю, какие он сплетни про меня, где не следует, наворачивал. К тому же мы ведь в разных колхозах работаем, поэтому неудивительно, что до сих пор не оказались знакомыми. Порядки у нас достаточно строгие, по собственной воле за пределы хозяйства не выскочишь, можешь и к штрафникам лишний раз загреметь. А пустое знакомство не стоит таких неприятностей, мы все равно не пойдем, не простим, не полюбим друг друга.

В этот свободно плетущийся разговор тут же встрял неугомонный проныра Кашкет. Несмотря на все предостережения и запреты комдива, он немедленно принялся выяснять:

– Не хочу показаться нескромным, но все-таки мне интересно, неужели вы на том свете не отдыхаете, неужели по-крестьянски ишачить приходится? И потом, что у вас там за колхозы такие, по всему вижу что-нибудь наподобие нашего «Промнавоза», деньжищи, небось, лопатами загребаете? Я посмотрю и махну, может, следом за вами, давненько подыскиваю себе доходное место.

Брательник Владимира Ильича кинул небрежно взгляд на любознательного Кашкета, налил себе под завязку граненую стопку свеженькой водочки, опрокинул ее и сказал иронично:

– Это ты здесь, чудака, отдыхаешь. У нас так придется спину заламывать, что проклянешь ту минуту, когда на том свете нечаянно вынырнул. Мы даже спать никогда не ложимся, у нас же нет ни луны,

ни солнца, поэтому нет ни ночи, ни дня – имеем сплошное рабочее время. Бывает один небольшой перерыв на обед и другой – на дальнейшую выгрузку, по принципу самосвала, вот и все удовольствия. Про свою балалайку можешь забыть, черти ее в преисподней сразу под сковородкой и спалят, лучше оставляй инструмент для друзей, все одно он тебе не понадобится. А насчет денег, это ты развеселил меня капитально. Деньги, которые здесь накопил, аккуратненько пересчитают, и чем больше окажется их, тем азартней работа у чертей начинается, пока дебет с кредитом не состыкуется. На моих глазах заставляли одного олигарха, которого Абрамовичем величали, американские доллары лопать и козьим молоком запивать. Не поверите, Карлом Марксом клянусь, до зеленого поноса довели бедолагу. На втором миллиарде олигарх обломался и сам в казан с кипящей смолой запросился. Вот только не знаю, пошли ему на уступку, но скорее что нет.

Ординарцу сразу же не глянулся хамоватый брательник вождя, возмутила не только прожорливость, но и показная надменность, видимо проистекающая от кровной близости к Ленину. Петька решил направить разговор в подобающее настоящему моменту русло и потому рубанул Александру, что называется, про между рог:

– Какие могут быть между тобой и царем представления, ведь это же его венценосный папаша настроил приговор всей компании, устроил прощание с белым светом под виселицей. Можешь лично выразить благодарность последнему распорядителю дома Романовых за оказанную честь и чудесный набор ритуальных услуг. Веревка-то хоть зашморгнулась по-человечески, гвардейцы не поленились подручные снасти хорошенько намылить?

Такого радикального развития застольной беседы никто, разумеется, не ожидал, и в компании наметилось неловкое смущение. Выручило, как всегда, хорошее воспитание, обстановку разрядил взявший слово Его Величество Николай:

– Знаете, Петр Елисеевич, мой венценосный батюшка по собственной прихоти никому приглашений на казнь не выписывал, он

исполнял священный свой долг, во имя торжества справедливости в нашем богохранимом Отечестве. Вам, должно быть, известно, что во время коронации будущий царь присягает России стоять на страже закона. И не вина моего, как вы презрительно выразились, папаши, что дворянин Александр Ульянов преступил государев закон, тем самым изволил по личному усмотрению решить свою горькую участь.

Петька с показным вниманием, не перебивая, выслушал царя, но про себя отметил, что Николай держит себя и высказывается довольно высокомерно, как будто все перед императорским родом непонятно в чем виноваты. Как будто это не семейство Романовых больше трех веков единовластно правило бал в огромной стране. В итоге, без посторонней помощи, а только по собственному малодушию и дурости, профукало великую державу, доцаревало до Ипатьевского подвальчика и благополучно откланялось. А потому, дабы их благородие не строило из себя картину «Непорочного зачатия», ординарец развязано шлепнул:

– Тогда давайте считать, что и вашу венценосную семью пустили в расход для торжества справедливости. Я даже думаю, что и с Богом отношения у дома Романовых не шибко сложились. Ведь не стал же Господь покровительствовать августейшим помазанникам, не простер защитный покров над обреченным семейством. Стало быть, не только богоносный народ, но и силы небесные отступились от вас.

Василий Иванович не на шутку встревожился от нелепо возникших разборок на столь ответственном ужине. Даже нельзя было представить, каким образомотреагирует на Петькино хамство царь Николай. Впору было ожидать, что оскорбленный император поднимется и отправится восвояси в таинственный лес. А уже какотреагирует на этот скандал верховный Распорядитель, комдив не то чтобы не знал, он даже не допускал самой возможности Его негодования. Поэтому Чапаев в срочном порядке задействовал примирительную дипломатию:

– Дорогие мои, вы чего это враз побесились, зачем старое ворошить. Сейчас Кашкет с Аннушкой ушицы свеженькой на стол подадут,

посидим по-семейному, за жизнь от души покалякаем. Ну-ка, ребятки, тащите сюда казанок да раков краснющих, приправленных духом укропным. У нас, Николай Александрович, такие роскошные раки в озере водятся, что не стыдно и к царскому столу подавать. Едва ли где сыщется более щедрая, более милая и пригодная для русской души сторона, нежели в нашем Разливе. Здесь блаженствуешь, словно в раю, когда бы покончить с войной, управиться с революцией, то всех вас забрать сюда и жить в свое удовольствие. Повсюду столько ягод, столько грибов и зверья непуганого по лесу шастает, что можно для еды ничего самому не выращивать. Бери у природы, не ленись только стряпать.

– Насчет зверья сразу предупреждаю, все что угодно, только не это, – забеспокоился царь, – умерьте, советую, по отношению к мясу свой аппетит. При подведении общих итогов, за каждую загубленную особь спросят по самые не хочу. Один мой знакомый барон в бытность свою к жареным гусям весьма пристрастился, вот они теперь и клюют его без перерыва, разумеется, куда следует. У него уже вместо задницы две обглоданные костяшки остались. Чего только ни делал страдалец: и извинялся, и пощады просил, обещал закормить отборной пшеницей, – а те знай себе долбят, аж искры секут. А по поводу «старое ворошить», я вот что скажу, Василий Иванович. Это оно для Вас старое, а для меня единственное и неизбывное, вечно болящее. Эти негодяи кровожадней, чем дикие звери, с нами расправились. Не пощадили даже цесаревича Алексея, непорочного ребенка жизни лишили.

Николай достал из брючного кармана батистовый, с вышитой царской монограммой платок и тщательно промокнул просветленные детской обидой заплаканные очи. И даже в императорских слезах было столько достоинства, такая благородная печаль сопровождала им, что Василий Иванович от чистого сердца позавидовал необыкновенно красивому горю этого недоступного, богом избранного человека.

– Я всего ожидал, – продолжил Романов, – все мог предположить, но такой жестокости, такого неслыханного варварства, воля

ваша, предвидеть не мог. Вы не опасаетесь, что после дичайшей расправы над нами у власти не осталось никаких препятствий для совершения любых, самых чудовищных преступлений?

Вопрос императора повис без ответа, потому что задан был всем. А за совершенное злодеяние спрашивать следует всегда персонально. Потому что люди еще с библейских времен, побивая несчастных камнями, научились уходить от личной ответственности. Такая расправа не позволяла установить, чей именно камень оказался смертельным. Вот и получалось, что никто не нарушил самую главную заповедь «Не убей!».

Между тем от природы не склонный к сентиментальностям ординарец счел справедливым не отмалчиваться по спорному поводу и взял на себя право ответить за всех:

– А вы чего ожидали, господа хорошие? Вам распятая Русь пряников тульских должна была закупить? В ваших руках было все: и огромная власть, и богатства, и верность народа безмерная, – вот только совестью да смекалкой обнес для чего-то Господь во время помазанья. Надо было не только забавам во дворцах предаваться, но и царскую ответственность перед народом нести. Вы хоть пытались прикинуть в уме, сколько нашего брата в ходе бездарно проигранной вами войны непонятно за что пострадало? Кабы всю их невинную кровушку собрать воедино, поболее батюшки Урала в берегах наберется. Тоже единственной, как печально заметили вы, вечно болящей кровушки. Потому что перед смертью, не забывайте, все люди под гребенку равны.

– Но будя-будя, – строго осадил разгоряченного ординарца комдив, – чего зря трепаться, язык без костей, он меры не знает. Вот и хозяйшюка наша распрекрасная в самый раз с ушицей пожаловала. Давай, Аннушка, становись царицей этого вечернего бала, распоряджайся по-нашему.

Действительно, из сполохов пляшущего языками костра появились Анка с Кашкетом, бережно несущие за горячую дужку казан, и поставили его на белую скатерть, прямо по центру стола. Денщик

доложился компании с помощью поднятого большого пальца о качестве рыбацкой ухи. Раскрасневшаяся от кострового огня и избытка плотских страстей пулеметчица, вооружившись столовым половником, принялась колдовать над бесценной юшкой, аромат от которой распространялся далеко за пределы стола.

– Это вам, дорогой Николай Александрович. – И жрица застолья бережно поставила перед заметно смущенным царем полную миску. – Вы, наверняка, подзабыли вкус костровой, с двойным наваром ухи. Навряд ли в заоблачных даях такие окуни и карасики водятся, как в нашем родниковом Разливе. И чего вас туда занесло, жили бы лучше до старости вместе с российским народом.

– Какие там карасики, – взъерошился с полуоборота студент Александр, – постоянно одни только яблоки жрать за обедом приходится. У меня изжога от них на всю жизнь приключилась. Честью пролетарского дворянина клянусь, если ничего не изменится, голодовку бессрочную готов объявить. Лучше сгореть на костре, как Джордано Бруно, нежели до скончания века поносами мучиться. Я уже и бомбу готов самодельную проглотить, только бы не казниться вкусом антоновских яблок.

– Это в вашем колхозе «Светлый путь» одними только яблоками потчуют, – заметил царь Николай и попробовал из ложки на вкус ароматную юшку. – А вот в нашей артели «Тихие заводи» иногда по утрам и орешками балуют, не жирно, конечно, но очень приятно, и жить по-прежнему хочется. Я слышал, что у вас на день «Парижской коммуны» тыквенные семечки членам правления колхоза в кулечках выдавали. Что ни говори, а хороших, добропорядочных людей везде отмечают и поощряют при случае.

Василий Иванович, заметно подобревший после первой выпитой чарки и наваристой костровой юшки, начал приходить к заключению, что гости, в сущности, неплохие ребята и с ними можно тепло провести и эту сумасбродную встречу. Возникло приятное ощущение, будто они знакомы много уже лет и данная вечеринка – всего лишь обычные дружеские посиделки. Командир налил всем полные

чарки по второму кругу, – для Александра это уже был четвертый подход, с учетом режима активного самообслуживания, – и спросил с воодушевлением:

– За что пить будем, гости мои ненаглядные? Если имеете в сердце охоту высказать доброе пожелание, с удовольствием послушаем вас. Мы ведь тоже без застольных речей опрокидывать стопки не очень приучены, как и полагается в русских православных традициях.

– Можно поднять бокалы за Карла Маркса или Фридриха Энгельса, например. А еще лучше, за мировую пролетарскую революцию, – незамедлительно подал компании идею непревзойденный специалист по взрывному делу Александр Ильич Ульянов.

При этом посоловевшие глаза его плотоядно пожирали волнующиеся любовью и молодостью обнаженные Анкины руки. Пулеметчица, в кураже от своей востребованности в сугубо мужском окружении, с игривым кокетством поднесла студенту полную миску янтарной ухи.

Чапаев, внимательно отслеживающий все происходящее за хлебосольным столом, четко для себя зафиксировал, что еще немного – и ленинскому брательнику придется проглотить уху вместе с алюминиевой миской. Настолько недвусмысленным становилось выражение Петькиной звереющей физиономии. Поэтому он украдкой пригрозил ординарцу зажатый стальным кулаком. Но студент, похоже, быстренько и сам сориентировался в ситуации и картинно, едва ли не спиной повернулся к искусительнице, демонстрируя полное к ней безразличие.

Царь Николай между тем, обратившись непосредственно к предложившему политический тост Ульянову, искренне возмущился:

– Вот уж бокалы! Может, вы еще посоветуете выпить за Гришку Отрепьева или за Малюту Скуратова – это же все ваши кумиры? По моему, в приличном обществе полагается пить за порядочных, благородных людей или, по крайней мере, за добрые пожелания. Похоже,

ваше пребывание в вечности не способствовало освобождению от готовности служить безобразиям. Видно, не всякого ущербного или горбатого человека даже разлука с Землей хоть немного исправит.

– И что вы такие конфликтные, – вставая из-за стола, обратился к окружающим с примирительной речью Чапай. – Разве можно на таких неуважительных тонах проводить приятельский ужин. Ведь у нас же общая доля, общая матушка-Русь, неужели нельзя относиться друг к дружке по-братски. Предлагаю расслабиться и выпить до дна мировую, выпить за родину нашу, неизбывную славу и гордость для истинно русской души.

Все без приглашения поднялись со своих мест, сдвинули граненые стопки и с решительным выражением лиц опрокинули этот, как нельзя более кстати, примирительный тост. Так издревле повелось в нашем бесшабашном Отечестве. Люди могли враждовать, до кровавых чертей изводить и себя, и соседа, но, когда вопрос подымался про матушку-Русь, всякие личные страсти и прихоти отступали на задний план. Оставалась только она, необъятная и непостижимая, как вечерняя зимняя молитва, как стремительный бег разгулявшихся вешних вод.

Удачно и, главное, ко времени выпитый тост заметно смягчил общий градус настроения почтенной компании. Все с облегчением заулыбались и переключились на осаду изобилующего вкуснятиной стола. В ход пошли и уха, и роскошные раки, в самом деле величиной чуть ли не с лапоть, за которые можно не только по пять, но и по пятнадцать запросить на одесском привозе. Душистые, мастерски запаренные в крутом укропном настое, они были приняты публикой на ура. Николай, смачно прожевывая очередную раковую шейку, доставшуюся непосредственно из заботливых рук пулеметчицы, заметил окружающим:

– Я полагаю, славная жизнь могла бы процветать на Руси, когда бы всякие горе-господа не баламутили почем зря наш богоносный народ. Православные люди по-детски добры и доверчивы, поэтому без труда поддаются на уловки пустых болтунов, не стесняющих себя

в обещаниях. Пока власти в руках не имеешь, обещать можно все что угодно, а получишь хоть малую, хоть безмерную власть – и враз обнаружится, что ничего изменить невозможно. Я даже больше скажу: чем могущественней представляется обретенная кем-либо власть, тем беспомощней на поверку оказывается ее якобы распорядитель.

Царь с досадой развел руками и попросил пулеметчицу приготовить для него небольшой с зернистой икрой бутерброд. При этом рассказал смешную историю, как в детстве всячески хитрил за столом и пытался под наблюдением взрослых вместо бутерброда с опостылевшей черной икрой скушать чистый кусочек обыкновенного хлеба. Приняв из Анкиных рук деликатно составленное угощение, Николай обратился к демонстрирующему аппетит кашалота студенту и по-хорошему любопытствовал:

– Скажите хоть теперь, Александр, чем же мой батюшка так плох был для вас, чем провинился перед российским студенчеством? Ведь ваш просвещенный и почтенный родитель под покровительством царской короны до больших чинов дослужился. Если не забывал, директором народных училищ всей Симбирской губернии был, от казны содержанием немалым довольствовался. И вот, в благодарность Отечеству, вырастил для России завязатого царубийцу, славный блюститель образования оказался, одно загляденье. Коль уж вы так желали демократии, равенства, братства, взяли бы и подарили свой симбирский особняк под сиротский приют или хотя бы под избу-читальню для бедноты приспособили. Народничество, чтоб вы знали, – это самая отвратительная болезнь русского дворянства. Ах, как мы умеем картинно скорбеть и сокрушаться по поводу житейских тягот простого народа, вот только поступиться собственным благополучием никто не торопится. Главное дело, ты им дворянские привилегии, достойное содержание, а они тебе в благодарность смертоносную бомбу в карету. Ведь это ваши разбойники учинили расправу над дедом моим и за батюшкой кровавую охоту устроили. Я так до сих пор в толк не возьму: вы чего добивались-то? Разве сделалась жизнь простого народа в многострадальной Руси хоть на крохотку лучше после всех ваших революций и кровопусканий? Расправиться

с безоружным императором и его невинной семьей дело нехитрое, для этого много ума не потребуется. Но вот чтобы Отечество наше возвысить, приумножить богатство его, для этого разума у предводителей черни не хватит. Сотню лет будут грабить нами нажитое, лучших людей изведут, изолгутся вконец, изворуются. Потом землю, политую кровью наших славных дедов, примутся потихоньку спускать – так бездарно и загубят Россию.

После продолжительного императорского спича за столом воцарилось общее молчание, все сосредоточенно переваривали сказанное, по-своему перемеривали долю Отечества. Даже Аннушка, по природе не склонная к серьезным разговорам о высоких материях, пригасила лучистый свой взор. Наконец комдив нарушил затянувшееся молчание и, с огоньком подзадоривая поникший коллектив, спросил у студента:

– Как считаешь, верный борец за пролетарское дело, если бы твой младший брательник оказался при власти в четырнадцатом, выиграла бы Россия войну или так же бесславно оставила поля тяжелейших сражений? Мы ведь немало схоронили там своих лучших товарищей, а с ними, похоже, закопали и царскую власть.

– Вы главного никак не поймете, Василий Иванович, – воспрянул духом единоутробник самого Владимира Ильича, он даже перестал наваливать на краюху хлеба зернистой икры, – если бы у власти стоял мой Володя, со своими верными соратниками, ни о какой войне не могло быть и речи. Вы, смотрю, до сих пор еще не вкурили, что на самом деле означает великий призыв к единению всех пролетариев. Вы спросите себя: ну зачем воевать между собой российскому и германскому рядовому солдату, когда они являются одинаково угнетенными пролетариями, фактически единой семьей по несчастью? Сомневаюсь, чтобы царским угодникам доводилось кормить собой вшей или сербать похлебку в окопной грязи, спать под проливными дождями и ночными морозами, и здесь же, на месте, справлять любую нужду. И ждать ежечасно, ежеминутно, когда смертельная пуля отправит на кровавый алтарь очередную безвозвратную жертву.

– И охота вам по чем зря фантазировать под такие давно не вкушаемые нами закуски, милейший господин Александр Ульянов, – сокрушённо покачивая императорской головой, выразил недоумение великий князь Николай. Он внимательно посмотрел на лишённые былого блеска, неухоженные ногти своей левой руки и продолжил: – Вот попомните слово моё, доживем эдак года до сорок первого и диву дадимся, когда обожаемые вами германские и российские пролетарии примутся беспощадно колбасить друг дружку. В таком интернациональном братстве сойдутся, так будут усердствовать, что четверть просвещенной Европы не за понюшку табака ухандошают. Управятся без услуг ненавистных вам императоров, исключительно под знаменем борьбы за всеобщую справедливость.

Отродясь не склонный к уступкам, защитник всего трудового народа немедленно выразил свой категорический протест. Возобновив активные действия по сооружению очередного бутерброда из черной икры, студент изложил марксистскую точку зрения на возможную историческую перспективу.

– Видите ли, Николай Александрович, – академическим тоном заявил он. – Во главе пролетариев должны стоять самые честные, самые умные кормчие, проверенные жизнью вожди. Такие, например, как мой младший братишка Владимир. В России всегда отыщутся настоящие патриоты, способные решительно вести за собой народные массы в светлое будущее.

– Вот-вот, дело говорит наш Сашуля, – подхватил инициативу Ульянова воодушевленный комдив и пододвинул поближе к студенту миску с осетровой икрой. – Народу нужны толковые полководцы, без них даже самая победоносная армия не в состоянии добиться блестящей виктории. А уж ленинская партия не подкачает, никому не позволит своротить нас с революционного пути.

Император посмотрел с тоской в звездное небо и, неожиданно для всех, сам налил себе полную стопку. Извинился перед компанией и хлобыстнул ее до самого дна. Резко выдохнул, как это делают простолюдины, и произнес назидательно:

– Так-то оно так, но все-таки хорошо, когда люди сами, без всяких вождей свое место в жизни находят, желательно, чтобы без бунтов и потрясений, но обязательно с покоем в душе. Не хочу прослыть дурным пророком, но предвижу, что с толковыми полководцами у вас, Василий Иванович, не шибко заладится. Когда будут при власти, больно грамотными и резвыми скажутся, а как только с Кремля-то долой, круглыми дураками объявятся. До того никудышными сделаются, что не всякой кобыле и гриву заплетать им доверите. Вот такими, похоже, окажутся пролетарские ваши вожди, первыми и разбегутся из-под священного знамени Октября, только пятками засверкают. А пролетариям всех стран покажут большой грязный кукиш. В присутствии дамы не имею возможности нарисовать более полную перспективу.

Василий Иванович положительно не мог согласиться с обидными царскими предсказаниями – они оскорбляли память бойцов, не щадивших в борьбе за народное дело свою горячую кровь. Комдив первый раз от чистого сердца пожалел, что не пригласил на сегодняшний ужин политически подкованного комиссара. Уж тот бы выдал по памяти пару страниц из «Капитала» и утер императору нос. А теперь, в присутствии подчиненных, приходилось самому держать оборону и давать демагогу достойный отпор.

– Ваша правда, чего здесь греха таить, всякое в жизни бывает, может, иной раз и не самые лучшие полководцы к власти приходят, – допустил рассудительно Чапай, – но сейчас на дворе времена иные. Сейчас во власть такие парни пришли, что только держись. Грамотющие, молодые, щебечут, как птицы, на любых языках, эти спуска никому не дадут, больших дел наворотят.

Царь Николай обреченно закивал головой и, глядя перед собой в пустоту, сквозь мучительную улыбку согласился:

– Пожалуй, что наворотят, только вряд ли и времена, и полководцы другие. Времена иные разве что у очень глупых людей постоянно случаются. Мудрость великая на том и стоит, о том без устали и повторяет, что ничего не меняется. Вот извольте, потрудитесь полюбопытствовать, почитайте книгу проповедника Екклесиаста,

в ней, как в фокусе морского бинокля, вся Библия сосредоточена. Проповедник, между прочим, понятным языком как на духу говорит: «Что было, то и будет, и что делается, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

– Вы, Николай Александрович, – съязвил нажравшийся до отвала студент, – никак без пригласительного билета в святые отцы подались. Писание, что таблицу умножения, без единой запиночки шпарите. Можно на новогодние утренники к детишкам ходить, под елкой Евангелие декламировать.

– Да уж по заслугам, по великим страданиям нашим, – абсолютно серьезно ответил царь Николай, – к сонму православных святых надеемся быть сопричислены.

Разговор в этой стадии подошел к какому-то логическому завершению, он уже не предполагал дополнительных реплик и комментариев. Поэтому Василий Иванович, на правах хозяина дружеского застолья, предложил обществу немного размяться: «Кому требуется, рекомендую пройтись, освежиться, пока Аннушка с денщиком не обновятся с посудой, не накроют заново стол».

Над Разливом во всю глотку шпарила озверевшая от одиночества луна. Полный диск ее был уже настолько велик, что, казалось, ночное светило свалится с катушек прямо на землю. И лес, и костер, и залитая зловещим фосфорическим светом поляна – все настороженно замерло в ожидании неминуемой вселенской катастрофы. Но странное дело, что все собравшиеся в Разливе люди, в действительности малые и беззащитные существа, испытывали при этом несказанный кураж, как будто вся их беспокойная жизнь была только и подчинена ожиданию конца света.

Как почетные гости, так и принимающая сторона разбрелись лениво по ближайшим кустам, а комдив, пользуясь удобным моментом, решил украдкой наведаться к озеру. Очень много спорных вопросов возникло по ходу беседы, которые требовали незамедлительных ответов. И получить их можно было только через волшебную мобильную связь.

Василий Иванович с оглядкой спустился по береговому откосу, подошел к кромке воды и восстановил справедливый баланс уровня жидкости в природе. Только после этого облегченно присел на заветный ольховый топляк. Он достал из глубокого кармана габардиновых галифе сотовый телефон, включил рабочий режим и привычно набрал девять сплошных четверок. В трубке незамедлительно ответили:

– Говорите, слушаю вас.

– Я, конечно, премного извиняюсь, Отче наш, быть может, звоню и не вовремя, но мне до зарезу хочется поговорить о сегодняшних наших гостях. Должен признать, они оказались неплохими ребятами, даже расставаться не хочется, право же, почти такие, как мы. Вам, наверняка, хорошо все известно. Знаете, кем они были у нас на Земле, где и кем пребывают сейчас, и, главное, точно осведомлены, что ожидает этих людей впереди. Даже не сомневаюсь, что их личное дело хранится под грифом «секретно», но умоляю, поделитесь по дружбе хоть какой информацией, просто сгораю от любопытства.

Чапаев, за время телефонного знакомства, был порядком осведомлен о всяких причудах Создателя, о Его непредсказуемой манере рассмеяться в самый неподходящий момент. Однако на сей раз собеседник превзошел самые смелые ожидания. Случившийся хохот зарождался почти что беззвучно, с мелкими всхлипываниями и подвываниями, потом вдруг выплеснулся таким громовым раскатом, что комдив непроизвольно поднял очи к небу в поисках электрической молнии. После резкого обвала нечеловеческого ликования, из трубки как ни в чем не бывало послышалось:

– Как всегда, ошибаешься, друг Мой Василий, они не по нашему ведомству числятся. Не в Моей, к счастью, компетенции знать и определять их дальнейший вселенский маршрут. Не то чтобы недоступны, скорее мне неинтересны они, для подобных клиентов водятся специалисты иного профиля. Если горишь нетерпением, могу, по-приятельски, предложить секретный связной телефон. Номерок запомнить несложно, всего-то состоит из девяти обыкновенных шестерок. Звони вечером, у них справочная служба довольно любезная, работают по

высокому классу, получишь ответы на любой свой вопрос.

Василий Иванович, не будь простофилей, враз догадался к чему это клонит Создатель, однако не отступился и предпринял обходный маневр. Он обратился к военной хитрости и попытался подъехать с другой стороны:

– Знаю я эти секретные телефонные номера, составленные из сплошных только шестерок, не будешь рад, когда свяжешься. Вы лучше скажите, это правда, что Николая Романова могут в святые определить? С виду он не больно на Николая Чудотворца похож, да и закваски Серафима Саровского как-то в нем не приметно. Раньше даже подумать не мог, что у вас кандидатов на причисление к лику святых, как на приём докторов, в порядке живой очереди выстраивают.

Создатель опять едва не сорвался в гомерический хохот, но отделался легким смешком и, отхлебнув глоточек свежего чая, поведаль рассудительно:

– То, что вы святых между собой назначаете, дело, без сомнения, интересное, дорогой мой Василий, но к нам оно не имеет ни малейшего отношения. Мы подобных почестей уже давно никому не оказывали, и списки кандидатов в последнее время появились слишком большие, и заслуги для нас не очень понятные. Вы по собственному усмотрению Николая Второго в святые зачислите, вам всю жизнь и поклоняться ему. Нам-то что, от нас не убудет. Впрочем, надежду храним, что ваше причисление к лику святых, хоть кого-то, пусть на малую толику, приблизит к чертогам небесного града.

Очередное признание Создателя некоторым образом сбило с панталыку, озадачило неугомонного комдива. Он, в простоте душевной, наивно полагал, что имена кандидатов причисления к лику святых непременно согласуются с небесами, что там не может быть места для залетных гусей. Даже в партию к большевикам не проскользнешь сквозь игольное ушко у Фурманова, а уж к собору святых случайному человеку и комариным носиком не затесаться. В связи с этим Василий Иванович с нескрываемым недоумением поинтересовался:

– Так выходит, что Вы распоряжаетесь только там наверху, а к земным нашим дрязгам вообще никак не причастны? Тогда хоть в курс дела немного введите, если, конечно, небесный устав позволяет. Выходит, что Невского князя или отца Серафима мы тоже по собственной воле в святые назначили? Если управились без Вашего благословения, то, согласитесь, очень несерьезно все это устроилось.

На что Всевышний не допускающим возражения тоном заметил:

– Зачем же, дружище, всех валить в одну кучу. И у нас, и у вас по-разному все случается. Иногда среди вашего брата такие ревнители горнего духа встречаются, что и нам впору благословляться от них. Тебе же рекомендую смиренно принять, что на свете есть много чего, о чем до поры никто не узнает, не то что по дружбе, но и по-родственному никогда не скажу. Сколько сам подымешь, столько и понесешь, негоже человека нагрывать поверх меры.

– Извините, конечно, но иногда Вы напоминаете мне нашего строптивного комиссара, – несколько раздраженно посетовал комдив. – Стоит только дочитать в «Капитале» до самого интересного, Фурманов сразу же ничего не знает и объяснить толком ничего не может, сплошные ребусы. Я вовсе не претендую на стратегические небесные тайны, но скажите хотя бы, вот Владимир Ильич, он в святые, по Вашему разумению, уж точно годится? Для нас он является самым верным примером служения интересам простого народа.

– Насколько я понимаю, – ответил Создатель, – никто его особенно не упрашивал беспокоиться об интересах простого народа. Это он по собственной прихоти великого благодетеля из себя изображает. У нас иногда возникает подозрение, что Владимир Ильич некоторым образом в фараоны намерен податься. Он уже и супругу свою, с глаз на глаз, на всякий случай Нефертити кокетливо величает. Для Меня это странное желание оказалось большой неожиданностью, ведь у специалистов самая лучшая жаровня без дела простаивает. Еще удивляет, что все как-то без размаха, довольно скромненько пока у него намечается, для приличной пирамиды то ли места, то ли камней не хватает. Похоже, что еще подвезут.

– Чего подвезут, Отче наш, камней или мумий? – забеспокоился комдив. – Вы можете откровенно хоть в этом наставить меня.

– Больно ты любопытен, Василий. Говорил же, что излишки познаний доставляют человеку одну лишь печаль. Расскажи тебе правду о Ленине, вся командирская жизнь пойдет кувырком, не возрадуешься, что шашку держать в руках научился. А вообще, в этом деле важен процесс. Какая тебе разница, на чьей стороне саблей махать? Тревожишь меня по пустякам, нынче и без тебя день не заладился. Извини, поговорим в другой раз.

Василий Иванович, окончательно запутавшись в бесконечных предположениях, нетерпеливо поднялся с ольховой коряги. Устремив цепкий взгляд в ночное звездное небо, он в который уже раз беспомощно пытался представить, где же все-таки обитает этот загадочный абонент. Главное, видит и знает про все. Такого контрразведчика в штабе дивизии завести – до самой победы мировой революции без лишних хлопот самым героическим полководцем окажешься.

Чтобы хоть как-то развеять набежавшую некстати печаль, комдив по традиции сделал несколько глубоких приседаний под кожаный хруст обожаемых трофейных сапог. После чего, оголив наостренную шашку, совершил ряд боевых с просвистом махов и стремительно, кистевым броском загородил в ножны клинок. Вместе с ударом клинка о ножны у самого берега какая-то огромная рыба на саданула упругим хвостом по лунной дорожке, так что холодные капли воды оросили комдиву чело. Он, встрепенувшись, вернулся в боевую реальность, вспомнил, что у командирского шалаша остались покинутые хозяином гости, и спешно заторопился наверх.

За центральным пеньком, несмотря на долгое отсутствие командира, полным ходом продолжалось веселое гулянье. Уже ординарец сидел в обнимку с хорошо захмелевшим Александром Ульяновым, пил водяру из пол-литровой кружки и что-то шkodливое, оглядываясь по сторонам, кричал ему на ухо. Уже венценосный Романов в неприличной близости переговаривался о чем-то с возбужденной, раскрасневшейся Анкой. По всему было видно, что

оставь эту парочку наедине – и как пить дать благодарное Отечество возрадуется обретением новоявленного наследника. Более чем не по чину надравшийся денщик одиноко сидел у костра, и отчаянно наяривал до посинения кошерное «семь сорок». Можете не поверить, но приبلудившаяся собачонка исключительно в такт пересыпала коротенькими ножками, счастливо дергалась, подвизгивала и, кажется, даже подмигивала заядлому музыканту.

Чапаеву, разумеется, не очень понравилось заварившееся в его отсутствие веселье. Такая самодеятельность бессовестным образом нарушала законную субординацию, особенно раздражало заигрывание царя с пулеметчицей. Комдив, подойдя к столу, решил немного осадить разгулявшегося императора. В конце концов, в святые его пока еще никто не определил и нечего с ним за зря церемониться.

– Ты, Николаша, губу-то не шибко раскатывай, – стартанул без разгона Василий Иванович, – не так-то легко, по моему разумению, в святые пробиться. Для этого, брат, большие заслуги потребуются, твоих-то, пожалуй, и не наберется. Похоже, что так и придется до скончания веков былое оплакивать да под чужими бабскими юбками удачу искать.

– Да что вы такое буровите, – враз ощетинился преобразившийся царь Николай. – Нравится это кому-то, а может и нет, но должна же быть и у вас хоть какая-то справедливость, ведь нас всей семьей, словно мух, эти сволочи без суда и следствия перехлопали. Мы же такую лютую смерть в подвале от разбойников приняли. Кого же, как не нас, следует причислять к лику святых? И учтите, не может Россия оставаться без покаяния.

– Так для своего удовольствия эти же сволочи в святые вас и возведут, – бесцеремонно прокомментировал высокопарное заявление царя незатейливый ординарец. – Это же любимая отечественная забава – сначала стрельнуть, а потом со всеми почестями в святые загородить. Случается и наоборот, сначала в святые определяют, а потом с благородным гневом, аккуратненько, будто в фотографическом салоне, к стеночке возьмут и приставят. Тут, знаете ли, все

решает фортуна, как кому повезет. Эх, Николай Александрович, после того как вы страну ни за грош просвистали, не счесть сколько семей не то чтобы как мух, словно грязь непотребную поганой метлой замели. Если всех приниматься в святые из жалости снаряжать, чего доброго небеса наверху опрокинутся, не выдержат подобного столпотворения.

Царь подобрался с достоинством, напыжился как сыч, еще больше выправил шею и совершенно неожиданно для присутствующих выдал:

– Позвольте, но ведь я же божий помазанник, избранник с горним благословением, неужели для вас даже этого мало? В цивилизованном обществе должны же присутствовать хоть какие-то священные нормы, неприступные для хамского произвола рубежи. К тому же Россия не приспособлена, не в состоянии существовать без верховного единоначалия, равно как и без православного исповедания. Еще учтите, что те правители, которые после нас в кремлевские коридоры власти ворвутся, окажутся не в пример паршивей. Их не то что святые, пожалуй, не всякие черти в свою компанию с радостью примут.

В это время бродяга Кашкет, качаясь на пьяных ногах, подошел с балалайкой к столу и заиграл в полную мощь инструмента «Боже, Царя храни!». Николай, понятное дело, торжественно выпрямился, троекратно перекрестился и уронил, не без гордости, императорскую слезу. Величальное стояние, наверное, продолжалось бы еще долго, если бы денщик не извернулся в ловком музыкальном коленце и не подсунул на закуску «и в ямку закопал, и надпись написал». Венценосный гость просто рухнул на скамью как подкошенный и обидно заморгал голубыми глазами.

– Хватит вам лошадей перед миром смешить, сами-то верите тому, что несете, – не пощадил морально уже поверженного императора не на шутку отвязавшийся Петька Чаплыгин. – Настоящим божьим помазанником был тезка мой, Петр Алексеевич, за таким императором можно было хоть в бой, хоть на праздничный смотр без

оглядки ходить. Неужели самому вам не стыдно, за былые геройства свои, за кровавую долю народа, за поруганную матушку-Русь? Вот бы Аннушку нашу посадили на трон, не хуже Екатерины Великой с германцами разобралась бы и порядок в стране без соплей навела. Пускай никого не смущает, что невеста моя к пулемету приставлена, – в душе у нее отвага великого полководца сидит.

– Не могу согласиться с вами, Петр Елисеевич, – из последних сил возразил заметно поверженный царь Николай. –Российской императрицей посадить на трон просто так никого невозможно, для этого необходимо родиться на свет под небесным благословением. Я уже не говорю о том, что службе Отечеству долго и упорно обучаться приходится. Хорошую уху сварить без стряпчей науки едва ли получится, а страной управлять много сложнее, гораздо обременительней.

– Прямо уж, народиться положено, – не смогла промолчать задетая за живое пылкая Анка. – Попадались нам с Люськой в трофейных обоях бальные платья, мы даже одевали их перед зеркалом. Можете не сомневаться, уважаемый Николай Александрович, не хуже ваших дворцовых барышень выглядели. Вот комдив наш, никаких академий никогда не заканчивал, а золотопогонные генералы да brave офицеры только пятки успевают намазывать.

Петька, рассудив сам с собой, что царю требуется некоторая передышка для восстановления поникшего духа, решил переключить общее внимание к Александру Ульянову и потому, не без лукавства, поинтересовался:

– А расскажи нам, студент, чисто по дружбе, дело ведь прошлое, сильно обрадовался, когда узнал, что большевики царскую семью порешили? Небось, целую неделю от восторга не просыхал, всю зарплату в трактире спустил? Я бы на твоём месте поступил точно так же.

– Что вы такое выдумываете, товарищ Чаплыгин, – запротестовал порядком заскукавший брательник вождя, – чему можно радоваться? Ведь там, в Ипатьевском подвальчике, злодеяние великое было совершено. Говорю об этом со знанием дела, с полной

ответственностью. Подбор бриллиантов у дамочек был красоты несказанной, под стать российской короне. Все это чертыхнулось неизвестно куда, как ветром развеяло. За такие сокровища при хозяйском подходе можно было в Америке бомбочки изумительные заказать. Карету шестериком вместе с кобылами без труда на шпиль Петропавловской крепости занести. Я так мыслю, что из-за бриллиантов все семейство и шлепнули. Что поделаешь, жадность не одного фраера по жизни сгубила.

– А я ведь молюсь за него, негодяя, – возмутился растерявшийся царь Николай, – ходатайствую о прощении божем.

– Вы бы за себя не ленились молиться, Николай Александрович, – легко парировал студент, – не забывайте, что воля Господня, как и гнев, как и милость Его, – никогда нам неведомы.

Луна незаметно потерялась в размерах, и свечение ее сделалось не таким тревожным, не таким магнетическим. Уже краем своим она коснулась верхушек деревьев, готовая до срока провалиться в черноту леса. Гости заметно заволновались, начали в нетерпении прощаться. Император всея малая, белая и так далее Руси обратился персонально к Чапаеву:

– Благодарю вас за радушный прием. Раки за столом и впрямь были необыкновенно хороши. Оставляем вас с надеждой, что все самое лучшее еще впереди.

Царь достал из верхнего кармана заштопанной во многих местах гимнастерки золотой перстенок, – тот самый, который предназначался в качестве свадебного подарка для пулеметчицы – и, глядя комдиву прямо в глаза, вручил со словами:

– Девочкам моим он все равно не понадобится, распорядитесь по своему усмотрению, передайте, кому сочтете возможным.

И взяв под руку потерявшего ко всему интерес Александра, не оглядываясь, торопливо направился в таинственный лес.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Всякие времена переживала легендарная Чапаевская дивизия, были в ее роскошной биографии блистательные победы, были и суровые дни роковых, судьбоносных испытаний. Чего стоили одни только прощания с погибшими боевыми товарищами, когда казалось, что нет никаких человеческих сил становиться с оружием в строй и продолжать суровую борьбу за пролетарское дело. Но горе, которое накрыло чапаевцев в эту годину печали, нельзя выразить никакими словами, невозможно испытать никакими страданиями. Отошел в мир иной, сказать по совести, сделав вид, что отправился на тот свет, самый главный застрельщик великой пролетарской революции, незабвенный Владимир Ульянов. В это невозможно без стакана самогона поверить, но очень скоро, к удивлению всех, обнаружится, что ничего личного в мире ином Владимир Ильич не забыл и покидать нас вовсе не собирается.

В Разливе пятый день кряду сокрушенный Василий Иванович, солидарно с затянутым в кожаный френч комиссаром, заливал неподъемное горе единственно спасительной для русской души благодатью, безотказным утешительным средством. Кашкет давно уже опустошил в пределах округа все запасы самогонного зелья, обшарил самые дальние закутки, где не брезговали сдабривать ядерное варево паленым табаком и даже куриным пометом. Выпито было все, и денщик не имел даже ни малейшего представления куда отправляться, если комдив, оклемавшись, потребует водки. Самогонки в дивизии не осталось ни капли, хоть шаром, хоть тачанкой «вдоль по Питерской» прокати.

Однако потенциальные силы между самогонным могуществом и телесным здоровьем Чапая оказались неравными. Врубившись очередной раз за страдальным, уставленным пустыми бутылками и надкусанными огурцами пеньком, Василий Иванович сквозь шум головного столпотворения неожиданно сообразил, что, если срочно не остановиться, не осадить лихого коня, появится хорошая

перспектива отправиться вслед за Владимиром Ильичом, и скорее всего, без фараоновских почестей. Ценой героических усилий он сумел разомкнуть оплывшие веки и увидел прямо под носом красно-черную траурную повязку на кожаном рукаве безутешного товарища Фурманова. Комдив ткнул носом в эту трагических раскрасок тряпочку и далеко не командирским голосом просипел:

– Митька, пора завязывать, иначе дело труба, так можно и до коммунизма не дотянуть.

Дмитрий Андреевич горестно промычал в ответ:

– Сам чую. Я уже и на том свете, кажется, немного побывал. Пятки огнем горят, такое впечатление, что на раскаленной сковородке украинского гопака с какой-то меньшевичкой наяривал. Надо же такой гадости с бодуна померещиться!

Все эти тягостные дни Кашкет сиротливо отирался в прямой видимости отчаянно скорбящего командира и периодически принимался выводить на неразлучной балалайке исходящее тоской «Сулико». Как только денщик обнаружил некоторые признаки шевеления оживающего предводителя, тут же ракетой метнулся к пеньку с готовностью разделить любые страдания и услужливо поинтересовался, чем может пособить в годину печали.

В шалаше уже дожидался загодя припасенный бурдючок с кисленькой сывороткой, откинутой от сквашенного бараньего молока. Запарена была и горная чудо-травка, которая среди понимающих толк в похмельной ботанике знатоков называется «хвост аксакала» и весьма помогает с устатку. Эти, не единожды испытанные в суровых похмельях снадобья были срочно востребованы, и сразу же после первых выпитых кружек в командирских мозгах наступило некоторое прозрение. Не так чтобы вспыхнула радуга, как после летней грозы, однако же забрезжил в разрывах обоих полушарий спасительный розовый свет.

– Ну что, Дмитрий Андреевич, – поинтересовался срывающимся голосом Чапай, – будем считать, что прощание с вождем мирового

пролетариата благополучно закончилось. Не приведи Господи что-нибудь с Троцким или Каменевым на днях приключится. Я хоть и полный Георгиевский кавалер, но чую дам деру, не совладаю с собой. Как по мне, теперь лучше в атаку на капелевцев сходить десять раз впереди эскадрона, чем с одним вождем на всю жизнь расставаться.

Комиссар, несмотря на горящие в точке паровозного кипения трубы, нашел в себе силы изобразить удивление и выразить партийное непонимание:

– Похоже, вы вчера не очень внимательны были, боевой мой товарищ. Я ведь поставил и вас, и Люсьену в известность, что прощание с Владимиром Ильичом решительно отменяется. Из Центрального комитета получена секретная директива с постановлением руководства партии зарезервировать и сохранить вождя всех народов для вечного пребывания поблизости с нами. Большевики поднялись на революцию во главе с Ильичом, вместе с ним и завершат это великое дело. Да и сам рассуди: ну какой, к чертям, коммунизм без товарища Ленина, это все одно как тачанка без пулемета.

Чапай с удивлением выслушал подозрительную речь полномочного представителя партии, отпил еще для страховки четверть кружечки кислой бараньей сыворотки и закусил в раздумье зубами усы. Через пару минут решительно сплюнул прокуренную щетину и принципиально спросил комиссара:

– Это вы от себя сейчас выступаете или так в «Капитале» наказано? Может, накатите на всякий случай для бодрости соточку – слишком фантазия у вас разбушевалась, эдак можно совсем не в ту степь закатиться. Иногда на поворотах попридержаться не мешает коней, – и уже как бы для себя самого, еле слышно добавил: – На глазах теряем даже закаленных залпом Авроры людей, похоже, уже третьего комиссара белка накрыла.

Фурманов немедленно встrepенулcя, подтянул портупеи, потрогал для чего-то притороченный к заду наган и по-партийному четко отреагировал:

– Вы, товарищ комдив, со своими фантазиями не шибко балуйте. Я вам про секретные партийные директивы, а вы мне про белку толкуете, на горячку советскую власть с насмешкой размениваете. Если так дальше дело пойдет, не сподручно нам будет в одной упряжке до коммунизма корячиться. В последнее время в партком регулярно поступают сигналы, что командир не твердо держится линии партии. Я понимаю, что дружба обязывает, но ведь революция, согласитесь, обязывает вдвойне.

– Ну будя, Митяня, не кипятись, – примирительно включил заднюю скорость Чапай, – обговорим этот директивный вопрос с глазу на глаз.

А чтобы мягко загладить образовавшуюся неловкость, комдив обратился с расспросом к стоявшему рядом Кашкету:

– Как дела в нашей славной дивизии, что с Петькой, где Анка и какие вести с фронтов, не шалят ли сволочи капелевцы?

Денщик тотчас же выстроился под караул, мысленно подравнял на буденовке по ветру козырек и четко доложил по всей форме:

– Анка, по вашему личному распоряжению, отбыла на тачанке с траурной миссией. В качестве утешительного подарка для безвременно овдовевшей Надежды Константиновны прихватила лучший, закаленный в боях пулемет. Мне показалось, что и десяток трофейных гранат, по собственной инициативе, втихаря умыкнула. Похоже, не ударим в грязь лицом перед центральным комитетом, не опозорим знамя дивизии. Ординарец, должен честно признать, все эти дни не покидает расположения, добросовестно следит за строевой подготовкой, с честью замещает отсутствие командира. Я, понятное дело, тоже был начеку, глаз не спускал с капелевских позиций.

Судя по донесению денщика, служба в дивизии протекала в образцовом порядке, боевые соратники не подвели, подстраховали в лихую годину. Однако комиссар и здесь воткнул свой пятак с идеологическими подвохами:

– Вот это вы зря с пулеметом, Василий Иванович. Я же

предупреждал, что подарок может оказаться совсем и некстати. Только представьте, человек в трауре, в скорбной печали, а здесь наша отважная пулеметчица с грозным оружием, прямо ерунда какая-то получается. Это все одно что в разгар партийного собрания какой-нибудь выскочка захватит трибуну и вместо «Интернационала» заголосит в полную глотку «Шумел камыш». Товарищи в центре не любят подобных сюрпризов, обязательно поставят на вид, а могут, чего доброго, и к ответу призвать.

– Хороший «Максим», чтобы вы понимали Дмитрий Андреевич, никогда еще никому не мешал, это я вам как боевой командир говорю. По мне, так и саблю турецкую подогнать не мешало бы. Мы же не знаем, как дела теперь в руководстве партии сложатся. Я считаю, правильно поступили, в таких случаях всегда лучше передать, чем недодать. И вообще, вы в военных раскладах мало, что смыслите. По партийной части, спорить не стану, здесь ваше слово не знает преград, здесь вы на самом горячем коне. А вот по части пулеметов, со мной советую никому не тягаться. Загодя сердце вещает, стрелять еще столько придется, столько патронов перевести, что с одним пулеметом вдова Ильича едва ли управится.

После того как неукротимый вождь пролетариев для служения революции переместился некоторым образом из кремлевского кабинета в околокремлевский, жизнь в ударной Чапаевской дивизии начала заметно меняться. Из центрального комитета были спущены победные реляции об успешном приближении зари коммунизма и переходе к тотальной коллективизации. Все ранее нашитые красноармейцами седла, хомуты и уздечки были свалены в большой общий сарай, на фронте которого Фурманов собственноручно вывесил развевающийся кумач и прикрепил на дверях здоровенную вывеску с надписью «Правление колхоза».

Неунывающие бойцы вместе со своими голодными семьями уселись рядом под накрытым крашеным железом правлением и принялись во все глаза высматривать залетных пахарей, желающих пройтись с сохой по бескрайним колхозным земелькам. Залетные хлеборобы с опаской шарахались от общественной нивы, и неугомные

красноармейские женки дружно потянулись на объездную дорогу в надежде на легкий заработок. Но и там фортуна упорно отворачивалась от краснокосыночных, не пользующихся активным спросом путан.

Комиссар с раннего утра до поздней ночи проводил то открытые, то закрытые партийные собрания, подкрепляя их идеологическими семинарами и чрезвычайными сборами. Постоянно менял расположение бюстов коммунистических вождей на своем необъятном рабочем столе величиной едва ли не с Красную площадь, делал энергичные кадровые перестановки. В дивизии никому не было покоя от его неугомонной созидательной деятельности, но жрать ни лошадям ни красноармейцам становилось практически нечего.

Уже давно загнали на Соловки отпрыска пугачевских смутьянов, кузнеца Алексея Игнатьевича. Сlopали под Рождество каурую красавицу Настю, так и не дождавшись из-под нее длиннотуловищных боевых богатырей. Давно пораспродали в заморские страны все церковные колокола, содрали и переплавили на трудовые рубли серебряные ризы с чудотворных икон, но ожидаемого коммунистического изобилия, перещеголявшего евангельское насыщение пятью нескончаемыми хлебами, почему-то не произошло. На дивизию зловеще надвигался повальный голод.

Вот ведь незадача. Делали все исключительно по Марксу и Энгельсу. Буржуев смели подчистую поганой метлой, землю, всю до последнего аршина, по-честному отвалили любимой бедноте, бесплатно учили, бесплатно лечили, деньги готовы были отменить в любую минуту, кое-кто уже стоял практически одной ногой в коммунизме, а жрать, хоть ты тресни, становилось нечего. Делали даже много больше, чем рекомендовали любимые Карл и Фридрих. Одного только собственного народа перекосили в сто крат выше нормы, чем полагалось по «Капиталу», и никто тебе ни хера, ни пол краюхи серого хлеба. И это притом что изваяли под девизом «Накось выкуси» знаменитую скульптуру, демонстрирующую всему миру нерушимый рабоче-крестьянский союз.

Василий Иванович между тем, благополучно оклемавшись от траурных мероприятий, едва не окончившихся белой горячкой, и памятуя настойчивые рекомендации Создателя – жить в тесном контакте с природой, решил как-то зорькой наведаться со снастями на озеро, под ранний удачливый клев. Заодно перетереть по дружбе с кем следует о последних печальных событиях, посоветоваться, на что ориентироваться личному составу, как управляться дальше без Ленина. Вернее, с Лениным, но в интересном, нестандартном присутствии Ильича.

Комдив приказал денщику с самого вечера наковырять полведра отборных, разжиревших червей и, вооружившись заморской бамбуковой снастью, по росной траве бойко прискакал на берег Разлива. Природа еще как бы прибывала в раздумьях, то ли понежиться ей в уютной ночной беззаботности, то ли уступить пробуждению и со всей утренней свежестью ринуться в объятия наступающего дня. Еще не развеянный ветром туман такой плотной вуалью стелился над поверхностью озера, что нельзя было рассмотреть даже дальний конец ольховой коряги и не было никакой возможности наблюдать сигналы удильного поплавка.

Поэтому Чапай, примостившись на заветной коряге, заправил короткую прогулочную трубку любимым табачком «Герцеговина Флор» и, с наслаждением вкушая тончайшие ароматы, набрал по мобильному телефону известный только ему одному девятизначный номер. Абонент, по ранней поре, не вышел на связь, и комдиву ничего не оставалось, как только терпеливо дожидаться следующего вызова.

Неожиданно, почти у самого хромового сапога, выплыла из воды огромная зеленая жаба. Она, с вытаращенными глазами, дивясь командирской наглости, а может, собственной смелости, квакнула с такой пронзительной бессовестностью, что Василий Иванович едва не свалился в студеную воду. И это еще полбеды, потому что трубка, бесценная прогулочная трубка Чапая, вывалилась из разинутого рта и беспомощно шлепнулась в воду, даже не помахав хозяину на прощанье рукой. И это была невосполнимая, воистину стратегическая

потеря.

Комдив остороженько подтянул к себе бамбуковое удилице, изловчился и перепоясал мерзотину с обжигающей кавалерийской оттяжкой. Что сделалось с несчастной земноводной рептилией, было не разобрать, но крепчайшее пятиметровое удилице предательски надломилось в нескольких местах и вместо надежной снасти обвисло в руке беспомощной плетью. К превеликому огорчению, дальнейшее ужение рыбы сорвалось нелепейшим образом.

Взбешенный жабьим паскудством, рыбак выскочил, не владея собой, на песчаный берег и рассыпал весь джентельменский набор известных любезностей, которые у всякого русского человека припасены на подобный непредвиденный случай. Немного пометавшись по берегу озера, он брезгливо пнул сапогом изуродованную бамбуковую палку и хорошим напором замешал древние воды Разлива излишками своей горячей стихии.

Тем временем, в глубоком кармане командирских галифе торжественно заиграл могучий «Интернационал». Заиграл, как обычно, не вовремя, фактически при последней капле, что тоже не прибавило настроения. Чапай, тем не менее, молниеносно организовался. Он ловко выхватил из штанов телефонную трубку, приставил ее к открытому уху и по-военному четко отрекомендовался:

– У аппарата, Отче наш, весь во внимании.

– Ты мотню-то застегни, прежде чем боевого генерала из себя на потеху разыгрывать, – послышался насмешливый голос в трубке. – К сожалению, не могу поздравить тебя с великой победой, но позволь проявить интерес: ты для чего это божью тварь понапрасну обидел? Я свидетель, никаких неудобств она тебе не доставила, разве что радостно поприветствовала на пороге собственного дома. И откуда у людей на Земле столько ярости? Откуда эта неумная страсть убивать бесконечно друг друга? Жрете все без разбору, падалью за столом не гнушаетесь. Это все проделки бродяги Адама, я давненько приметил: подозрительным ребром сорванец забавлялся.

– Так ведь квакнула, сволочь, в самый неподходящий момент. Я же любимую трубку из-за нее загубил. Улетел Анкин подарок, плюхнулся на самое дно к головастикам. Даже представить противно, как они там безмозглой толпой издеваются над драгоценной реликвией. Теперь придется Кашкета под корягу голяком запускать, а он по утрам процедуры с холодной водой пуще смерти боится. Денщику много проще в атаку на капелевцев сходить, чем в озере на заре окунуться.

Опять же, словно в насмешку, у самого берега всплыли две зеленые жабы и начали, не обращая никакого внимания на командира, о чем-то между собой переквакиваться. И было полное впечатление, что они сплетничают прямо о нем и одна мерзость даже покрутила лапой у виска, недвусмысленно давая понять подруге, что грех на дураков обижаться. Только прямая мобильная связь удержала Чапая от желания выхватить шашку и продемонстрировать жабам, кто в доме хозяин. Но мысленно он не отказал себе в удовольствии представить, как лихо наколол мерзотину на кончик клинка, подбросил в воздух и, уже на лету, раздвоил, как пушок одуванчика.

– Вот ты утверждаешь, Василий, что денщик холодной воды пуще смерти боится, а я никак не возьму в толк, отчего это люди смерти боятся, если сами повсеместно с такой щедростью насаждают ее. И потом, если смерти бояться, то зачем же детишек рожать? Ловок, надо прямо сказать, оказался Владимир Ульянов, развалился посреди улицы, будто король на именинах, и трава ему не расти. Ты, часом, не собираешься к нему присоседиться, ведь дурной пример заразителен? А может, зря вокруг смерти вождя революции дуру валяете, схоронили бы его на погосте, как природа-матушка требует. Закопаете среди улицы что ни попадя, внукам стыдно показывать будет. Ты, никак, собираешься поинтересоваться моим отношениям ко всем вашим игрищам? Что ж, изволь, по дружбе отвечу.

И Всевышний выдал на сей раз что-то совсем несуразное. Такое, что без пол-литры никогда не понять. Сами судите, собеседник спокойно поведаль:

– Впервые на Красной площади стольного града закопали

юродивого в одна тысяча каком-то далеком году, если память не изменяет, в царствование Ванюшки-беспредельщика, он у вас еще Грозным зовется. Тогда с великим благоговением было предано земле бездыханное тело почившего в бозе мученика Василия Блаженного. Святой жизни был тот человек, и над могилой праведника признательные соотечественники возвели алтарный придел при Покровском соборе. Ты хорошенько запомни, дружище: бывают, юродивые Христа ради, а бывают, и сатаны ради. Но главное, времена наступают такие, что между ними не сразу проявится, не враз обнаружится разница. Я и сам иногда попадаю впросак, допускаю оплошности. Тут важно бывает, с какой стороны посмотреть, в какие глядеть времена и в каком настроении. Иной раз кинешь взор – и глаз слепит от ореола сияния святости. Но пройдет какой-нибудь десяток годков, и на месте нимба святого такие рога прорастут, обалдеешь, словно бивни у мамонта. А это самый верный признак того, что пройдет еще недолгое время и на месте здоровенных лобных наростов великолепный нимб обнаружите, еще большей, еще лучезарнейшей святости. Поэтому, как только вымахают над ленинским мавзолеем рога здоровенные, не пугайтесь и ни в коем случае не торопитесь со скорыми выводами. Неровен час, еще такое сияние под кирпичной стеною Кремля отворится, что и Моисею на Синайской горе у пылающего терновника не привиделось.

Василий Иванович и без лишнего трепя ясно понимал отношение Создателя к вождю мирового пролетариата и ничего нового для себя в этом историческом словоблудии не обнаружил. Он давно уже логически вычислил, что на небесах откровенно завидуют бессмертию Ильича, видят в нем серьезного соперника и всякими дешевыми приемами пытаются подмочить репутацию гения. Тем не менее, пользуясь удобным моментом, комдив поинтересовался:

– И все-таки если без Ваших обычных закидонов, в чем разница между египетскими фараонами и нашим Владимиром Ильичом?

– Да никакой значительной разницы между ними не вижу, – без тени сомнения заявил Создатель. – В Египте одуревшие от владычества деспоты вознамерились с помощью подневольных людей сгношить

себе вожденное бессмертие. А у вас кучка прохвостов, нафараонив брэнное тело смутьяна, дерзнула учинить победу над смертью. Методы до смешного похожие, а цель одинаково глупа и бессмысленна, бездарней, чем строительство Вавилонской башни, по-моему. Египтянам простительно, им неведомо было воскресение Христа, а вот ваши фигляры вознамерились превозмочь Самого Иисуса. Ты вот как представляешь себе возвращение дорогого вождя? Вдруг очухался парень, пришел в кабинет, а какой дурак вместо здрасте уступит по собственной воле тронное кресло в Кремле. Начнет бедолага без толку шастать среди увлеченных делами людей, как нечто в замерзающей проруби, пока за ненадобностью не загремит по ступеням парадного крыльца, да еще чего доброго, и ледоруба отведаст. Лучше ему уже не высовываться, лежи себе, наслаждайся величием. Так что не теряй даром времени, добивайся заветного пропуска на выход из подлунного мира, победа над дьяволом никому не заказана. Правда, за победу над жабами ни медали, ни ордена у нас пока еще не придумали, не возьмусь обещать триумфальную встречу. Засим желаю удачного поиска затонувшей курительной трубки. Не забывай про Меня, нет-нет да и позванивай.

Служба в дивизии по всем направлениям опять не заладилась. Рыбалка сорвалась из-за подлой жабьей провокации, да еще с потерей бамбукового удилица и любимой прогулочной трубки. Анку унесли черти со станковым пулеметом на траурное мероприятие. Может, и впрямь не следовало снаряжать ее в рисковую экспедицию, наверняка пристреливает по ночам боевой агрегат с какой-нибудь рванью столичной. Опять же и с Лениным толком ничего не понятно; Создатель вертит хвостом, точно залетка на шоссежном тракте. Одним словом, полная потеря стратегической инициативы, не хватает только прохлопать красное знамя дивизии.

Василий Иванович выхватил с досады неразлучную командирскую шашку и спустил распирающую его злость в растущий на склоне орешник. Искромсав изрядный куст до состояния курительной махорки, он смачно выматерился и махом загородил в притороченные ножны клинок. Несколько успокоившись и сделав тройку глубоких

приседаний под согревающий душу скрип хромовых сапог, Чапаев бравой, победоносной походкой направился к командирскому шалашу.

Несмотря на воскресный день и откровенно ранний час, возле центрального пенька сгрудилась возбужденная толпа красноармейцев. Петька в окружении однополчан, широко жестикулируя плеткой-нагайкой, о чем-то отчаянно спорил, может даже с применением непечатной, специальной кавалерийской лексики. Но лишь только на тропе появился наступательно шествующий командир, группа распоясавшихся бойцов, словно в стоп-кадре, приняла неподвижную стойку, напоминая запорожских казаков на знаменитой картине дедушки Репина. Василий Иванович мрачной тучей приблизился к стихийному сборищу и, глядя себе под ноги, сквозь зубы скомандовал:

– Всем оставаться на местах, ординарцу выдвинуться ко мне. Доложить по всей форме: что за базар? Какие заботы не дают бойцам зоревать с любимыми женками?

Петька вихрем подмелся к Чапаю и, переминаясь с ноги на ногу, все еще пребывая в азарте жаркого спора, отрапортовал срывающимся голосом:

– Да вот, товарищ комдив, здесь красноармейцы какого-то Чумайса словили и захотели революционный суд над ним от себя учинить. Я, понятное дело, препятствую беззаконию, требую действовать согласно устава и дожидаться ваших личных распоряжений.

– Коня, что ли, Анкиного заарканили? – удивленно вскинув брови, переспросил в сомнении командир. – Так он вроде бы с танчанкой в траурную экспедицию к Надежде Константиновне отбыл. Неужели пулеметчица на капелевскую засаду нарвалась?

– Вы не расслышали, Василий Иванович, – торопливо поправился ординарец, – не Чумаза словили, а Чумайса, я вам доложил. Наши бойцы беляка полонили, лазутчика с вражеской стороны. Несколько дней и ночей неустанную слезку вели, хитрющая сволочь, все в руки никак не давался. Сейчас он в кустах возле помойной ямы лежит,

вожжами для страховки попутанный. Я не шибко рассматривал контру, запах тяжелый идет, не слишком-то свежий.

Чапай из-под нахмуренных бровей окинул красноармейцев испытующим взглядом, снял с головы каракулеву папаху, почесал затылок и заключил рассудительно:

– То, что бдительность не теряете, молодцы. Время нынче военное, глаз да глаз нужен, ну и без порядка на фронте службу нести никому не позволено. Базар прекратить немедленно, всем вернуться в расположение по своим боевым расчетам. Ординарцу, как полагается, подготовить письменный рапорт, пленному обеспечить на замену портки и конвоировать ко мне на первый допрос. Тем, кто особенно отличился в операции по задержанию контры, от всего штаба выражаю командирскую благодарность и позволяю сегодня принять на грудь грамм по двести, но без перебора, лично обязуюсь проверить.

Красноармейцы, не сговариваясь, подорвали в расположение добросовестно выполнять командирский наказ, потому что каждый видел себя настоящим героем в операции по обезвреживанию капелевского лазутчика. Героев могло оказаться так много, что в каптерке на всех не достанет спиртного, и тогда прощай недопитые двести. Один только вислоусый боец по кличке Макытра немного замешкался у центрального пенька, справедливо полагая, что Чапай поступил на сей раз не по совести. Справедливо было позволить отличившимся красноармейцам присутствовать хотябы при первом допросе, получить удовольствие от предварительных Петькиных зуботычин. Выходило, что за зря три ночи караулили контру среди лопухов, в огороде известной всем стервы, молочницы Клавдии. Макытра хотел было набраться геройства и обратиться с просьбой к комдиву, чтобы тот позволил присутствовать на первом дознании, но, передумав, безнадежно махнул рукой и уныло поплелся за однополчанами.

Ординарец, не теряя времени, переложил на Кашкета деликатную процедуру по замене порток обмаравшегося пленника, а сам расположился с подветренной стороны, в безопасной близости. При этом не поленился снять с предохранителя безотказный свой маузер,

для надежного контроля за поведением контры.

Денщик грубо стащил с головы перепуганной детины дырявый мешок, сразу же взял на заметку блеснувший в разинutom рте золотой зубок и брезгливо бросил в рыжую физиономию трофейные запасные штаны. Потом нагнулся, полосонул тесаком между щиколоток ременные путы и подошел к ординарцу на подветренную сторону. Вся операция по приведению лазутчика в строевое состояние прошла без каких-либо осложнений, и Петька, взяв пленного на мушку, лично конвоировал его к центральному пеньку на первое командирское дознание.

– Вот полюбуйтесь, Василий Иванович, эта скотина собиралась тайком все наши планы военные выведать и за пару царских червонцев толкнуть белякам. Все улики налицо, у него за пазухой карту шпионскую обнаружили, очень похожую на штабную секретную, что в нашем сейфе под замками хранится. Прямо как с аэроплана всю дивизию сфотографировал, каждую речку, каждый мосток, ничего не упущено. Бери хоть сейчас все наше расположение на прямую наводку и круши неприятельской артиллерией. Воля ваша, но мне на такую погань и патрон неохота переводить. Может, обратно контру в мешок и с песней на озеро раков подкармливать?

Чумайс, державшийся и до этого не совсем уверенно, поник окончательно, вплотную приблизился к той опасной черте, за которой следовала очередная замена порток. Предательский душок недвусмысленно потянулся от пленного.

– Напраслину возводят на меня, товарищ комдив, – залепетал рыжий лазутчик, обнажая в плаксивой гримасе дорогие коронки червонного золота. – У меня аллергия на богатства врожденная, как только увижу царский червонец – сразу в обморок падаю. Можете хоть сейчас провести следственный эксперимент. Я же свой, Василий Иванович, самого что ни на есть балтийского рабочего разлива. Во время штурма Зимнего, рискуя жизнью, снаряды на крейсер «Аврора» подносил. За этот геройский подвиг от товарища Троцкого письменную благодарность имею, даже серебряным портсигаром в

своем кабинете наградил. Смею заметить: именно портсигар только что ваш денщик потянул, пускай возвратит, на нем и дарственная надпись имеется. Да я, чтоб вы знали, с самим Владимиром Ильичом вот эту стратегическую карту, которую ординарец из-за пазухи вытащил, весь этот план электрификации под коммунизм разрабатывал. Во все электростанции молодой Советской Республики душу свою без остатка вложил, руки мозолистые к каждому кирпичику лично прикладывал.

Что тут скрывать, хитер был, конечно, Чумайс, но у легендарного комдива и не такие гуси мимо кипящей кастрюли порожняком не летали. При виде только блеснувшего ряда коронок червонного золота, Чапай весь напрягся в пролетарском праведном гневе и покотил на рыжего раскочегаренным бронепоездом:

– Какой я тебе товарищ, белая шкура! Может, ты и мою революционную руку собираешься к народным электростанциям приложить? Шлепнем мы тебя, подлеца, чтоб на общественное добро больше не зарился. От такой гадости, Петька, боюсь и раков стошнит. Может, повесим его на плотине какой-нибудь электростанции, вкрутим лампочку Ильича куда следует и пускай вместо фонаря болтается? Или для полезного дела вместо пугала приспособим, воронье отгонять. Все трансформаторы на электростанциях обгадили, уже несколько раз замыкание было. Ты только представь, в штабе две ночи без света сидели, хорошо хоть капелевцы засаду не сделали. Главное дело к Ленину, сволочь, примазывается, заслуги себе по электрификации коммунизма приписывает. Одним словом, пустим в расход, от нас еще ни одна контра не ускользала. Ты погляди пока за ним, Петруша, а я до ветру схожу и дела кой-какие с Кашкетом по службе обстряпаю.

Василий Иванович, лениво потягиваясь, подошел к шалашу, заглянул в его теплое чрево и обнаружил притворившегося спящим денщика, который только что с любопытством рассматривал трофейный, литого серебра портсигар. Так же, не торопясь, комдив заложил себе в рот пару прокуренных пальцев и что есть мочи пронзительно свистнул. Кашкет вскочил с топчана как ошпаренный и так саданулся скворечником об центральную стойку берлоги, что едва не разрушил

крепкое камышовое жилище. Метнулся к дверям, чудом не протаранил лоб в лоб командира и замер в ожидании подзатыльника.

– Чего, лоботряс, заметался, – беззлобно спросил денщика командир. – Тебе не кажется, что после недавнего боевого задания не мешает с мылом на озеро прогуляться, привести себя в надлежащий порядок. Если ты в ароматах не очень разборчив, то после переодевания пленного в шалаше не духами французскими стало пахнуть. Немедленно бери полотенце и следуй за мной, сообща окунемся маленько.

И, не пускаясь в дальнейшие разъяснения, Чапай, ускоряя шаг, направился к озеру, будучи твердо уверен, что Кашкет не замедлит помчаться за ним по тропе.

Над Разливом уже в полную силу господствовала разогревшаяся солнечная глава, и природа с вожделием потянулась к её щедрому теплу. Бесчисленное множество бабочек, кузнечиков и стрекоз, вперемежку с мелкой и средней пичугой, начали заполнять, озвучивать лесное пространство пестрым живым пением. В такие минуты с восторгом и благоговением проникаешься таинственной мистерией жизни на матушке нашей Земле. Не своего личного прозябания, но всеобъемлющей жизни огромной планеты, неутомимо бороздящей просторы вселенной. Просто дух захватывает, когда начинаешь задумываться, что идущие к озеру Чапай с денщиком тоже ведь стремительно мчатся вместе с Землей по космическим звездным орбитам.

Еще на подходе к древнему озеру комдив поведал Кашкету захватывающую историю, как при первом забросе, на заправленный смачным червем рыбацкий крючок, подцепился гигантских размеров судак. Как почти полтора часа жаркого боя он доблестно сражался с озверевшей рыбиной. И как, фактически у самого берега, эта сволочь рванула из последних мочей натуженное удище, и бамбуковая палка не сдюжила, разломилась на несколько непотребных частей. Но самое досадное заключалось именно в том, что в ходе жесточайшей схватки любимая подарочная трубка Чапая неожиданно шлепнулась в озеро. Теперь любой ценой требовалось выловить

её, сиротливо лежащую на дне, скорее всего, под ольховой корягой. Учитывая, что наемни комдива прострелило радикулитом в левую поясницу, то как не верти, но Кашкету придется нынче же укрощать водяную стихию. В самом деле, разве могут они допустить, чтобы над любимой прогулочной трубкой Чапая глумились в сплетениях водорослей озерные пивавки и головастики.

Прибыв на место недавней морской баталии, безутешный денщик оголил свое обреченное на истязание тело, с загорелыми, будто одетыми в коричневые перчатки руками и такой же загорелой, по самые костлявые ключицы, физиономией. Осторожно прикоснувшись дрожащими пальцами левой ноги к ненавистой холодной воде, он пережил потрясение, сопоставимое разве что с эффектом разорвавшейся гранаты. Тем не менее Кашкет отрешенно перекрестился, как перед смертельной схваткой, сверкнул глазами на командира и сломя голову ринулся в этот огнедышащий осколок Ледовитого океана. Буквально после первого отчаянного нырка, ошалевший подводник с победным криком «нашел, но что-то очень мягкое» выбросил на песчаный берег здоровенную зеленую жабу.

– Ты что это, падло, издеваться задумал, – осатанело взревел легендарный комдив. И тут же, не раздеваясь, не отстегивая шашки, кавалерийской штурмовой атакой ринулся в студеную воду.

Враз закоченевший Кашкет, гонимый лютой стужей и животным страхом, выскочил трассирующим снарядом на спасительную сушу и про всякий случай отбежал по берегу на почтительное расстояние, даже не задумываясь о дальнейших последствиях. А ведь бегство с поля боя в глазах командира приравнялось к измене отечества.

Чапай бурлил бегемотом под самой корягой, подымая волнение, ничем не уступающее тому, которое наблюдается при спуске атомного ледокола со стапеля на воду. И вот, среди этих бушующих стихий, словно посреди океанских цунами, раздалась победная виктория.

– Нашел! – взревел ликующий подводник. И торпедой выбросился в россыпях пены и сверкании брызг на песчаный берег. При этом едва не споткнулся о выброшенную денщиком перебитую жабу.

Кашкет тотчас метнулся в зону десантирования комдива и принялся стаскивать с Нептуна именную саблю, мокрый мундир и бесценные хромовые сапоги. При этом не преминул несколько раз напомнить Чапаю, что отбежал исключительно для разгона, чтобы как можно дальше и глубже забуриться для поиска в воду.

После победоносного завершения не просто морской, а фактически подводной войсковой операции, командирская амуниция была прилежно развешена денщиком на прибрежных кустах. Принявший непосредственное участие в подводной баталии телефонный агрегат и спасенная курительная трубка, по инициативе Чапая, были временно выставлены на солнцепеке в растопыренных руках денщика, изображавшего огородное пугало. Сам Василий Иванович, одетый в одну только саблю, задумчиво прохаживался по берегу на босую ногу, мучительно соображая, чем может закончиться подводное испытание для мобильного телефона. Не хватало, чтобы из-за этой зеленой жабы нарушилась таинственная связь. Ведь еще так много невыясненного, еще много о чем необходимо обязательно посоветоваться.

«Если восстановится мобильная связь, – размышлял про себя комдив, – приставлю Кашкета к награде. Если нет, отправлю на передовую. Сколько можно валять дурака, пускай в окопах на своей балалайке потренькает».

Спустя положенный срок, мужественно преодолевший стояние на летнем солнцепеке денщик помог командиру облачиться в просохший мундир и натянуть заметно скукоженные генеральские сапоги. Но все любопытство, все нетерпеливое внимание Кашкета было сосредоточено на таинственном мобильнике, сверкающем серебряными кнопками в его вытянутой руке. Более всего эта непонятная штукавина напоминала дамскую табакерку или шкатулку для очень изысканных ценностей. Однако комдив, собака, бесцеремонно наложил железную лапу на загадочное изделие и демонстративно опустил в бездонный карман своих галифе. После чего сделал очередное командирское распоряжение:

– Сейчас дуй наверх, поможешь Петьке покараулить пленного,

но прежде доложишь командиру: что за портсигар у беляка затрофеил? Стоящая ли вещица, и надпись именная действительно на портсигаре имеется? Все-таки лазутчик странный какой-то, золотых зубов полон рот и вождями мировой революции прикрывается. Как бы в засаду не вляпаться, шлепнем второпях не по делу скотину, на собственную задницу приключений накликаем. Ты что думаешь по этому поводу?

Когда вопросы ставились о золоте и серебре, думанье Кашкета отличалось своеобразной логикой и ответ, разумеется, последовал нестандартный:

– Это же я, Василий Иванович, исключительно вам на день рождения портсигар хотел подогнать, неплохой подарок мог получиться. И надпись подходит, там же ясно написано: «Герою революции лично от товарища Троцкого». На золотые коронки я сразу глазок положил, в случае чего – у меня под матрасом плоскогубцы имеются. Могу прямо сейчас золотые прииски в Разливе устроить, но правильно будет лучше потом. Знаете, как мудрая пословица учит: «Сделай дело, гуляй смело».

– Ты про свои плоскогубцы и думать не смей, – категорически отрезал Чапай, – дуй наверх и без меня никаких экзекуций, я еще ничего не решил. Для надежности, посоветоваться кое с кем не мешало бы.

Денщик кивком головы выразил согласие с грамотной позицией командира, на всякий случай заметил, что всегда стремится делать как лучше, и принялся выбрасывать в озеро бесполезных червей. Он проворно ополоснул ведро и, прихватив для ремонта бамбуковое удилище, с показным рвением поспешил нести караул у золотозубого пленника.

Василий Иванович тем временем, выждав минутку, расположился на заветной коряге. Внимательно огляделся по сторонам и бережно достал из кармана прожаренный на солнце мобильник, чтобы набрать в нетерпении секретный девятизначный номер. Несмотря на водные процедуры, телефон, к несказанной радости комдива,

сработал исправно и в агрегате обыкновенным образом ответили:

– Слушаю тебя, Василий. Поздравляю с благополучным возвращением любимой прогулочной трубки. Может, ты напрасно посвятил свою жизнь кавалерии, может, знаменитый российский флот в твоём лице потерял великого покорителя морских стихий? Подумай, дружище, адмиральский мундир красит не хуже каракулевой бурки.

– Благодарствую за живое участие, Отче наш, и за мундир адмиральский спасибо, но звоню я вовсе не по этому поводу. Проблема у меня гораздо серьезней возникла, боюсь, без Вашей помощи ни за что самому не управиться. Сегодня ни свет ни заря бойцы пленили и доставили в Разлив отъявленного фармазона и контру по кличке Чумайс. Рыжий, что таракан, долговязый и больно уж жаден, зенками так и шарит кругом. Доложу, как на исповеди, руки до того у бойцов моих чешутся, хоть револьвером, хоть саблей в кипящую смолу по ранней дорожке этого красавца пустить. Мне немалых усилий стоило обуздать своих горячих сокольников, задержись хоть ненадолго, разорвали бы подлеца на куски, кое-кто уже в нетерпении плоскогубцами цокает. Зубы у контр с коронками высшей пробы, что царские червонцы горят. Вы без конца упрекаете нас в излишней жестокости, вот прошу Ваш совет: как поступить с этой гадостью? Дальше позволить ему безнаказанно грабить дивизию или все-таки взять хорошенечко за ухо и по военному времени под трибунал? Должна же когда-то и в нашей жизни наступить справедливость.

Создатель, не перебивая, выслушал гневную речь несгибаемого рыцаря мировой революции, на какое-то время задумался и попросил кое-что уточнить для ясности:

– Ты какого Чумайса имеешь в виду, уж не того ли, что не так давно гвоздиками по весне торговал? Если память не изменяет, он шустрился с цветами в подземных городских переходах. Вот сейчас окончательно вспомнил: он морду постоянно оранжевым теплым шарфом укутывал – может, от холода, а может, от знакомых скрывал. В питерских переходах вечная сырость и лютый сквозняк, нахлебался соплей бедолага. Впрочем, нельзя не признать, ловким дельцом

оказался рыженький ленинец из полуночной пальмиры. У двоюродной тетки на даче теплицу краденым электричеством приноровился отапливать, однако для обожаемых женщин к восьмому марта прелестные незабудки растил. Это у него с тех тепличных времен любовь к электричеству навсегда сохранилась. Признаться, не стал бы строго судить комсомольца от бизнеса – все-таки к женскому дню цветочные радости вашим нежным красавицам поставлял.

Василий Иванович даже головой замотал в знак несогласия, в душе у него еще теплилась живая надежда на солидарное отношение к своему благородному гневу. Дураку ведь понятно, что речь идет о недобитом буржуе.

– Да этот же, конечно, Чумайс, какой же еще. Только он, сволочь, после цветов мазуриком крупным заделался, народными электростанциями стал без зазрения совести торговать. А о теплицах, земле и навозе даже вспоминать не желает, морду воротит, респектабельность, сволочь, блюдет. По моим разведанным, он богатствами непомерными завладел. За одни только зубы червонного золота можно три многодетных семьи на колбасе и медовых пряниках содержать. А ведь получая комсомольский билет, на «сыкуху» божился, что готов за дело товарища Ленина жизнь свою до последнего вздоха отдать.

– А скажи мне, пожалуйста, любезный Василий, – с подчеркнутой вежливостью поинтересовался Создатель, – он своими или чужими электростанциями приторговывать стал? По-моему, в данном случае это самое главное. Если продавал собственное имущество, опять-таки ничего дурного в твоём Чумайсе не вижу. Сам рассуди: чего здесь плохого, когда человек, приложив немало усилий, построил настоящую электростанцию? Может, упорным трудом средства заработал и большое строительство организовал. Потом взял да и продал тому, кто имеет нужду в электричестве.

Василий Иванович от волнения взвился костром на ольховой коряге, как в седле необъезженного скакуна, даже бородой о бинокль саданулся. Едва сдержался, чтобы не прогуляться по матушке:

– Да откуда же у него своим электростанциям взяться? Эта

контра за всю свою долговязую жизнь ничего полезного в дивизии не сотворила, ведь и цветы продавал, подлец, по цене непомерной. Он в эти электростанции и двух гвоздей не забил, бочки воды питьевой телегой не подвез на нужды рабочих. В том-то и дело, что торговал народным добром, которое красноармейцам тяжким трудом доставалось. Вы-то верно уж знаете, сколько надежд и стараний было вложено личным составом в эти приводные ремни коммунизма. И вот рыжий пройдоха за здорово живешь прикарманил принадлежащие народу богатства. Главное дело, никак не насытится. Нынче, подлец, в очередную авантюру подался. С торговли электростанциями переметнулся на фарцовку выдумками разных ученых. Поговаривают, снова лампочками Ильича принялся фокусничать. Стало быть, снова немалые барыши под себя загребет.

– Уж и не знаю, Василий, что за бардак у вас там в дивизии происходит, – искренне засокрушался Создатель. – Почему взрослые люди позволяют беспечно грабить себя? А может, все ваши электростанции никогда красноармейцам и не принадлежали? Начинаю подозревать, что руководство дивизией просто дурачило, пустой болтовней забавляло личный состав. Попробуй портянку забрать у бойца, он такого зверюгу на обидчика спустит, вплоть до того, что саблей вонючую тряпку начнет защищать. А здесь отбирают богатства несметные – и нет ни малейшего сопротивления. Согласись, не очень понятно. Я всегда утверждал, что пролетарская чехарда окончится для народа величайшим разбоем. В любом случае, пленного Чумайса ни судить, ни оправдывать я не стал бы. И тебе не советую брать лишний грех на душу. Справедливо будет собрать на совет самых лучших людей, хорошо бы из тех, кто геройствовал в общественном тяжком труде и кто больше всех потерпел от афер проходимца. Пусть эти люди сами решат, пусть огласят свое отношение к плененному бизнесмену. Кто знает, быть может, пролетариям как-то по-особенному очень приятно, может, испытывают марксистский экстаз, когда их обирают до нитки. Зачем же препятствовать товарищам получать удовольствие. Добавить к этому больше ничего не могу. А теперь не сердчай, вынужден срочно откланяться, одолевают дела неотложные. В другой раз потолкуем подольше и повод, быть может, представится

поинтересней.

Василий Иванович заметно приободрился, с удовольствием пригладил лихие усы и даже подмигнул сам себе правым глазом. Общее удовлетворение комдива выразилось в оброненной вслух поощрительной фразе: «Вот голова, видно не зря называется Богом, на такую должность кого ни попадя не назначат».

– Ты поболтай у меня, – неожиданно послышалось из телефонной трубки. – Бог, Он и есть Бог, а название здесь совсем ни при чем. К тому же это вовсе не должность, но кое-что гораздо поинтересней любых ваших домыслов и потешных церковных твердынь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Василий Иванович не без внутренней иронии выслушал неожиданное замечание Создателя, после чего легким прыжком соскочил с ольховой коряги и аккуратненько опустил разогретый мобильный телефон в глубокий карман галифе. Он оголил до половины наводственную денщиком накануне командирскую шашку, но отчего-то передумал и кистевым броском возвратил в ножны клинок. Впереди предстояла серьезная, ничуть не уступающая войсковой операция по разоблачению и вынесению приговора проворовавшейся контре. Но для этого необходимо привлечь на совет безукоризненно честных, толковых людей, которых, откровенно говоря, в дивизии было не так уж и много. Не просто разыскать отважных пролетариев, которые поборол в себе острое желание приложиться к чужому добру, когда сама революция начиналась с невиданного грабежа. Личный состав группировки подобрался такой, что стоит на миг зазеваться – седло из-под задницы уведут. И кто же в таком разе имеет моральное право выдвигать обвинения против рыжей каналы?

Можно будет, конечно, по такому пожарному случаю запросить в Разлив Алешку Стаханова, неизбывную гордость дивизии, который уголек для строек коммунизма героически колупал. Можно заодно подключить и знаменитую Пашу Ангелину, которая не щадя своих девичьих сил растила пшеничку для отважных рабочих, возводивших из бетона и стали неприступные силуэты плотин наших великих электростанций. Тех самых, которыми нынче без зазрения совести торгует барыга Чумайс. Правда, злые языки утверждают, что Стаханов с Ангелиной не столько для дивизии антрацита и харчей раздобыли, сколько с Фурманова потом большевистских пособий востребовали. Однако люди они знаменитые, с ног до головы орденами увешаны, на экранах кино и в центральных газетах прославлены, на кого, как не на них, опереться в годину больших испытаний.

Погруженный в глубокие размышления относительно суровых путей строительства коммунизма, относительно беспримерной

доблести героев труда, Василий Иванович наполеоновским ходом устремился наверх, к командирскому шалашу, имея твердое намерение посчитаться с заклятым врагом пролетариев. Неожиданно, вне всякой связи с предстоящей во имя торжества справедливости операцией, Чапаю припомнились теплые Анкины груди, их бархатная мягкость и трепет сосцов. Возникло огромное желание не просто припасть к ним в жарком чувственном поцелуе, но по-детски окунуться в их материнское уютное безмятежье.

В который раз уже необузданная фантазия стала предлагать интимные сцены любовных страстей в объятиях длинноногого щеголя из верховной ставки или личной охраны товарища Крупской. Картины возникали одна смелее другой; наконец, обуреваемый ревностью, легендарный рубака выхватил сверкнувшую шашку и полоснул под самый корень подвернувшийся прибрежный ивняк. Чапай выматерился для сердечного облегчения и едва ли не галопом рванул к шалашу.

За центральным пеньком, уронив рыжую голову на дубовую столешницу, с туго перевязанными за спиной руками, обреченно ожидал своей участи притаившийся пленник. Конские ременные вожжи от спутанных рук были предусмотрительно протянуты и захлестнуты на забитый в землю обрубок оглобли. Кашкет с регулярной периодичностью отвлекался от служебных обязанностей, наведывался к пленнику и выделял по рыжей башке то шалобон, то подзатыльник, при этом для чего-то цокал плоскогубцами и приговаривал: «У меня, брат, все как в кремлевской больнице». Еще издали заприметив приближающегося Чапая, денщик шустрее веника подскочил к командиру и радостно продемонстрировал свой бойцовский инструментарий.

Василий Иванович, не обращая никакого внимания на выплясывающего вокруг него денщика и даже не взглянув на плоскогубцы, стремительно подошел к центральному пеньку и по-деловому спросил у ординарца:

- Как он здесь без меня, не балует?
- Еще как балует, товарищ комдив, ровно три минуты назад

сделал попытку акциями какими-то буржуйскими подкупить. Я ему преподнес пару неразменных казначейских билетов, похоже, даже зубок один золотой проглотил, теперь благополучно сидит и не хрюкает.

– С пленником, Петька, сурово поступать без суда, пожалуй, не следует. Хотя поменяйся местами, попадись к нему на расправу, уж он без стеснения все зубы подчистую прикладом тебе провалил. Вот так-то, боевой мой товарищ. Если хочешь уважить комдива, по-братски поделись табачком. Трубку давненько уже не курил, она у меня недавно вернулась из дальнего плавания.

Комдив с благодарностью принял из рук ординарца бисером расшитый кисет, плотно заправил самосадом спасенную в водной баталии трубку, часто попыхивая, распалил комелек и без всяких предисловий предложил плененному супостату:

– Выбирай на свой вкус, как сам пожелаешь. Хочешь, мы тебя сейчас же, без суда и свидетелей, аккуратненько шлепнем из маузера или, как новогоднюю игрушку, подвесим на приглянувшейся Кашкету сосне. Он у нас лучшие в мире удавки плетет, зашморгниваются под собственным весом. А хочешь, соберем малый сход из самых известных людей, которые своим беззаветным трудом умножали богатство дивизии и которых ты без зазрения совести обобрал под орех. Пусть увидят своими глазами ненасытную харю, пусть на свой лад судьбу твоей шкуры решат. Может, на радостях, герои труда подарят тебе почетные свои ордена. Даю верный шанс напоследок еще отличиться, сам выбирай на свой вкус справедливый исход.

Пришедший в волнение пленник оторвал от столешницы поникшую голову. В этот самый момент, над центральным пеньком, в бреющем полете пилотировала стая залетных грачей. И один из них, видимо не на очень тощий желудок, умудрился-таки послать из глубин птичьей души свой сердечный, большевистский привет. Привет смачно шлепнулся в аккурат перед носом плененной контры и, понятное дело, был воспринят тем как самое доброе предзнаменование, указывающее на вполне благополучный исход. Воодушевленный

доброй вестью, Чумайс задрал конопатую морду, с благодарностью посмотрел в бездонное небо, поворочал в разные стороны шеи и неожиданно смело заявил Чапаю:

– Выбор какой-то не очень заманчивый вы мне предлагаете. Это все одно что выбирать между прыганьем вниз головой с девятого или десятого этажа. Между тем весьма любопытно взглянуть, что же это за известные люди такие, у которых я вот так взял и отобрал все их электростанции. Вы, простите, которых именно героев труда желаете пригласить на это странное действо? Уж не тех ли, которые в азарте большевистских свершений изуродовали великие русские реки, загадили землю, моря? В довершение наклепали горы бесполезных танков, ракет, а потом вместо «здрате» взяли все эти гадости да сами и уничтожили. Я, Василий Иванович, может, и не замечен в грандиозных пролетарских свершениях, однако в расход никого не пускал и над матушкой-природой нашей никогда не глумился. А это, по нынешним революционным временам, чего-то да стоит.

У комдива не было ни нужды, ни желания заниматься пустым словоблудием и уводить простую ситуацию в трущобы Ивана Сусанина. В самом деле, при чем здесь ракеты, при чем изуродованные русские реки, леса, когда вопрос поставлен предельно понятно: с какой это стати рыжая сволочь прикарманила богатства народа, утащила результаты долгого, часто и густо бескорыстного труда? Его послушать, так он единственный покровитель природы, и именно потому, что всю жизнь только грабил да чесал языком.

Чапаю опять навязчиво припомнились теплые Анкины груди, опять захотелось укрыться в них от всех беспокойных революционных хлопот. Василий Иванович, очарованный прелестью былых интимных воспоминаний, на короткое время расслабился, даже трубкой перестал пыхтеть. Потом резко оборвал наваждение, поскольку снова некстати привиделся рядом с обнаженной пулеметчицей незнакомый штабной офицер, и, словно читая написанное, сообщил свое непреклонное решение:

– Слушай мою команду, к выполнению приступать без

промедлений. Контра поступает в распоряжение Кашкета, под его революционную ответственность. Глаз не спускать, в случае любых провокаций – стрелять на поражение, желательно сразу в башку. Ты, Петька, прыгай верхом на коня и дуй без оглядки в расположение. Отыщи и доставь на тачанке славу и гордость Донбасса, Алешку Стаханова, понятное дело, что при всех орденах и прочих шахтерских регалиях. Человек он заметный, ростом повыше плененного будет, может, лично захочет золотые коронки ему посчитать. Если знатный шахтер молоточком отбойным с душой приложится, то и плоскогубцы окажутся здесь ни к чему. Еще доставишь в Разлив знаменитую нашу колхозницу, Пашу Ангелину. Не забудь наказать, чтобы серп навостренный обязательно захватила, сердце вещает, работенка с серпом впереди намечается. Пока ограничимся парой только этих героев, будет мало – подключим еще. Как порешат почетные труженики, к какому придут соглашению, тому так и быть. Проявят любезность, обнаружат сочувствие к барыге Чумайсу, честью полного Георгиевского кавалера клянусь, враз отпущу на все стороны. А коли нет, от имени всего трудового народа пустим в расход. И это мое твердое, окончательное решение.

Петька даже взвизгнул от радости, потому что с утра комбинировал, искал подходящего повода наведаться в расположение. На то имелись личные, очень уважительные причины. Не случайно обыкновенно владеющему собой ординарцу не получилось скрыть восторг от представившейся okazji покинуть Разлив и осуществить свои тайные замыслы.

Еще с вечера Петьке стуканули, что известный в дивизии куцепалый разведчик потянул у кого-то из штабных ротозеев хрустящий английской кожи планшет. Трудно найти более подходящий товар для выкройки модной дамской обуви, чем такой вожделенный трофей. Ординарец и мерки давно уже заготовил из ловко точеных Аниных цыпочек, чтобы при случае справиться заказ у лучшего в дивизии кожаного мастера. Не всякому сапожнику можно доверить такие деликатные формы. Сегодня в обед с коричневым гляncем планшет выставлялся на банк в конюшне четвертой сотни, куда приглашались

охочие к фарту ребята, можно сказать без сомнения – элита всей революции. Петька загодя обзавелся нераскрытой картежной колодой, не забыл посидеть над ней перед трудной игрой и оставалось только улизнуть от беспокойных поручений комдива. А здесь прямо с утра, что называется, карты в руки поперли.

– Ты чему так обрадовался? – заподозрил неладное ушлый Чапай. – Я тебя не болтаться в войска посылаю, задание командирское выполнить поручил. Если разведка опять донесет, что в пивнушке со всякой шпаной прохлаждался, строго, без всяких скидок на дружбу спрошу. Давно уже собираюсь в ближайшем своем окружении кадровую чистку серьезно устроить. Тебя это тоже касается, никто ведь не знает за командира, кто у него первый на личном, худом, счету. Так что, готовься, навряд ли пройдешь это трудное испытание.

– Василий Иванович, ну как вы себе представляете меня в пивнушке со всякой шпаной? – с показушной обидой развел руками далеко не простак ординарец. – Самых верных соратников по чем зря обижаете, если на то уж пошло, пускай Кашкет за героями труда отправляется, а я лучше долговязую контру постерегу. Не исключено, что рапорт в отставку вечером настрочу, – зачем же мне ожидать, пока вы кадровую чистку устроите.

– Ты, Петька, на слабо меня не бери, не первый день повстречались. Пулей садись на коня и чтобы к обеду был здесь. А рапортом никого не пугай, сам бумагу тебе вечером поднесу и чернильную ручку с вечным пером обязательно предоставлю.

По тому, как Чапай поднес к глазу перевернутый бинокль и принялся в отдаленной перспективе рассматривать пленного, стало понятно, что никаких новых распоряжений уже не последует.

Ординарец опрометью стартанул из Разлива. В одно касание взлетел на своего рысака, гонявшего хвостом у коновязи назойливых мух, всадил ему шпоры, только пыль куревой завилась над аллюровым следом. У самой опушки метнул радостный взгляд на обожаемого командира, махнул на прощание рукой и полоснул нагайкой по мускулисту крупу огневого коня.

Рыжая шельма между тем, дождавшись когда Кашкет отлучится по хозяйским делам, предпринял попытку привлечь на свою сторону хранившего суровое молчание Чапая. Оставшись наедине с легендарным комдивом, крайне легкомысленно было терять понапрасну драгоценное время. «Попытка не пытка», – решил про себя Чумайс и тут же начал выписывать вологодские кружева.

– Пить очень сильно мне хочется, чаю бы заварить приказали своему денщику, ведь я же еще не осужденный, – жалостливо залепетал плененный. – Зачем же подвергать страданиям человека раньше положенного срока, как-то не совсем по-христиански у вас получается. Я бы советовал не торопиться делать поспешные выводы, еще неизвестно чем вся эта свистопляска закончится. Согласитесь, не очень-то умно устраивать скандал и комедию, когда вопрос касается такой деликатной материи, как свой интерес. Никто ведь толком не знает, в какую сторону развернут орудия на крейсере новые предводители.

После этих не очень двусмысленных слов Чумайс кинул контрольный взгляд на сидящего супротив командира, чтобы цепким глазком оценить ответную реакцию.

Непроницаемо, как неприступный хоккейный вратарь, сидел на скамейке Василий Иванович. Ни единой эмоции не читалось на медальном портрете великого воина. Тем не менее проходимца не смутила безответная гримаса Чапая, и он как ни в чем не бывало продолжил заплетать хитроумные кружева.

– Будет вам, Василий Иванович, – заворковал заметно оживившийся пленник и подмигнул обеими щетинками рыжих ресниц. – Хотите, по дружбе, Саяно-Шушенскую красавицу как с пенька отвалю. Места дивные, там сам Владимир Ильич на зайца ходил. А жерех, а судак такой зимой на мормышку берет, что хоть лебедкой из лунок вываживай. Между прочим, подобной грандиозной плотины во всем мире не строили, насмерть стоять будет. Питерские рабочие со знаком качества силовые агрегаты для станции соорудили, делать уже ничего до конца жизни никому не придется, успевай только показанья с приборов снимать да денежки за бугор на счета выписывать.

Хорошая фабрика по добыче электричества, лучше чем печатный станок по выпуску ассигнаций работает. Не надо тебе ни бумаги, ни краски, никаких посторонних расходов – все просто как, в армии: солдат спит, а служба идет. Я, еще когда гвоздиками в подземных переходах промышлял, окончательно убедился, что денег всегда больше там, где результатов труда простым глазом не видно. Толи еще будет, скоро начнем нанотехнологией заниматься – вот где размах, вот где раздолье, там даже в микроскоп при солнечном свете ни хера не рассмотришь.

Василий Иванович сурово выслушал ловко состряпанную замануху отпетого проходимца и не враз определился с ответом. Он, кряхтя, лениво нагнулся, поднял с земли березовую суховатую веточку и принялся ковырять ею в курительной трубке. Долго не спеша ковырял, о чем-то своем размышлял, ухмылялся и вот заключил хладнокровно:

– Знаю я ваши саяно-шушенские заморочки. Поди, растащили, разграбили все подчистую, не сегодня-завтра валиться начнут. Дурилка цветочная, обвести вокруг пальца боевого командира решил, мои героические заслуги в одной упряжке со своим крохоборством повязать вознамерился? Должен тебя огорчить: на этот раз увильнуть от ответа ни за что не получится. Сам мараться не стану, но под суд пролетариев обязательно подведу. К тому же комарье в Саянах уж больно кусачее. Если понадобится, я и здесь, на Урале, какую-нибудь мельницу на старость себе потихонечку сгоношу.

В конюшне четвертой сотни, тем временем, чапаевский ординарец отчаянно резался картами в модную у красноармейцев «буру». Против предназначенного на выкройку туфель планшета Петька поставил серебряные с гравированной крышкой часы, на которые куцепалый разведчик положил глаз еще в прошлой игре. Сражаться условились до пяти партий – кто первым наберет пять заготовленных спичек, тот и забирает с коня призы.

Куцепалый картежник заметно нервничал, снова и снова требовал от ординарца месить карточную колоду, ведь уже три

ненавистные спички лежали на Петькиной стороне. Еще две проигранные партии – и прощай английского хрома скрипучий планшет вместе с надеждой завладеть старинной серебряной луковицей.

– Пара немазанных, – озлобленно предложил сопернику зажавший куцыми пальцами три карты разведчик.

– Не пойдет, – по-турецки подобрал под себя на походной койке сильные ноги, отклонил рискованный выход знающий толк в карточной игре ординарец.

– Тогда козырный марьяжик лови, – и куцепалый вывалил на засвет даму червей с королем.

Петька невозмутимо накрыл их козырными десяткой с тузом и едва ли не как приговор твердо объявил: «Партия!»

Четвертая ненавистная спичка неумолимо легла на Петькиной стороне, и еще больше занервничал куцепалый соперник. Оставался, быть может, последний замес, и поэтому перед сдачей разведчик для форта потребовал: «Вскрой».

Петька по правилам вскрыл перед сдачей козырную масть и ловко разбросал для игры по три карты. Очень медленно, потрясывая руками, ординарец начал раздвигать выпавшую ему сдачу. Три трефовые масти поочередно засветились на вскрытых углах, и счастливец с криком «бура!», вывалил на засветку картишки. Вывалил и накрыл своей железной рукой лежащий на кровати заветный планшет. Разведчик накрыл кобуру револьвера. Долго сидели, пристально смотря друг другу в глаза, два известных в дивизии головореза, никто не хотел уступать. Однако игра есть игра, и куцепалый предложил ординарцу: «Согласен, давай разоидемся, но только до следующего раза».

Удачно и, главное дело, ловко управившись с карточным выходом в конюшне четвертой сотни, Петька бойко шагал через торговую площадь города Лбищенска. Притороченный к поясу английской кожи хрустящий планшет сопровождал пеший ход ординарца приятным похлопыванием по играющей мускулом правой ляжке. Прямо

на выходе из базара он дружески поприветствовал Фурмановскую секретаршу Люсьену, которая по случаю воскресного дня сидела на низенькой табуреточке и торговала калеными семечками. Барышня предусмотрительно сменила красную косынку на оренбургский бабий платок, который еще резче подчеркивал нестерпимо яркие Люськины губы, успешно соперничающие с цветом алой зари коммунизма. Покупателей возле заядлой торговки не было ни души, потому что в прошлый базар она явно перебрала с хитрым донышком мерного стакана, и полная революционного гнева Люсьена щелкала масленичные семечки, брезгливо плюхая лужгой прямо на мостовую.

Не пойму, чего этим сволочам не хватает, – шипело вне себя от злости лучезарное приложение замполита, провожая презрительным взглядом каждого проходящего мимо несостоявшегося покупателя. – Следующий раз на сковородку обязательно подолью конской мочи, пускай засранцы подавятся. Еще для этих придурков я обязана с Фурмановым за коммунизм хлопотать.

– Приветствую тружеников идеологического фронта, – геройски козырнул боевой подруге светящийся радостью Петька и зачерпнул прямо из ведерца горсть еще теплых семечек. Тут же взял на зубок одно ядрышко, щелкнул его и участливо заметил:

– Я давно уже размышляю, если бы с красными бубушками научиться подсолнух выращивать, наверняка бойчее торговля пошла бы. Тебе надо срочно с Ванькой Мичуриным состыковаться, тот только и рыскает по дивизии, сутками на пролет высматривает, где бы натворить в природе чудес. А ну как получится вырастить семечки в форме пятиконечной звезды, да чтобы величиной с лошадиное копыто. Сколько можно по старинке мелким зерном промышлять.

– Ты давай проваливай, нечего умничать, – взъерепенилась Люська, – сегодня ни единого стакана не продала, и без тебе волки под сердцем клыками скребут. Фурманов с Чапаем твоим чешут языком по чем зря, будто бесплатно жратву в коммунизме начнут раздавать, вот и замерла в голодухе дивизия, как в гипнозе, все ожидают манны небесной. Дмитрий Андреевич, между прочим, очень не рекомендует

Гоголя на ночь читать. Потому что у писателя галушки сами в рот вереницей запрыгивают, не надо даже трудиться жевать. Будь моя воля, я бы быстренько всех накормила. Тачку в зубы и поехали на Колыму ананасы выращивать. Анке не забудь на ушко шепнуть, пусть ко мне в гости вечером забегает, я для нее к свадьбе заграничные духи по случаю прикупила. Запах такой, что лаской за всю ночь не насытишься, будешь тянуться к любимой как замороженный.

– Мне и без заморских духов родная невеста мила, – небрежно отреагировал Петька, – однако просьбу передам обязательно. А теперь, извини, Чапай и минуты не оставляет в резерве, грузит под самые ноздри. Для меня проще трех языков в плен привести, нежели с командирскими поручениями по дивизии шастать.

Ординарец по-офицерски прищелкнул хромовым сапогом и, набирая ход, прямым направился в сапожную мастерскую. Выигранный в картишки пахнувший дорожкой кожей планшет при внимательном рассмотрении материалом оказался отменным, поэтому подвенечные туфли обещались получиться на славу.

Между прочим, красным директором и непревзойденным создателем обувных шедевров в центральной сапожной мастерской нес почетную службу, получивший заметное должностное повышение, шахтерский забойщик Алеша Стаханов, а его-то как раз и полагалось доставить в Разлив по просьбе комдива. Таким образом, все складывалось одно к одному - и котлеты «что надо», и мухи целехоньки.

Возглавляемое знаменитым горняком обувное производство располагалась в подвальном помещении бывшей духовной семинарии, приспособленной по нынешним революционным временам под дом пионеров. На верхних этажах с утра до ночи упражнялись в медных сигналах молодые горнисты, соперничая с барабанной дробью, торжественными клятвами и огневыми речевками. При таком патриотическом сопровождении, склонившимся над стальными сапожными лапами мастерам и подмастерьям работать приходилось с заткнутыми ватой ушами и переговариваться, в случае необходимости, на заметно повышенной громкости.

– Приветствую ударников обувного фронта, – нарисовался полным ростом в низких сводах подвального помещения, до тошноты пропахшего резиновым клеем и товарной кожей, лихой ординарец.

Отгороженные от внешнего мира спасительной ватой, артельщики продолжали не отрываясь колдовать над сапожными лапами. Мало того что никто не ответил на приветствие, никто даже головы не поднял, не удостоил взглядом вошедшего. Поэтому Петька с некоторым недоумением, однако же довольно решительно проследовал в отдельную комнатку красного директора. При этом выразил в душе солидарность с Люськиным деловым настроением: «Будь моя воля, я бы всю эту артель загнал куда-нибудь на Колыму ананасы выращивать».

Бывший герой антрацита, застигнутый врасплох без стука ввалившимся в дверь ординарцем, суетливо принялся сгребать в консервную банку рассыпанную на закройном столе серебряную мелочь. Несколько мелких монеток предательски прошмыгнули мимо жестянки и звякнули о каменный пол с издевательской громкостью.

«Вот принесло, скотину, – подумал про себя Алеша Стаханов, – теперь разнесет по всей дивизии сплетни про мои сбережения, чего доброго – до контрразведки слухи дойдут». Тем не менее шахтерский забойщик выдал из себя счастливую физиономию, поприветствовал командирского фаворита и учтиво поинтересовался:

– С чем пожаловали, дорогой наш Петро Елисеевич?

– Дельце у меня к вам имеется, товарищ Стаханов, – дипломатично повел разговор ординарец. – Туфли для Аннушки свадебные желаю соорудить. В связи с этим личным подарком самого командарма, скрепя сердце, приходится жертвовать. – И Петька отстегнул от пояса новенький, с глянцевым отливом английской кожи планшет.

Вопреки ожиданиям Петьки, предъявленный им для прямого ознакомления английский товар не произвел на сведущего в кожаных тонкостях специалиста подобающего эффекта. Дело в том, что именно эту кожаную штуквину уже трижды приносили в сапожную

мастерскую на предмет выкройки модельной обуви. Последним захаживал доктор из центрального госпиталя, по прозвищу Халиф, и тоже душевно рассказывал, что получил дорожный планшет в награду от товарища Фрунзе. Вот только запомнил, награду получил за микстуру от затяжного поноса или за удачно подобранную мозольную мазь. То, что вещь была с биографией, ничуть не смутило генерального закройщика фасонных туфель, напротив, сердечно порадовало за возможность ломануть неслабую цену. Заказ автоматом включал поправку за эксклюзивность происхождения щегольского товара и нежелательность широкой огласки.

– Матерьялец, доложу вам, что надо, – принялся мять в руках скрипучий планшет по самое не хочу любезный Стаханов, – сразу видно заморских кровей. Я, Петро Елисеевич, планшетик этот своими руками вечерком на лекала аккуратненько покрою, от любопытных глазенок подальше. Подарки, они ведь всякие бывают, а мы люди друг для друга совсем не чужие. Где-то я чего-то не досмотрю, не замечу, где-то вы, так, глядишь, рядышком до коммунизма благополучно и дошкандыбаем. Пожалуйста мерочки от Анкиных ножечек; слово партейца даю, через пару деньков про планшетик этот никто и не вспомнит. А туфли стачаем такие, что еще не одну свадьбу пропляшут, не одну годовщину революции переживут.

– До чего же приятно иметь дело с понимающим в жизни толк человеком, – удовлетворенно заметил ординарец и бережно извлек из кармана штанов сложенную осьмушкой газету, на которой ломаной линией был отмечен Аннушкин след. – Мне бы хотелось туфельки справить на тонких шнурочках и с маленьким кованым каблучком, чтобы невеста, плясунья моя, искры из мостовой вышибала. За ценой не гонюсь, выполняйте заказ по самому высокому классу, для свадьбы ничего не жалею. Надеюсь, и вы не откажете гостем почетным пожаловать к нам. А визит мой к вам не только с заказом туфель для невесты повязан. Велено мне, сами понимаете, лично Чапаем прямо сейчас доставить в Разлив самых почетных героев труда, для участия в особом мероприятии. А кто же, как не Паша Ангелина и Алеша Стаханов, на весь мир отличились геройским трудом, кто может с

вами по выезде тракторов и по добыче угля состязаться. Одним словом, все прочие хлопоты побоку и немедленно выступаем в поход, нам в конюшне уже снаряжают тачанку из лучших штабных рысаков.

По счастью, и знаменитая Паша Ангелина несла почетную вахту здесь же поблизости. Соборную церковь, которая сиротливо торчала во главе опустевшей базарной площади, находчивые революционеры ловко приспособили под «машинно-тракторную станцию», что на суконном партийном языке означает МТС. А красным директором в ней торжественно назначили прославленную трактористку.

Первым делом, по распоряжению знатного директора, в помещении навели армейский порядок. Бочки с керосином накатили штабелями в алтаре, прямо под стеной, где живописно восседает на небесном троне Спас Вседержитель, и прорубали в стене небольшое окно, разумеется, прямо напротив дырки в заборе. Ответственность за сохранность дефицитного топлива единогласно возложили на партийного активиста и свекра Паши Ангелиной, который отличался редкой смекалкой красиво увязывать в единую технологическую цепочку керосин, оконце в стене и дырку в заборе.

Война, как говорится, оставалась войной, но жизнь в дивизии протекала своим чередом, и бойцы регулярно запаливали по вечерам керогазы и упрямо стряпали в ведерных кастрюлях похожую на клейстер семейную похлебку. В связи с чем регулярно, под ночным покровом, подкрадывались с пустыми бутылками через дырку в заборе к алтарному оконцу горюче-смазочного хранилища. Порожня склянка, вместе с рублевыми купюрами, молча опускалась в приветливое оконце и, заметно прибавившая в весе, словно по волшебству, выныривала обратно с плотно закупоренной пробкой.

Соседи не без оснований шептались, что Паша периодически устраивает для свекра домашнюю профилактическую порку, но просторный свой дом, не торопясь, перекрыла листовой оцинкованной жостью и поставила кирпичный забор, в безветренную погоду предательски папахивающий моторным горючим. Таким образом, директорство на МТС частично компенсировало потери драгоценного

здоровья в прошедших битвах за рекордные урожаи.

Прокатиться на тачанке в Разлив долго уговаривать трактористку никому не пришлось. Она, как баба-яга на метлу, в один прыжок залетела в тачанку, прикрыла соломкой наостренный как бритва лунообразный крестьянский серпок и собственноручно полоснула вожжами коней. По мощенной брусчаткой базарной площади дробью сыпанули копыта.

На полном скаку экипаж залетел в известный всякому красноармейцу командирский Разлив, и ординарец, в крутом вираже, осадил завалившихся на крупы коней, едва не вывалив к центральному пеньку долгожданных героев труда.

Василий Иванович неподдельно обрадовался приезду почетных гостей. Он выскочил, бряцая саблей, из-за стола и принялся лично приветствовать крепким рукопожатием каждого из прибывших ударников трудового фронта.

– До чего же рад видеть вас, дорогой наш кормилец, Паша Ангелина, как поживают керосиновые самоходные кони? Всякий раз, лишь только сажусь обедать к столу, с благодарностью вспоминаю Ваши мозолистые руки. Вот уж воистину «Хлеб наш насущный», – рассыпаясь в любезностях встретил комдив легендарную трактористку.

Плененный Чумайс, как только заметил сверкнувший на солнышке серп, произвольно наложил распутанные перед приездом ударников руки на свои детородные прелести, хорошо памятуя народную присказку, что с крестьянским серпом шутки действительно плохи.

– А вам как рад, дорогой товарищ Стаханов, – переключился в сердечном приветствии командир на добытчика антрацитового уголька. – Как делишки с любимым в дивизии антрацитом, Донбасс ведь не погонит на гора порожняк? Мы с комиссаром почти каждый день напоминаем бойцам, как вы социалистическую норму в четырнадцать раз по героически превысили. Не зря сам Владимир Ильич не слабее Карла Маркса сказал, что уголь является настоящим хлебом

промышленности. Выходит, что это вы с Ангелиной Пашей на свои плечи взвалили заботы по дислокации личного состава у дверей коммунизма.

Сразу же обратив внимание, что знатный шахтер приперся в Разлив с отбойным молотком на плече, Чумайс окончательно загрустил, у него даже слегка засвербело в промежности. Шансовый инструментарий приезжих гостей показался плененному не очень приветливым. Неровен час, встреча закончится натуральным членовредительством, и фармазонщик, не дожидаясь беды, отчаянно двинул в атаку.

– Извините, что вмешиваюсь, – подал на удивление уверенный голос Чумайс, – но какая-то нелепая постановка вопроса у вас получается. Что означает превысить установленную норму? Норма, она потому и называется нормой, что ее строго придерживаться следует. Мы же не одеваем сапоги семьдесят пятого размера, когда наша норма размер сорок третий. Если горняк утверждает, что перевыполнил норму в четырнадцать раз, он или шутит, или сознательно вводит руководство дивизии в заблуждение. Не мне вас учить, что любое нарушение принятых норм приводит только к хаосу в народном хозяйстве, а то и прямо к падению власти трудящихся.

Нос у Алексея Стаханова, постоянно красный от систематического недопивания, налился вдруг таким багрянцем, что с ним спокойно можно было опускаться в забой вместо керосиновой шахтерской лампы.

– Да что ж это за контра такая, – заревел в бешенстве чемпион угольного фронта, – да я же лично на глазах всей шахты, собственными руками сто две тонны чистейшего антрацита наколупал. Да я сейчас же отбойным молотком в муку эту рыжую падлу передолбаю!

– Об вашем отбойном молотке мы потом как-нибудь потолкуем, но все же хочу я понять, – невозмутимо отреагировал Чумайс. – У вас что же молоток в четырнадцать раз тяжелее был или лопата в четырнадцать раз длиннее, чем у других забойщиков на шахтах Донбасса? Прямо Гулливерия какая-то получается. Представьте на минуту, что

у вас все вдруг делается в четырнадцать раз большим, чем у других нормальных людей. Да с вами, уверяю, родная жена перестанет дело иметь. Вы как-то остепенитесь, перейдите на нормальные человеческие мерки.

Здесь уже не выдержал сам Василий Иванович, весь затрясся от гнева, подскочил к распоясавшемуся Чумайсу и заорал клокочущим голосом:

– Ты это брось, сволочь, перестань перед заслуженными людьми дуру ломать. У тебя денег в миллион раз больше, чем у любого из нас, и ничего, поди не дюже страдаешь, не торопишься переходить к нормальным человеческим меркам. Только запомни: одно дело – украсть много больше и совсем иное дело – быть первым в бою или ударником в тяжком труде. Люди, не щадя своих сил, геройски ишачили на благо дивизии, ты же, подлец, паразитом прожил всю жизнь и теперь позволяешь нагло издеваться над знаменитым шахтером. На какое же снисхождение ты можешь рассчитывать от приглашенных почетных людей?

У Алексея Стаханова после жарких перебранок прямо на глазах у всех присутствующих конвульсивно задергались щеки. Неожиданно он начал торопливо хватать губами воздух, как выброшенный на берег карась, и принялся, теряя равновесие, бессильно клониться набок. Петька с командиром вовремя подхватили его и на руках оттащили в тенок под сосну. Распахнули ворот холщевой рубахи, прыснули в лицо холодной водой и, убедившись, что дышит, что жив знаменитый шахтер, передали на попечение подоспевшему денщику, а сами вернулись обратно к пеньку. Командир грозно посмотрел на рыжего, доживающего последние минуты проходимца и молча уселся на лавку, положив руку на плечи Паши Ангелиной.

– А я вам вот что без обиды скажу, Василий Иванович, – не унился Чумайс, – такому передовику, как ваш орденосный Стаханов, пусть хоть он и приморился немного, известный автопромышленник Форд и к воротам завода на сто верст не позволит приблизиться. На хорошо отлаженном производстве нет места шустрилам и выскочкам,

они только делу вредят, сбивают работу большого конвейера. Вы же, когда поднимаете эскадроны в атаку, строго караете, если какой-нибудь всадник нарушит порядок в строю. Так же и нарушителей дисциплины труда, не признающих принятых норм, не в красные директора, а на каторжные работы отправлять полагается, там свою дурь пусть выказывают.

– Может, и меня на каторгу отправить положено за то, что я дни и ночи из трактора не вылезала? – размахивая серпом, покатила бочку Паша Ангелина. – Я же из-за таких вот сволочей бабьего счастья не ведала, насквозь солярой пропитана, до сей поры соседская детвора в спину керосинкой вонючей с издевкой зовут. Вот и дождалась благодарности за весь мой бессонный героический труд. Интересно, а что бы ты жрал без меня, рыжая сволочь, чем требуху набивал ненасытную? По твоей гладкой роже безошибочно видно, что пожрать ты совсем не дурак. Думаю, Алешка Стаханов меньше в забое угля нарубал, чем ты черной икорки да с хлебушком беленьким слопал. Мы без тебя, как без сраных штанов, до коммунизма дотопаем, ты же, скотина, с голоду подохнешь без нас.

Чумайс, однако, со спокойной невозмутимостью высказал предположение, что для приличной женщины гораздо полезней не по пашне на тракторе гонки устраивать, а дома детворой заниматься да за мужем с любовью смотреть. И вообще выразил убеждение, что в иных благополучных дивизиях прекрасно и без трактористок обходятся, доверяют это дело в мужские надежные руки. Все же приятней, когда от собственной женушки пахнет домашним борщом и печеными булками, нежели дизельным топливом. Последним заявлением рыжая каналья окончательно вывела из себя непревзойденную укротительницу керосиновых коней. Чапай на всякий случай даже присмотрел местечко для нее в тени под сосной.

– Вы что же хотите сказать, что все наши героические пятилетки мы напрасно трудились, зря не щадили намозоленных рук? – едва владея собой, спотыкающимся голосом, при выпадающих из стационарных орбит ошалевших очах, поинтересовалась Паша Ангелина. – Может, я и на свет народилась напрасно, разве только для того, чтобы

такая мерзость, как ты, надругалась над моим честным трудом? И сколько еще должно продолжаться это неслыханное издевательство?

– Да почему же напрасно родились и что вы такое городите, – искренне засокрушался Чумайс. – Все, что вы героически наработали своим бескорыстным трудом, теперь в самый раз для хороших людей пригодилось и служит довольно исправно. Сами судите, ребята яхтами свежими обзавелись, пляжи песчаные на Лазурном берегу прикупили. Мы всегда с большой благодарностью вспоминаем про вас. Но, как я понимаю, вы свое получили сполна. Вспомните восторг пятилеток, вспомните счастье осмысленно прожитых лет, когда не грозит сжечь позор за бесцельно потраченные годы. Вы же все закалились, как сталь, вам не очень с руки, должно быть, рядиться в золотые оковы капитализма? Каждый должен уметь делать в жизни свой выбор. Вот вы забавлялись игрой в строительство коммунизма, разрешьте теперь и нам игрой в капитализм самую малость, хоть чуток поразвлекаться.

Тут взбесился не на шутку Чапай, выскочил из-за стола, левой рукой вцепился в бинокль, правой ухватился за шашку и, играя желваками, огласил свой непреклонный вердикт:

– Вот подлец. Я для чего пригласил вас, товарищи? Не тебе, Паша, объяснять, какую ценой достались народу богатства дивизии. А вот эта белогвардейская контра растащила заводы и фабрики по своим безразмерным карманам и оставила весь личный состав в дураках. От вас хотел получить добрый совет, как поступить с этой гадостью. Может, заключить по чести какое-нибудь справедливое соглашение, чтобы поделился, ворюга, с бойцами своими доходами. Теперь убедился решительно: с пленной сволочью негоже заключать никаких мировых соглашений, шлепну мерзавца из собственного нагана и шашку поганить не стану. Свисни, Петруха, сейчас же Кашкета, пускай яму возле помойки копает.

Под занавес командирского негодования в глубоком кармане его габардиновых галифе прозвучала музыкальная заставка «Смело товарищи в ногу». Никаких сомнений быть не могло – звонил

командарм, лично Михаил Васильевич Фрунзе. Резвым аллюром пробежав по всему списку незакрытых проблем, Чапай сфокусировался на самом узком, воистину предательском месте.

Дело в том, что дивизия хронически недопоставляла поредевших числом православных священников в почетную группу паломников, на зимнюю заготовку дровишек. О чем неоднократно ставилось на вид не только товарищу Фурманову, но и самому комдиву Чапаю. Все паломники каким-то непостижимым образом исчезали на широких сибирских просторах, как капли дождя в пустынях Синая, не подавая, хотя бы в молитвах, малейших признаков жизни. Фурманов заверял любопытного протоиерея Наума, что православным священникам больно уж нравится на сибирском раздолье и никто не изъявляет желания возвращаться обратно домой. Дело дошло до того, что благочинный то ли по недомыслию, то ли от зависти притащил комиссару список, в котором под первым номером поставил себя самого. Дмитрий Андреевич посмотрел на одуревшего протоиерея таким уничтожающим взглядом, что тот со скоростью скачущего от Святого Духа сатаны вычеркнул свою фамилию из привилегированных чемпионских рядов.

Между тем звонок от командарма Фрунзе вполне мог иметь и секретное содержание – на фронте всегда могут развернуться неожиданные военные действия. Поэтому Василий Иванович предусмотрительно дистанцировался от центрального пенька, отошел на известное расстояние и по всей форме доложил:

– Слушаю вас, товарищ командарм, всегда готов к выполнению любого задания!

За столом слышны были только скупые обрывки ответов Чапая. Можно было примерно догадываться, что речь идет о наличии боеприпасов, о заготовке фуража и рытье паутины окопов. Потом разговор перешел в житейскую плоскость, похоже, не забыли про баб и еще про какие-то вызвавшие здоровый смех милые глупости. Но как это часто бывает, даже у самых важных людей за праздниками наступают серые будни, и по тому, как Чапай подтянулся, нахлобучил папаху,

ощетинил усы, не трудно было догадаться, что беседа перешла в деловое, серьезное русло. После короткого прослушивания Василий Иванович четко отrapортовал: «Здесь, у меня, товарищ командарм».

Следом подтянулся как-то очень уж строго, еще глубже нахлобучил папаху, еще жестче ошетинил усы и четко доложил: «Так точно, сидим здесь, чаек попиваем, по-партийному ведем товарищескую беседу».

Опять через паузу, Чапай начал нервически теребить свой бинокль, с чем-то хаотически соглашаться, благодарить за звонок и в конце сообщил: «Хорошо, сейчас с удовольствием передам».

Комдив, глядя куда-то в сторону, где над дальней кромкой леса в вольном полете кружил сокол, отнюдь не командирской поступью приковылял к центральному пеньку. И со словами «Это вас, уважаемый Анатолий Варфоломеевич», уронив не единожды смотревшие смерти в лицо глаза, передал трубку Чумайсу.

Рыжий чертяка, не изображая никаких человеческих эмоций на своей конопатой физиономии, ловко подхватил услужливо поданный мобильный телефон и как ни в чем ни бывало, практически на равных, сообщил командарму: «Все в порядке, Михаил Васильевич. Скоро буду, обождите немного. Без меня, пожалуйста, не начинайте».

Никогда еще, сколько существует под звездным небом Разлив, не было такой тишины и конфуза, как после состоявшегося разговора между Чумайсом и командармом Фрунзе. Даже когда уходили в небытие динозавры, даже в то беспощадно суровое время, весело чирикали воробьи и квакали в мутной воде зеленые жабы. Здесь же ощущение было такое, что наступил полный Армагеддон, окончательный конец света.

– Чего приуныли, друзья? – нарушил гробовое молчание пустившийся в бесстыжий кураж преобразившийся фармазонщик. – Может, и вправду чайку хлебанем на дорожку, душевно завершим нашу теплую встречу? Скоро вам ваучеры подвезут, заживете на полную катушку, еще благодарить меня будете. Надо же делать хоть

маленькие перекуры в погоне за коммунизмом, подметки в дороге чинить и сверяться по розе ветров с марксистской теорией.

– На полную катушку – это как? – зашевелила разинутым в долгом оцепенении ртом, словно выпадая из трактора, знаменитая Паша Ангелина. – Это когда нас всех наматывают, а потом станут веревки сучить?

– Все наоборот, все наоборот, дорогая Керосина Ангелиевна, – успокоил с любезной улыбкой трактористку Чумайс. – Это когда мы вас сначала хорошенько засучим, чтобы вы потом легко на катушки наматывались. Серпок ведь крестьянский не случайно с собой прихватили. Может, прошлись бы в теник под сосенку, укоротили горняку хозяйство его беспокойное, чтобы не мешало в забое по нормам уголек для дивизии колупать.

– Это что же такое творится, – истерически завизжала, не совада с собою, насмерть оскорбленная королева пшеничных полей. Щеки ее затряслись, как совсем недавно у Алексея Стаханова. Так же начала хватать ртом свежий воздух, будто выброшенный на песчаный берег карась, и, теряя равновесие, стала валиться набок. Вовремя подхваченную сильными мужскими руками Ангелину поволокли в теник под сосну отпаивать холодной водицей и, при необходимости, мостить на загривок голодных пиявок.

Благополучно разобравшись с ударниками трудового фронта, Чапай, как будто кидаясь в кавалерийскую сечу, скомандовал Петьке:

– Лучших коней! Без заминки! И смотри у меня! Анатолия Варфоломеевича доставишь по месту назначения быстрее, чем на четырехмоторном аэроплане. На дорогу, за шалашом в погребке, баночку с черной икоркой возьмешь – от комдива почетные гости не убывают без добрых гостинцев. Пускай в главном штабе наперед знают, что Чапаевская дивизия не подкачает, не только в смертельном бою, но и в подарках для лучших товарищей.

Петька во мгновение ока рванул к коновязи снаряжать для скоростного броска экипаж. Сам пересмотрел, потянул на разрыв

конскую упряжь, проверил подковы у бьющих копытом землю коней. Для надежности попробовал на люфт колеса тачанки и, убедившись, что все ступицы под завязку заправлены дегтем, удовлетворенный, одним толчком левой ноги по-щегоольски вознесся на скамью ездового.

Оставшись с глазу на глаз, Василий Иванович не преминул подбросить Чумайсу заманчивое предложение:

– Может, выберемся как-нибудь на рыбалочку, в Шушенское больно уж хочется, очень тянет наведаться к памятным революционерам местам. Сам Владимир Ильич завещал, что там жереха бой на заре изумительный.

– Напоминаю, комарье там уж больно кусачее, – ехидно заметил Чумайс.

И ни с кем не попрощавшись, прямо-таки на английский манер, рыжим дьяволом заскочил в разворачиваемую Петькой экипированную тачанку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Небо над Разливом заволкло угрюмыми, наполненными до самых краев проливными тучами. Все явственней давал знать о себе предгрозовый свежий ветер, с запахом грядущего дождя, с привкусом поднятой пыли и чащобной прелости. Забеспокоился потревоженный лес, заволновался таинственными скрипучими звуками, словно приготавливаясь со всеми своими обитателями к принятию живительной небесной влаги. Чапаевские гости, рекордсмены труда, отпоенные холодной водицей и расслабленные сеансом спасительных пивков, всегда про запас хранящихся у Кашкета в стеклянной банке на голодном пайке, понурились, сидели за центральным пеньком.

– Однако дождичек совсем проливной на нас надвигается, – суетливо обратил внимание на предстоящий разгул стихии Чапаев. – Комиссар наш не устает перед грозой повторять, что пару дождичков в мае – и агрономы как в раю. Чаем, как всегда, хотел вас попотчевать, но, видно, не судьба, и дождичек, и настроение, по правде говоря, не очень теперь компанейское. Не все у нас в дивизии на большевистский лад пока получается, был бы жив Владимир Ильич, многое в жизни личного состава сложилось бы совсем по-другому. Но не смей сомневаться, товарищи, ведь рабоче-крестьянская власть рано или поздно одержит свой верх. Пролетарская революция еще не закончилась, мы еще не озвучили свое последнее слово. Мы еще организуем круизы на советских баржах по ленинским местам. Сибирь большая, места для всех хватит. Жалко, что Петька умчался с тачанкой, а то с ветерком доставил бы вас в расположение. Но вы по тропинке, напрямиком через лес, по скорой дорожке и сами не заметите, как дома окажетесь.

Гости, неумело скрывающие душевное разочарование по результатам несостоявшегося судилища, без лишних слов и неуместного энтузиазма уныло поднялись из-за стола. Поочередно поручкались с легендарным комдивом, по традиции обменялись

интернациональным победительным жестом с зажатым у плеча кулаком и потопали восвояси по лесной извилистой дорожке.

Ни раскаты зловещего грома, ни первые крупные капли дождя не могли разогнать безнадегу, что волчьей хваткой вцепилась им в горло и не давала надежды на продых, хоть на малый глоток торжества коммунизма. Не знали, не понимали, конечно, они, что коммунизмом как раз и был их иступленный нечеловеческий труд. Этот дурман оголтелой работы, как способ проживания мелькающих дней, без должной награды за труд, может, и был, и являлся ярчайшей вершиной их советского житья-бытья. И это тоже извечная драма, никогда не решенный вопрос: что дороже для благодушного человека, что способно приносить наибольшее удовлетворение – давать или брать? Казалось бы, проще всего одновременно давая и брать, но тогда не получится испытать величайший восторг, полное к жизни презрение.

Долго сидел за омытым грозой пеньком насквозь промокший Василий Иванович. Он даже не обратил внимания, как из небесного корыта окатило Разлив шрапнельной россыпью града, как остервенело хлестали его по щекам тугие ветви холодных дождевых струй. И все сидел, прямо смотрел перед собой ничего не видящим внутренним взором, пробираемый мелкой дрожью от внезапного ненастья и невыразимой внутренней стужи. Беспольной оказалась серая каракулевая бурка, которую предусмотрительно доставил денщик еще при начале потопа и которая теперь оплывшим мокрым квачом распласталась на залитой дождевою водою скамейке. Едва ли и Анкины теплые груди способны были в эту годину глубокой печали отогнать от сердца лютую сердечную стынь.

– Командир, – в который раз уже из сухого шалаша голосом заботливой няньки тоскливо отозвался Кашкет, – ведь наверняка заболеее, неровен час чахотку прихватите, было бы из-за чего над собой измываться. На кой черт сдались вам все эти электростанции и ленинский план, чтобы осчастливить ими неблагодарное человечество. Давайте лучше на балалайке для вас что-нибудь для души поиграю.

Когда озноб перешел в состояние зубодробильной трясучки, Василий Иванович тяжело стащил с себя доверху залитые дождем сапоги, поочередно вытрусил из них вездесущую воду и, не оборачиваясь, побросал в сторону шалаша, предвидя наперед, что стерегущий Кашкет тотчас подхватит и начнет приводить их в порядок. Такая же участь постигла и габардиновые галифе, из которых еще в начале дождя был предусмотрительно эвакуирован мобильный телефон.

Неожиданно Чапай, в мокрых семейных трусах и прилипшей к груди гимнастерке, выскочил одним прыжком на центральный пенек, резко выхватил из чехла кавалерийскую шашку, сделал пару отчаянных с просвистом махов и стремительно загородил в ножны клинок. Буйную его, открытую всяким ветрам шишковатую голову, в который раз за последнее время, пронзила гнетущая мысль о невозможности принципиально изменить что-либо в окружающем мире. Что лишало положительного смысла и его собственную жизнь, и суровую до безобразия революционную борьбу. Однако в закаленном бесконечными боями командирском сердце оставались непоколебимая ответственность, долг перед близкими, перед однополчанами, перед памятью погибших товарищей, наконец. И Чапаев, будто после отобравшей все силы безжалостной сечи, трудно держась на босых с синеватыми прожилками ногах, направился к командирскому шалашу.

В незамысловатом лесном жилище примирительно пахло нежностью сена, благоуханием сушеного разнотравья, пестрыми пучками развешанного Кашкетом под камышовой кровлей. Не только на случай нечаянных хворей, но и просто для заварочных ароматов. Молча разделся легендарный комдив донага, укутался в запасную, Анкой пошитую теплую бурку, и также ни слова не обронив, погрузился в сладкое, врачующее тревожную душу забытьё.

В ушах послышался далекий перезвон колокольчиков хрустала – верный спутник несущейся в неизвестность дороги. Замелькали верстовые столбы, полустанки, и вот прямо перед собой он увидел добродушное лицо убиенного Николая Романова, который мягко трепал его за плечо и ласково говорил: «Василий, вставай, пора на работу».

Чапаев со всей ясностью осознавал, что подобная встреча могла состояться где угодно, но только не на Земле. Стало быть, Господь, не предупредив, принял решение отозвать его навеки к себе. «Все-таки поступил он не совсем по-приятельски, – подумал Чапай, – мог бы, конечно, заранее подсказать, чтобы и по службе, и в семье сделать последние распоряжения». Но не было страха, не было ни капли печали, не было положенной в таком случае жалости об оставленных людях. Почему-то не возникло естественного любопытства, не появилось желания прикинуть в уме, разобраться, что ожидает теперь впереди, какими сюрпризами встретит Создатель. То, что жизнь пока не закончилась, вселяло некоторый оптимизм, но зачем, почему она не закончилась, абсолютно не интересовало комдива.

– На работу, так на работу, – покорно согласился Василий Иванович и так же, как все находящиеся в просторной военной мужской казарме, стал обряжаться в новую зеленую робу, услужливо поданную Николаем Вторым в протянутой руке. И покрой комбинезона, и размер мягких тапочек – все на удивление ладно совпадало со статью комдива, и даже маленькая гребеночка для прически усов обнаружилась в потаенном нагрудном кармане. Более того, драгоценный мобильный телефон, подарок товарища Фрунзе, тоже благополучно оказался при нем. Внутренний голос настойчиво шептал на ушко Чапаю, что с телефоном ни в коем случае не стоит на людях светиться, хотя бы до той поры, пока не опробует связь с заветным девятизначным абонентом.

Где-то вдали, сквозь долготу расстояний и толщу переборок, по-корабельному ударила вахтенная рында, и одетые в зеленые комбинезоны товарищи, молча толпясь у выходных дверей, стали скоренько выталкиваться на дежурное построение. Вместе со всеми, увлекаемый потоком людей, комдив пробирался по сложным переходам и лабиринтам со ступенчатыми маршами и скользящими спусками, пока наконец не оказался на геометрическом плацу верхней палубы огромного космического скорохода, очертания носовой и кормовой части которого едва улавливались в синеве фосфорического неба. Два носовых мощных прожектора прорезали для лайнера

космический путь, небольшой третий фонарь на самом кончике верхней мачты сварочным светом сигналил морзянку для идущих на встречных курсах кораблей.

Экипаж скорохода по-военному быстро справился с построением, и даже Василий Иванович с бывшим царем нашли себе место в расчетном строю. «Сейчас, наверное, заставят присягу принять, – подумал Чапай. – Интересно, как у них здесь относятся к новобранцам, дедовщиной не травят? Клятв никаких даже под смертельной угрозой не собираюсь давать, пока сам не пойму, чем они на корабле занимаются».

И вот откуда-то с верхней рубки послышалась усиленная репродуктором команда: «Романов, доставьте новичка к капитану, всему личному составу приказываю организованно разойтись по служебным постам. В добрый путь, дорогие товарищи».

– Не дрейфь, Василий, – участливо ободрил комдива торопливо идущий впереди Николай Александрович. – Вспомни, на сопках Маньчжурии и не такое случалось. Капитаном на нашем космическом лайнере несет почетную вахту прославленный адмирал Нельсон, прекрасный флотоводец и герой бесчисленных морских баталий. Человек он, как я уже убедился, безусловно справедливый, настоящей матросской закалки, ты обязательно найдешь с ним общий язык. Наверняка, он вполне осведомлен о твоих боевых заслугах и, быть может, как знаменитого командира, сразу назначит баранов пасти.

– Скажешь тоже, каких еще на хер баранов, – вылупив глаза, заерепенился уязвленный по самолюбию комдив, – я терпеть издевательств даже от адмирала не стану, не для того полным Георгиевским кавалером закончил империалистическую войну и в гражданскую капелевцам скучать не давал. И что это за корабль непутевый у вас? На нем, выходит, и поля есть, и реки, раз баранов разводите, может даже и жабы зеленые есть? То-то комбинезоны у всей команды мне сразу показались подозрительно знакомого цвета.

– Нет на нашем корабле, Василий, ни рек, ни озер, и жаб тобой презираемых тоже здесь нет. Неужели ты еще не прозрел – это же

командирский диспетчерский лайнер. За нами закреплена пара десятков звездных галактик, вот мы и дрейфуем, помаленьку присматриваем, если честно сказать, обслуживаем их. Я, до визита в благословенный Разлив, проживал на одной из планет созвездия Спелых Бамбуков. Теперь повышение вышло, переселили сюда, мою гальюны на двенадцатой палубе, где располагаются астрономы и скрипичных дел мастера из славного итальянского местечка Кремона. Честно признаюсь, служба на Спелых Бамбуках была мрачноватой. В нашем краснознаменном колхозе «Тихие Заводы» занимались зачисткой грехов у вновь прибывшей публики. Постоянное кипячение вонючей смолы, каленье жаровен – все это входило в мои непосредственные обязанности. Но более всего досаждали крики и вопли обрабатываемых грешников. Такого насмотрелся против собственной воли, такого наслушался, что случись заново оказаться на родимой Земле, ни секунды не медля, заточил бы себя в жесточайшую схиму.

– А подолгу хоть жарить или в смоле кипятить приходилось? – с нескрываемым интересом полюбопытствовал Чапай. – Я не думаю, что подобная процедура могла занимать много времени. Сколько адских мучений может выдержать тленная плоть?

– Да уж не менее четырех-пяти дней, пока до нужной кондиции не довели. Хорошую кашу в русской печи часами томить полагается, а здесь грехи человеческие выжигать, крепкая работенка для кочегара, уйму дровишек пропалишь, до седьмого пота намаешься.

– Я все понял, – радостно воспрянул духом комдив, – жарят не просто, чтобы издохли, но обязательно в угли превратились, как сушеные кизяки, которые у кашеваров под эскадронными казанами горят. По правде говоря, для белогвардейской сволочи это вполне подходящая обработка, никаких дров не надо жалеть.

– Почему же обязательно, чтобы издохли или в угли обратились, – искренне выразил недоумение благородный Николай Александрович. Мы ведь на страже жизни стоим, ничего созданного Творцом не истребляем. Кому же придет в голову преступная мысль посягать на истребление нетленных душ. Спустя положенный срок

вилами перекалываем грешников из раскаленных жаровен в котлы с кипящей смолой и терпеливо варить начинаем. Опять же не меньше пяти-шести дней добросовестного кипячения.

– И все же, что потом, до каких пор эта канитель продолжается? Чем заканчивается кипячение в бурлящей смоле, какие следом предлагаются радости, что еще может оказаться страшнее пройденных испытаний?

– А ничем не заканчивается, – ответил царь, – снова жарить приходится, и так до тех пор, пока очищающийся грешник не скукожится, не усохнет до размеров обыкновенного таракана. Ты думаешь, почему тараканы такие коричневые, как запеченные груши? А вот когда рыжих зверюг наберется достаточная гвардия, запаковываем их в фанерные ящики и благополучно спроваживаем на Землю, совесть да ума набираться. Я полагаю, любой таракан был в свое время таким же, как и мы, человеком, но не оправдал высоких надежд и получил в «Тихих Заводях» заслуженное оформление. Конечно, жестокое наказание, но ведь силком никто за уши в жаровню не тащит, каждому предоставляется возможность строить светлую, с наградой ко спасению жизнь.

– Так выходит, что наша рыжая сволочь, Чумайс, снова возвратится в дивизию и будет паскудить на Анкиной кухне. Я бы все-таки предпочел распрощаться с ним навсегда, без напоминаний о прошлом. Не вижу смысла продолжать эту гадость воспитывать, проще новенького мальчонку молодым супругам склепать.

– Ты же знаешь, Василий, надежда умирает последней. Милость Создателя не знает границ. Он терпелив и заботлив, неустанно надеется, что какое-нибудь полезное дело совершит на Земле даже презираемый тобой таракан и поднимется на очередную ступень совершенства. Может, сделается городским воробьем или все той же озерной жабой - путь наверх никому не заказан.

– Не очень-то я понимаю ваши порядки, – пряча насмешку,отреагировал по-военному быстро соображавший Чапай, – однако скажи, где могут предложить мне баранов пасти, я что-то не вижу

здесь подходящего места.

– Во-первых, не предложат, Василий, а просто пошлют. Конечно, не так, как у тебя это в прошлой жизни легко получалось. И заметь, такая удача может случиться только при очень фартовом раскладе. А насчет рек и полей не стоит печалиться, здесь такие планеты, такие красавицы среди них попадаются, что ваши альпийские луга скучнейшей тундрой покажутся. У всех передвижников вместе взятых не достанет холстов и фантазий запечатлеть щедроты Творца.

Поднявшись по крутым маршевым сходням к дверям капитанской рубки, Николай Александрович украдкой трижды сплюнул через левое плечо, торопливо наложил на себя крестное знамение и негромко постучал костяшками аристократической царской руки. Дверь медленно, без скрипа отворилась, и едва переступив порог, Василий Иванович вместе со своим проводником очутился на рулевом капитанском мостике.

Прямо по центру командирской рубки, на небольшом возвышении, за сверкающим медью в розе ветров компасом, сидел знаменитый адмирал Нельсон. Сидел в золоченом наподобие царского седалища кресле, с подзорной трубой на коленях и начатой бутылкой пепси-колы в старческой руке. Неподалеку от капитанского кресла вахту нес рулевой за внушительных размеров лакированным штурвалом – как полагается, с одной деревянной ногой и черешневой курительной трубкой в щербатых зубах. Удивительно, что на капитанском мостике такой огромной космической субмарины не было никаких сложных навигационных приборов, полностью отсутствовала вспомогательная электронная техника, только морской компас и рогатый штурвал старинного образца из красного дерева. Панорамный обзор с верхней рубки открывался фантастический. Корабль дрейфовал в межзвездной тиши с поразительной поступательной скоростью. Все космическое население мироздания: пылающие светила, планеты, астероиды, болиды – проплывало мимо окон капитанской рубки, вращаясь и оставляя за собой траверсный след.

– Обратите внимание, – сказал надтреснутым голосом, не

оборачиваясь к вошедшим, адмирал Нельсон, – сейчас по правому борту мы проходим мимо любопытной планеты, на которой прячется бедолага Адам. Уважаемый дружище Джон Сильвер, – дал указание адмирал рулевому, – просигнализируйте стапельным прожектором любезному праотцу сообщение, что хватит ему валять дурака – первородные грехи его давно уже прощены. При желании, он давно уже может подобрать на свой вкус название для этой планеты и теперь уже не из ребра, а из чего-нибудь более существенного вылепить по сердцу спутницу жизни и клепать всем на радость здоровых детишек. На обратном курсе обязательно будем делать у этой твердыни швартовку, поговорим с праотцом по душам и отведаем знаменитых антоновских яблочек. – В довершение Нельсон приставил к глазу окуляр подзорной трубы, на которой золотыми латинскими буквами было начертано имя «Galileo», и внимательно рассмотрел плывущую мимо, обжитую Адамом планету.

– Что же вы незваными гостями стоите у порога, господа, проходите смелее, будем знакомиться, – сказал, поднимаясь из кресла, пожилой адмирал. По-стариковски прямо торча в пояснице и волоча одетые в шерстяные валенки ноги, он подошел к дорожному резному буфету. Отворил инкрустированную с хрустальным оконцем барную дверку и достал начатую склянку ямайского рома. Также неспешно поставил на серебряный поднос три золоченые чарки и наполнил их благородной рукой.

– Выпьем, друзья, за наше знакомство, – предложил адмирал и первым пригубил крепкий флибустьерский напиток. – Пейте без смущения, господа. Воистину, глоток чистого ямайского рома не принесет вам вреда. Многие годы эта бутылка пролежала на дне Средиземного моря, в глубокой безмолвной тиши. Злые духи в ней давно уже упокоились, только нежность сахарного тростника и запах южных ветров да еще тепло заботливых рук виноделов чудесным букетом окрасят вам настроение.

Василий Иванович хотел было для форса чуть-чуть повыпендриваться и заявить, что на дух не переносит спиртного, но увидев, как лихо расправился со своей чаркой царь Николай, тоже опрокинул

рюмашку. Ром и в самом деле оказался хорош, достаточно крепок, с волнующим ароматом пиратских сокровищ. Этот ни с чем не сравнимый аромат фантастическим образом вызвал из залежей памяти командира напоминание о тяжелых боях в Августовских лесах неприятельской Пруссии. Дело было в Первую мировую войну, когда он с десятком промышлявших казаков отбил генеральский обоз и в нем обнаружилась дюжина бутылок старинной купорки. Казаки тогда по достоинству оценили трофейный напиток – похоже, то был настоящий ямайский ром.

– С вами, Николай Александрович, мы достаточно тесно знакомы, – заметил с доброй улыбкой адмирал, – боцман постоянно отмечает ваше безупречное прилежание на ответственной службе. До чего же все рады, что вы наконец обрели достойное приложение своих недюжинных сил. И про вас, дорогой Василий Иванович, я премного наслышан, давненько уже на наш космический скороход не направлялись толковые боевые командиры. Не густо, во все времена, появлялись на просторах матушки нашей Земли заслуживающие внимания полководцы. Мне уже дважды звонили про вас, ходатайствовали, рекомендовали учесть боевые заслуги и определить на приметное место. Нам в женскую баню истопник из ответственных людей до зарезу нужен, вот руководство предлагает вашу кандидатуру. Вы человек военный, организованный, кому, как не вам, следить за порядком в женской купальне. Очень рассчитываю на ваш бесценный опыт и способность управлять азартным коллективом.

Василий Иванович по-шустренькому прикинул для себя, что нечего Бога напрасно гневить, удача и на сей раз улыбнулась ему, поэтому без долгих раздумий с благодарностью принял заманчивое предложение. Выразил уверенность, что не подведет, использует весь свой боевой опыт и справится с любым, самым рискованным заданием.

– Вот и славненько, – заключил, потирая руки, удовлетворенный адмирал. – Осваивайтесь на новеньком месте, присматривайтесь, у руководства по поводу вас далеко идущие планы. Мне уже на покой по-стариковскому хочется, очень требуется на капитанский мостик

выдающийся полководец. Может быть, через десяток веков займете это почетное кресло, примите из моих рук и подзорную трубу, принадлежавшую некогда самому Галилею. А пока не смею задерживать вас, господа. Сопроводите, Николай Александрович, героического комдива к нашему корабельному фельдшеру, пускай проведет необходимые профилактические мероприятия.

На том адмирал развернулся и плюхнулся в свое капитанское кресло, давая знать посетителям, что аудиенция завершена. А представленная к единственному глазу Нельсона смотровая труба как бы положила незримый барьер.

– Я что-то не совсем понимаю, – признался по выходу из рулевой рубки Василий Иванович, – на кой черт мне понадобился ваш корабельный фельдшер? Со здоровьем у меня все в порядке, после последнего ранения прошло уже не менее года, рога могу быку своротить. Давай не пойдем в лазарет, лучше рванем напрямик на рабочее место. Мне, если честно признаться, ни разу еще не приходилось бывать в женской бане. Не скажу, что самое для меня подходящее место, но все же лучше, чем чистить гальюны из-под всякой обожравшейся задницы. Почему бы и Вам не похлопотать о более серьезной работе, негоже, хоть и бывшему императору, в чужом дерьме ковыряться, не царское это дело.

И вот кто бы чего не выдумывал, но место все же красит, облагораживает человека. Превосходство смотрителя бани над чистильщиком общественного туалета враз обнаружилось по осанке, по учительному тону Чапая. Тем не менее Николай, не теряя достоинства, объявил:

– Здесь, Василий, все как в армии и приказы командования не обсуждаются. К фельдшеру явиться придется обязательно, в противном случае можно и на губу залететь. Ты уж поверь, это окажется гораздо неприятней моей непыльной работы, даже не хочу огорчать тебя мыслями о такой перспективе. Однако меня другое тревожит: сердцем чую, кастрировать тебя могут в больничных покоях. Служба такая выпала, техника безопасности требует. Чикнут с наркозом,

даже глазом моргнуть не успеешь, специалисты по этой части у нас будь здоров. Но голос командирский немного просядет, а он душу мне греет больше всего, до слез напоминает смотровые парады в Царицыне.

– То есть как это кастрировать, – вполоборота начал заводиться Чапай, – я им что, кролик ушастый подопытный? На кой хер мне их баня сдалась и вся эта бабская тряхомудия. Скорей жаровни в аду соглашусь дни и ночи топить, чем в евнухи по доброй воле отправиться. Ни в какой лазарет не пойду, поворачиваем к одноглазому недотепе, пускай отменяет свой дурацкий приказ. Это ему мужское хозяйство уже ни к чему, а я не собираюсь на дембель идти, далеко не до конца еще отстрелялся.

Василий Иванович натурально включил заднюю и потащил Романова за руку в обратный ход. Император с неожиданной твердостью застопорил движение и со всей убедительностью заявил:

– Ты напрасно ерепенишься, дружище, на корабле своих решений командование никогда не меняет, да и яйца тебе здесь совсем ни к чему. На космическом лайнере много чего делать умеют, но размножаться не просто запрещено, здесь любой член экипажа навсегда лишен способности выполнять подобное предназначение. Это удел землян, воистину их неизбывное превосходство, может потому они и вызывают зависть богов. Заниматься кроличьей любовью в качестве приятного развлечения в наших условиях, ты запомни, не придет тебе в голову. Так что не стоит жалеть по-пустому за яйцами, тебе же самому спокойнее будет.

У Чапая на сердце сделалось нестерпимо тоскливо. Выворачивая душу, помянулись Анкины статуарные телесные прелести, роскошное ее женское лоно и минуты победного торжества, особенно остро ощущаемого после бурных любовных экстазов. Это сладостное состояние сопоставимо разве что с легкостью гарцевания на взмыленном скакуне впереди боевых порядков лихих эскадронов. И теперь в одночасье ему предстояло навсегда лишиться возможности ощущать свое первородное мужское лидерство. Забавно, нет слов, потереться

среди баб в теплой купальне, но какой в этом смысл, если фельдшер положит кранты его боевым резервам. Это все равно что наган без патронов или ржавеющий бронепоезд на невозвратно запасном пути. Оставалась, быть может, последняя надежда, последний на удачу шанс. Следовало каким-нибудь хитроумным способом избавиться от докучливого Николая Романова и позвонить кому следует. Все-таки есть обязательства приятельской дружбы, Создатель не должен оказать скотиной, Ему-то проще всего отменить экзекуцию.

– Знаешь, Николашенька, – принялся хитрить Василий Иванович, – мне бы по нужде куда-нибудь сбегать. Я вчера огурцов с молоком не по делу натрескался, не шутейно, гляжу, подпирает, помощи уединиться где-нибудь в положенном месте. Люблю посидеть в тишине, заодно и поразмышлять о своей предстоящей незавидной доле.

– Нет ничего проще, – с готовностью подставить другу надежное плечо отозвался Николай, – давай махнем на двенадцатую палубу, где мое рабочее место, и там преспокойненько справимся со своими проблемами. Мне, кстати, и самому наведаться туда не мешало бы, приглянуть хозяйским глазком, все ли в порядке на службе. Я, знаете ли, привык держать доверенный пост под личным контролем.

С юношеской легкостью проскакав по крутым переходам и трапам, приятели оказались на двенадцатой палубе космического скорохода. Перед изумленным взором Чапая, во всю длину субмарины, раскинулась раздольная улица, по обеим сторонам которой располагались уютные мастерские ремесленного люда. На каждом фронте отдельной мастерской красовалась рекламная вывеска с изображением какого-нибудь музыкального инструмента. Здесь можно было увидеть всевозможные цитры, гитары, гармоники, но более всего впечатляло обилие представителей семейства смычковых инструментов – от самых маленьких детских скрипачек до необъятных лакированных контрабасов.

На вывеске, всегда большими буквами, сообщалось имя мастера, сосредоточенно работающего за светлым в переплетах окном. Здесь продолжали творить великие итальянские корифеи Сториони

или Бергонци. Они мирно соседствовали с полузабытыми тульскими и вологодскими умельцами музыкального цеха. Отовсюду доносились мелодические переборы настраиваемых инструментов, как перед выступлением большого симфонического оркестра, и явственно пахло отделочными политурами и свежей древесной стружкой. Некоторые мастера по-дружески приветствовали бывшего императора, торопливо влекущего за собой несколько растерявшегося Василия Ивановича. Иногда Николай останавливался и сам подходил к отворенному окну, участливо интересовался настроением, успехами в творчестве и желал всего самого лучшего. Одному гитарному мастеру по фамилии Соколовский передал запечатанное в почтовом конверте письмо.

Между прочим, ремесленная улица называлась Шоссе Энтузиастов – об этом уведомили небольшие адресные таблички, симметрично прикрепленные на углах обитых сосновой шалевкой стен. Приятно для глаза было видеть патрульные группы матросов, несколько раз уже повстречавшихся им на пути. Одетые в широкие клеши и черные бушлаты, с красной повязкой на левой руке, эти стражи порядка надежно вписывались в общий корабельный пейзаж. У Василия Ивановича даже сердце от тоски защемило, до того захотелось вернуться обратно в дивизию, которая в сравнении с безупречной стерильностью Шоссе Энтузиастов вспоминалась как нескончаемое гуляй-поле.

Так пройдя примерно километра полтора под несмолкающие обрывки настроечных мелодий и дружеские приветствия приятелей Николая Романова, они оказались возле до боли знакомого дощатого сооружения. От традиционного летнего сортира эта деревянная конструкция отличалась значительно большими размерами, внутри нее приветливо располагалась череда круглых, выдавших всякие виды отверстий. Невозможно было даже предположить, что на такой уникальной субмарине могут оказаться самые захолустные подсобные удобства практически времен динозавров.

– Вот и добрались, Василий, располагайся на выбор, любое отверстие тебе уступлю, – с жестом щедрого сеятеля предложил

комдиву радостный царь, – и я с тобой за компанию малость присяду, вместе оно всегда веселей.

– Честно говоря, я надеялся, что у вас здесь, как в штабе у Фрунзе, кабины отдельные, рукомойники, сушилки, масса всяких удобств для ухода за телом. У нас даже деревенские мужики постепенно начинают переходить на фаянсовые ватерклозеты. Все-таки не очень понятны многие ваши причуды, по-моему, вы ерундой занимаетесь.

– Это ты зря, дорогой друг Василий, – отклонил возражение император, – вы в дивизии привыкли обращаться с природой по-хамски, все только жуете, глотаете, ничего приличного не возвращая взамен. Ты должен помнить, что у нас автономное плавание, замкнутый цикл, следовательно, на учете любая капля полезных отходов. Все это добро я аккуратненько собираю внизу, внимательно раскладываю по разным сортам и отношу на четвертую женскую палубу. Там сырье подвергается специальной обработке и поступает на камбуз для приготовления пищи. Сегодня на обед обещали пельмени подать, ты даже не представляешь, из чего они слеплены. Но пальчики оближешь, бьюсь об заклад, станешь даже добавку просить.

Деваться было некуда. Василий Иванович расстегнул фирменный комбинезон, откинул задний клапан, и как только присел на корточки, драгоценный мобильный телефон предательски юркнул в сортирное очко и шлепнулся внизу обо что-то подозрительно мягкое. В жизни комдива были не только героические победы, не раз приходилось отступать в боях, терпеть поражения, но никогда, даже во времена самых сокрушительных неудач, душа его не испытывала такую горечь и муку, как в эту роковую минуту, сидя на очке в сортире грандиозного космического скорохода.

Дальнейшее пребывание в позе нераспустившегося лотоса потеряло всякий практический смысл, но Чапаев все сидел с поникшей головой, обдумывая горькую свою не испитую чашу. Николай Александрович несколько раз уже выходил на улицу, снова заглядывал в нужник и никак не мог взять в толк, чего его приятель высиживает, медлит зачем.

Обыкновенно все военные аналитики единогласно отмечают недюжинные способности Василия Ивановича находить выходы из самых тупиковых ситуаций. Вот и теперь, спустя пару часов упрямого сидения на корточках, в его мозгах созрела смелая спасительная комбинация. Комдив со счастливой физиономией вихрем выскочил на улицу, заключил в объятия опешившего царя и сделал более чем неожиданное предложение:

– Больно служба понравилась мне твоя, Николаша. Не мог бы ты договориться на сегодняшний день с адмиралом, чтобы я подсобил маленько тебе. А уж завтра, как договаривались, отправлюсь сам в лазарет, не стану перечить, пускай чикают.

– На денек оно можно попробовать, – согласился царь Николай, – но только работать под моим руководством – боюсь, пересортицу сделаешь. Учиться никому никогда не заказано, тем более что долгая жизнь впереди. Не исключено, что когда-нибудь выйдешь на повышение и тебе доверят мое почетное место, вот и пригодятся полезные навыки.

Николай Александрович, поразмыслив самую малость, подошел к одному из ближайших дежурных телефонов, которые в изобилии были развешаны на стенах домов вдоль всей перспективы улицы. Он достал из внутреннего кармана спецовки голубенькую записную книжечку, открыл ее на искомой странице и словно на мясорубке вертанул боковую телефонную ручку. Коммутатор ответил незамедлительно, и Романов попросил соединить его с нужным абонентом. Разговор поначалу складывался непросто – по всей видимости, порядки на субмарине соблюдались действительно строго. Но все-таки по результатам беседы лицо Николая осенила улыбка удовлетворения, и он радостно сообщил Чапаю, что с большим сопротивлением получил разрешение поработать сегодня вдвоем над сортировкой полуфабрикатов из-под двенадцатой палубы.

Василий Иванович настоял не терять понапрасну времени и немедленно приступить к исполнению служебных обязанностей.

Рабочее место Николая Романова по техническим причинам

располагалось на палубу ниже, и они в приподнятом настроении, буквально взявшись за руки, помчались туда без оглядки. Судя по оформлению служебного поста, императора следовало отнести к категории людей исключительно обстоятельных. Повсюду на стенах висели графики с производственными показателями. Некоторые графики походили на зубастые пасти акул, некоторые напоминали «девятый вал» Айвазовского. Сырья в помещении накопилось достаточно. Пересчитав по порядку наваленные кучи, комдив без труда взял на заметку самую для него драгоценную и тотчас же схватился за лопату.

– Не стоит горячку пороть, Василий – урезонил азартного сортировщика Николай, – давай для начала чайку с леденцами отведаем, а потом, помолвившись, возьмемся и за работу. Видишь, у меня в уголке маленький столик стоит, присаживайся, сейчас подключу кипятильник.

Император с придворной изысканностью сервировал чайный прибор, заварил липовый цвет, тонко пробивающийся сквозь общий производственный запах, и лично поворочал серебряной ложечкой в расписной фарфоровой чашке комдива. Как обыкновенно случается за русским чаепитием, приятели расслабились и незаметно погрузились в душеспасительную беседу.

– Ты для чего это, Николаша, от престола отрекся? – задал императору давно уже мучавший его вопрос полный Георгиевский кавалер. – Это же надо, по собственной воле подобную дурость сморозить. Наверное, вот здесь, на служебном посту, не раз и не два вспоминал про былую роскошь царских палат. Вот уж, воистину, «из князей в грязи» по самые уши угодил. Я тебе доложу на такое стремительное преображение не у каждого Гоголя хватит фантазии.

– А что же, по-твоему, оставалось мне делать, как следовало поступать после позорно проигранной Мировой, а до этого еще и Японской войны. Победоносная Россия таких поражений даже своим императорам не прощает. Это только ваши комиссары считают, что революцию совершили большевики, тогда как она сделалась

неизбежной расплатой за поражение власти в великой войне. Сказать по правде, Василий, вот здесь на сортировке сырья мне живется гораздо покойней, нежели на престоле Российской империи. Детишек жалко до слез, но о себе я ничуть не тужу. Мне адмирал обещал встречу устроить с убиенным Алешей. Цесаревич, оказывается, на секретной субмарине вахту несет, которая базируется на созвездии Альфа Центавра. Может через несколько парсеков и свидимся, я по случаю разжился коробкой шоколадных конфеток «Мишка на севере», сыночек любил их до самозабвения.

После двух часов не очень обременительного труда, именно в тот момент, когда Николай Александрович поволок на четвертую женскую палубу первые ведра тщательно отсортированного полуфабриката, у Чапая в кармане форменного комбинезона призывно заиграл «Интернационал». Василий Иванович не был человеком сентиментальным, но в эту минуту натурально подкатил к горлу ком. Все-таки настоящая дружба проверяется поступками, и сегодня Создатель показал себя с самой что ни есть положительной стороны.

Комдив, словно шашку из ножен, выхватил из кармана комбинезона мобильный телефон и, едва не переходя на истерический крик, отозвался:

– Слушаю Вас, Отче наш. Вы даже не представляете, как я соскучился за Вашим отеческим голосом, как ожидаю дружеского звонка. Вот так живешь и не всегда понимаешь, кто на свете тебе всех дороже, за кого ты готов без раздумья собственную голову сложить.

– Обыкновенное дело, Василий, – как ни в чем не бывало ответил Создатель, – вы всегда начинаете вспоминать про Меня, когда жареный гусь хорошенько прицелит и клюнет. Ты бы похвалился по дружбе, как устроился на новом месте. Много неожиданного, наверное, открыл для себя. Сам теперь убедился, ничего здесь особенного, нормальная жизнь, только порядка, пожалуй, побольше, чем в твоей непутевой дивизии. Честно скажи, немного серчаешь, что самовольно переселил тебя в наши пределы? Но ведь жизнь тогда и прекрасна, когда балует нас всякими неожиданностями.

– Не стану сочинять, что обрадовался нечаянному перемещению, – признался Чапай, – однако ничего не поделаешь, придется терпеть, начну приспосабливаться и к этой космической экзотике. Я человек военный, с хорошей закалкой боевыми походами, найду свое место в строю. С детства мечтал посвятить себя мореплаванию. Конечно, не так это все представлялось, больше мечталось под парусом ходить, а здесь сплошные галактики и нагромождения тысячелетий. Правда, со службой не все пока ладится. Адмирал распорядился вахту нести в женской бане, кочегаркой заведовать, и не предупредил, старый плут, что для этого с карманным бильярдом расстаться положено. Может, в хозяйстве кочегару бубенчики и не пригодятся, но все одно почему-то обидно. Дело даже не в этом, все-таки хочется как-то поближе к моей главной профессии определиться. Лихой кавалерии наверняка у вас нет, а вот пехота какая-никакая, полагаю, имеется. Согласен хоть рядовым с трехлинейкой наперевес, хоть подразделением небольшим покомандовать

– Видишь ли, Василий, профессия твоя больно уж здесь бесполезная, никто в наших пределах воевать не готовится. В отделе кадров постоянно висят на доске объявления с предложением для специалистов мирных профессий, спрос на них очень велик. Был бы ты, скажем, хорошим сапожником или краснодеревцем оказался, с трудоустройством не возникло бы ни малейших проблем. Даже не представляю, куда можно определить на космическом скороходе специалиста по истреблению полных жизни людей. Так и быть, если не вмоготу отказаться от детородных своих принадлежностей, попробую выхлопотать медицинскую должность, сам будешь новобранцам яички оттяпывать.

– Отче наш, да на кой мне сдались чьи-то яйца, – в отчаянии запротестовал комдив, – что Вы все время меня к ним пристегиваете. Мне о них даже подумать противно. Лучше назначьте баранов пасти, к сельским работам я с детства привык, приложу все старания, не подкачаю. За год увеличу поголовье в три раза.

– Такое впечатление, Василий, что ты только вчера на свет народился. Ведь баранов тоже охлащивать в кошаре придется. Какая

разница, кому ножичком яйца приходится чикать – баранам или вновь прибывшим рекрутам. По-моему, ты просто капризничаешь, сам не знаешь, чего добиваешься. Мой тебе добрый совет: держись, как в бою – шашку долой и где «ваша не пропала».

– Ради всего святого, умоляю, Отче наш, оставьте меня при Николае Романове, буду прилежно сортировкой сырья заниматься. Не скажу, что дело очень приятное, зато ни с чьими яйцами не придется возиться. Видно, свое я уже отвоевал, дайте спокойно пожить напоследок.

– Не печалься, дружище, открою секрет: это я по-приятельски переместил тебя в наши края в порядке экскурсии, на один лишь денек, – неожиданно обрадовал комдива Создатель. – Надо же было как-то продемонстрировать, что за приятные встречи ожидают вас всех впереди, и, как знать, может, сам сделаешь полезные выводы. Хотя я не очень рассчитываю на человеческое благоразумие и подозреваю, что оно на Земле совсем ни к чему. Хорошо, когда есть возможность прожить интересную жизнь по своему усмотрению, для нас это важнее всего. Сейчас возвратишься обратно в дивизию, обо всем, что случилось с тобой, ни гу-гу. Командир ты толковый, оперативную обстановку сам хорошо понимаешь. Отправляйся в прошлую жизнь.

Очнулся Василий Иванович в жутком поту, в напрочь вымокшей бурке, едва ли не такой, что сушилась на бельевой веревке поблизости от шалаша. На дворе вечерело, закатное солнце окрасило горизонт и небо над ним широкой палитрой полыхающих зорь. В эту минуту настолько желанным, родным и прекрасным показался Разлив, что легендарный рубака, не стесняясь, уронил скупую слезу.

«Что же это было со мной, – подумал Чапай, – сон ли, какое-то наваждение или в самом деле пришлось наведаться на другую сторону света и лично познакомиться с тем, что ожидает людей впереди? И как теперь жить с этим свалившимся на голову знанием? Может, в самом деле перестать валять дурака и по совету Николая Романова заточиться в жесточайшую схиму? Еще не поздно неустанной молитвой

заслужить себе будущее в каком-нибудь милом местечке, чтобы не сделаться потом тараканом или до скончания веков не ковыряться в дерьме».

Долго еще лежал в шалаше притихший комдив, обуреваемый напором неподдающихся простому решению человеческих дум.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Уже денщик тихонечко занес и подвесил под потолком запаленный керосиновый фонарь, неизвестно по какой причуде называемый в народе «летучая мышь». Уже из леса начали доноситься первые звуки ночной таинственной жизни, а Чапай все не поднимался, мучительно соображал, какие выводы полагается сделать, как распорядиться собой после недавней феерической экскурсии. Ведь удалось же как-то адмиралу Нельсону сохранить армейское положение и заступить на почетную капитанскую должность в рулевой рубке космической субмарины. Или тем же скрипичным и прочим музыкальным мастерам предоставили возможность продолжать заниматься любимым своим ремеслом. Стало быть, существует нормальная возможность совмещения земной человеческой деятельности с грядущей предвечностью. Наконец, не придя ни к какому положительному заключению, комдив вздохнул полной грудью, расправил усы и негромко окликнул Кашкета.

Денщик, преданно отиравшийся неподалеку, тотчас подал свой голос и тихонько, бочком пробрался в шалаш.

– Настроение нынче что-то паршивое, – пряча улыбку, заметил Чапай, – сыграл бы что-нибудь для своего командира, давненько не слышал твоей балалаечки.

– Уж и не знаю, как развеять вашу тоску, Василий Иванович. Судя по всему, любимая наша рапсодия «С одесского кичмана» едва ли придется ко времени, тут надо исполнить что-либо очень щемящее, тонко берущее за душу. К вам в последнее время трудно бывает приладиться. Раньше я наперед узнавал любые желания своего командира, а теперь не могу, все мечтаете о чем-то никому непонятном. Такое впечатление, что каждый день к самому Карлу Марксу на доклад собираетесь.

Кашкет бережно снял с камышовой стены шалаша подвешенную за головку концертную балалайку и тщательно протер ее висевшим

рядышком полотенчиком. Поудобней уселся на своем топчане и принялся сосредоточенно подстраивать сердобольную трехструночку. Пробные прикосновения, как одинокие капли дождя, украдкой вплелись в звуковую палитру вечернего Разлива. Даже отдаленный жабий переквак начал приобретать какую-то художественную осмысленность в нарождающемся музыкальном калейдоскопе.

– Ты у меня все-таки однажды доболтаешься, определю я тебя в передовые окопы на доклад к Карлу Марксу, вот там и сбцаешь «С одесского кичмана», будут тебе и пряники с повидлом, и кофе с молоком. Много чего еще ожидает тебя, дурака, впереди, ты уж поверь своему командиру. Наш Разлив еще таким раем покажется, белугой завоешь при любом воспоминании о нем. А послушать сегодня мне хочется романс из булгаковской «Белой гвардии», сколько можно разную дрянь на своей балалайке наяривать. Есть что-то в белогвардейских грезах про белые акации и гроздья душистые от весны моей юности. У нас под южным солнцем до одури в начале лета акации цвели. А еще в семинарии поп, приехавший из Украины Закон Божий читать, необыкновенно вкусно из цвета акаций варенье варил. Быть может, он в Андреевской церкви служил, что неподалеку от дома Турбиных расположена. Чудаковатый был поп, без поросячьего сала даже в Великий пост не умел обходиться, трескал втихую, запираясь в семинарском сортире. Мы, не будь дураками, пробуравили ножиком дырку в доске и подловили его на горячем. Застигнутый в расплох салоед, не торгуясь, пятерки нам по успеваемости ставил, боялся, чтобы архиерею про его шалости не доложили.

– Вы никак батюшкой, по младости лет, имели намерение сделаться, Василий Иванович? – изображая недоумение, будто впервые слышит, поинтересовался Кашкет. – Представляю вас в бурке на лихом скакуне и, как вы по алтарю, вокруг Святого престола, размахивая кадиллом, гарцуете. Видит Бог, православие в вашем лице потеряло новоявленного Победоносца. Может, добьем капелевцев и вместе махнем на приход? Я при вас хоть пономарем, хоть регентом готов службу исправно нести, глядишь, и для себя, горемыки, постами с молитвам отпущение грехов заслужу. Больно уж в раю повидаться с

брательником Ленина хочется.

Из разрозненных звуков, как из осколков драгоценного сосуда, сосредоточенный денщик начал лепить волшебный силуэт прекрасной музыки. И вот уже в шалаше, заполняя Разлив мелодией тончайшего рисунка, расцвел непревзойденный белогвардейский романс. Все-таки непостижимое существо человек. Сколько раз в своей фронтовой жизни легендарный комдив кромсал и крушил капелевских офицеров, а вот сейчас, так же самозабвенно и неистово, наслаждался благородством хрустальных их душ.

Выслушав до конца белогвардейский романс, Чапай выразил глубокую признательность таланту исполнителя и как бы продолжил прерванный разговор.

– Болтаешь, дуралей, что ни попадя, как бы жалеть потом не пришлось, – по-отечески предостерег исполнителя Василий Иванович. – Времена такие приходят, что каждому бойцу хорошенько задуматься следует, чем заниматься он станет после победы над капелевцами. Я бы на твоём месте в артисты подался, здесь не может быть никакого сомнения. Говорят, в Москве режиссер один замечательный объявился, по фамилии Станиславский, к вешалкам очень равнодушный. Вот бы тебя главным распорядителем вешалок взять и назначить, поди ни один крючок без дела не пустовал бы. Ну а если без шуток, скажи мне, что у нас в целом с искусством в дивизии происходит. Как оно служит великому народному делу, как оправдывает надежды революции.

– Ничего такого особенного с искусством в нашей дивизии не происходит, – невозмутимо сообщил денщик, – все идет по заведенному распорядку. Композиторы сочиняют музыку, поэты, как им полагается, пишут стихи, артисты играют на сценах спектакли. Те, которые революцию славят, в президиумах на собраниях сидят, а те, которые истину добывают, тоже, похоже, сидят, но писем любимым не пишут. Попадают отдельные умники, большей частью из тех, которые белокостной болезнью страдают, так они лыжи тихонько в сторону капелевцев наострили, мечтают при их благородиях звезды

с неба хватать. Скатертью дорожка, как говорится. Фурманов, не будь идиотом, распорядился в армейском клубе трехактный балет «Семен Буденный» всем на зависть поставить. Может, и меня на заглавную роль пригласит, я уже на всякий случай не бреюсь, усы для сходства пушистые отпускаю.

При этом денщик зажмурил от предвкушаемого удовольствия левый свой глаз и провел большим пальцем по едва наметившейся щетинке будущих роскошных усов. Быть может, в эту минуту он увидел себя на мавзолейном подиуме, может даже, принимающим военный парад из чеканящих по брусчатке кованых армейских сапог.

– Правильно мыслишь, Кашкет, последнее время стал замечать, что в тебе прибавляется революционной закваски. Мы ведь почему с беляками боремся, мы какую жизнь в дивизии наладить хотим? По Марксу и по моему разумению, люди искусства призваны служить своему народу. Именно служение рабочим и крестьянам должно сделаться при коммунизме главной задачей для творческого человека.

Василий Иванович с удовлетворением отметил про себя, что уже полностью готов не хуже Фурманова заведовать политучебой не только среди рядового, но и среди командного состава. Возникло приятное ощущение, будто он и сам причастен к написанию «Капитала».

– Удивительное дело, – своим чередом не сдавался своенравный денщик, – хорошо помню, как убеленные сединами профессора страстно призывали, заклинали студентов служить одному только вечному искусству. Делали это, доложу вам, весьма убедительно, и, признаться, многие охотно верили им. Согласитесь, в призывах почтенных наставников был здравый смысл. Зачем же служить тому, кто в твоих услугах, быть может, и не очень нуждается.

– Эх ты, недотепа, неправильно вас учили, совсем не по-революционному, – категорически запротестовал Чапай. – У тебя же есть голова на плечах, сам рассуди. Личный состав не покладая мозолистых рук содержит служителей муз: кормит их, одевает, строит больницы, жилье. Вот за все это благодарное искусство и должно не оставаться перед щедрым народом в долгу. Всегда справедливо ожидать, чтобы

на добро отвечали добром. Если я проявляю ежедневно заботу и снабжаю ездовую кобылу неплохим фуражом, должна же и она отвечать благодарностью.

– Может, вы и правы, Василий Иванович, но сравнивать Шекспира с вашей кобылой мне до сегодняшнего дня просто в голову не приходило. Мне кажется, что этого гениального человека специально никто ничем не задабривал, не брал на свое попечение. Он, как и все великие люди, щедрой душой расточал немеркнущие плоды дарованного небом таланта. Может, оставить в покое и наших пролетарских слугителей муз, пускай порхают на воле, как птицы небесные. Все-таки хорошо, когда никто никому ничем не обязан и не требует друг от друга наград.

Василий Иванович, разумеется, не лишен был своих представлений о Вильяме Шекспире. И насчет перед сном помолиться с Дездемоной, и по поводу «Убить или не убить» имел свои, опытом Георгиевского кавалера выстраданные убеждения. Однако какое отношение имеют все эти гамлеты и датские короли к революционной обстановке в дивизии, понимал с трудом. Поэтому деликатно подвел разговор о проблемах искусства поближе к местным, доморощенным повелителям муз.

– Дался тебе этот Шекспир, зачем нам нужны чужие кумиры, давай лучше о своих писателях поговорим. Наша дивизия талантами не обделена, русские люди башкою крепки и изобретательны. Что ты можешь сказать, например, про писателя Михаила Булгакова, он талантливый сочинитель или же нет? Его романы добавят могущества русскому слову, принесут литературные лавры нашему дорогому Отечеству?

– Мне бы гораздо проще было ответить на этот вопрос, если бы я знал ваше мудрое мнение, товарищ комдив, – предусмотрительно заметил Кашкет. – Все-таки партия – наш рулевой, опасаясь, как бы самому не в ту степь забуриться. Иногда мне кажется, что в делах революции я еще не настолько силен, чтобы на свое беспартийное мнение целиком положиться.

– А мне тогда зачем твой ответ? Ты давай, дураком не прикидывайся, правду скажи: нравится роман «Мастер и Маргарита» или вызывает сомнение? Это гениальное произведение или собачья белиберда? Фурманов на сто процентов уверен, что писатель Булгаков, на самом деле, сбежавший из сумасшедшего дома белогвардейский поручик. И что нам давно уже пора определиться с ним по назначению – то ли обратно в дурдом, то ли обеспечить под стенкой по заслугам исход.

– Я, Василий Иванович, сам все время ломаю голову, нравится мне писатель Булгаков или нет, вроде бы роман «Мастер и Маргарита» неплохо написан, но бесовщиной от него несомненно пахнет. Так что, ей-богу, не знаю.

– Вот, проходимец, таки отправлю на передовую, чтобы мозги тебе на место поставили. Так всю жизнь дурачком не прокатишь, башку свернешь обязательно. Колобок, он только сначала от деда с бабкой ушел, а потом все одно к рыжей лисице на зуб закатился.

– И что это вы, Василий Иванович, передовой меня постоянно пугаете. Будьте уверены, не хуже Петьки вражеского языка голыми руками возьму. Ни про какую уху соплю разводить не стану. Это у него то чей-то брат занемог, то у кума кобыла издохла. Я сразу шашку наголо и любого противника, как кочан капусты, в солому перекрошу.

– Это с балалайкой-то своей наголо? Не боишься, что кони в дивизии все обхохочутся? Я тебе так скажу: хорошо, когда каждый своим делом норовит заниматься. Вот тебя, дураля, в консерваториях искусству учили, значит, в искусствах и находи себе применение. Почему бы тебе в нашем армейском клубе не поставить спектакль по роману «Мастер и Маргарита». Главным консультантом пригласим самого Михаила Афанасьевича, пускай сочинитель воплощает на революционных подмостках своих фантастических персонажей. Талантливая молодежь среди бойцов в дивизии есть, подберем достойных исполнителей на всякую роль, пора красноармейцам в большое искусство подаваться. И вешалку, между прочим, не хуже, чем в московских театрах, соорудим. Не знаю, как с неприятельским

языком, а с вешалкой у тебя, убежден, неплохо должно получиться.

Тем временем в Разлив, на полном скаку, нарушая вечернее умиротворение глухим стуком конских копыт и звоном трясущейся сбруи, залетела штабная тачанка. И вот уже в дверном проеме командирского шалаша замаячила крепкая стать потирающего руки ординарца.

Петька был из тех редких и счастливых людей, присутствие которых в любой ситуации сообщает окружающим веселый оптимизм и ощущение вкуса здоровой жизни. По всему видно было, что день у Петрухи, как и положено, сложился на славу. Об этом свидетельствовало светлое сияние ликующих глаз и заплечный увесистый сидор, который он по ходу сбросил в руки Кашкету.

Ординарец, источая запах свеженькой водочки вперемешку с конским и собственным потом, с прищелком офицерских сапог сделал под козырек и доложился Чапаю о выполненном поручении, особенно отметив доставленный в полной сохранности гостиничный сидор.

Василий Иванович, несомненно, обрадовался возвращению ординарца но, согласно субординации, не выразил личного восторга и, не обращая внимания на пухлый сидор, недовольно пробурчал:

– Где тебя нелегкая носит? Уже можно было двадцать раз вернуться не только из штаба Фрунзе, но на тот свет и обратно смотаться. Не иначе как с бабами где-то возжался, знаю тебя, кобеля.

– Так я же Чумайса в штаб армии по вашему распоряжению сопровождал, – начал торопливо объясняться Петруха, поправляя пристегнутую шашку и деревянную кобуру немецкого маузера. – Нормальным дружбаном, между прочим, рыжий кренделек оказался. Часики карманные в золотой оправе по братски мне подогнал, теперь на службу в Разлив без опоздания буду являться. Свежих банок с тушенкой полный сидор наклал, в знак уважения к вашим геройским заслугам. И еще акциями с электростанций обрадовать обещал, того и гляди жизнь потихоньку наладится.

– Я тебя, контра, обрадую акциями с народных электростанций, не хватало только в штабе дивизии собственных буржуев иметь. Уж больно торопится на свой лад похозяйничать этот рыжий барбос, последнего слова большевики еще не сказали. Запомни и ты – мы еще устроим кое-кому прогулку без яхты, по ленинским, милым сердцу местам. Сибирь необъятная, места для всех хватит. Между прочим, пока ты водяру с буржуем хлебал, мы с Кашкетом времени зря не теряли, вместе ломали голову, что бы такого приятного для молодежи в дивизии сделать, как приобщить ее к сокровищам мирового искусства. И вот решили в армейском клубе поставить спектакль по знаменитому роману Михаила Булгакова. Давай и ты подключайся к пролетарской культуре, будем вместе советоваться, как бы получше все это депо обстряпать. Я предлагаю репетировать сразу в авторском присутствии, чтобы было, как говорится, из первых рук. Нечего нам тень на плетень наводить, поэтому сочинителя Булгакова следует немедленно доставить сюда. Пока лошади еще не охолонули, дуй на тачанке в расположение и к утру хоть разбейся, но доставь его целым и невредимым в Разлив.

– Управлюсь ли за ночь, Василий Иванович? Неровен час, коней загоню. Целый день не выпрягал рысаков из тачанки, сорок верст в один конец и примерно столько же было обратно. Может, завтра с утра, на свежих копытах рвану за писателем? Никуда он не денется, доставлю в полной сохранности, получите как из швейцарского банка. Закажете – и пару балерин вместе с ним прихвачу, для настоящего театра они в самый раз пригодятся. Прикидывайте сразу, чтобы тачанку по чем зря не гонять.

– Откладывать ничего мы не будем, – категорически заявил Чапай, – некогда ждать, молод еще, не знаешь настоящую цену времени. Мне в твои годы тоже казалось, что его и девать вроде бы некуда. А вот ныне такое привиделось, после чего каждый день, минута, прожитая на нашей Земле, начинает казаться таким драгоценным даром, что любые богатства мира с готовностью отвалишь за них. Так что не медли, малость перекури и трогайся в путь. С писателем будь повнимательней, революции нужны толковые головы. А то ведь тебе

только словечко против шерсти скажи, шашку небось наострил, что косу перед жатвою.

Петька был одним из тех редких и решительных людей, которые любое поручение принимались выполнять немедленно. Поэтому еще не остывшие кони с места рванули в карьер, и тачанка умчалась на поиски знаменитого писателя. Только дробное постукивание скорых копыт утонуло в лесной чащобе.

Последнее время распоряжения комдива, его поступки и загадочные ухмылки порядком осточертели ординарцу. Теперь эта идиотская свистопляска с никому не нужным спектаклем. А тут еще Анка не на шутку запропастилась, молодость уходит, но никакой личной жизни не складывается. Может, пора бросить все к чертовой матери и махнуть с ней хотя бы в Актюбинск, поближе к городской, человеческой жизни. Петька сплюнул в сердцах и полосонул нагайкой пристяжного коня.

Оставшись в Разливе вдвоем, комдив распорядился организовать Кашкету традиционный вечерний чай. Денщик немедленно приступил к исполнению, повесил над очагом походный медный чайник и занялся необходимыми приготовлениями.

Василий Иванович, тем временем, расположился за центральным пеньком, разложил на столешнице вышитый бисером кисет с табаком и оправленную в серебро черешневую трубку. Привычным ловким движением он отделил от горелки мундштук, поднял с земли подходящий пруток и начал прочищать курительный инструментарий. Несколько раз собирал трубку, продувал ее с легким шипением, чем-то оставался опять недоволен и снова прочищал тонким березовым прутиком.

– Может, помочь? – поинтересовался незаметно подошедший к командиру денщик. И не дожидаясь ответа, добавил: – Не нравится мне эта театральная затея, Василий Иванович. Поговаривают, будто Булгаков с нечистой силой знается, как бы порчу какую на нас не навел. Писатель он, может быть, и неплохой, но белогвардейщиной от него за версту пахнет. Если уж так приспичило приобщать

красноармейцев к большому искусству, предлагаю поставить спектакль «Буденный и Маргарита». Оно и Маргарите приятно, до самого сердца проймет, и бойцам хороший пример для подражания. Все эти черные кошки и разборки с Понтием Пилатом до добра дивизию не доведут. Фактически, это же наглый подкоп под самого Карла Маркса. Фурманов только вчера рассказывал на курсах ликбеза про прибавочную стоимость, а мы начнем в армейском клубе без счета червонцы на головы бойцам высыпать. Какой же дурак после этого революцию пойдет защищать, все немедленно колдовством или ведьмованьем черным займутся. И опять-таки, Анка у нас на сносях, рискованно запускать в Разлив нечистую силу, того и гляди уродцем разродится.

– Не бойсь, не принесет нам уродца, – самоуверенно заявил комдив. – А червонцы бросать на бойцов с балкона никто и не будет, мы им блестящих значков и грамот почетных подбросим, пускай забавляются. С виду, быть может, раскрасим почти как червонцы, но в буфете они не пройдут. А вообще-то давай отправимся спать, чего-то ни чаю, ни курить мне сегодня не хочется.

Долго кряхтел и ворочался в шалаше удрученный комдив. После круиза на космической субмарине в голове заварился непроглядный сумбур. Не находилось ответа на самый главный вопрос: что теперь должно быть критически важным для героя революции – борьба за мировое пролетарское счастье или спасение бессмертной души? В какой-то момент, перед тем как окунуться в целительный сон, ему вдруг привиделось приветливое лицо Николая Романова, ну явно же призывающее на рабочее место блаженного императора. Невероятным усилием воли Чапай отогнал наваждение и окончательно принял решение оставаться рыцарем мировой революции.

Утром, проснувшись против обыкновения довольно поздно, комдив разглядел сквозь дверной проем шалаша сидящих за центральным пеньком ординарца, денщика и, по всей видимости, доставленного в полном здравии живого писателя. На столе отдувался парами большой самовар, и компания, разливая по кружкам крутой кипяток, о чем-то увлеченно беседовала, не забывая черпать из

эмалевой миски свежее кизиловое варенье.

На плече у писателя Булгакова, словно охотничий сокол, сидел внушительных размеров черный котяра, не обращавший никакого внимания на хозяйничающую в Разливе вертлявую шавку, которая подвизгивая и вращая хвостом шныряла между обувкой сидящих мужчин. Особо заметное внимание она уделяла дорогим штиблетам приезжего франта. Собачонка несколько раз обнюхала, облизала их, потом, изловчившись, сыканула пару раз на лакированный глянец, но не успокоилась и стала высматривать новые возможности для совершения мелких собачьих гадостей.

Василий Иванович, сообразив, что в глазах заезжего писателя следует выглядеть подобающим образом, начал облачаться в парадную форму, с кавалерийским задним разрезом и прорезными карманами. Управившись с облачением, он не спеша пристегнул именную шашку и командирский, с секретными картами неразлучный планшет. С удовлетворением осмотрел себя в походном зеркале и для пущей важности надел через голову полевой бинокль, потом еще раз посмотрелся в зеркало и все-таки приторочил кобуру с увесистым револьвером.

Из шалаша комдив вывалился разряженным как новогодняя елка, поэтому все, включая щеголеватого литератора, невольно поднялись со своих мест. Один только кот на плече Михаила Булгакова не выразил никакого восторга в связи с долгожданным явлением легендарного воина.

Свежим голосом хорошо отоспавшегося человека Чапай пожелал всем присутствующим доброго здравия и зачем-то иронично добавил, что тому, кто рано встает, Бог и кроме чая чего-то дает.

– Вот вам Михаил Афанасьевич Булгаков, как и заказывали, собственной персоной пожаловал, – отрапортовал сияющий ординарец. – Первым делом хочу доложить, что с таким попутчиком хоть в бой, хоть в разведку без страха отправлюсь. Половину дороги без меня коней погонял, можно командиром тачанки, минуя испытательный срок молодого бойца, назначать.

– Рад, очень рад видеть вас, – искренне, от души пожал протянутую руку писателя Чапаев, – кота пока не приветствую, если шкодить не будет, у нас в Разливе найдет для себя на любой вкус развлечение. Может статься, что денщик ему «Мурку» на балалайке исполнит, главное, чтобы зверь с головою дружил. Как добрались? Не шибко потрусил вас в тачанке мой сорвиголова? Вот так в пути вся боевая наша жизнь и проходит. Молодежь в суровых буднях совсем одичала, отбилась, так сказать, от высокой культуры. В связи с этим дело имеется к вам исключительной важности, не терпящее никаких отлагательств. Вы еще немного почаевничаете здесь без меня, пока я к водице спущусь, освежусь после крепкого сна в нашем озере. А уж потом посидим, обо всем неспеша побеседуем.

При упоминании озера котяра на плече у Булгакова заметно насторожился, загорелся глазом и показал для чего-то клыки. Писатель мягко потрепал его по взъерошенной холке, и тот сделал вид, что угомонился, но сквозь щелку левого глаза внимательно сопроводил режущим зрачком удалявшегося командира.

Прибывший мастер художественного слова произвел на Чапая должное впечатление. Благородные линии мужского лица, с глазами, наполненными глубоким внутренним светом, белоснежная рубашка под строгим концертным пиджаком на красном подбое – ничто не ускользнуло от наблюдательного глаза внимательного комдива.

Но, разумеется, все это только красивая внешность. Необходимо было, прежде всего, пообщаться через мобильник с кем следует, получить надежную информацию сверху, только тогда можно определиться, что это за Мастер и где его ненаглядная Маргарита. И вообще, стоит ли подпускать бойцов к творчеству Михаила Булгакова – это пока еще далеко не решенный вопрос. Кашкет хотя и баламут, но про то, что писатель знает с дьявольской силой, слухи по дивизии ходят упорные. Поэтому обязан провести массированную тыловую разведку и самому во всем разобраться.

Еще на подходе к заветной коряге Чапаев заметил, как с насыщенного им топляка попрыгали в воду загорающие на солнечном

припеке озерные жабы. Но одна, особенно наглая, примостилась на тонком дальнем конце, раздула дрожащие щеки и скорчила такую гримасу, будто страдает невыносимым запором и готова пройтись от натуги по нижним ярусам вульгарного жабьего лексикона.

Насчет вульгарного лексикона Василий Иванович безусловно превозмог зеленую жабу и по ярусам прошелся без единой запиночки, к тому же успел подхватить с земли сучковатую палку и прямой наводкой атаковать противника. Снаряд на сей раз не достиг желаемых азимутов и просвистал мимо цели, отчего у негодующего Чапая приключилось небольшое умопомрачение. Ему почему-то вдруг показалось, что жаба строит ехидную рожу, обнажая два хищных клыка, точь-в-точь такие же, как у писательского попутчика в обличье подозрительного кота. В это не хочется верить, но сволочь таки квакнула обидное слово «дурак» и плюхнулась в студеные воды Разлива. Комдиву стоило немалых усилий, чтобы сдержаться и не кинуться в воду на расправу с намылившей ласты рептилией.

Погуляв еще для порядка по нижним ярусам все того же многострадального русского слова и потискав рукоять притороченной шашки, Василий Иванович понемногу уgomонился. Он, как был – в парадном облачении, при бинокле и всем боевом снаряжении, – с облегчением расположился на заветной коряге, предусмотрительно протерев сухим песком оскверненное рептилией место. Присутствие жабьего духа конечно омрачало предстоящий разговор с верховным распорядителем, однако комдив извлек из кармана галифе мобильный свой телефон и набрал сакраментальный девятизначный номер.

На том конце связи немедленно отреагировали: «У аппарата, внимательно слушаю вас».

– Я, быть может, не очень и вовремя, Отче наш, поэтому заранее извиняюсь, но у нас в дивизии ситуация возникла несуразная, можно даже сказать, непредсказуемо тревожная. Беспokoю Вас исключительно потому, что дело касается не только меня одного. О себе-то я меньше всего хлопочу, с утра до ночи только и делаю, что занимаюсь благоустройством личного состава.

В эту минуту прямо перед комдивом из озера выплыла только что покинувшая поле брани зеленая жаба. Обнажила два кошачьих клыка и как ни в чем не бывало проквела все то же обидное слово «дурак». Прятаться мерзость не стала, бессовестно распластала по воде четыре когтистые лапы и вывалила стеклянные фары.

Глаза у Чапая вылупились едва ли не больше, чем у дрейфующей жабы, – не всякая помидорина даже в августе месяце могла получить такой спелый окрас, которым налилась его негодующая физиономия. Однако устраивать морскую баталию в присутствии самого Создателя не мог позволить себе даже такой матерый рубака. Разговор пришлось вести, что называется, под «колпаком у Мюллера», то есть под издевательским наблюдением заклятого противника. Поэтому Василий Иванович демонстративно отвернулся в противоположную сторону, невероятным усилием воли подавил в себе гнев и весьма любезным голосом продолжил:

– Я, Отче наш, справочку желаю навести про одного незаурядного человека. Сегодня ко мне в Разлив пожаловал писатель Булгаков. Имя этого борзописца наверняка Вам знакомо. Ходят слухи, что писатель с нечистой силою знается. Не в моих правилах совать свой нос в чужие дела, но, если возможно, просветите немного, кем, по Вашим меркам, приходится этот горделивый, пишущий странные опусы господин?

– Это ты прав, Михаил Афанасьевич действительно гордый, непростой человек. Вместо того чтобы развлекательные романы строчить, принялся биографии посланникам небес сочинять. Все, что положено знать человеку про Божьего Сына, сполна преподано в текстах Писания и не должно становиться предметом литературных мечтаний. Это наше безраздельное право, кому следует, персональные биографии составлять, и в помощниках мы до сих пор не нуждались. По опасной тропинке балансирует писатель Булгаков, не там, где положено, он ищет свой душевный покой.

– Я в таких сложных разборках не хотел бы участвовать, Отче наш, – предусмотрительно дистанцировался Василий Иванович, – но

мне необходимо сегодня же знать: может ли творчество Михаила Булгакова оказаться полезным для нашей дивизии? Мы ведь твердо решили поставить в армейском клубе спектакль по мотивам романа «Мастер и Маргарита». Но о писателе по дивизии слухи зловещие бродят, как бы ненароком не спутаться нам с бесовщиной. Дайте по-дружески дельный совет, ставить на нашей сцене Булгакова или повременить. А быть может, подключить Михалкова Сережу, больно уж ловок подставить верное слово в строку.

– Что касается Михалкова Сергея, судить не берусь, эта фигура по другому ведомству числится, а что до Булгакова, могу подсказать. Искусство ведь дело достаточно тонкое, многое зависит от того, как ставить спектакль, – рассудительно заметил Создатель. – Маргариту на шабаше можно и голой, а можно и в галифе показать. Лысая гора тем и сильна, что ни для кого не ставит преград, можно и Понтия Пилата без порток на сцене по-театральному выставить. Все зависит от того, что вы собираетесь бойцам своим преподать. «Мастер и Маргарита» произведение сложное, оно, как жизнь людей на Земле, предполагает различные драматургии. Ты вот негодуешь на клякстную жабу, а она, может быть, совсем ни при чем. Рекомендую тебе за булгаковским котярой нет-нет да и присматривать.

– Да что же мы, по-Вашему, совсем сумасшедшие, чтобы бойцам Понтия Пилатовы яйца со сцены показывать? Нам, прежде всего, побольше справедливости из романа Булгакова на сцену вытащить хочется. У меня такое впечатление, что ребята из бригады Воланда большевистскую закалку прошли, можно сразу к Фурманову в команду записывать. Кабы в дивизию с десятков таких специалистов привлечь, через пару недель без всяких соплей в коммунизме окажемся. Много чего интересного открылось мне из текстов Михаила Булгакова, немало хороших примеров для наших бойцов там преподано.

– А тогда зачем морочишь мне голову? Ставьте спектакль, как написал Михаил Афанасьевич, тем более что сам автор приглашен консультировать театральную труппу. Вот только Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата я посоветовал бы вам не очень на сцене выпячивать. Критикуйте бездарных писателей, нечистых на руку торгашей, в пух

и прах разнесите советскую бюрократию, только не следует ломиться со своим уставом в чужой монастырь. У себя наводите порядок, а наших коллег не цепляйте, не вынуждайте их нервничать.

– Мне и самому история с Иешуа и Понтием прокуратором не очень-то нравится, – согласился Василий Иванович. – Мы с комиссаром личный состав по Марксу муштруем, в строгом атеизме стоим. Но сердце вещает, что без этих ключевых фигур привередливый писака не согласится сотрудничать. Он по своей бестолковщине отчего-то решил, что это в романе и есть самые главные персонажи. Представляю, какие претензии возникнут к этим героям у товарища Фурманова. Конфликт между Булгаковым и Фурмановым практически неизбежен. У меня, если честно, просто крыша дымится, даже не представляю, как поступить с этой театральной бедой, хотя и от затеи поставить спектакль не готов отказаться. Очень много полезного в нем, способного хорошо послужить революции.

– Ты знаешь, Василий, мне пришла в голову неплохая идея: вот возьми и предложи Фурманову сыграть роль всемогущего Воланда, у него это неплохо должно получиться, не напрасно он в тужурке из чертовой кожи по дивизии носится. Я полагаю, ценного опыта он выше крыши набрался, того и гляди рога прорастут. Ты его в баньку хоть разок пригласи, подозреваю, у него давно уже в сапогах копыта лохматые цокают.

– Вот это идея, вот это совет! – аж заёрзал на коряге от восторга Василий Иванович. – Комиссар, как пить дать согласится играть повелителя тьмы, особенно если узнает, что с ним на сцене в роли Маргариты будет голая Анка скакать. Все-таки голова у Вас крепко работает. А скажите по правде, как, на Ваш взгляд, к роли Мастера я подхожу?

– К роли мастера чего? – поинтересовался Создатель.

– К роли писателя, конечно, – немного обидевшись на недогадливость Всевышнего, ответил комдив. – Я, между прочим, имею твердое намерение написать на склоне лет мемуары. Во-первых, если сам о себе не напишешь, ни одна сволочь потом и не вспомнит. И

во-вторых, кому, как не мне, поведать будущим поколениям про боевые походы, про погибших товарищей, про весь наш революционный героический путь.

Неожиданно, прямо напротив комдива, из воды снова вынырнула все та же клыкастая жаба. Рептилия скорчила отвратительно мерзкую рожу и нагло проквашала обидное слово «дурак». Василий Иванович проявил незаурядную стойкость и проигнорировал эту подлейшую вылазку. Хотя в мыслях не отказал себе в удовольствии врезаться с шашкой наголо в фалангу из зеленых атакующих жаб, искромсать их в лапшу, а клыкастую мерзость подцепить на кончик клинка и проскакать с ней на горячем коне в развевающейся каракулевой бурке.

Представьте себе, из телефонной трубки немедленно последовал комментарий Всевышнего. Складывалось впечатление, что он лично присутствует при этом бородинском, с жабым уклоном сражении.

– Ну что ты с ней, дуралей, по полю без толку носишься. Взял бы, как умные люди, супец заварил с задними филейными лапками. Какой же из тебя, скажи мне на милость, писатель, если ты с французской кухней не очень в ладу. Доля писателя совсем не из легких, прежде чем сделаться хорошим Бальзаком, не одну жабу придется сожрать. И учти, самая главная книга без устали пишется на небесах. Крайне желательно, чтобы написанная кем-то словесная книга хотя бы местами совпала с большой главной летописью, иначе усилия автора окажутся пустой авантюрой, а за это могут и в угол на колени поставить. Заставят потом до скончания веков читать перед зеркалом собственный бред с выражением. Не возрадуешься, что с кириллицей подружился. Так что желаю успеха в твоём литературном и театральном теперь уже творчестве. Не забывай мне позванивать изредка.

Разговор хотя и оборвался довольно неожиданно, но в целом Василий Иванович остался удовлетворенным его результатом. Он лихо соскочил с ольховой коряги, подошел к кромке

плескавшегося озера, поколдовал над пуговицами парадных штанов и шумно, с хорошим напором облагодетельствовал студеные воды Разлива излишками своей мятежной стихии. И опять же не отказал себе в удовольствии живо представить, как бы кстати в этот момент вынырнуть под тугую струю ненавистной клыкастой жабе. Чуда на сей раз не случилось, и комдив без должного энтузиазма приступил к выполнению обязательных после сна физкультурных нагрузок.

Против обыкновения, за отсутствием душевного энтузиазма, он лениво подрывал ногами, как это делают конвульсирующие под электричеством жабы. Потом совершил череду не очень добросовестных по глубине приседаний, под утешительный скрип генеральских сапог, и, передумав оголять для джигитовки разящую шашку, направился вверх по откосу к командирскому шалашу.

За центральным пеньком наблюдалось заметное оживление. Прежде всего, в Разливе появилась долгожданная пулеметчица Анка, которая столичной штучкой порхала вокруг очарованных ее волнующими формами здоровых мужчин. Она хлопотливо раскладывала закуски, расставляла графины и прочую столовую утварь для празднования долгожданной встречи. Здесь как нельзя более кстати оказался привезенный ординарцем чумайсовский сидор. Петька, словно фокусник в цирке, опускал руку в защитного цвета волшебный вещмешок и поочередно извлекал, удивляя публику, то банку с консервами, то пузырь с настоящей смирновской водочкой.

Обыкновенно Чапай не склонен был поощрять, когда без его командирского распоряжения начинали организовывать веселье. Однако на сей раз, в связи с присутствием высокого гостя да еще ввиду благополучного прибытия Анки, комдив отнесся к самостоятельности своих подчиненных на редкость снисходительно. Он благосклонно выслушал рапорт пулеметчицы о героически выполненном секретном задании и принял в сургучных печатях пакет от самой Надежды Константиновны, в котором якобы содержались последние заветы самого Ильича и еще кое-какие чрезвычайные документы. За что командир объявил отличившейся боевой подруге персональную благодарность и пообещал сделать представление к награде, может

даже с вручением именного бинокля.

– Ну что же, делу время, а потехе час, – на правах хозяина положения напомнил присутствующим известную мудрость Чапай и предложил всем товарищам располагаться поудобнее за почти что семейным столом. Что, вообще говоря, происходило само собой, без всяких дополнительных распоряжений. Даже Кашкет давно уже при-
мостился на краешке тесовой скамейки, потирал от нетерпения руки и едва сдерживал распирающее желание принять на грудь грамм двести смирновочки.

– Вот и наступил, Михаил Афанасьевич, долгожданный звездный час, – со старта обрадовал автора знаменитого романа комдив. – Нынче же примемся ставить на сцене армейского клуба Вашего Мастера заодно с Маргаритой. Все складывается на редкость удачно, как хорошая партия в домино, даже Аннушка наша, украшение, гордость дивизии, к первому акту пожаловала. За все вместе и предлагаю выпить безотлагательно.

Компания в полном согласии сдвинула налитые доверху чарки. Последовав примеру своего командира, все общество дружно накинuloсь отвеживать извлеченные из щедрого чумайсовского сидора закуски. Беседа завязалась без всякого принуждения, выпившие люди на удивление легко стали азартно обсуждать предстоящий спектакль. Самый живой интерес вызвало выдвижение соискателей на предстоящие роли. Более всех горячился Кашкет, непрестанно напоминая присутствующим о своем неоконченном консерваторском образовании и, как следствие, о законной претензии на одну из заглавных ролей. Может быть, только один ординарец не выражал явным образом горячей привязанности к лицедейскому жанру.

– Полюбуйтесь, Михаил Афанасьевич, красавицей нашей Аннушкой, – мурлыкал на ухо писателю слегка повеселевший комдив. – Разве подберешь на роль Маргариты более привлекательную актрису драматического жанра? Она тебе хоть Джульетту, хоть Тристана вместе с Изольдой, без всяких репетиций и грима, не хуже самого Шекспира преподнесет. Вы случайно, когда роман свой писали, не

заезжали тайком в четвертую пулеметную роту?

– К вам в пулеметную роту, признаться, я не наведывался, – с демонстративным сожалением заявил сочинитель, – но только сценарий спектакля будет таков, что Маргарите придется неоднократно голой на публике появляться. Это довольно непростая для актрисы задача. Ей ведь необходимо при этом и свое достоинство, и натуральность ситуации полностью сохранить. Не представляю, как ваши красноармейцы будут реагировать на подобные сцены. С другой стороны, переделать что-либо в произведении нет никакой возможности, сразу развалится вся драматическая ткань.

– Вы, товарищ Булгаков, по-моему, недооцениваете нашу революционную молодежь, – заявил Чапай. И тут же задал пулеметнице прямо в лоб судьбоносный вопрос:

– Скажи мне и писателю, Аннушка, сможешь перед всеми бойцами на сцене без порток и обуви пройтись?

– Если чтоб жеребцам нашим поглазеть – конечно не стану. А если для дела революции потребуется, все смогу, – как на военной присяге отчебучила захмелевшая Анка и начала немедленно стягивать с себя гимнастерку.

– Да погоди ты, не враз, – принялся осаживать ее командир и подмигнул Михаилу Булгакову. – Это потом, по ходу спектакля, когда все артисты войдут в свою роль и публика поймет, что наступил самый подходящий момент.

И уже обращаясь непосредственно к писателю, комдив не без гордости поинтересовался:

– Ну как вам она, Михаил Афанасьевич?

– Да что здесь сказать, – выразил свое не совсем определенное мнение автор, – мне почему-то Маргарита немного скромнее, subtilней чуток представляется.

– Вы на что намекаете, уважаемый приезжий писатель, – начал с полуоборота заводиться Петруха, а физиономия его стала набирать

по окрасу спелость астраханского арбуза. – Анка не просто трижды раненый орденосец, не только лучшая пулеметчица в целой дивизии, она ведь еще и невеста моя. Советую повнимательней относиться к словам.

– Ни на что я, собственно говоря, не намекаю, – развел руками Булгаков, – просто смелость для меня несколько непривычная, не очень соответствует персонажу. Если вы обратили внимание, Маргарита является женщиной довольно тонкой организации. Чтобы так сразу пуговицы на себе приниматья расстегивать, согласитесь, не совсем вяжется с фабулой произведения. А так ничего, Аннушка у вас девушка весьма даже славная. – Булгаков для верности продемонстрировал перед ординарцем поднятый большой палец правой руки, а черный кот, вторя ему, закивал головой.

После череды произнесенных и закрепленных смирновочкой тостов, отдельно за здоровье гостя и отдельно за здоровье командира, за победу революции и даже стоя за благоухание присутствующих дам, общий градус восторга по поводу предстоящего спектакля стал понемногу затухать. Чтобы поддать куражу, взбодрить как-то тонус застолья, Чапай велел денщику принести балалайку и сыграть что-нибудь задушевное, хорошо бы про белые акации и гроздья душистые.

Кашкет с готовностью метнулся в шалаш и вывалился оттуда с неразлучной трехстрункой. Пока музыкант подстраивал инструмент, прохаживаясь возле шалаша и сосредоточенно глядя куда-то под макушки сосен, комдив неожиданно поинтересовался у писателя:

– А зачем это вы, Михаил Афанасьевич, биографии богам от себя сочиняете? Ведь в Писании ни про какого Крысобоя, ни про какую собаку, стерегущую Понтия Пилата, ничего не написано. Воля ваша, но на мой взгляд, сомнительные тексты слагаете. Хорошо, если пролетарская революция окончательно во всем мире победит, а неровен час зашатается. Вдруг на поверку окажется, что Бог действительно есть, пребывает в полном комфорте и ваши фантазии не придутся Ему по душе. Простите, но ведь могут и к ответу спокойно призвать. И охота вам почему зря судьбину испытывать? Пожалеете,

когда специалисты примутся на сковородке, словно семечки, жарить да в бурлящей смоле кипятить, пока не усохнете до размеров кухонного таракана. Вот не позавидую, самый лютый недруг не придумает более жалкой участи вам.

– Вы, Василий Иванович, не очень-то доверяйте поповской ереси, – порекомендовал комдиву ничуть не смутившийся сочинитель оригинальных биографий для Библейских персонажей. И кот на плече у писателя принял воинственную стойку. – В Библии прямо указано, что человек отмечен подобием Божиим. Стало быть, волен возвышаться на степень Творца. Не вижу смысла стесняться художнику изображать небожителей литературными красками. Вы же не дрейфите впереди эскадронов в атаку идти, почему же я должен в своем ремесле чего-то бояться?

– Я бы на вашем месте не торопился тягаться со мною заслугами, – предостерег борзописца Чапай. – Одно дело с беляками за народное счастье сражаться – и совсем иное дело, порядки среди богов на свой лад заводить. Любому боевому красноармейцу абсолютно понятно, что прежде всего в нашей дивизии следует справедливость восстановить, а уже потом, коли так нестерпиво, за богов приниматься.

– Я полагаю, про счастье народное – это вы для красного словца завернули, – немедленно отреагировал гость. – Счастье не бывает народным, оно касается только отдельного человека. – И кот на плече, вторя писателю, опять закивал головой. – Если вас всерьез смущает религиозная сторона моего романа, можно отказаться от «Мастера и Маргариты» и поставить на сцене войскового театра другой мой шедевр. Между прочим «Собачьим сердцем» он называется. Неплохой может получиться спектакль, и главное – для личного состава весьма поучительный. В Разливе, я смотрю, и балалайка имеется, все реквизиты у вас налицо.

Тут уж Кашкет, по собственной инициативе, выдал на полную катушку знаменитую «Барыню». Так завернул, так пробежался по медным ладам, что, казалось, близлежащие деревья не совладают с собой и пустятся в пляс. Даже если бы на балалайке можно было

играть только одну эту озорную мелодию, все равно трехструночка была бы великим музыкальным инструментом. Если скрипка существует исключительно для того, чтобы изливать трагическую долю библейского народа, то без балалайки невозможно объять и осмыслить великую Русь.

– Можно, конечно, и «Собачье сердце» поставить, – покладисто согласился Чапай, – только Фурманов это произведение не шибко приветствует. Да и я, признаться, не совсем понимаю его. Странная выдумка, что-то там не по делу против крестьянства и пролетариев наших нафантазировано. Вам бы не мешало иногда с «Капиталом» хоть маленько по тексту сверяться.

– Ничего странного как раз в «Собачем сердце» и нет, – возразил писатель. – У нас ведь иные всерьез полагают, что если Шарикова посадить в рессорную тачанку, запряженную шестериком, и снабдить акциями «Промнавоза», то из него может получиться порядочный человек. И, как всегда, ошибаются. Потому что именно акции «Промнавоза» и являются визитной карточкой господина Шарикова. Случайному человеку они ни в жизнь не достанутся. Волга ведь почему впадает в Каспийское море? Ей просто некуда больше деваться. Вот так и акциям «Промнавоза» некуда больше деваться, кроме как только идти на откорм жеребьячьего племени.

Кот на плече у писателя противно мяукнул несколько раз, в знак согласия со своим знаменитым хозяином, и нежно погладил его правой лапой по голове. Странное складывалось впечатление, что это вовсе не кот при писателе, но знаменитый сочинитель прибыл в Разлив при черном коте.

– А я вот что скажу вам, товарищ Булгаков, – перешел на официальный тон Василий Иванович, – у нас здесь хотя и не дискуссионный писательский клуб, но советовал бы не увлекаться сверх меры своими фантазиями. К тому же, для соблюдения справедливости, вам следовало бы написать и вторую часть своей вызывающей книжки. Было бы честно пересадить гипофиз белогвардейца какой-нибудь бездомной дворняге и продемонстрировать, как из нее может получиться

полководец Суворов. Помяните слово мое, из этой затеи возникнет такое ничтожество – не то что кошек бездомных, даже комнатных мышей не заставишь ловить. Будет только ананасы с утра до ночи трескать и о судьбах человечества, ковыряясь полированным ногтем в носу, рассуждать.

Писательский кот обнажил в недовольстве злые клыки, при этом морда его преобразилась почти что в жабью гримасу. Чапаю даже послышалось со стороны озера мерзкое кваканье, отдаленно напоминающее обидное слово «дурак». До чего же захотелось выхватить командирскую шашку и поквитаться с ненавистным котом, чтобы до последнего дыхания помнил, как полагается вести себя в присутствии полного Георгиевского кавалера.

Еле справившись с волнами наступающего гнева, комдив настоятельно посоветовал Булгакову:

– Вы, пожалуйста, возвращайтесь потихоньку домой, а надумаем ставить спектакль – обязательно вспомним про автора.

И уже обращаясь непосредственно к денщику, добавил:

– Выведи гостя на лесную тропу, вместе с его чудесным котом.

Оставшись в тесном кругу, комдив, ординарец и Анка не стали строго судить несмышленного господина Булгакова. В самом деле, чего путного можно было ожидать от штатского шелкопера? Поэтому зарядили по полной, веселящей душу смирновочке и заголосили любимую песню Чапая, «Черный ворон». Следом зарядили, разумеется, еще и еще.

Неожиданно, без всяких видимых причин, в бессильной злобе исказилось лицо командира. Никогда, даже в самой жестокой сечи, оно не приобретало такой бледный окрас. Петька по опыту знал, что в этих приступах безумного гнева Чапай был действительно страшен и мог в одиночку подавить неприятельский эскадрон.

Не сказав никому ни слова, комдив раненым вепрем поднялся из-за стола и потянулся к древнему озеру, поившему своими целебными водами еще динозавров. Он разделся донага, грохнулся на

колени и в раздирающей душу молитве обратился к Всевышнему: «Господи! Помоги Ты наладить счастливую жизнь в нашем разлюбезном Отечестве!». Потом поднялся с колен, перекрестился и в хищном, дерзком прыжке послал свое тело в студёные воды Разлива. Только парящий высоко в небесах сокол внимательно наблюдал за россыпью шугануток ныряльщиком жаб. И озеро накрыло сосредоточенное молчание, нарушаемое только тяжёлым сопением легендарного командира.

СОДЕРЖАНИЕ:

СТР.

Глава первая	4
Глава вторая	30
Глава третья	59
Глава четвертая	84
Глава пятая	108
Глава шестая	132
Глава седьмая	156
Глава восьмая	179
Глава девятая	202
Глава десятая	223

Борис Дмитриев

НА МАРШЕ ПЯТИЛЕТОК

Киев – 2007 год.

1952 ГОД

Хорошо, когда в ночные улицы ворвется одуревший ветер. Лёгкий, стремительный, единым потоком несется вдоль мостовой. Молоденькие деревца, скорчившись под упрямым напором, из последней мочи соперничают с ним. Стройные тополя, уверенные в своей силе, лениво перебирают мускулами, сетуя на докучливую стихию. И даже старый клен, разбуженный от горьких дум внезапной свежестью, по-молодецки пересыплет кроной. На дворе ни души, но сколько жизни бушует в необузданных страстях меж стихиями и бог весть как хочется ринуться в этот кавардак!

Я стою у окна. С пятого этажа моего добротного, сталинского покроя помпезного дома видно все. Внизу, на ветру, вижу площадь – большую, роскошную, забранную в красный гранит, и может поэтому, а может еще почему названную «Красной». В строгом смысле это и не площадь вовсе, скорее парковый ансамбль, разбитый у подножия великолепного архитектурного сооружения, именуемого «Домом техники».

В былые времена с восторгом, а ныне все чаще в раздумье взираю я на это удивительное творение рук человеческих, на это художественное откровение, запечатленное в камне. Прекрасное штучное здание с колоннадами и портиками утвердилось на мощном, из красного блочного гранита цоколе, очень высоком, с колотой фактурой на лицевой стороне. По существу, это настоящий дворец, как по внешнему, так и по внутреннему убранству. При всей своей насыщенности архитектурными изысками самого решительного градостроительного сталинского стиля: скульптурными группами, символической лепниной, беседками и шпилями, – всему зданию зодчие сумели придать необычайную эстетическую легкость и элегантность. Доминируя, оно как бы парит над парковой площадью, очерченное стройностью своих монументальных силуэтов.

Дом техники, подлинный символ индустриального Донбасса, построили военнопленные немцы и начертали на его могучих стенах

крылатое напоминание Владимира Ильича о том, что «Уголь – это настоящий хлеб промышленности». Немцы трудились добросовестно, строили на века, невзирая на голод, неволю и тоску по поруганной родине.

Однако что означает «на века» в нашем разлюбезном отечестве? Когда-то во главе Красной площади, что в городе Луганске, красовалась старинная каменная церковь с престолом от святителя Николая Мирликийского. Недолго, конечно, красовалась, ибо что там ни говори, но красота – штука весьма и весьма неустойчивая. Вот стоял себе храм Божий. При храме за долгие годы образовалось просторное, густо поросшее зеленью кладбище. Там, под сенью южных акаций и кустов персидской сирени, тихо покоились мощи бывших священнослужителей и прочих почтенных горожан, удостоенных заслуженной чести быть погребенными на церковном погосте, с надеждой на долгую молитвенную память.

Старые замшелые надгробные плиты своим печальным безмолвием едва ли кому доставляли хлопот. Но вот церковь, как живое напоминание о вечности, о суде Божием, постоянно нервировала советскую власть, бесила упрямством храмовых куполов, не желавших склониться перед величием большевистских идей. До чего же портили, как смущали революционный пейзаж нелепо торчащие сквозь громадь пяtilеток кресты колоколен. Тащить за собой в коммунизм эту фабрику «опиума для народа», этот духовный бедлам было верхом легкомыслия. Зачем дурачить прогрессивные массы сомнительными упованиями на Царствие Небесное, когда и здесь, на земле, вот-вот грядет рукотворная райская жизнь? Поэтому самая гуманная и сердобольная в мире власть, со всей пролетарской прямоотой, методически применяла антирелигиозные санкции. Имея целью полностью искоренить у советских людей дремучее подозрение о своем божественном предназначении. Пуще того, на корню истребить саму надежду на возможность бессмертия человеческой души.

Никольскую церковь взорвали до войны, в развеселые тридцатые. Вот уж славные, решительные были времена! Столько извели собственного народа, столько сожгли, разрушили и осквернили

творений рук человеческих, что храмом больше, храмом меньше – это уже не имело никакого принципиального значения. Большевицкая идеология беспардонно исказила общественное сознание, изуродовала критерии здоровой морали. Люди утратили способность трезво осмысливать происходящее, разучились соизмерять цену приобретений и переживать горечь потерь.

Храм на поверку оказался хлипким, рухнул в одночасье, как поверженный всадник. После взрыва враз покрылся трещинами, завис на мгновение между небом и землей, как бы в растерянности, и пал на потеху сынам дьявола. Вздрогнула матушка-земля, глубже просели могилы наших соотечественников – то был плохой, очень недобрый знак.

В дни прошедшей войны, по освобождении Луганска, на заброшенном церковном погосте расчистили небольшую площадку и совершили братское захоронение советских воинов, сложивших головы в боях за город. Благодарные жители проводили героев в последний путь со всей подобающей, скорбной торжественностью. Над погребением возвели убранную боевыми орденами бетонную стелу. Устремленная ввысь, героическая стела монолитно крепилась на широком плоском портале со ступенчатой окантовкой, что придавало памятнику классическую стройность и монументальность. Был в его силуэте, прочно стоявшем на вольной луганской земле, запечатленный порыв в поднебесье.

Так случилось, что братская могила не вписывалась в смелые проектные задумки прогрессивно настроенных, с позволения сказать, советских зодчих. Просто никак не совмещалась с предполагаемым оптимизмом грядущего паркового ансамбля, выпячивалась, как прыщ на седалищном месте. У нас ведь всегда так: стоит затеять что-либо выдающееся, сразу же будто из-под земли вырастают препятствия, наваливаются непредвиденные сложности, только и выручает мужество партийных решений.

Высокие обкомовские придурки, верные своей революционной закваске, не моргнув глазом круто поставили вопрос об исполнении

санкций. В самом деле, какие могут быть недомолвки в преддверии небывалого в стране благоденствия. Мог ли какой-нибудь другой народ, окромя нашего, сформулировать сакраментальное «раз пошла такая пьянка, режь последний огурец»? Памятник уничтожили ночью, тайком, стерли с лица земли совершенно неожиданным образом. Никому в голову не могло прийти, что в начале пятидесятых, фактически по свежей памяти, посмеют пройтись большевистским накатом. Кто же мог так быстро догадаться, что конечная, благородная цель не нуждается в беспокойном подборе и оправдании средств?

Жизнь человеческая – субстанция неожиданная, подчас жестокая, тут уж ничего не поделаешь. Один из первых уроков жестокости был преподан мне, несомненно, в те далекие дни. Дело в том, что наши ребячьи забавы в большинстве своем проходили на одичавшем церковном погосте. Там мы устраивали «войнушки», водили «казак-разбойников». Мальчишки постарше рубали свинчаткой монету. А те, кто совсем постарше, и не только мальчишки, находили укрытие для детских забав. Но никогда, даже в запале самых азартных игр, шалости живых не посягали на покой павших воинов. Об этом специально никто не договаривался, но территория памятника была для всех неприкасаемой. Разве только очень маленькие детки да еще голуби любили ранней весной потопать на теплом бетонном помосте, радостно давая знать усопшим, что все в порядке – жизнь в городе продолжается.

Помню, отлично помню странное волнение, когда с соседским дружком Володей Милявским отправился на разведку к предполагаемым руинам. Детская фантазия, возбужденная зловещими слухами о гибели памятника, тщетно силилась извлечь из собственного мизерного опыта возможную картину разгрома. Однако надо знать виртуозность исполнителей! Вандалы сработали молниеносно, словно под взмахом крыла бесноватого иллюзиониста. К нашему приходу на месте братской могилы не было ничего, не было и в помине никаких живописных развалин. А было ровное, стыдливо присыпанное песком, пустое место. И вот это, парализующее воображение «ничего», на месте, как представлялось, таинственном и героическом, сразило

наповал наши неокрепшие души.

Тогда, после страшной войны, мы исключительно остро ощущали цену Победы. В полях еще ржавело не поднятое оружие, в городе стояли обожженные каркасы разбомбленных кирпичных домов. Еще не отгоревали вдовы и матери, еще не переставали надеяться и ждать, не принимая, не соглашаясь со списком потерь. Еще близким эхом слышится, как на этом именно месте наши отцы клянутся боевой верностью и обещают погибшим вечную память. Весь ужас детского потрясения происходил от того, что проступивший обман не находил объяснения в нашем непорочном сознании. Акцию провели настолько нагло и бесцеремонно, что мозги отказывались верить в случившееся. Впрочем, удовлетворительного объяснения этому безумству нет в моей голове и поныне, если такое объяснение в принципе возможно, без привлечения специальных, очень патологических диагнозов.

Каждому понятно, что время лукаво. Скоротечен, неудержим образ мира сего. По прошествии жизни почти любого человека остается пустое место. Но какая-то разумная память, пусть не на века, пусть в пределах благодарности одного поколения, должна же быть. Иначе любые разговоры о нравственности и гуманизме превращаются в обыкновенный, ничего не значащий фарс.

Особенно если учесть, что каждая человеческая судьба, любая доля есть испытание жесточайшее, достойное всяческого уважения и сострадания. Можно только надеяться, что Господь с поклоном самолично принимает в объятия преставившиеся души, чередой отходящие в мир иной. У Бога с людьми свои, конечно, счеты, мне же всегда хотелось попросить прощения у тех безымянных солдат, отдавших собственную жизнь за мой неблагодарный город. Что и делаю, серьезно, с глубочайшим почтением и раскаянием.

На месте братской могилы, что имела неосторожность возникнуть на Красной площади в городе Луганске, как ни в чем не бывало поставили роскошный гранитный фонтан. Живоструйный такой, брызгообильный, щедро источающий спасительную прохладу

знойными южными вечерами. В строительстве фонтана принимал участие и мой родной дядя. На своем неуклюжем автокране он устанавливал верхнюю чугунную чашу и центральное массивное жерло фонтана.

Дядя Павел – фронтовик, орденоседец, кавалер солдатской «Славы», в самом высоком, героическом смысле. Собственное боевое крещение он принял под Прохоровкой, в броневой машине, там же отдал для почина первое ранение. Последнее ранение настигло его в Чехословакии, с чем и закончил Отечественную войну.

Для тех, кто очень интересуется военной проблематикой, могу засвидетельствовать, что самым ярким фронтовым воспоминанием моего дяди были рассказы о том, как после взятия Праги он со своим экипажем двое суток очищал гусеничные траки от человеческих кишок. Вот это и есть единственно честный, подлинный итог любой войны, в том числе и последней Мировой. Но вовсе не какие-то бредовые свершения наших великих гоп-маршалов, умудрившихся притащить фашистские орды едва ли не под стены Кремля.

Справедливости ради следует заметить, что дядя Павел не испытывал отвращения к войне. Вспоминая ратные дела, глаза его наполнялись весьма азартным блеском, как будто речь шла не об убийстве людей, а о потешных баталиях. Наблюдение жестокое, но оно относится не только к моему дяде, и в этом правда. Я знал многих, отведавших ужас сражений фронтовиков, которые навсегда сохранили в себе память о прошедшей войне как самое дорогое и вожаделенное напоминание, с тайным желанием заново прожить, вторично прокрутить это жуткое кино. В целом же, потрясения от тех страшных событий оказались настолько глубокими и непреодолимыми, что никто из всамделишных фронтовиков, до конца своих дней, не научился видеть мир иначе как через призму военных воспоминаний.

Еще один родной мой дядя, Виктор, погиб за освобождение Прибалтики, под Ригой. Не берусь судить, что думают сегодня о моем близком родственнике потомки латышских стрелков, но мне грустно

от мысли, что его кости покоятся в далекой, не русской земле. Что может быть горше смерти на чужбине? Вот такая невеселая судьба. В Риге давно уже живет моя старшая сестрица Любаша. Она разыскала братскую могилу, принявшую останки нашего дяди, и добросовестно посещает ее.

Третий родной мой дядя, Саша, был летчиком, понятно, что и коммунистом. Читающий да понимает. Дядя Саша сделался во время войны инструктором. Где-то под Ташкентом готовил по ускоренной программе молодых пилотов – большей частью, в качестве живых мишеней для геринговских молодчиков. Это только шалунишка Суворов с чего-то вдруг возомнил, что воевать следует не числом, а умением. Красная армия потому и горделиво величалась «красной», что основным, непобедимым ее оружием являлась алая людская кровушка.

Трое дядьев – это все родные братья. Четвертым и самым старшим из которых был мой отец – Дмитриев Михаил Алексеевич. Папа не воевал, но он не был трусом. В предвоенном сороковом мою бабушку Ульяну, как ловко констатировали недремлющие стражи мировой революции, жену заклятого врага народа, приговорили Уральским областным судом к восьми годам лишения свободы. Мать четверых детей отправили для профилактики в пермские лагеря, так сказать, проветриться по морозцу. Папа не раздумывая подался вслед за бабушкой, чтобы быть рядом и оказывать матери посильную помощь.

Он устроился работать литейщиком на Березниковском магниевом заводе. Получал по вредной сетке неплохую зарплату, и фактически благодаря сыновьей верности бабушка осталась в живых. Завод выпускал стратегический материал для самолетостроения; и как только началась война, на папу наложили бронь. Это обстоятельство перекрыло ему дорогу на поля сражений, вопреки бесконечным хождениям в военный комиссариат.

Вот отрекомендовал родного деда заклятым врагом народа и в который раз задумался. Дед был потомственный, нет, не граф и

не барон, он был потомственный кузнец. Мой прапрадедушка Игнат много лет трудился кузнецом в имении Аксаковых, в Бугуруслане. Если кто помнит книгу «Детские годы Багрова-внука», то это и про него, вернее, про ту далекую ушедшую жизнь, в которой мой пращур принимал участие.

Игнат слыл знатным кузнецом, известным по всей округе. Нрав имел крутой, силой отличался невероятной, играючи, голыми руками укрощал самого бедового жеребца. В середине девятнадцатого века он был приглашен уральскими казаками на вольные хлеба. Хороший кузнец в казачьем быту – персона первостепенная. Подковать коня, отладить крестьянскую утварь, привести в порядок оружие – все умел дед мой Игнат. По труду, как водилось, и честь. Дедушка получил солидный земляной надел и пользовался всеми привилегиями казачьего сословия. Ему дозволялось беспрепятственно промышлять на Урале красную рыбу, охотиться на дикого зверя, запастись из леса ягодой, грибами, дровишками.

Сын Игната – а мой прадед Илья – сызмальства был приставлен к кузнечному ремеслу. Мастером он сделался необыкновенным, лучшим по всему батюшке-Уралу. Большой удачей считалось для яицкого казака заполучить шашку, сработанную в кузнице моих предков. Сына своего я назвал именем этого славного человека, вот только с ремеслом кузнечным случилась незадача. Илья прожил девяносто лет. До семидесяти пяти стоял у наковальни, без очков и без единого выпавшего зуба. Уйдя за штат по причине больных ног, Илья каждое утро загодя являлся в кузню и самостоятельно разводил горно – такова была непреодолимая тяга к ремеслу. Молодые мастера безупречно почитали хранителя вековых кузнечных секретов. В знак особого расположения, дедушке ежедневно подносили к обеду стакан житной водки. Вот так в валенках, махнув очередной стакан, старик вышел на порог кузни, вздохнул полной грудью и представил Богу душу. Чего еще желать христианину?

Сын Ильи Игнатьевича – он же мой родной дедушка Алексей – разумеется, тоже встал к наковальне и сделался кузнечным мастером высочайшего класса. По достижении срока зрелости молодого парня

женили на дочери бондаря, девушке по имени Ульяна, из Саратовской губернии. Кузнецы и бондари традиционно водили между собой крепкую дружбу, потому что настоящая дубовая бочка стягивалась набором ловко выкованных обручей.

Сплоченная трудом и церковью, супружеская чета сложилась на зависть крепко и жизнотворно, как союз бондарей с кузнецами. Отменное усердие, любовь к жизни, к родной земле позволили молодой семье за короткий срок обустроить надежный крестьянский достаток. К тому же Господь благоволил Ульяне разрешиться рождением четырех как на подбор молодцеватых парней. Рожала в поле, прямо по ходу страдных работ, без повитух и врачебных радений. И вот спрашиваю: если потомственный кузнец и дочь бондаря, одарившие отечество четырьмя сыновьями, объявляются врагами народа, то кто же тогда есть мой народ и кто его любимые, самые верные друзья? Вопрос этот, как мне представляется, до сей поры не утратил своей актуальности.

Первый раз Алексея и Ульяну брали в начале тридцатых, по доносу. Взяли на зорьке, внезапно, с револьверами наголо. Ворвались в хрустящих кожаных, изнемогали от пролетарского гнева и очень торопились. Имущество экспроприировали незамедлительно, буквально за считанные минуты опустошили зажиточный крестьянский дом. А четверых несмышленных пацанят увезли в областной центр и, вместе с другими отпрысками таких же врагов народа, заперли в Уральском кафедральном соборе. Ночью моему отцу удалось сделать под церковными дверями подкоп, и он вытащил через лаз своих из заточения. О судьбе остальных детей никто ничего не знает. Разумеется, кроме тех, кому по революционному долгу знать и исполнять очень положено.

Деда отправили строить из костей, бетона и проклятий знаменитый канал имени «Москвы». Бабушку держали в уральской тюрьме, видимо ломали голову над формулировкой пристойного обвинения, а может, гораздо проще – держали из удовольствия. Мой четырнадцатилетний папа с меньшими тремя братишками несколько месяцев прятался в балке, под Уральском. Жили тайком, в норе, как волчата,

без тепла и одежды. По ночам отец промышлял, делал набеги на посадские огороды, добывал пропитание. Несколько раз приходил ночным гостем к ближайшим родственникам, но двери ему не отворяли. Страх, животный ужас держал страну за горло. Тут уж не до жалости, не до состраданий. Через полгода бабушку неожиданно выпустили, выручила болезнь – брюшной тиф, и она отыскала своих беспризорных мальчишек.

А потом завертелись все круги энкаведешного ада. Голод, бесприютные скитания, – дом ведь никто не вернул, – и отчаянная надежда на встречу с отцом. Наивные были люди. Деда, как того требовала священная пролетарская воля, всенепременно расстреляли. В самом деле, где ж это видано, чтобы с кузнечным рылом и прямым в коммунизм? Чуть погода, как нетрудно догадаться, за бабушку принялись снова и таки пристроили валить тайгу на целых восемь лет, дабы никто не сомневался, что большевики взяли власть всерьез и надолго. Вот в таком интересном положении батяня мой, светлой памяти Михаил Алексеевич, девятнадцатого года рождения, встретил Великую Отечественную.

По молодости лет, по простоте душевной, я долго не мог подобрать разумного объяснения: для чего понадобилось советской власти убивать моего дедушку, деревенского кузнеца? Не просто безвредного для страны мужика, но представителя общественного слоя, который являлся стеновым хребтом Российской империи. Иначе как безумием подобное отношение к собственному народу не назовешь, к тому же оно с неизбежностью вело к катастрофе бесноватого режима. Теперь-то я хорошо понимаю, что фундаментальная, корневая суть любой революции покоится на бесконечно разнообразных формах и методах унижения, оскорбления и уничтожения людей.

Всякой революции предшествует оригинальное разделение общества на людей хороших и не очень. Далее, в соответствии со здравым рассуждением, выстраивается замечательных логический ряд: если избавиться от плохих людей, то останутся только хорошие, самые любезные экземпляры и общественная жизнь чудесным образом приобретет благодное и приветливое оформление. По какому

признаку разделять людей на плохих и хороших – не имеет принципиальной разницы. Можно делить по цветам, на голубых и апельсиновых, можно делить на тех, кто при серпе и молоте, против тех, кто при шпаге и фермуарах. Поддержка массовки и народный энтузиазм всегда обеспечены, поскольку обретает положительное разрешение сакраментальный вопрос: «Кто виноват?». Результат же, тем не менее, оказывается одинаково разрушительным и подлым.

Самым большим заблуждением всевозможных революционеров во все времена была и остается их наивная уверенность, будто они в состоянии чем-то управлять, придавать общественным процессам разумное целеполагание. Когда большевики запускали в действие механизм по наведению порядка на предмет плохих и хороших людей, они свято верили в полную подконтрольность этого благородного начинания. Разумеется, на первых парах, моего родного деда, деревенского кузнеца, верные ленинцы причисляли к категории хороших, самых лучших людей в стране Советов. От князей и графинюшек следовало избавляться срочным порядком – это же ясно как небесная синь. И за дело принялись рьяно, исключительно добросовестно.

Процесс начал набирать обороты, люди освоились с нужными профессиями, вошли во вкус, ощутили важность, значимость подобной экстравагантной работы, но как на грех князей и графинюшек критическим образом стало недоставать. Однако процесс есть процесс, он своенравен, его за здорово живешь не заглушить. Поэтому в дело пошел с неизбежностью разночинный люд. За графьями потянулось купечество, потом вшивая интеллигенция, пока, наконец, не заработал во всю мощь, во весь охват принцип домино. Он захлестнул страну Советов, докатился до ребят при серпе и молоте, которые, собственно говоря, и затеяли всю эту кутерьму.

На поверку оказалось, что, когда азартный революционный маховик набирает полный ход, первичное разделение людей на плохих и хороших приобретает абсолютно непредсказуемую конфигурацию. Закономерным остается лишь то, что революция обязательно возвращается к своим истокам и спрашивает с застрельщиков по полной

программе. Не случайно последний автограф многих выдающихся революционеров запечатлен кровавым росчерком на глянцевых ножах отвесной гильотины.

Я, как говорится, свечку не держал, но нутром чую, что больше всего мечталось заполучить от большевиков дармовой землицы тем работающим крестьянам, которых впоследствии объявили кулаками, то есть наиболее крепким, способным к самостоятельному труду хлеборобам. К таковым относился и мой родной дед Алексей. Косой трепаться не станет, землю от Ильича стриженные в скобку несмышлениши, безусловно, получили. Но, как требуют законы революционного жанра, исключительно для того, чтобы своим неистовым трудолюбием возродить экономику страны, укрепить Советскую власть, а затем торжественно отчитаться перед товарищем маузером. А кабы мой наивный дедуся не разевал варезку на чужое добро, но пребывал в твердом стоянии, что только честный труд на собственной земле способен обеспечить счастье и благополучие добропорядочному человеку, то жил бы себе припеваючи до скончания Богом отпущенных дней.

Будущие мои родители впервые увидели друг друга в Березниках, в барачной умывальной комнате. Папа был необычайно музыкален и элегантен. Он имел прекрасный голос, великолепно танцевал и всю жизнь бредил театром. Некоторое время даже служил Мельпомене. В Актюбинске, скрываясь от «доброжелателей», работал в областном драматическом театре монтером-осветителем. Пару раз оказывался на сцене, на подхвате, взамен не в меру выпивших артистов. Вспоминал об этом в шутовском тоне, но забыть ведь не мог.

Когда моя мама, субтильная, задорная, с полотенцем наперевес и брусом солдатского мыла в руках, вошла в умывальню барачных апартаментов, папа самозабвенно распевал неаполитанскую песню: «Скажите, девушки, подружке вашей».

«Ну что тут за соловей объявился?» – были первые слова моей матушки. Соловей, не прервав своей сладостной песни, влюбился. Однажды и навсегда, как полагается благородному человеку.

В Березниках мама оказалась в эвакуации. Моя вторая бабушка, Ксения, родом из-под старинного русского города Ельца, гонимая накатом войны, со своей молоденькой дочерью Тamarой (моей будущей мамой) и меньшим сыном Валентином, коротала лихолетье в предгорьях Урала. Дедушки не было. В свое время, окончив Воронежский сельскохозяйственный институт, дедушка Георгий служил крупным специалистом на бескрайних просторах Поволжья. Много ездил, занимался подъемом сельского хозяйства после страшного голода, унесшего миллионы крестьянских жизней. В одной из поездок крепко застудился, заболел воспалением легких и сгорел за считанные дни. Бабушка овдовела, навсегда сохранив верность единственному избраннику. До конца своих дней оставалась жить с моей мамой и сделалась ангелом-хранителем уже нашего семейного очага. Неотлучно держала при себе свадебный образ «Знамение Божией Матери» и пару венчальных свечей, с которыми отправилась на исповедание к прародителям.

Жизнь людей устроена таким образом, что, что бы ни происходило во внешнем мире, какие бы страсти ни полыхали вокруг, всегда остается нечто личное и часто самое важное, позволяющее преодолеть любые трудности и испытания. Война, понятное дело, занятие не из легких, и сталинские экзекуции вовсе не праздник прилета скворцов, но люди, тем не менее, и в этих жесточайших условиях хранили залог будущей жизни. Они влюблялись, назначали свидания, строили планы на грядущее и создавали новые, радующиеся своему голубиному счастью семьи.

В сорок четвертом мои родители справили свадьбу. По военному времени: с ведром вареной картошки на весь промерзший барак. Удобства, питание, одежда – все было на уровне военных лет, поэтому очень скоро оба заболели туберкулезом. Болезнь протекала тяжело, врачи рекомендовали немедленно покинуть Урал. Бабушка Ульяна к тому времени применилась выживать в условиях Гулага. Она стала работать в швейной бригаде по изготовлению лагерной же верхней и нижней одежды. Шить ватные штаны и бушлаты было несравненно комфортней, нежели валить вековую тайгу.

Тогда отец принял волевое решение и уехал с семьей в теплые края, на восстановление Донбасса. Народ там к концу войны подобрался пестрый, прямо по Ною – всякой твари по паре. Что могло быть желанней для уцелевшего отпрыска врага народа, только и ищущего возможности затеряться в трудовых массовках, ухлыстнуть подальше от бдительного ока вождей? К тому же степной сухой климат Донбасса сулил надежду на скорое исцеление.

Есть на луганщине небольшой шахтерский город с веселым названием Красный Луч, вот туда и занесла нелегкая моих молодых родителей. Все в этом мире существует как связь времен и явлений, – наверное, были и какие-то тайные причины оказаться им на самом востоке Украины, где тесно переплелись судьбы украинского и русского народа да еще десятков разношерстных национальных мастей. Здесь, на далеко просматривающейся, открытой многим ветрам земле и назначило провидение увидеть мне свет Божий. Аскетически суровым, скупым и сдержанным был тот кряжистый, со степным покрытием край, хранивший в своих недрах солнечный шахтерский камень.

Мое первое воспоминание о себе запечатлелось и отложилось необычайно рано. Как сейчас вижу осенний приусадебный сад, маму, гуляющую с подружкой по саду, и отчаянный детский крик. Это мама отлучает меня от груди, обмазав ее перцем. Мама, милая моя мама, сыну твоему уготована такая нелегкая стезя, и зачем ты торопишься познакомить меня с болью, с обманом? Конечно, не со зла, конечно, по недомыслию, но такие вот серьезные нравы бытовали у нашего добродушного народа.

Еще помню себя стоящим на околице, маленьким, очень маленьким, года в полтора, не более. И даль, бесконечно нарастающий донецкий ландшафт. В памяти крепко засело неутолимое желание понять, объять эту даль и меня в ней, на земле и в небесах. По пронзительности и эмоциональности, по контрасту пробуждающегося сознания, это самое яркое воспоминание из всего калейдоскопа прожитых дней. Знаю, предвижу наперед, что именно в эту широкую панорамную даль и отлетит в конце пути освобожденное сознание.

Тогда отец принял волевое решение и уехал с семьей в теплые края, на восстановление Донбасса. Народ там к концу войны подобрался пестрый, прямо по Ною – всякой твари по паре. Что могло быть желанней для уцелевшего отпрыска врага народа, только и ищущего возможности затеряться в трудовых массовках, ухлыстнуть подальше от бдительного ока вождей? К тому же степной сухой климат Донбасса сулил надежду на скорое исцеление.

Есть на луганщине небольшой шахтерский город с веселым названием Красный Луч, вот туда и занесла нелегкая моих молодых родителей. Все в этом мире существует как связь времен и явлений, – наверное, были и какие-то тайные причины оказаться им на самом востоке Украины, где тесно переплелись судьбы украинского и русского народа да еще десятков разношерстных национальных мастей. Здесь, на далеко просматривающейся, открытой многим ветрам земле и назначило провидение увидеть мне свет Божий. Аскетически суровым, скупым и сдержанным был тот кряжистый, со степным покрытием край, хранивший в своих недрах солнечный шахтерский камень.

Мое первое воспоминание о себе запечатлелось и отложилось необычайно рано. Как сейчас вижу осенний приусадебный сад, маму, гуляющую с подружкой по саду, и отчаянный детский крик. Это мама отлучает меня от груди, обмазав ее перцем. Мама, милая моя мама, сыну твоему уготована такая нелегкая стезя, и зачем ты торопишься познакомить меня с болью, с обманом? Конечно, не со зла, конечно, по недомыслию, но такие вот серьезные нравы бытовали у нашего добродушного народа.

Еще помню себя стоящим на околице, маленьким, очень маленьким, года в полтора, не более. И даль, бесконечно нарастающий донецкий ландшафт. В памяти крепко засело неутолимое желание понять, объять эту даль и меня в ней, на земле и в небесах. По пронзительности и эмоциональности, по контрасту пробуждающегося сознания, это самое яркое воспоминание из всего калейдоскопа прожитых дней. Знаю, предвижу наперед, что именно в эту широкую панорамную даль и отлетит в конце пути освобожденное сознание.

Когда вернулась из заключения бабушка Ульяна, мне было всего лишь два годика. Она приехала высокая, прямая, в коричневой фуфайке и коричневых же чулках, с большим деревянным чемоданом в руке. Коричневая фуфайка, да будет вам известно, совсем не пустяк, это особый лагерный шик – ведь все ходили в обезличенных серых. Тут же, снимите-ка шляпу, персона!

У всякого, даже малоприметного человека живет острое осознание своей неповторимости, своей персональной исключительности. Ни за что не соглашусь, будто Чайковский слышал, а Сезанн видел мир точно таким же, как я, как все остальные люди. Это, конечно, высочайшие индивидуальности, но ведь и каждый человек воспринимает внешний мир по-своему, наблюдает собственную картинку на волшебном экране вселенского синематографа. Хотя бы потому, что себя-то видит в заглавной роли этого грандиозного сериала, во имя которого вроде бы и вертится все цветное кино.

Блажен, мучительно счастлив человек, которому Господь положил заявить о своей индивидуальности через какой-либо небесный дар, будь то талант художника, мыслителя или поэта. Но если ничего подобного не случилось, не наделило провидение ярким дарованием, изыскиваются более прозаические средства для отстаивания своей исключительности, своей претензии на заглавную роль. Коричневые фуфайки, деньги, власть – это все из одного ряда, от неистребимого желания выделиться из сонма себе подобных, не затеряться в презренных массовках. Но тщетны упования, зыбка надежда. Пара тактов из Лунной сонаты Бетховена навеки решают проблему его узнаваемости. Сонату никому не присвоить, не купить, не отнять, и ничего нельзя изменить, вот где собака зарыта. А потому фуфайку хочется все коричневее, денег все больше и власти без конца и края, до тошноты, до умопомрачения.

В сорок восьмом году все большое семейство Дмитриевых полным составом обосновалось в Красном Луче. Жили тремя дворами, на частных квартирах. Бывший танкист дядя Павел, по-холостяцки, жил вместе с бабушкой Ульяной, то есть со своей матерью. Это и его имели в виду, сочиняя шахтерский шлягер, как «в забой отправился

парень молодой». Из Ташкента, с женой и двумя дочерьми, приехал дядя Саша. Летательные устремления моего дядюшки-икара почему-то родину перестали интересовать, и он срочным порядком переквалифицировался в дорожно-строительные мастера. А мой батя не раз еще помянет «не злым, тихим словом» среднего брата, разбивая собственный автомобиль на бесконечных ухабах по-советски исполненного асфальтного бездорожья Ворошиловград – Красный Луч.

Наша семья разрослась до шести человек. Папа, мама, бабушка Ксения, старшая сестра Любовь, младшая сестрица Людмила и я. В стране лютовала послевоенная разруха, голодно и холодно жили победители. Бабушка Ульяна зорко осмотрелась кругом, оценила обстановку и велела каждой невестке купить по зингеровской швейной машине, с тем чтобы обучить их шить на продажу всевозможные трусы, бюстгалтеры, школьные воротнички и манжетки. Обескровленная страна испытывала нужду во всем. Железная бабушкина воля, ее неисчерпаемое трудолюбие взбодрили и организовали сложный семейный ансамбль. Кто-то шил, кто-то ходил на базар торговать, появились оборотные средства, и жизнь, как в исправном часовом механизме, начала приобретать предсказуемость и надежность.

Не прошло много времени, и Красный Луч признал дружное семейство уральцев Дмитриевых. Бабушка Ульяна, своей царственной поступью, с запахом здорового женского тела, ходила по воскресной толкучке, встречалась с перекупщиками, снабжала людей товаром, сама запасалась мануфактурой. В то время базары буквально кишели человеческими обрубками. Десятки никому не нужных, покалеченных войной людей отирались на городских вокзалах и воскресных толкучках. У бабушки всегда был припасен особый денежный фонд на подаяние милостыней. Не припомню случая, чтобы она прошла мимо убогого, обделив своим состраданием. Происходило это, скорее всего, от собственной боли и горечи личных потерь. Дочь свою я назвал именем этой славной бабушки, в надежде, что она проживет достойную жизнь, верную памяти своих предков, которые с упованием взирают на нас из своего чудного далека.

По воскресеньям, после торгов, неизменным образом затевались пельмени. Бабушка решала в чьем доме устраивать большой семейный обед. Пельмени лепили все вместе, в белых передниках и белых косынках, в таких же свежих, как мясо, мука и руки стряпчих. Пельменей делали много, обильно, вкусно необыкновенно и всегда с сюрпризом. В один из пельменей заворачивали соль или пуговицу, для потехи. Застолье продолжалось долго, ели и пили не торопясь, шутили, вспоминали былое и, конечно, как все здоровые счастливые люди, мечтали о будущем. А потом пели под баян песни. Дядя Саша виртуозно владел что гитарой, что баяном. У всех братьев были фантастические голоса. Пели до того заразительно, что у калитки собирались толпы зевак, – мощно, с полной отдачей, как будто последний в жизни раз, и все больше про Байкал, про Россию, про бабушку-Урал.

Другая моя бабушка, по материнской линии, которую величали Ксения Афанасьевна, была прямой противоположностью Ульяне Исааковне. Она вела внешне неприметную, но полную забот и трудов праведных жизнь. На ней держался весь дом. Семья была большая, но бабушка Ксения незаметно умудрялась всех обстирывать, окормливать, за всеми прибирать, и все строчила до глубокой ночи бесконечные трусы, воротнички, бюстгальтеры. Хотите верьте, хотите нет, но почти за полвека совместной жизни я ни разу не видел бабушку в гневе, наверное за это Господь даровал ей долгую, покойную жизнь.

Отец, на первых порах, шоферил. Был такой, испытанный на фронтовых распутьях чудо-грузовик «пятый Урал-ЗИС», с квадратным деревянным кузовом и такой же ящикоподобной кабиной. Все машины той поры вид имели угрюмый. Ездили с противным трансмиссионным подвыванием и очень неохотно. Обыкновенно водитель стоял раскорякой перед радиатором своего упряма и остервенело ворочал заводную рукоять. Потом внезапно заскакивал в кабину и чего-то там смыкал, понукая крепкими словами бензинового коня.

Денежный достаток мало-помалу начал сказываться на положении отца в обществе. Каким-то замысловатым образом он сделался сотрудником комбината «Краснолущуголь». Работал в отделе техснаба и был ключевой фигурой, с семиклассным своим образованием.

Папе предоставили казенную квартиру рядом с комбинатом, по улице Водопроводной, ведь до этого мы жили на частной, возле базара. Это был двухэтажный, в два подъезда, отштукатуренный дом. Нас поселили на первом этаже. Дом стоял на возвышенности, с которой хорошо просматривался весь Красный Луч. Внизу, под нами, располагалась действующая шахта. Мне доставляло несказанное удовольствие наблюдать по вечерам ползущие по откосу террикона груженные вагонетки, помеченные электрическими огнями. Возникало ощущение пульса трудовой страны, ибо я уже понимал, что эти медленнодвигающиеся вагонетки всего лишь малая часть сложной работы, которую делают мужественные люди глубоко под землей. И больше всего на свете хотелось стать большим, чтобы явиться к маме в шахтерской робе и обязательно с таким же черным лицом и руками, как у настоящих забойщиков, и со светящейся лампой во лбу.

Если папа не был в командировке, обязательно приходил на обед домой. Любил горячий борщ, с добрым куском говядины и непременно свежайшей мозговой костью. Всегда выкраивал пару минут для текущих домашних забот. Успевал починить табуретку или отладить оранжевый абажур, если на вечер намечалось лото.

За большой овальный стол садились все вместе, взрослые и дети. Играли азартно, невзирая на лица. Любимые карты, личные накрывашки, жаргон «кричащего», у каждого свои, особенные. Когда цифра семь, то обязательно «армянский нос», если одиннадцать – «барабанные палочки», двадцать два – «уточки», девяносто – «дед», потому что восемьдесят – это «баба», и так почти по любому поводу. С каким восторгом, полным торжества и надежды, объявлялось партнерам: «квартира». Это означало, что на одной карточной строке выстроился неполный ряд и судьбу кона могло решить заветное число. Поэтому доставать из мешочка следовало очень осторожно, тщательно перемешивая и только по одному бочонку. Господи, до чего же было все это уютно и мило, как, наверное, повторяется только в раю.

Незабываемо приятные хлопоты наполняли дом в предновогодние дни. На самом деле, все начиналось с осени, когда папа вырезал из плотного листа фанеры большую звезду, настоящую

копию ордена Победы. Приходя домой на обед, он успевал выпилить несколько двухкопеечных дырочек, в которые позже будут вставляться электрические лампочки. Их много, по всему периметру звезды. Внутри надпись, также из дырочек: «1952 год». Папа покрасит лампочки в нарядные цвета, перепаяет их. Соберет из разноцветных огней гирлянды для освещения новогодней елки. И по вечерам, задолго до праздника, будет включать в розетку всю эту замысловатую иллюминацию, заново перепаяивать, перекрашивать, подбирать оптимальные сочетания.

Ближе к первому января настанет и наш черед. Мама достанет из шкафа цветную бумагу, канцелярский клей, и мы примемся мастерить елочные украшения. Любаша знает толк в зверушках, моя задача изготовить длинные, на весь обхват широкой елки красивые цепи, а меньшая сестренка нарежет и соберет гирлянды из маленьких разноцветных флажков. Знаем заранее, что в Деда Мороза облачится дядя Павел, – он самый веселый и добрый, а еще он мой крестный. Догадываемся о содержании подарков, доставленных будто из заснеженного соснового леса. Но ничего не делается понарошку, все от мала до велика настроены серьезно, без лукавства. Удивительно вспомнить, как послевоенный народ наш был открыт для вкушения любых, даже самых наивных, радостей.

И вот наступил, в звезду оправленный, пятьдесят второй год. Год выжидательный, полный тревог. Страна нутром чуяла закатные дни великого кормчего. Чуял и вождь настигающее в затылок дыхание старухи с косой, стремительно дряхлел, понимал всю беспомощность медицины и за это мстил врачам – жестоко, беспощадно. На дальних подступах он сделался уже не опасен, за отсутствием широкого энтузиазма, но кремлевская, да и обкомовская верховная сволочь переживала тревожные, душененавистные дни.

Непредсказуемо мрачным появлялся в этот год Сталин, никто не мог знать, что творится в его угасающей топке дьявольских интриг и затей. Как распознать, чья физиономия вдруг подвернется некстати и вызовет нечаянный гнев, с неминуемо разрешенными последствиями. Соратники, под всякими предложениями, избегали встреч,

сторонились хереющего на глазах гения. Все чаще сказывались больными, искали повода для неотложных командировок, с головой накрывались видимостью не терпящих отлагательств государственных дел, и все труднее делалось заманить кого-либо хоть на ближнюю, хоть на загородную дачу. Он видел все, запоминал каждое предательство, каждую подлость, в надежде подобраться с силенками и в который раз продемонстрировать мерзавцам, кто в доме хозяин.

Но самое тревожное – никто не боролся за власть. От вождя шарахались как от зачумленного. Все понимали, что человек, принявший власть непосредственно из окровавленных рук товарища Сталина, обречен. Уже становилось понятным, что страна обязательно спросит, потребует ответа от верных и не очень завязтых ленинцев. Вопрос заключался лишь в том, спросит действительно или сделает вид, в мягком режиме прокатится на тормозах. С другой стороны, вся околосталинская псарня изготовилась к предстоящему смертельному гону. Потому что сначала сухой щелчок арапника, за ним долгожданное «Ату его!» – и тогда уж пощады не жди, тут тебе ни понятых, ни свидетелей.

В пятьдесят втором меня, с неполными шестью годами, отправили в школу. К тому времени я свободно читал, писал, арифметничал, и дожидаться исполнения необходимых семи лет не имело видимого смысла. Специально моим ранним развитием, конечно, никто не занимался. Разве только бабушка Ксения, постоянно читавшая по вечерам для детей хорошие книжки. Но училась старшая сестра Любаша, и я, между делом, подучивался вместе с ней, заглядывая в букварь через плечо. Школьная учительница жила по соседству и, что называется, не чаяла во мне души. Под влиянием ее активных уговоров родители согласились отвести меня в первый класс. Однако возраст был мал, школа отапливалась печью из рук вон плохо, и я в зиму крепко захворал, застудил уши. Папа прекратил эксперимент с вундеркиндом до следующего года.

НАША СЕМЬЯ В 1951 ГОДУ

ФОНТАН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

ДОМ ТЕХНИКИ

1953 ГОД

Право же, одному небу известно, как оно было на самом деле. То ли пятьдесят третий пришел, чтобы окочился Сталин. То ли вождь дал дуба, чтобы грянул пятьдесят третий. Но он наступил, мартом припечатал страну к роковому пределу. Голос Левитана в черных репродукторных тарелках предвещал конец света. Ощущение всеобщего горя грозило разрастись до масштабов вселенской катастрофы.

Папа явился на обед очень сосредоточенным, снял со стены картонный портрет генералиссимуса и стал наводить под линейку цветными карандашами красно-черную рамочку. Несколько раз подправлял печальный антураж, никак не находил ни себе, ни портрету подходящего места, все метался с ним по квартире, примеряясь к наиболее значительным ракурсам. У меня было такое впечатление, что он горевал неподдельно. Как, почему, после всех своих мытарств и лишений? До сих пор не возьму в толк.

Но пришла бабушка Ульяна и спокойно сказала: «Кончилась, сволочь». С мамой чуть было не приключился удар. Бабушка ненавидела Советскую власть, со всеми ее вождями, большими и малыми, такой душераздирающей злобой, что для внешнего проявления уже не оставалось никаких человеческих сил. Ненавидела молча, непоколебимо, насмерть, как статуя Свободы. Можно только догадываться, сколько горя, какую боль и обиду пронесла через жизнь моя незабвенная бабушка, если даже смерть главаря не принесла облегчения. Обида проистекала не только от ужаса страданий и невосполнимости потерь, но, прежде всего, от вопиющей несправедливости, от абсолютной несоразмерности невообразимо диких обвинений и наказаний.

Дело было ранней весной. Возле комбината кучковались серыми призраками потерявшиеся соотечественники. По всему видно было, что произошло нечто непоправимое и вот-вот отверзнутся хляби небесные. Никто не знал, как следует вести себя перед концом света, что можно и нужно делать с этим несчастьем, ведь и не делать

ничего было смерти подобно. Многие боялись идти домой, чтобы там в одиночку не сотворить чего непотребного. И не было никакой надежды, и помощи ждать неоткуда. Полнейшая растерянность парализовала, накрыла оцепеневшую страну.

Обыкновенно, мы лукаво персонифицируем историю, особенно в части ее кровавых, постыдных страниц. Народ ведь не располагает коллективным мужеством, позволяющим во всеуслышание заявить: это мы, советское падло, своими собственными зубами растерзали лучших сынов и дочерей, на этом настаиваю категорически, нашего бесноватого отечества. Подобного мужества недостает, поэтому возникает потребность назначить подходящего козла отпущения, то бишь тирана, который за все в ответе. Удобно чрезвычайно, без лишних вопросов и ненужных затей по разборке полетов. Кто стрелял? А никто не стрелял. Кто издевался, допрашивал, грабил? А никто никого не допрашивал. Сталин – козырь неубиенный, джокер на все времена. Мы ведь народ подневольный – серенький, маленький. Положим, и хищненький, положим – зубастенький, но нас не видать, не слышать и не сметь ворошить потаенного.

Образ Сталина-тирана более всего устраивает затихарившихся палачей, у которых руки по уши в крови. Всякие разглагольствования о культе, о порочной идеологии – чушь собачья. Конкретные убийства совершали не во имя великих идей, и почти никогда – по личной указке товарища Сталина. Мудрый Коба просто не мешал другим активно заниматься самовыражением. Несказанное наслаждение испытывает безбожный человек от насилия над себе подобным, пуще того, когда сам становится причиной чужих страданий. Попранный стыд – вот настоящий мотив любых преступлений. Совесть, мораль – это все от Бога. Это непереносимое для животного человеческого естества насилие свыше всегда подспудно манит освобождением.

И потом, какое дело мне лично до товарища Сталина, если я точно знаю кто донес на моих. Фамилия их Витюковы. Бог шельму метит, нехорошее занятие предаваться злорадству, но сын этих мерзавцев пришел с фронта слепым. А ведь были и те, кто по ночам арестовывал, кто-то допрашивал бабушку с дедушкой, да с какой

фантазией, с каким пристрастием. Не простое это дело – раздуть скромную персону деревенского кузнеца до масштабов врага народа, пособника агрессивных вражеских разведок. А кто-то еще и собственноручно стрелял в моего беззащитного деда. Причем знал наверняка, что перед ним никакой не шпион, не белогвардеец, не диверсант, а обыкновенный сельский мужик, так и не верящий до последнего дыхания, что все эти дикие обвинения предъявляются всерьез и последствия возымеют самые грозные.

Не могу без возмущения наблюдать демагогию нынешних властей относительно фигурантов тех жутких событий. Что толку посыпать голову пеплом над памятью усопших? Истинное покаяние состоит не в том, чтобы вспоминать миллионы безвинно погибших. Гораздо важнее для здоровья общества поименно перечислить всех надзирателей, палачей, стукачей, чьими стараниями совершались людоедские злодеяния. Чтобы жег позор до седьмого колена.

И не надо рассказывать, что дети не отвечают за своих родителей. Отвечают, да еще и как, только вот все больше с нашей стороны. Могу привести длиннющий список престижных учебных и служебных заведений, не самых элитарных, дорога в которые нам была заказана по факту самого рождения и где неплохо устраивались и благополучно пребывают и поныне отпрыски палачей, без усталости тыкающие в усатую морду расшалившегося семинариста.

Если дети имеют моральное право наследовать материальное достояние своих родителей, то они просто обязаны наследовать ответственность за совершенные преступления своих распоясавшихся предков. Конечно, для этого нужна порядочная власть, которой стыдно будет кривляться, стыдно лицемерить и манипулировать общественным сознанием. Правда, и ничего кроме правды, – вот единственно возможная мера вещей, все остальное – от лукавого. Как заметил один наш умнейший писатель, «Правду говорить легко и приятно». Хотя подозреваю, что на предмет слушанья правды могут быть и другие мнения.

В дни моей младости, был в большой чести забавный такой

суперидеологический групповой портрет, с четырьмя смотрящими вдаль священными идолами – от Карла Маркса до Сталина. Гривы, лысины, усы, бороды – все в ряд, единым порывом устремлены в светлое будущее. Эту портретную галерею свободно можно разворачивать, как тульскую гармонь, в любую сторону. Хотите от Карла Маркса? Извольте: Фурье, Сен-Симон, Жан-Жак Руссо, Кампанелла, – и так без конца и края, насколько достанет эрудиции. Желаете в другую сторону, будьте уверены: свято место пусто не бывает. Иосиф Джугашвили, временно конечно, оказался в этом ряду крайним. Ему и шишки все. Но дайте срок, хамская, сумасбродная идея осчастливить всех скопом, по точно выверенному плану, непременно возобладает, да с такой еще яростью, что дух перехватит.

А все оттого, что у нормального человека может быть в жизни только одна серьезная задача – это спасение собственной души, то есть приведение ее к состоянию горнего безмятежья. К тому единственно прекрасному и блаженному состоянию, которое дарует ощущение счастья вечного. Как только человек начинает заниматься устройством чьего-либо счастья, а то и вовсе организацией счастья всего человечества, он неминуемо оказывается в сетях дьявола.

Дьявольщина – это порождение порочного общественного сознания. Ветхий наш человек Адам благополучно пребывал в раю, доколе оставался сам. В Библии до обидного скупко написано – Ева ли виновата в том, что поддалась искушению змия, Бог ли сыграл нехорошую шутку, насадив в эдемском саду запретное дерево, и был ли то всамделишный рай, когда в нем существовали запреты? Складывается впечатление, что бедолага Адам, войдя в общественные отношения, что называется, связался на свою голову.

Иногда на свет Божий появляются люди, наделенные исключительными дарованиями. Из них вырастают выдающиеся мыслители, музыканты, поэты. Яркий композиторский талант позволяет художнику улавливать и воспроизводить никому неведанную доселе музыкальную ткань. Неизвестно, существовала ли шестая симфония Чайковского в сокровенных глубинах Вселенной задолго до того, как Петр Ильич извлек и озвучил ее. Подобно тому, как закон Архимеда

всегда существовал в природе вещей. Или шестая симфония является исключительно выражением собственной фантазии художника, продуктом его творческого самовыражения? Но в любом случае, носитель такого удивительного таланта абсолютно богоподобен, потому что реально участвует в сотворении мира, являя на белый свет нечто доселе неслыханное, людям неведанное.

Когда мы читаем в Библии, что Человек сотворен по образу и подобию Божию, надо хорошо разумать – это говорится об избранниках Божиих, способных сделаться сопричастными к трудам на поприще сотворения мира. Кстати сказать, в первоисточниках первый стих книги Бытие, по смысловой нагрузке, принципиально отличается от современных текстов. Сейчас пишут: «В начале Бог сотворил небо и землю». Между тем на древнееврейском сообщали много мудрее: «В начале Бог сотворяет небо и землю». Понятие «сотворяет» имеет непреходящее значение, оно четко указывает, что процесс сотворения мира никогда не оканчивается, это постоянно действующий, живой божественный акт. Люди, принимающие участие в таинстве преобразования мироздания, действительно отмечены знаками образа и подобия Божия, ибо и они, вместе с Отцом своим небесным, постоянно сотворяют, созидают мир Божий, преобразуют его.

Иногда рождаются люди, наделенные исключительным даром ощущать потаенную суть мироздания, его богоодухотворенность. Из таких людей вырастают великие пророки, святители, праведники. Они сияют в веках призывом к благочестию для людей, томящихся горением вышнего духа, и стоят живым укором для тех, кто не способен улавливать божественную гармонию мироздания. Виноват ли человек в том, что не воспринимает музыку Баха, плохо рисует, не пишет стихов, не испытывает религиозных восторгов? Нет, наверное, не виноват. Почему так бывает, не знает никто, и это все тайны проведения Божия.

Остается совсем немного времени, когда все наши великие предшественники будут вызваны из небытия, чтобы вместе с Мессией подытожить сей утомленный лунным сиянием мир. И тогда обнаружится ошибка фараонов, которые легкомысленно рассчитывали, с

помощью сохранения плоти и с использованием труда сотен тысяч подневольных людей обрести желанное бессмертие. Залог вечности, счастье горнее, несомненно, даны человеку, но они вовсе не в примитивном сбережении тварного естества – они в делах, в результатах прожитых наших дней.

Большим заблуждением является упование моих современников, будто развивающиеся биотехнологии в скором времени помогут воссоздавать ушедшие персонажи по их бранным останкам. Подлинный генетический код человека не имеет никакого отношения к говядине. Одухотворенный Пушкинский стих, палитра Ван Гога, пируэт Улановой – вот настоящий живой ключ к воссозданию бессмертных людей, и они обязательно явятся еще раз в этом мире, во всем своем могуществе и великолепии. Вспомните заветное игольное ушко, о котором поведал Христос и в которое с черного хода пытаются прорваться толпы никчемных людей. Никому не удастся протащить сквозь волшебное ушко свое сытое брюхо. Только слава подвижников духа беспрепятственно минует заветный рубеж и будет порукой их бессмертного воплощения.

Все талантливые люди ведут сосредоточенную, с большим внутренним содержанием жизнь. Действительный дар Божий требует огромных усилий по его обслуживанию, когда практически не остается ни времени, ни сил для каких-то побочных интересов. Но иногда выпадают на наши головы беспокойные ребята, которым вдруг начинает казаться, что они пришли в этот мир, чтобы улучшить, сделать его идеально совершенным. Правильно устроить течение рек, течение жизней, наполнить их правильным содержанием в соответствии с некоторым очень мудрым учением. На таких людей в обществе не бывает спроса, их никто не ищет, не ждет, не заказывает; они размножаются самосевом, как чертополох, и важно величают себя высокими государственными или политическими деятелями.

Человечество в целом не становится со временем лучше или хуже. Люди были всегда такими, как есть, какими их сотворил Господь, поэтому живут и действуют по законам, отвечающим их натуральной природе. Из этого, прежде всего, следует, что цивилизация, несмотря

ни на какие сумасбродства бесконечных вождей, реформаторов и прочих государственных деятелей, упрямо продвигается к месту своего назначения.

Хорошо, когда выдающийся общественный муж в меру придурковат и не очень настойчив, – тогда дело обходится кукурузой, иконостасом из подметных наград, перестройкой. А когда возникают личности масштабов Гитлера или Сталина, с огромным умом, амбициями, волей, да еще с темпераментом каких-нибудь кавказских кондиций, тогда держись, ну просто хоть святых заноси, тогда неминуема перековка людей, со всеми тяжкими, ведь дело это горячее. Такие экземпляры опасны своей последовательностью; они знают, что, не изменив, не переиначив природу людей, ничего в этом мире изменить невозможно. Но ведь не то чтобы переделать, а и волосы на голове все сочтены, как утверждает Священное писание.

Есть в биографии товарища Сталина одна общеизвестная, но по-настоящему недооцененная, непрочитанная страничка. Я имею в виду годы его семинарской учебы. Это только простакам чудится, что между священниками и большевиками нет ничего общего, будто они огонь и вода. На самом деле, между ними существует железная связь, прочная, принципиальная. Священники, так же как и большевики, знают ответы на все вопросы. У этих людей не бывает сомнений, им известно все, по любому поводу, на любой случай жизни.

Не стоит заблуждаться, будто священниками становятся симпатичные парни, которые сильно, до невтерпеж, поверили в Бога. Батюшками, как правило, становятся интересные ребята, которые умеют картинно изображать веру в Иисуса Христа. Ничего удивительного, бывают люди, которые любясь собой умеют достоверно изображать страуса, пингвина и даже «цыпленка табака». Я никогда не понимал, для чего человеку, действительно верящему в Бога, кликушествовать об этом на весь белый свет. Настоящая вера – это настолько сокровенное сердечное переживание, что публичное высказывание о нем только подтверждает пророческое предостережение: «Слово изреченное есть ложь».

Вообще в жизни людей бывает много чего, что предполагает интимность. Например, если человек начинает публично, то бишь профессионально, заниматься любовью, то это занятие приобретает несколько иное наименование. Не случайно дома, в которых рекомендовано открыто заниматься любовью, называются публичными. Невозможно профессионально любить родную мать, свою родину. Невозможно представить, чтобы выражение этих благородных чувств сделалось ежедневным публичным вашим занятием, конечно если судьбина не вознесла вас в секретари обкома комсомола. Уверен, что и вера, и любовь к Богу – это настолько интимная субстанция, что при переходе в профессиональную деятельность она должна называться все-таки немного иначе. Не возьмусь судить как, это обязаны сделать сами фигуранты подобных деликатных занятий.

Для того чтобы перекинуться от священника к коммунисту, не требуется больших усилий; достаточно только чуть-чуть, самую малость подправить на перископе резкость, и ты узришь, зачаруешься дивной картинкой буколического счастья. Универсального, всеобъемлющего, всеобщего счастья, в теоретическом воплощении сегодня и в практическом решении совсем скоро, в прекрасном светлом будущем. При этом всегда хочется масштабов, большого поля деятельности. В полном соответствии с шариковским правилом: «Чтобы все». Разве завернешь в какой-нибудь Грузии настоящий голодомор, с хорошим результативным выхлопом, где народу всего миллионнишко, так, паршивенький голодоморчик. Ты подавай Поволжье, ты предоставь украинский чернозем – вот тогда пригубишь, отведаешь семинарской заквасочки.

Страна устала от Сталина – это было ясно по тому, как скоро забыла о нем. Буквально на следующий день после грандиозного прощания закипела новая жизнь. Уход отца народов удивительно органично совпал с пробуждением природы. Не припомню другой такой дружной, оглушительно животворной весны на Донбассе. Солнце куражилось, все ликовало кругом. Люди, птицы, любая живая истота неожиданно обнаружили на себе Божие попечение. Ведь до этого даже мухам казалось, что они пребывают в послушании у

кремлевского горца.

Но не только восторг, ведь и явная растерянность царила в стране. Одним чуялось время надежд, другими овладело беспокойство возможных разоблачений. А ну как возьмутся ворошить: кто в кого стрелял, кто на кого стучал, предавал, подличал? А то вдруг примутся пуще прежнего стучать, стрелять и подличать. Поди разберись в одночасье. Ясно, что кругом одна сволочь недобитая, после такого небывалого светопреставления почти все – потенциальные враги народа, только знать бы, кто в первую, а кто во вторую голову.

Как всегда случается в мутном безвременье, на высоких подмостках закружилась мышиная возня. Стали выдвигаться скороспелые вожди-однодневки – некоторым образом Булганины и Маленковы. Шелкоперы, им еще невдомек, что суетливым нищим мало подают. Или, как говаривала одна шикарная дама, проводя инструктаж перед вечерним выходом своих девочек, – главное, не суетитесь под клиентом. Потому что уже затаился, приготовился к решающему выходу настоящий маэстро. Лысый, пучеглазый, как сатана из мельничного омута, такой же вертлявый и вездесущий.

Но это там, в столице. А на местах новые веяния были заметны по всякого рода административным перетасовкам. Так, наш Краснолучский угольный комбинат для чего-то переименовали в «Ленинуголь», как будто Ильич был самым шустрым шахтерским забойщиком, и переместили в областной центр, по тем временам, дай бог памяти, наверное, в Ворошиловград. Потому что вскоре будет несколько раз то Луганск, то Ворошиловград. В зависимости от того, сухой был Клим Ворошилов или доблестным красным конником. В действительности он был и тем и другим, одновременно, нераздельно, в полном соответствии с кремлевским уставом для торжественного стояния на мавзолеем подиуме.

В первую очередь на новое место жительства перемещался комбинатовский канцелярский арсенал. Рабочие вытаскивали и укладывали на грузовики двухтумбовые столы, шкафы, телефоны, гроссбухи и прочую кабинетную утварь. Доверху заставленные

машины запускали двигатели и мчались по шоссейной дороге в волнующую меня даль. Я все время старательно пытался вообразить большой, по рассказам отца, город и красивый многоэтажный наш будущий дом. Не все, конечно, сотрудники комбината были переведены в областной центр, да еще с предоставлением казенной квартиры. Папа, не исключая, изловчился дать кому следует в лапу, и Родина выделила ему прекрасную новую квартиру на Красной площади, в лучшей части города.

Я абсолютно уверен, что отец мой был очень полезным, по-настоящему ценным работником. Его отличала необыкновенная организованность, он никогда ничего не делал на авось. Сомневаюсь, чтобы какой-нибудь англичанин или немец мог бы соперничать с моим папой в аккуратности, трудолюбии и обязательности. У папы не было высшего образования, к тому же он не был коммунистом, и даже в этой, по советским меркам абсолютно безнадежной, ситуации он умудрился продвинуться по служебной лестнице до весьма солидных чинов, до уровня руководителя областного масштаба. Прекрасно помню уговоры сослуживцев на предмет плюнуть на все и положить в нагрудный карман заветный партийный билет, открывающий перспективы дальнейшего роста. Но для моего отца плюнуть на все означало, прежде всего, плюнуть на себя самого, а это было недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Вот так и оказался я в мае пятьдесят третьего в роскошной четырехкомнатной квартире на пятом этаже архитектурного сталинского дива. После краснолучских шахтерских пристанищ в новых апартаментах возникало ощущение стадиона. Недостигаемых высот потолки, гостиная в тридцать квадратных метров, огромная прихожая, необъятная кухня, удобства, кладовые – все для житейского благополучия, в самом лучшем виде, было скомпоновано в нашем новоявленном царстве. О чем говорить, если даже люстры, самые настоящие, бронзовые с хрусталем, были предусмотрительно развешены и подключены строителями в каждой жилой комнате. Балконами и окнами квартира выходила на обе стороны украшенного карнизами и лепными консолями здания. На первых порах мы были просто

не в состоянии заполнить квартиру. В одной из комнат, с выходом на балкон, устраивали на зиму хранилище антоновских яблок, капусты и картофеля. Хотя, конечно, во дворе имелся капитальный коллективный погреб, для бочек с соленьями и залитых сургучом бутылей с томатным морсом – тогда еще не освоили умение закатывать крышками консервацию.

Для меня является вершиной русского литературного слога то место у Юрия Михайловича Лермонтова, где он описывает жилище Печорина и панораму Пятигорска. Помните ли? «Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту, синеет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север подымается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее...» .

Увы, увы. Открывавшаяся из наших окон панорама на фасадную сторону оказалась не столь живописной. Очень смущали взор заборы из многорядной колючей проволоки, сторожевые псы и вышки с автоматчиками под прожекторами. Прямо через дорогу, напротив нашего дома, оцетинилась колючкой лагерная зона, где жили и возводили «Дом техники» заключенные. Пронзительно удручающей проступала картина в ночи, когда по всему периметру зоны включали осветительную иллюминацию. Сырость, бесконечные ряды электропроводов, взрыхленная земля, шарящие лучи прожекторов и нескончаемый собачий лай. Сам вид лагеря, люди в серых бушлатах, вперебежку снующие между кучами делового материала и строительного мусора, постоянно напоминали жителям дома, что дорога в тюрьму никому не заказана. Что расстояние от их зыбкого благополучия до лагерного беспредела, как говорится, в два плевка, в прямом и переносном смысле.

Все граждане страны в то беспокойное время пребывали в некотором промежуточном состоянии между волей и тюрьмой. Ни один человек, ложась на ночь в свою теплую постель, не мог быть уверен, что досматривать сновидения ему не придется на казенных нарах, даже пусть он трижды энкаведешник, супер – Павлик Морозов, экстра-стукач. Потому что сначала сажали тех, на кого стучали, потом

тех, кто стучал, потом стучавших на стучащих, и так по кругу без конца и края.

Есть одна характерная черта, особая примета сталинской эпохи. Когда в затравленной стране десятки миллионов людей томятся за решеткой, это вовсе не означает, что оставшиеся на свободе счастливы наблюдают эту экзотику со стороны. На самом деле, оказывается, что сидим дружной компанией, все вместе.

Общество функционирует как система сообщающихся сосудов. Лагеря, пропустившие через свое ненасытное чрево массу униженных и поруганных людей, вываливали на просторы Родины несметное количество бывших зэков, носителей тюремной «культуры», тюремной же «этики». Был преступлен некий критический рубеж, за которым общество оказалось не в состоянии переваривать весь этот гулаговский продукт и само начало неуклонно сползать в джунгли лагерного этноса. Вследствие чего вся большущая страна Советов превратилась в грандиозный «кичман». Не случайно любимой песней вождя оказалась уголовщина из лирики Утесова : «С одесского кичмана сбежали два уркана».

Первое, что я увидел, выйдя на балкон внутреннего двора нашего великолепного дома, оказалась стайка подростков, отчаянно бившихся у шлакоблочного забора. Они играли на деньги в «пристенок». Наверное, кто-то сжульничал, а может, обидно проиграл, и в ход пустили самые убедительные аргументы. Дрались раньше много и часто, по всякому поводу. Дрались большие и малые, с энтузиазмом, до кровищи, не вызывая живого интереса у случайных прохожих.

Игры на деньги, в начале пятидесятых, приобрели настолько массовый характер, что вся денежная мелочь, бывшая в обращении, оказалась настолько изуродованной, что определять достоинство монет приходилось только по цвету и наружному их диаметру. Чаще всего денежные игры имели «битьевое» происхождение. Обыкновенно приходилось что-то швырять или ударять в стенку, монету ли, специальный биток, а потом приниматься вышибать стоящую на кону мелочь, колотить по ней, пока она не опрокинется с

«орла» на «решку». Находились ловкачи, умудрявшиеся с одного бита опрокидывать целую стопку монет. Металлические деньги падали перед игровым азартом, они плющились, коржились, теряли привлекательный вид.

Стуканьем мелочи занималась по преимуществу голоштанная дворовая шпана; серьезные парни тоже играли на деньги, но делали это с толком, с достоинством. Если играли монетами, ставили заклады под «орла» или «решку». Здесь надо было держать ухо востро. В ход пускали особым образом заготовленные фортели. Брли две одинакового достоинства монеты, спиливали идентичные стороны и потом прочно склеивали. В результате получалась интересная денежка с двухсторонним «орлом» или двухсторонней «решкой». Шулера запускали в дело такие штучки в самый ответственный момент, когда игра выходила на заключительные ставки.

Хорошей известностью славилась игра в «чик или лишку». Это когда зажимается в ладони горстка мелочи и желающему предлагается отгадать, делится ли оказавшаяся сумма на двое, тогда будет «чик», если нет – будет «лишка». Но опять-таки, в самый ответственный момент могла возникнуть волшебная копеечка, привязанная через рукав на тонкой леске. Она-то и могла решить исход всей игры.

По-настоящему солидные люди играли в «шмен». Здесь фигурировали бумажные банкноты, ставки делались на казначейских номерах. Закладывалась в руку купюра, и охотник выбирал половину порядковых цифр на банковском денежном номере. Названные цифры складывались, также складывались и оставшиеся. Выигрывал тот, чья сумма оказывалась большей. Знатные шулера обзаводились двухсторонними, поддельными купюрами, с различными банковскими номерами, когда при любом раскладе возникал необходимый перевес на той или иной стороне бумажной банкноты. Разумеется, если обнаруживался обман, зубы летели в разные стороны.

Еще в пятидесятых у дворовой шпаны пользовалась широкой популярностью игра в «жосточку». Это аккуратно изготовленный воланчик из кусочка длинноворсового меха и свинцовой пяточки.

Играющий, или, как его называли, «маящийся», стремился максимально долго жонглировать ногой эту летающую штучку. У каждого был свой любимый, тщательно разглаживаемый, завернутый в тряпочку воланчик. Если дело происходило весной или осенью, никто не снимал с себя верхней одежды, ведь могли и упереть. Надо было приспособиться каким-то замысловатым образом перекосить на себе пальто, чтобы высвободить одну ногу и руку, дабы не путаться в полах и свободно подбрасывать щечкой стопы летающую жосточку. Жонглирование могло продолжаться довольно долго, на счет, со всевозможными канканами, аллюрами и переворотами. Успешней оказывался тот, кто был ловчее и выносливее.

Вся эта играющая в подворотнях на деньги молодежь была насквозь пропитана уголовной «героикой». Жесты, повадки, жаргон, песни, ужимки, наконец, манера носить одежду, способы курить, плевать, свистать – все было «фирменное», оттуда – с Печоры и Колымы. С другой стороны, в каждом сидела героика прошедшей войны, несомненно патриотическая ее составляющая, обусловленная психологией победителей, но во многом и сопутствующая любой войне жестокость. Людям, прошедшим неслыханную кровавую баню, оказалось совсем непросто вернуться к нормальной, мирной жизни. Многие фронтовики ностальгировали по жажде острых ощущений, искали самоутверждения в риске, с избытком поставляемом войной. Это желание пройтись по лезвию ножа передавалось молодежи и, в сочетании с лагерной «героикой», подталкивало к криминальному самовыражению. Вот в таких непростых нравственно-этических общественных кондициях подрастало и утверждалось будущее нашей страны.

В это трудно поверить, но наиболее популярной, прямо-таки кумирообразной персоной моего детства оказывался не физик или лирик (это будет потом, в шестидесятых), а обыкновенный уголовный предводитель, хотя бы и удачливый карманный вор. Из этого никто не собирался делать большой тайны. Если карманник, то об этом знала вся улица, вся округа. Ему улыбались, перед ним заискивали, почти как перед нынешним банкиром. Солидные, уважаемые люди не

гнушались знакомством с подобными ребятами.

Ничего, ничего не меняется в этом мире. Хотя и меняется. Тщательно вымытый, выбритый, стриженный под «бокс», в шелковой тенниске, в хромовых гармошкой сапогах, с финкой за голенищем при голубом кожаном отвороте, такой красавец не идет ни в какое сравнение с нынешним подловатым киллером, трусливо затихарившимся с оптическим карабином где-нибудь у чердачного окна. Тот мог спокойно, глядя противнику в глаза, засадить в бочину финский нож, обтереть его батистовым носовым платком, сплунуть на поверженного со словами «душа с тебя вон» и не торопясь отправиться восвояси.

Для меня категорически необъяснима избирательность человеческой памяти. До сих пор еще как наяву слышу уроки необыкновенного музицирования той послевоенной поры. По ночам, сквозь парадную арку нашего роскошного дома, проходила толпа молодых оболтусов и упражнялась в хоровом искусстве. Подвыпившая молодежь дружно выкрикивала «упа, упа, упа ...», задавая ритмическую основу будущего шедевра, а самый голосистый парняга, октавой выше, что есть мочи выкрикивал «тиливилинадцать румба ква а шарла пуа, пуа, пуа». И далее следовало абсолютно скабрзное четверостишие, от которого просто уши вяли. Все это происходило в ночной тишине, с прекрасным арочным резонансом. Одним словом – кошмар. Иногда, конечно, звонили в милицию. Были пронзительные милицейские свистки, был топот копыт, но пару дней спустя хоровые упражнения благополучно возобновлялись.

Выскажу мысль парадоксальную, но, по моему глубокому убеждению, поколение молодежи, рожденное в тридцатых и сороковых, по своему потенциалу было наиболее ярким и емким из всех лет двадцатого века. Уникально крепки духом, ярко умны, сильны физически были те люди. Быть может, революция, сталинские репрессии, а потом война каким-то образом мобилизовали генетические ресурсы и вызвали к жизни дополнительные резервные силы.

Я все не перестаю удивляться: насколько изменяются внешние

формы жизни в пределах памяти одного человека. Нет смысла утверждать, делается ли жизнь людей со временем лучше или хуже, но она очень существенно меняется, становится принципиально иной. Ведь надо только представить, что это я, современный человек, ходил с бабушкой Ксенией по улицам Луганска и собирал в ведро конский навоз, чтобы замешивать его с песком и глиной для обмазывания печки на нашей кухне. Газа не было, топили на пятом этаже дровами и углем сложенную из кирпича обыкновенную печку! Таскать наверх из подвала топливо входило в мою ежедневную обязанность.

Городская жизнь обслуживалась по преимуществу гужевым транспортом. Хлебные будки, фуры, груженные крем-содой и вермутом, пролетки – все держалось на лошадиной тяге. Какие «Феррари», какие «мобилки», что за компьютеры? Еженедельным моментом истины, венцом мироздания распахивался воскресный базар. Народищу, товару, барахла стекалось со всего света видимо-невидимо. Знахари, цыгане, ворожки, гадалки, ручные крысы, вещие совы, удавы, коты – все это умело предсказывать, утешать, исцелять, осчастливливать. Уличные фотографические салоны, с задниками под вставные морды. Воткнул рыло в дырку – и ты уже кавказский джигит, князь на горячем коне; воткнул в другое отверстие – летчик, а хочешь – витязь в тигровой шкуре. Красота, только бы не моргнуть, когда вылетит птичка. Там кричат: «Держи вора», там орут: «Есть холодная вода – лучше пива и вина». Обыкновенную воду со льдом носили сорванцы в ведрах и продавали за пятак полную кружку. Ни тебе газов, ни тебе сиропов. И все это с неимоверно красными, задыхающимися от счастья, радостными физиономиями.

Однако заканчивалось лето пятьдесят третьего. Я перезнакомился, передружился с ребятами из нашего двора. Детей тогда в каждой семье водилось много: трое, четверо – обычное дело. Все перемешалось, ровесники, дети постарше, поменьше жили одной большой дворовой ватагой. Носились по улицам как угорелые, забывая о доме, о еде. Босиком с утра до ночи куролесили по всей округе, лазали по деревьям, подвалам, чердакам. Вечером, приходя домой, мыли ноги, едва доползали до коек и проваливались в детские воздушные

сны.

Первого сентября мама собрала меня в школу. Скажу сразу: весь первый класс я простоял у доски в роли провинившегося. Хотя учебный год завершился с похвальным листом. Плохую службу сыграло мое, оказавшееся не кстати умение бойко читать и писать. Когда все нормальные дети с каллиграфическим нажимом осваивали палочки и крючочки, я, от скуки, принимался дурачиться. Вертелся, гримасничал, всячески норовил обратить на себя внимание, чем подрывал образовательный процесс. Вот и сейчас пишу, как вы думаете зачем? – по-прежнему желаю обратить на свою персону внимание.

Моим первым педагогом оказалась пожилая учительница, преподававшая еще в дореволюционных гимназиях, лично видевшая самого Льва Николаевича, надеюсь понятно, что Толстого. Ее главное педагогическое кредо выражалось в стремлении любыми способами укротить первоклашку, привести мальчика в смиренное состояние. Потом все становится легко и сподручно, как гарцевание на англозированной лошади. Я же был настолько упрям и непреклонен, что дело доходило до того, когда целый педсовет уговаривал меня попросить у Марии Сергеевны прощения, чтобы она уже больше никогда не ставила меня в угол. Увы, прощения я не просил.

Стремление оболванить, обкорнать человека подстерегает нас с раннего детства – это один из самых действенных и универсальных инструментов, на котором зиждется управляемость обществом, при любой власти, пусть даже самой раздемократической. Но вот удивительное дело, ведь и религиозные наставники повсеместно утверждают, что главной добродетелью христианина является смирение и послушание. Хотя сам-то Иисус был бунтарем образца беспримерного. Вся его жизнь и даже смерть оказались протестом и дерзанием высочайшим, доселе манящим и смущающим человечество. Достаточно вспомнить, как еще вчера раздражали большевиков златоглавые церковные маковки. В сильно продвинутых странах наловчились, приспособились жить чуть ли ни с Христом за пазухой, но ведь и с фигой в кармане. Сомнительное, знаете ли, это занятие, когда в одной руке – заздравная свечечка, в другой – чемоданчик

черненький с кнопочкой красненькой, а в глазах – благочестие и готовность хоть сейчас на образа.

На всю жизнь запомнилась школьная новогодняя елка в первом классе. Мама нарядила меня в новенький байковый темно-синий костюм. Папа нарисовал, изогнул и склеил из картона маску кота. Руки отца были золотые, как будто специально созданные для украшения грешного мира. Котяра получился с длиннющими усами и почему-то гусиным пером, заправленным за ухо.

На утренник, по чистому снегу, привела меня бабушка Ксения. Все дети, возбужденные, в карнавальных нарядах, были необычайно приветливы и внимательны друг к другу. Нарочито нас никто не развлекал, не было никаких массовиков-затейников. Мы самостоятельно веселили себя в старинном, с камином, школьном парадном зале. Водили под пахнущей хвоей и мандаринами елкой хоровод, танцевали, затевали игры, читали стихи. Новогодняя сказка, создаваемая нами самими, получалась настолько красивой и захватывающей, что учителя и родители долго не осмеливались прекратить, остановить этот праздник.

Уже когда все очень устали, что называется, иссякли, наша старенькая учительница собрала всех детей около себя, немного помедлила и дрожащим голосом сказала: «Дети, как я хочу, чтобы вы были счастливы». Разрыдалась и оставила нас. Мы были последним ее классом, последним новогодним утренником, – со следующего учебного года она отправлялась на очень заслуженный отдых.

Спасибо вам, Мария Сергеевна, мы конечно же счастливы, уже только потому, что у нас были вы.

НАШ ДОМ

РЕБЯТА С НАШЕГО ДВОРА. Я В СЕРЕДИНЕ.

1954 ГОД

Следующий, тысяча девятьсот пятьдесят четвертый год в жизни страны и в моей личной памяти запечатлелся как годовщина чествования трехсотлетия воссоединения Украины с Россией. Доложу вам без преувеличения, власти раскрутили по этому поводу нешуточный шабаш. Складывалось впечатление, что страна никогда, разве только в День Победы, не ликовала и не веселилась так самозабвенно и искренне, как в тот незабываемый юбилей.

Сколько было выпущено всевозможной агитационной бесовщины: расписной посуды, открыток, почтовых марок, значков – всего не перечесть. Непрекращающиеся уличные концерты, бесплатные угощения, танцплощадки – все бурлило, гремело; казалось, что праздник этот будет неизбывным, что он никогда не закончится. Между тем праздник возник и удалился каким-то волшебным образом, и после пятьдесят четвертого года о нем серьезно уже никогда не вспоминали. И этому тоже есть свое объяснение. Под видом захватывающего восторга от слияния Украины с Россией, страна в те дни подсознательно ликовала по случаю избавления от товарища Сталина.

Заключительным аккордом праздничного сабантуя был устроен грандиозный фейерверк. Что зря трепаться, садили с разных точек города из пушек, минометов, ракетниц всю ночь напролет. Получалась сплошная, рассыпающаяся цветными огнями феерия, с огромным количеством зенитных прожекторов, чертивших белыми лучами ожившее ночное небо. Все было продумано до тонкостей. Артиллерийские расчеты, сосредоточенные в разных частях города, устраивали своеобразный перепляс, как бы переговариваясь и состязаясь между собой в изобретательности, силе и яркости залповых огней. Грохот стоял такой, что чертям становилось тошно, чудилось, будто небо не устоит, дрогнет и накроет расшалившийся город. После праздника долго еще, даже несколько месяцев спустя, можно было находить по всем улицам разноцветные металлические кружочки

– крышечки из-под осветительных патронов.

Дабы ни у кого не возникало сомнений на предмет прочности союза двух братских народов, кремлевские придурки продемонстрировали широту большевистской натуры. Хрущев, что называется, «с барского плеча» отвалил в пределы Украинской советской республики Крымский полуостров. Разумеется, Крым, невзирая ни на какие политические игрища, всегда был и останется Крымом, там всегда будут жить люди разных национальностей.

Дикость этой акции состояла в том, что Хрущев переместил Крым, словно табуретку на собственной кухне. При этом, будьте уверены, никому и в голову не пришло, что не худо бы поинтересоваться мнением единственного народа, которому, если положить руку на сердце, и принадлежит эта земля. Справедливости ради следует отметить: крымские татары в то время, что называется, бомжевали, они как бы свалились с Луны, им не находилось укромного уголка на широкой карте Советского Союза, так что и советоваться толком было не с кем.

Однако все непросто в этом мире, зачем-то ведь понадобилось Никитке отвесить поклон украинским сотоварищам. На то были важные политические причины. За годы советского беспредела кремлевские молодцы крепко наследили на украинских черноземах, обильно окропили их невинной кровушкой, а здесь, после смерти вождя, подвернулся хороший повод дать отступного. Дескать, прошлые времена – это все дело рук негодяя Сталина, а мы – демократы, интернационалисты, первые ваши друзья. Вот так в обмен на страдания замордованного народа и возник в пределах Украины полуостров Крым.

Для меня, человека родившегося и выросшего на востоке Украины, совершенно нелепо воспринимается ситуация, когда Украина и Россия оказались разделенными пограничными кордонами. Верите ли, я даже сейчас, хоть убей, не скажу с уверенностью ни об одном из моих одноклассников, был ли он русским или украинцем. Еврея помню каждого, помню армян, помню якута Вову

Малиновского, но нас, даже представить себе не могу, по какому признаку следовало бы различать. Предполагаю, что везде по-разному, но на Донбассе все обстояло именно так.

Донбасс был и остается по преимуществу русскоязычным. Когда я учился в школе, нам преподавали предмет с волнующим названием «родная речь». В этом определении сокрыт глубочайший признательный смысл. Появляясь на свет Божий, человек не выбирает своих родителей, он так же не выбирает язык. Слово, которое есть начало всех вещей в этом мире, дается человеку от момента рождения. Родная речь связана с этнической, культурологической средой, в которой оказывается маленький человек. Моим родным языком является русский. Что ни хорошо и ни плохо, это данность, она так же священна и непреложна, как память моих предков, как слава, как культура моего народа.

Любые посягательства на право человека пользоваться своим родным языком есть преступление гнуснейшее, оно не может иметь никаких оправданий. Вопросы использования языка, то бишь слова, во всем цивилизованном мире давно уже решены настолько понятно и окончательно, что об этом и говорить-то не очень удобно. Тем не менее специфика настоящего момента такова, что в моей несчастной стране проблема использования родного языка приняла отвратительно угрожающие формы.

У языков, так же как и людей, бывает счастливая, благоприятная и не очень завидная судьба. Русскому языку в этом смысле повезло необычайно. Фактически, он давно уже не является принадлежностью одной только нации. Этот язык совершенствовался на протяжении веков представителями десятков, сотен национальностей, людьми различных религиозных исповеданий. Лучшие сыны многих народов вложили щедрость своего таланта в русскую языковую культуру. Не хватит никаких страниц, чтобы перечислить всех казахов, грузин, латышей, башкир, армян, посвятивших свою жизнь развитию, без всякого преувеличения, величайшего языка человечества, именно в силу его многонациональной природы, особого рода соборности.

Разумеется, процесс глобального развития русского языка сопровождался обескровливанием донорских национальных словесностей. Как выразить, чего стоило украинскому языку изъятие одного только гения Николая Васильевича Гоголя. Вклад его творческих усилий в русскую языковую сокровищницу настолько велик, что литературное предание безоговорочно признает гоголевскую «Шинель» прародительницей, из которой вышла вся блистательная галерея мастеров художественного слова золотого девятнадцатого века. А ведь творчество Гоголя на самом-то деле обязано было стать достоянием украинской литературы.

Судьба украинского языка, как, впрочем, и судьба самого народа, отнюдь не из завидных, если не прибегать к более сильным выражениям. Огромная проблема украинской национальной идеи заключается в ее недостаточной удаленности от постоянно нависающей, очень мощной российской идеи, подкрепленной национальной культурой мирового масштаба. Дело не в географической близости двух стран, а, прежде всего, в культурно-этническом родстве наших народов.

Если говорить об украинском языке, то он не настолько отличен от русского, чтобы иметь масштабное самобытное оформление, как положим армянский или польский, над которыми не довлеют властными призраками родственные, конкурирующие языковые напластования. Украинский и русский языки всегда будут существовать в некотором общем контексте, как производные от единой морфологической структуры. В этой ситуации украинская интеллигенция должна проявлять глубочайшую мудрость и ни в коем случае не скачиваться в бездну квасного патриотизма.

Сегодня, когда Советский Союз приказал долго жить, братские республики обрели желанную независимость, но вместе с тем обрели и массу проблем, в том числе и языковых. Заслуживает полного уважения стремление каждого народа жить и развиваться в родной языковой среде, но при этом не следует увлекаться большевистской методологией.

Прекрасно поживает на белом свете огромное количество людей, интеллектуальный багаж которых легко трансформируется в любую языковую форму, хотя бы и племени мамбо-юмбо. Но бывают люди, для которых язык – это гигантское хранилище человеческих знаний, веками накапливаемых в данной лингвистической форме. Ни на один национальный язык огромной советской империи не переводилось и десятой, даже сотой доли памятников мировой культуры, которые представлены на русском языке. Я уже не говорю о качестве этой неподъемной, баснословно драгоценной работы. Поэзию Байрона переводил Лермонтов, многие переводы которого, по единодушному признанию искусствоведов, превосходят своим поэтическим вдохновением тексты подлинников. Шекспира переводил Борис Пастернак, стопроцентный гений, величайший поэт двадцатого века, и так до бесконечности.

Отстаивать достоинство своего родного языка, своей национальной культуры обязан любой нормальный человек. Но делать это необходимо не с помощью луженой глотки, а преимущественно мозгами. Никто и никогда, ни в какие времена не мешал кому-либо наваять великий роман, чтобы прославить на весь белый свет родной язык, свою национальную словесность и даже назвать его громким именем «Война и мир» или «Братья Карамазовы». Человечеству не важно, на каком языке говорят люди, важно, что говорят, почему и как говорят. Когда миру сказать нечего, возникают проблемы хореографического происхождения, постоянно досаждавшие одному незадачливому танцору.

Досадно говорить, но по количеству липовых академиков, профессоров, ректоров-скоморохов и, собственно, высших учебных заведений Украина давно уже обставила все передовые европейские страны – иногда возникает ощущение, что и вместе взятые. Международный рейтинг этих доморощенных ликбезов таков, что ни один наш ВУЗ не числится даже в первых пяти сотнях уважаемых европейских школ. Случилось невероятное: мы умудрились профукать авторитет легендарного Киевского политеха. Между прочим, базовая оценка возможностей любой высшей школы строится на ее

интеллектуальном обеспечении, проще говоря, на наличии хороших книг. Там ведь интересуются, кто учит, чему, на каком языке и с помощью каких учебников. Но как пошутил незабвенный старик Эммануил Кант, «если факты против нас, то тем хуже для фактов».

При всем том, необходимо признать, что, на сегодняшний день, в самом центре Европы проживает огромный многомиллионный народ, который носит гордое звание «украинец». Украинским патриотам не терпится заявить о своей исключительности, о своем национальном превосходстве. Это желание, разумеется, вполне объяснимо. Однако необходимо ясно осознавать, что, в отличие от любых других европейских народов, это самое молодое, самое не-реализованное сообщество людей. И в этом нет ничего постыдного. Не стоит стесняться своей молодости, быть может, это самое дорогое достояние человека. Полагаю, господин Сорос с превеликим удовольствием расстался бы со своими миллиардами в обмен на невозвратные семнадцать лет. Не может быть никакого сомнения, что у нашего народа все самое главное еще впереди. Уже только киевский протестный майдан свидетельствует о могучем здоровье нации, об огромном духовном потенциале.

Факты – штука довольно упрямая, и события последних лет вынуждают признать, что желаемого воссоединения двух братских народов не случилось. Наверное, прежде всего, потому, что это было все-таки не воссоединение, а присоединение пусть и братских, но давно уже разных народов. Чтобы разобраться с провалом на предмет воссоединения Украины с Россией, имеет смысл еще раз обратиться к истории и поразмышлять над великим размежеванием, разделившим древний славянский народ, во времена существования Киевской Руси, на две самостоятельные ветви.

К концу первого тысячелетия наше отечество оказалось в окружении сопредельных государств, исповедующих крупнейшие монотеистические религии – христианство и ислам. Задолго до крещения Руси посланцы из Рима, миссионеры из Константинополя, представители иудаизма и ислама атаковали нашу, задержавшуюся в языческом исповедании страну. Они вели большую агитационную работу, как

среди широких слоев населения, так и в среде власть предержащих, дабы распространить свое религиозное влияние на богатые русские земли.

Мы каким-то огульным образом восторженно принимаем исторический факт Крещения Руси, вовсе не желая задуматься, насколько болезненной для наших предков оказалась эта духовная перелицовка. Современные незатейливые трактовки идеологии языческого исповедания, по преимуществу, основаны на невежестве и поповской лжи. Поэтому к реальному положению вещей не имеют никакого отношения.

Все без исключения древние летописные источники отмечают духовную и физическую красоту наших предков. Они единодушно свидетельствуют об их несравненном гостеприимстве, об обоюдной супружеской преданности, о беспримерном мужестве и храбрости славянских воинов. Славянские жены не соглашались переживать своих мужей, они отправлялись с ними в военные походы, не боясь смерти, добровольно сгорали на кострах с поверженными сужеными. Без высоконравственной религиозной культуры все эти качества в принципе были бы невозможны. Я отнюдь не уверен, что нынешний христианин, носитель Евангельской вести, по своим нравственным и духовным качествам превосходит нашего языческого пращура.

Современным исследователям практически невозможно вести на должном интеллектуальном уровне серьезный разговор о достоинствах и недостатках языческой веры, рассуждать о теологических особенностях этого религиозного учения. Время, а точнее, люди распорядились, как это часто бывает, беспощадно: они уничтожили все источники, способные пролить свет на глубинную изотерическую сущность языческого исповедания. Фактически, мы ничего не знаем об идеологии, о философской парадигме этой древнейшей духовной культуры.

Но ни в коем случае не следует упрощать и сводить цивилизацию Киевской Руси к дерзким походам воинствующих дружин в границы блистательной Византии, где под предводительством

прославленных князей победители-язычники пили хмельное вино из черепов поверженных противников. Потому что язычество – это величайшая религиозная доктрина, корнями уходящая в непревзойденную египетскую мистику. Язычество вобрало и хранит в себе самые потаенные знания о жизни Вселенной. Египетской мудростью был вскормлен пророк Моисей. Сам Господь наш Иисус, до назначенного часа, пребывал и возрастал духом именно в Египте. Авторы Благой вести, четыре евангелиста, избрали для себя символами элементы дремлющего сфинкса, гербового знака язычества.

С точки зрения организации государственного устройства языческое исповедание явно уступало более молодым прогрессивным религиям. Язычество функционировало как бы вне общественного контекста, оно регулировало потаенную связь между отдельным человеком и природными стихиями. Именно в этой плоскости пролегла изотерическая парадигма языческого исповедания. В то время как христианская доктрина акцентированно ориентировалась на обслуживание взаимоотношений между людьми. Нагорная проповедь – это идеальный вариант морального кодекса строителя коммунизма. Примат общественной составляющей поставил молодые религии в преимущественное положение относительно языческой духовной культуры. Между прочим, современное состояние общественных отношений с большой вероятностью предполагает возврат человечества, именно в силу возрастающей его разобщенности, к массовому исповеданию языческого культа.

Объективные сложности развития взаимоотношений Киевской Руси с внешним миром настоятельно требовали поиска эффективной религиозной идеи, способной реформировать общественные отношения, с последующим выходом на перспективное государственное устройство. Христианское крещение оказалось на поверку делом отнюдь не простым и далеко не безоблачным. Принятие, а более того смена религии даже для одного человека сопровождается глубокой ломкой психики. Когда же речь идет о целом народе, со сформировавшимися традициями культуры и быта, эта реформация приобретает чрезвычайно болезненные очертания. Вспомните недавнее наше

прошлое, связанное с кошмарами становления Советской власти в стране. По существу, это была фундаментальная перелицовка религиозных и идеологических основ жизнедеятельности общества.

Не только простые граждане Киевской Руси, но и элита общества к началу второго тысячелетия пребывала в языческом состоянии, как по убеждениям, так и по нормам житейского уклада. Тот же благоверный князь Владимир делами своими едва ли мог претендовать на христианское благочестие. Известно, что он публично изнасиловал пленную княжну Рогнеду, буквально на потеху хохочущей толпе. Для удовлетворения своих похотей, как полагалось состоятельному человеку, князь держал в загородных дворцах многочисленные гаремы. Он предательски убил своего единокровного брата Ярополка. Он же установил в Киеве обряд человеческих жертвоприношений, согласно которому в жертву Перуну возносились мучения христиан. Наша православная церковь до того запуталась в своей непростой истории, что многие ее святые не только не вытягивают на святость, но едва ли достойны обыкновенного человеческого уважения.

Князь Владимир на первых порах делал решительные попытки преобразить языческий культ. Он искал возможности приспособить древнюю нашу религию под современные нужды общества, однако делал это безуспешно. Поиск новой религии, обновленной общественной морали, складывался довольно непоследовательно. Известны неоспоримые свидетельства, что князь оказывался близок к принятию ислама, – мы едва не сделали последователями пророка Мухаммеда.

Остается только предполагать, в силу каких причин мало походящий на святого, крутого, необузданного нрава языческий вождь находил важнейшие для судьбы отечества решения. Может, под действием политических реалий. Много руссов принимало христианство еще в девятом веке, при Аскольде. Среди дружинников князя Игоря также было значительное число христиан, и об этом прямо говорится в летописях. Надо иметь в виду, что даже великие князья не смели перечить коллективной воле военных дружин. Быть может, Владимир склонился к христианству под влиянием данного ему откровения,

то есть вследствие пережитого духовного опыта. А быть может, все происходило гораздо прозаичнее: просто хорошо сработала легендарная византийская хитрость и князя, что называется, «охмурили». Наподобие того, как польские ксендзы охмурили Адама Козлевича. Тем не менее судьбоноснейший выбор для будущего страны был принят – Владимир разрушил языческие капища и крестил в Днепре свой народ с ориентацией на восточно-византийскую церковь.

Неисповедимы пути Господни – так учит вселенская мудрость. И вот из всех возможных сценариев обретения новой веры, киевский князь Владимир сделал наиболее нелогичный, самый чреватый по своим последствиям выбор. В результате принятия византийского исповедания Киевская Русь тот час же оказалась в окружении вражески настроенных сопредельных государств. С одной стороны – ислам, с другой – римское католичество, и оставался только вопрос времени: когда иноверцы примутся терзать юноправославных славян.

Выбор религиозного вероисповедания князем Владимиром был непредсказуемо рискованным не только с позиции внешней безопасности, но и для внутреннего устройства страны. Процесс крещения Руси протекал в силовом режиме. Митрополит Илларион свидетельствует, что «крестились, если не по собственной воле, то из страха перед крестившим». Не все люди покорно исполняли княжью волю, очень часто замена исконной русской языческой веры встречала открытое сопротивление. В результате насильственного крещения Киевской Руси, вместо ожидаемого единства, государство начало разваливаться на удельные княжества, с последующей междоусобной враждой.

Христианская вера уравнивала многочисленных сыновей великого князя, рожденных от разных жен, в претензиях на собственное владычество, что неминуемо привело к массовым военным и социальным конфликтам. Достаточно вспомнить, что только в самом Киеве с 1068 по 1157 год вспыхивало три колоссальных народных восстания, исключительно как результат насильственного внедрения чужеродной веры, разрушившей глубинные государственные устои.

Несмотря ни на что, православное христианство проникло в Киевскую Русь, многие люди познали нравственную сущность евангельского слова и стали искать возможности для сосредоточенного его исповедания. В условиях непрекращающихся междоусобиц и набегов варваров делать это становилось все труднее. Народ устал от бесконечных конфликтов – кстати говоря, часто и густо спровоцированных извне на религиозной почве – и начал покидать насиженные места. Так иногда назойливые полчища гнуса лишают покоя благородного оленя и он срывается с щедрых пастбищ в поисках умиротворения.

Большущая часть населения Киевской Руси, во главе с князьями, духовенством, воеводами, поднялись с любезных, веками обживаемых земель и направились в северные широты. Они увезли с собой национальные святыни, увезли чудотворные византийские образа, увезли антиминсы с храмовых алтарей. Наконец, они забрали с собой священные дары, царственный венец и бармы, с которыми возводились на трон российские самодержцы. И самое главное, они унесли с собой нечто непреложное, неподдающееся словесной формулировке, что составляет духовную сущность великой нации.

У русских людей, покинувших многострадальный Киев, достало сил построить в сумеречных широтах великие города, воздвигнуть прекрасные храмы, оформить мирового, космического значения национальную культуру. Со временем они покорили ханскую столицу, их влияние распространилось на половину земного шара. Вот кем оказались на поверку потомки киевских русичей.

Можно по-разному относиться к российской истории, по-всякому воспринимать российскую культуру, но самым читаемым на планете писателем, в течение всего двадцатого века, был и остается Федор Михайлович Достоевский. Самым востребованным драматургом, на всех театральных подмостках, был и остается Антон Павлович Чехов. Самыми исполняемыми композиторами, во всем мире, были и еще очень долго останутся русские композиторы во главе с Петром Ильичом Чайковским. В действительности этот список не имеет границ, вклад русских людей в мировую культурную сокровищницу

воистину необъятен.

Падение Киевской Руси фактически стало расплатой за христианское крещение нашего народа в православном исповедании. Если бы русские князья приняли ислам, – а такая перспектива реально представлялась, – развитие страны пошло бы по совершенно иному сценарию. Не было бы никакого монголо-татарского ига, ведь мы оказались бы единоверцами и, скорее всего, примкнули к ханским ордам. Вероятнее всего, и европейская история приобрела бы иную конфигурацию. С другой стороны, если бы киевские князья приняли крещение в римском исповедании, Киевская Русь, скорее всего, не распалась. Потому что римская церковь крепка именно государственной традицией, она всегда умела властвовать над людьми, держать их в повиновении.

Нам неизвестно, по какому признаку одни люди покинули пределы Киевской Руси, а другие остались в ней. Но вот тот, кто остался в Древнем Киеве и впоследствии сделался представителем украинского народа, сполна отведаль весь кошмар чужеземного насилия. В самом общем виде хронология надругательств и глумлений над жителями только города Киева выглядит так:

В 1240 году Киев был дотла сожжен и разрушен ордами Батыя. Почти все население города было вырезано, не жаловали ни стариков, ни детей, ни женщин.

В 1362 году Киев был завоеван, в полном соответствии с варварскими нравами тех лет, великим княжеством Литовским.

В 1482 году Киев опустошило войско крымского хана Менгли Герая.

В 1569 году произошло очередное покорение Киева и переход его под власть феодальной Польши.

В 1651 году Киев пережил жесточайшие разрушения от польско-литовского войска под предводительством Яна Радзивилла.

И это все только крупные, глобальные потрясения многострадального града Киева. Кровь же поруганного народа все это время

лилась непрекращающейся рекой. Надо же понимать, что более чем за четыре века, вплоть до семнадцатого, в Киеве не было отстроено ни одного православного храма, не появилось ни одного сколь-нибудь приметного архитектурного или иного культурного памятника.

Все древнерусские святыни в течение этого долгого периода подневолья, лежали в руинах, руки не доходили даже до восстановления Десятинной церкви – первого христианского храма, сооруженного самим благоверным князем Владимиром. Так случилось не потому, что люди были негодие, в отличие от тех, кто покинул родной Киев и создал великую русскую культуру. Из этого следует заключить, в каких унижительно нечеловеческих условиях жили, а вернее, прозябали сыны молодой Украины.

Быть может, роковым для украинского народа итогом многовекового иноземного гнета сделалась отвратительная готовность плясать под чужую дудку. Вовсе не важно, из Кремля ли, из Белого дома раздается команда «ап!» – и мы тут же, словно цирковые шавки, выстуниваемся на задних лапках и самозабвенно принимаемся тявкать, до семи ли, до одиннадцати раз, как закажет почтенная публика.

Можно ничего не знать из истории Украины, но глубоко исследовав художественный замысел и драматическую судьбу Софии Киевской – Премудрости Божией, получишь полное представление о тернистом, трагическом пути, пройденном во втором тысячелетии украинским народом. Ибо стены Софии – это наша незабвенная память, наша неизбывная боль, испытывающая и вопрошающая.

Смотрю на Софию Киевскую и невольно наполняюсь думами о бурной деятельности Петра Могилы, имя которого в последнее время поднято на штандартах украинской общественной мысли. Сын молдавских господарей, воспитанный на западноевропейских духовных ценностях, он в полной мере реализовал в Киеве свою энергичную натуру. Будучи на этих землях человеком пришлым, Могила меньше всего заботился о сохранении национального достояния древнего златопрестольного града. Вся его деятельность была направлена на разворот украинского общества от московских палат к европейским

столицам.

Задавшись целью обрубить историческую память народа, запечатленную в камне, Петр Могила своей реформаторской рукой принялся перестраивать архитектурные памятники времен Киевской Руси. Он делал это настолько решительно и активно, что в столице практически не осталось ни одного сколь-нибудь значительного по художественному исполнению памятника архитектуры, которого не коснулись нововведения в форме новоявленных куполов и надстройкой всевозможных карнизиков и фронтонок. Не избежала этой участи и София Киевская.

Я все думаю: что означает намерение перестроить или улучшить памятник культуры? Почему никому не приходит в голову подрисовать в известной картине четвертого богатыря? Или, предположим, подмалевать Сикстинской Мадонне балалайку: пушай развлекается барышня. Но вот переиначить древний памятник архитектуры, чего-то там достроить для красоты или отпилить за ненадобностью, в Киеве считается очень хорошим тоном.

Памятники архитектуры, в особенности времен раннего христианства, были выполнены в таком экстремальном эстетическом режиме, что любое вмешательство, любое прикосновение к их художественной фактуре немедленно разрушает высочайшую гармонию этих гениальных творений. Надо хорошо понимать, что изуродованные памятники культуры отнюдь не безмолвствуют. Они, сделавшись нашим отражением, с лихвой возвращают свой срам и уродуют, необратимым образом деформируют духовный облик людей.

Вмешательство Петра Могилы в конструкцию великих храмов древнего Киева было настолько бесцеремонным и разрушительным, что я иногда задаюсь вопросом: неужели посетители Киевской Софии, без усталости щелкающие затворами фотокамер, не подозревают, что перед ними не уникальный архитектурный шедевр времен Ярослава Мудрого, а его искаженная, глумливая пародия?

Со мною, конечно, кто-то не пожелает согласиться, но я утверждаю, что эти примитивные, абсолютно непластичные, с широкими,

грубыми, балаганными гранями формы куполов, венчающие нынешнюю Софию, никакой эстетической ценности не имеют. И весь соборный ансамбль в данном выражении существует дробно, откровенно неинтересно. Буквально любой его внешний элемент носит случайный, и как следствие, вульгарный характер. По едкому лермонтовскому замечанию, напоминает «помесь черкесского с нижегородским».

Поэтому, когда я стану говорить о Софии Киевской, я все-таки буду иметь в виду тот подлинный, первозданный храм Божий, являвшийся действительно одним из чудес света, столпом нашей национальной культуры. Убежден, пройдет не очень много времени и Премудрость Божия отряхнет со своих священных стен чужеродные облачения, и предстанет пред миром во всем своем непорочном великолепии. Как только в общественном сознании возобладает исконная национальная идея, обязательно придет понимание, что Украине негоже метаться между востоком и западом, а настал час продемонстрировать свою самодостаточность, свое христианское первородство. Вот тогда и восстанет София в своем первозданном облике.

Уже очень скоро заголосят умученного сердца феверонские колокола, затрубят недремлющие вестовые волшебно-го града Китежа. И возвратится на призывный звон благовеста из северных широт, и водворится в своем материнском лоне животворная благодать крещенской мистерии. А у моего народа будет еще большая и благородная судьба.

Нынешняя София Киевская, по внешнему своему облику, не имеет никакого отношения к тому грандиозному храму, который был задуман и воздвигнут нашими предками на днепровских высотах во времена Ярослава Мудрого. Внешне тот, настоящий памятник монументальным своим силуэтом приближался к египетским пирамидам. Начиная от охватывавшей его одноэтажной галереи, храм постепенно нарастал и возвышался с каждым новым ярусом своих куполов и закомар, ритмично устремляясь по наклонной к вершине центрального купола. Этим приемом зодчие обеспечивали трехмерность геометрического восприятия всего сооружения, чем в максимальной

степени достигалось впечатление его цельности и грандиозности. Сегодняшняя София, вследствие позднейших надстроек, с любой точки просматривается плоско, практически в двух измерениях. В результате чего полностью уничтожается гениальный замысел древних зодчих, стремившихся достигнуть перспективной цельности восприятия Божьего храма.

Концептуально, внешняя эстетика Софии Киевской спроецировала на себя культуру скифского Приднепровья. Весь ее внешний облик был предназначен не для демонстрации своей наружной красоты, что характерно для традиционных западноевропейских культовых сооружений, но для подчеркивания великой тайны, хранящейся в ее заветных недрах. Так строили египетские пирамиды, так сооружались скифские курганы – как таинственные сокровищницы и стражи вселенских мистерий, обитающих внутри них. Крытая тяжелым свинцовым листом, курганообразная София имела вид неприступного мавзолея, хранящего вечный покой его обитателей. Таким образом, каждому человеку, прежде, нежели он проникал в храм, внешним его обликом сообщалось колоссальное напряжение ожидаемого чуда, заключенного в его недрах.

Войдем и мы в храм Божий, внутренне повторяя удивительные слова из херувимской песни: «Всякое ныне, ныне житейское, отложим попечение, отложим попечение». Наверное, у всех это по-разному, меня же, однако, невероятно волнуют запахи старинных православных церквей. Эти запахи создавались на протяжении многих веков. Они вобрали в себя неисчислимые слезы и радости неисчислимых прихожан, запахи венчальных свечей и погребальных каждений. Вдохнем в себя этот благодатный, ничем не истребимый запах священной Софии Киевской.

Когда, после сдержанных настроений внешнего облика храма, человек оказывался под его сводами, перед взором совершенно неожиданно открывалось непостижимо яркое по своей палитре и освещенности, набранное разноцветной смальтой изображение святых. Этот перепад тонов и настроений был настолько фантастически резок, что паломник, оказавшись под сводами собора, невольно

испытывал потрясение огромной силы. Контраст между внешней монументальной сдержанностью памятника и внутренней его роскошью действовал неотразимо – он повергал человека в неописуемый восторг. Именно в этом состоял стержневой эстетический принцип воздействия древнерусского шедевра.

В те благословенные времена гениальные зодчие были еще и мудрыми психологами, они начинали работать со зрителем уже на подступах к своим бессмертным творениям. Загодя готовили эмоциональный настрой, чтобы в решающий момент нанести сокрушительный удар, поразить в самое сердце. Ничего этого не знал, не понимал, не мог прочувствовать в чужой для себя культурологической среде неутомимый реформатор Петро Могила. Все работы по возрождению Киевских святынь проводились наспех, второпях, руководствуясь заимствованными с римского запада требованиями внешней красоты. Так часто за красивой, размалеванной внешностью иного человека скрывается абсолютно пустая, бездарная личность.

О внутреннем убранстве многострадальной Софии Киевской – Премудрости Божией написана большая литература, в том числе и толковая. Я не стану описывать все великолепие ее благородных интерьеров, остановлюсь лишь на главной святыне, во имя которой, собственно говоря, и сооружался сей великолепный храм.

Вот не могу удержаться, чтобы не привести свидетельство духовного писателя девятнадцатого века Андрея Муравьева, посетившего Софию: «Переступи порог и дохнешь иной жизнью; пусть замкнутся за тобою медные врата западные, и за ними мир: иди все к востоку, к той Нерушимой стене, которая осенила собою Церковь и Русь; и когда в алтаре соборном, на сводах горнего места, встретит тебя, с воздетыми к небу руками, Молитвенница земли Русской, которой еще молился великий Ярославль, – тогда пади пред нею в безмолвном восторге, и выскажи свое сердце, если есть еще слова в такие минуты!».

Центральной персоной Софии Киевской является мозаичное изображение Богоматери Оранты, расположенное над горним местом

главного алтаря собора. С незапамятных времен это изображение именуется христианами Нерушимой стеной. Во всей искусствоведческой и религиозной литературе установившееся наименование трактуется как свидетельство нерушимости святого храма, прошедшего через вековые испытания и, соответственно, как порука нерушимости города Киева. Дескать, доколе стоит в Софии Нерушимая стена, быть и Киеву.

Еще считалось, что всякому, кто хоть раз в жизни взглянул на Чудотворную Оранту, провидением сообщалось Небесное заступничество. Я же, однако, сомневаюсь, что создатели этого уникального образа были так уж озабочены судьбой города Киева, ибо все их творческие устремления обращались все-таки к прекрасному Небу. Согласитесь, никакие земные радения не способны мобилизовать человека на создание шедевра подобного уровня.

И вот открываю тайное. Изображение Богоматери на центральной алтарной стене, с ограждающе поднятыми руками, есть не что иное, как нерушимая преграда, стоящая между нами и Царствием Божиим. Приходите в Софию, мобилизуйте свое воображение, постарайтесь проникнуть за образ Оранты – и перед вами отворятся чертоги Небесные. Дело в том, что Пресвятая Богородица, даровавшая миру в непорочном зачатии Иисуса, пребывает как бы на рубеже – между Богом и человеком. Она связывает наше земное бытие с предвечностью Божией. Однако заглянуть в Царство Небесное из этого грешного мира весьма затруднительно, подчас невозможно. Здесь требуются усилия высочайшего духовного напряжения, по плечу только избранникам Божиим – праведникам, религиозным святителям. Вот и названа была Софиевская Оранта Нерушимой стеной.

Если хорошенько поразмышлять, фактически все великие памятники цивилизации являются своеобразной нерушимой стеной. Ибо все они пребывают на сопредельности с потусторонним миром. Не только гробницы фараонов и скифские захоронения, но и улыбка Джоконды – это ведь тоже своеобразная нерушимая стена, которую возвел гений Леонардо между тайной бытия и небытия. И я рискну утверждать, что из всех памятников мировой культуры, по своей

эмоциональной и эстетической напряженности, Софиевская Оранта не имеет себе равных. Говорю об этом вовсе не под влиянием местечкового патриотизма, но исключительно по здоровой оценке художественных достоинств мозаичного изображения Софиевской Оранты.

В сердце храню надежду, что мой рассказ о Премудрости Божией пригласит к размышлению всех, кому действительно дороги историческая память и судьба нашего народа. Ведь надо же когда-нибудь разобраться, какие злые силы смутили и вынудили миллионы людей отказаться от истинного почитания своей главной Заступницы. Даже трудно вообразить, до чего же немилосердно распорядилась жизнь, если из памяти народной напрочь вышибло духовное и смысловое значение даже самых первых его святынь.

СФИНКС - ГЕРБОВЫЙ ЗНАК ЯЗЫЧЕСТВА.
ХУДОЖНИК В.А. СОЛОМАШЕНКО.

1955 ГОД

Между тем жизнь идет своим чередом. Река времени стремительно влечет в водовороты новых, подчас нечаянных событий, плещется еще неизведанными радостями, лукаво манит, дурманит предчувствием грядущих восторгов и разочарований. У древних греков, наших духовно-религиозных наставников, на самом деле существовала река времени, и называлась она «Лета». В языковой транскрипции славян периода Киевской Руси, как мне представляется, это наименование слышится благозвучней. «Альта» – говаривали наши предки. Река с таким чарующим названием была и у нас; она протекала в предместьях Киева, по территории нынешнего города Борисполя, и считалась любимым местом уединения многих русских князей. Там, под сенью раки, в тиши неспешных вод, они погружались в раздумья о своей непростой доле, о грядущих путях процветания дорогого сердцу отчества.

Там же, в Борисполе, на берегах самой милой сердцу реки, принял смерть от предательских рук святой князь Борис, любимый сын благоверного Владимира, которому он завещал золотой киевский престол. Здесь же, при Альте, великий русский князь Ярослав, поддерживаемый новгородскими дружинами, сразился с печенегами. То была величайшая по масштабам и кровопролитию битва. Ярослав овладел стольным градом Киевом и положил конец бессмысленной братоубийственной войне. Позже, на этом трагическом, должно быть, священном для нашего народа месте поставили храм Божий во славу убиенного князя Бориса.

Когда киевский владыка Владимир Мономах почуял близкий час своей кончины, он велел отвезти себя на берега реки Альты и представил Господу душу на месте убиения обожаемого князя Бориса, прямо под стенами церкви на крови. А еще позже люди повергнут, уничтожат сей знаменательный храм, вытравят из памяти народа само место нахождения этой величайшей национальной святыни. Вот такие мы, скажем прямо, очень интересные, оригинальные ребята.

Стоит ли после этого скулить, негодовать по поводу неуважительного отношения к себе иноземцев, если и себя-то толком ни ценить, ни беречь не умеем?

Летом одна тысяча девятьсот пятьдесят пятого года родился меньший брат мой, Сергей. Как только стало известно о рождении брата, папа на радостях помчался в ювелирный магазин и купил для мамы золотые, с золотым же браслетом, часы. По тем временам, прошу заметить, воистину королевский подарок. В этот же день, с необъятным букетом любимых маминых роз и дюжиной шампанского для медперсонала, папа поехал в родильный дом, чтобы поздравить супругу и вручить золотые дары.

Об этом не очень приятно говорить, но и молчать не хочется. Через некоторое время родильный дом, в котором появился на свет Божий мой брат, зачем-то переименовали в дурдом, то есть открыли там психушку. Теперь многие из моих земляков, луганчан, говоря о месте своего рождения, должны предостерегать собеседника: дескать, это случилось еще до того, как помещение окрасили в желтый, специфический цвет. Вот такое хамское, такое паскудное отношение к судьбам, к памяти людей, возможно, было только в нашей стране, где на каждом заборе висел здоровенный транспарант с напоминанием: «Все для тебя, советский человек!».

Наступил долгожданный день, мы уселись в легковой автомобиль и отправились за семейным пополнением. Бабушка Ксения, загодя, разостлала на большой кровати свою старинную лисью шубу, в которую первым делом полагалось завернуть младенца, для счастья. Братишка удался на славу. Весом более пяти килограмм, симпатичный, подвижный, смешливый, с хорошим пищеварением и богатырским сном. У мамы оказалось так много молока, что она имела возможность делиться с соседкой, не имевшей грудного питания для своей малышки. Фактически, мама выкармливала сразу двоих детей. Ходить к соседке с бутылочкой маминого молока считалось для нас, детей, хорошей удачей, потому что без пары шоколадных конфет никто домой не возвращался.

В мою постоянную обязанность входило кормление младшего брата фруктовым соком. Папа пробуравил напильником в стеклянном пузырьке небольшую дырочку, чтобы не залипала соска, и я терпеливо поил родного карапуза. Помню, каких усилий стоило удержаться от соблазна отведать вкусного сока, но я держался изо всех сил. В девятилетнем возрасте для меня не оставалось секретом, откуда появляются на свет божий люди. Видел маму в положении, живот у нее был очень велик. Когда смотрел на сосущего яблочный сок брата, сердце сжималось от жалости. Потому что я постоянно соображал: ну как же он находился в мамином животе? Мне все казалось, что брату в темноте было очень страшно, и жалко становилось его до слез.

Брат вырос. В советские годы работал зубным техником, теперь занимается бизнесом, весьма успешно. Настолько успешно, что в середине девяностых обокрал мою семью до последней нитки. Великим нефтедауном он, по счастью, не сделался, может быть рылом не вышел, но автозапчастями на Питерских рынках торгует довольно бойко.

В последние времена обыкновенная процедура деторождения принимает подозрительно уродливые формы. Возникают какие-то, доселе не слыханные фигуранты в этом, в общем-то незамысловатом действии. Чего стоит одно только название «суррогатная мама», за которым, в соответствии со здравым смыслом, неминуемо следуют «суррогатные дети». Нормальное зачатие человеческой жизни является актом божественным, хотя бы потому, что освящается любовью, высочайшим эмоциональным всплеском, апофеозом чувственного естества. Если мы всерьез полагаем, что человек сотворен по образу и подобию Божию и что Бог есть любовь, то порука нашего богоподобия закладывается в годину зачатия, именно под знаком любви.

Об этом не худо было бы помнить будущим родителям, которые иногда торопятся пройтись по всем кругам земного ада, а потом ищут панацею в суррогатных упражнениях. Невозможно без внутреннего содрогания видеть на телеэкране различные медицинские агрегаты для искусственного сохранения недоношенных, недоразвитых, неполноценных малюток. Подается вся эта чудо-техника как

высочайшее достижение цивилизации. В связи с этим вспоминается забавный анекдот, по которому «армянская молодежь сама себе создает разные трудности, чтобы потом мужественно их преодолеть».

Между тем в пору языческого прошлого наши пращурьы относились к рождению детей предельно ответственно. Когда молодые люди вознамеривались обзаводиться ребенком, они брали меховые полости, полагали их на свежевскрытую пашню и всю ночь, под звездами, занимались любовью. Великое таинство зачатия новой жизни происходило в соитии с плодородием матушки-земли, да еще под звездным благословением. Нельзя не склонить голову перед мудростью и деликатностью наших предков в ответственнойшем деле продолжения рода человеческого. Они оформили, сохранили и передали нам уникальный генетический фонд, с невероятной жизнестойкостью. Этот драгоценнейший их дар мы варварски разбазарили фактически за три-четыре последних десятилетия, и похоже, что невосполнимо. Как тут не посокрушаться о диких нравах наших далеких пращуров!

На тысяча девятьсот пятьдесят пятый год приходился десятилетний юбилей Дня Победы. Вероятно, самый необычайный юбилей в ряду следующих круглых дат от девятого мая. Дело в том, что отношения с Великой Отечественной у Никиты Хрущева не сложились. Война не оставила в его биографии яркого, героического следа. Как главный рулевой республики, кукурузный Никита нес негласную ответственность за позорные провалы на украинских фронтах. Воякой-то он был известным. В академиях, как повелось с чапаевских времен, штаны не протирал, но членом военного совета был и генеральскими погонами забавлялся. Отстоять Украину, в первые месяцы войны, у руководства страны Советов объективных шансов не было, однако преступные просчеты с окружениями на собственной территории, унижительные сдачи пленными сотен тысяч боеспособных людей – это все результат «мудрой» стратегии партийного руководства. В итоге Никита окончил войну без дежурной звезды героя, что, по его положению, равносильно наказанию.

По этой-то причине очередной ленинец недолюбливал

соратников в галифе и на всяких торжества по случаю Дня Победы чувствовал себя как татарин на чужом пиру. Вот где-нибудь на скотферме или на колхозном поле в соломенной шляпе да с початком лохматой кукурузы в руках Никитка смотрелся исключительно органично. Ему бы, по-хорошему, приладить свое рыло где-нибудь кладовщиком при колхозном амбаре – щупать в потемках баб, обвешивать под шумок мукой зазевавшихся просителей и благополучно дожидаться старости, не гневя по-крупному Всевышнего. Так нет же, понесла дуралея нелегкая в умопомрачительно-звездный кремлевский залет.

Хрущев, более чем кто-либо другой, хорошо знал настоящую цену праздника Победы. Как и во все времена, отсутствие цены на человеческую жизнь сделалось главной трагедией для нашего народа в этой страшной мировой бойне. Дайте срок, он припомнит генералам весь их победоносный кураж, восстановит статус-кво. Доберется до самого Жукова, исполнит ему «куцен-бацен», невзирая на все его четырежды геройства, – это вам не какой-нибудь танец с оглоблями под звон щитов камуфляжных гладиаторов.

Кроме прочего, в массовом сознании понятия Сталин и Победа слились нераздельно, фактически они сделались синонимами, весьма раздражавшими строптивного Хрущева. Он-то предвидел безошибочно, что генералиссимусу недолго красоваться в мраморной неприступности мавзолея – надо же и честь знать. Акция по изъятию мумии вождя была предопределена, но провести ее требовалось деликатно, очень мягко, не возбуждая ревности фронтовиков и, разумеется, не пороча девственной чистоты, сами догадайтесь, какой целомудренной партии.

Нечто подобное происходит сегодня с другой, самой главной мумией. Вроде бы пора и ей честь знать, но явно не хватает энтузиазма, недостает у застрельщиков пороха. Грозен, опасен, непредсказуемо своенравен Ильич даже в своем одиноком затворничестве. И уж будьте уверены, предрекаю: хлопот еще предстоит с этим парнем не на одно поколение. Потому что слишком уж сладок, заманчив призыв для ничтожества, для посредственности – быть равным, как все.

Принято думать, что самые интересные события происходят в столицах, при больших каменных дворцах. Ничуть не бывало, поведаю вам. Вся эта чехарда со сталинскими перезахоронениями не идет ни в какое сравнение с манипуляциями покойниками на местах. Во времена становления Советской власти в Абхазии был отравлен, по высочайшему распоряжению, один популярный политический деятель, славно потрудившийся за правое дело. Ему закатили роскошное прощание с захоронением в центральном городском парке Сухума.

По прошествии недолгого времени выяснилось, что усопший товарищ не очень верно ориентировался по линии партии, за что был изъят из шикарной могилы и немедленно переведен в более прозаические ландшафты. Этим кампания не ограничилась, надо же знать Кавказ – там все привыкли делать с размахом. Прямо на месте бывшего погребения соорудили капитальный общественный сортир, для облегчения гуляющей публики. Вот это было настоящее, деловое решение. А в Москве все чего-то там возятся у Кремлевской стены, перетаскивают за уши с места на место, ведь явно недостает фантазии для чего-нибудь экстравагантного. Тогда возникает вопрос: чего кобениться? Не проще ли обратиться к недавнему революционному опыту. Людям на пользу и вождю приятно убедиться, что дело его по-прежнему живо.

Как бы там ни было, но властная вертикаль в стране Советов работала безупречно, официальное отношение к десятилетнему юбилею Дня Победы было сконфуженно сдержанным. То есть вроде бы и праздник, однако без лишнего шухера. В нашей школе, разумеется, организовали торжественную линейку. Пионеров, под кряканье горнистов, выстроили в ряд. Потом, для пущей важности, тарахтели в барабаны и отдавали салют выпучившим остекленевшие глаза ветеранам. Каждый из нас при этом на строгий призыв пионервожатых: «Будь готов!» звонко, с восторгом выкрикивал: «Всегда готов!». К чему готов? Зачем готов? До сей поры одолевают сомнения. А ну как не всегда был готов и вдруг не полностью, всего лишь наполовину?

Орденосные дяденьки делились со школьниками тяжелым

опытом военных лет. С вдохновением рассказывали, какими мерзавцами бывают тупорылые немцы. Стращали их кровожадностью и подлостью. И, конечно, с гордостью вспоминали о своей боевой отваге, о ратных подвигах погибших товарищей.

В недалеком прошлом светлейшие предводители ленинской компартии недоуменно сокрушались: да как же так, почему могучим советским писателям никак не удастся сострять гениальный роман о Второй мировой войне, подобный тому, что проворно соорудил Лев Николаевич? Бойкого пера секретари союза всех величайших писателей, понукаемые центральным комитетом, отчаянно шевелили короткой мозговой извилинкой и пыжились сотворить нечто толстовскообразное, чтобы всем недоброжелателям в пику и, главное, на века. Им было невдомек, что хорошую книгу о прошедшей войне написать никак невозможно. Потому что у советских людей невероятно куцые, обглоданные, абсолютно не книгоформатные судьбы. Князь Андрей Болконский сделался классическим персонажем вовсе не потому, что доблестно воевал, а более всего и в связи с тем, что за ним стояла великолепная фамильная история, могучая российская культура, с прародительскими традициями и глубинным житейским укладом.

Даже самые известные биографии советских людей сляпаны как детский мат в три хода: быдло, кожанка, расстрел. Жизнь их бессмысленна и скоротечна, сродни пузырям, подпрыгивающим в дождливой луже. Ведь кого ни возьми из когорты наших достославных вождей или военачальников, никогда не поймешь, откуда повывадали на наши головы все эти ретивые парни. За ними никого и ничего, упираешься, как в задницу биндюжника, и толку-то, что он Хрущев или Жуков. Тут, брат, как в трех соснах, шибко не нафантазируешь, не распишешься.

Частенько мне припоминается одна забавная военная комедия. Однажды ночью меня, взрослого уже мужчину, подняли по учебной тревоге в городе Луганске и потребовали явиться в клуб Маяковского, который был определен как место сбора для срочной мобилизации. В актовом зале собралось пару сотен таких же вояк,

как и я. Вдруг на сцену выскочил очень волнующийся, в портупелях, человек и принялся стращать публику. Первое, что он сделал, – это предупредил всех, если, в случае войны, кто-нибудь хоть на минуту опоздает к месту сбора, немедленно будет поставлен к стенке, и даже указал рукой в сторону кирпичного забора.

Между тем в рядах запасников поднялся один чудак и как заорет на весь зал: «Точно такое же мне пообещали вчера на работе. Такой же шустряк посулил: если в начале войны хоть на минуту опоздаю в цех, то буду поставлен к стенке и тоже показал к какой. Так что же мне делать, какой избежать стенки, самому застрелиться, что ли?» Народ покатился от хохота, а красавец на сцене как взбесился: «Я бы такую гадость, как ты, пристрелил бы и войны не дожидаясь». На том и разошлись, удовлетворенные, по домам. Все вместе называлось «плановая учебная военная подготовка».

Когда я старательно кропаю эти строки, народы отметили шестидесятилетие Дня Победы. Прошло уже немало лет, о войне написаны горы книг, которые, за небольшим исключением, носят развлекательный, и, как следствие, поверхностный, а то и откровенно примитивный характер. Естественно, что каждая страна, да и каждый человек, принимавший участие в беспощадной мировой войне, видят ее по-своему. Однако общая направленность освещения военной проблематики строится преимущественно по правилам беседы мудрого папаша с незатейливым крошкой сыном на предмет, что такое хорошо и что такое плохо.

Скажем так, Курская дуга – это хорошо, очень здорово, Бабий Яр – это плохо, совсем отвратительно. И так по всему кровавому сценарию, по всем страницам военной истории. Хотя по сроку давности пора бы уже обратиться к правде о той страшной войне не в системе хорошо или плохо, но в первую очередь с позиции зачем и почему.

Наивно рассчитывать, что человеческая природа может как-то радикально измениться за шесть десятков лет. Немцы, тотально изводившие еврейское население в середине прошлого века, остались тем же самым народом по определению. Жизнь никогда, никого,

ничему не учит – это же элементарная истина. Если мы не найдем в себе мудрости рассуждать о мировой войне спокойно, без эмоционального флера, все, с большой вероятностью, может повториться.

Ответственный разговор о Второй мировой войне невозможно выстроить с помощью политических соплей, наматываемых вокруг пакта Молотова – Риббентропа. Неужели кто-то всерьез полагает, что заплечных дел мастера, несшие вахту у печей Бухенвальда, держали в нагрудном кармане копии дипломатических документов, подписанных министрами. Или кто-то наивно допускает, что люди, оказываясь в окопах под смертоносным огнем, не важно, с какой стороны, могли вести захватывающие идеологические дебаты о затейливых политических раскладах.

Для меня, например, так же как и для будущих поколений, гораздо важнее попытаться выяснить: почему просвещенные немцы беспощадно уничтожали не менее просвещенных евреев? Зачем варварски сгноили миллионы абсолютно беззащитных людей – женщин, детей, стариков? Не для того, чтобы трепетать от радости или задыхаться от горя, но по возможности предотвратить эти «прелести» в будущем.

С подачи Владимира Семеновича Высоцкого мы благополучно разобрались, почему аборигены съели Кука. Оказывается, они решили таким остроумным способом вопросы общественного питания. Но немцы-то, явившие миру Канта, Бетховена, Гёте, они что, вот так же запросто, кровожадности ради, принялись истреблять целые народы? Понятно, что эти кошмарные преступления сопровождались эффективной пропагандой, позволившей опустить цивилизованных людей до готовности совершать несусветные гнусности. Должно быть так же понятно, что никакая пропаганда, никакое теоретическое обоснование не может иметь успеха в образованном обществе без привлечения очень убедительных аргументов, имеющих благодатные исторические корни. И тут нечего скрывать – истоки зла должны быть публично обнаружены, опять же таки во имя грядущего.

Об этом никто и нигде не желает серьезно говорить. Евреи

не поднимают этот вопрос вследствие неподдающихся осмыслению масштабов потерь. Остальные молчат из ложного страха, чтобы каким-нибудь нечаянным образом не обидеть евреев и не вызвать на себя шквал всегда имеющихся наготове обвинений в антисемитизме. Вот так и живем – торжествуем, рыдаем, рвем на себе волосы и не утруждаем себя разобратсья, что же происходило в действительности в середине двадцатого века, что не поделили между собой цивилизованные люди, зачем немцы подвергали истреблению древний библейский народ.

В основе фашистской идеологии – любой, не только германской – лежит упование на национальную исключительность, так сказать, на расовое превосходство избранных. Когда Адольф Гитлер пришел к власти и окончательно уверовал, что в жилах его однопартийцев течет голубая, арийская кровь, он с удивлением обнаружил целую череду претендентов на национальную исключительность, которые также пребывают в иллюзиях относительно особых достоинств своей благородной крови.

Беда, однако, в том, что никакая исключительность в принципе не может мириться с конкурентами, ибо не предполагает наличия еще каких-либо соискателей. Иначе это уже не исключительность, а обыкновенная коммунальная тусовка. Стало быть, все другие исключительности, кроме немецкой, оказались в годы Второй мировой войны обречены.

Нравится это кому-либо или нет, но первыми в ряду претендентов на национальную избранность всегда оказываются евреи. Так уж повелось. Во-первых, о богоизбранности этого народа предостаточно наговорено в Библии. Это не удивительно, ведь книгу составляли сами евреи. Другая, несомненно боговдохновенная книга, Коран, о еврейской богоизбранности безнадежно умалчивает. Во-вторых, и это самое главное, у каждого еврея припасен в памяти длинный список представителей его национальности, которые сделались украшением рода человеческого. Этот список – сущее искушение для желающих раздуть свое национальное превосходство до масштабов кровной, биологической исключительности.

Современный культурный человек является собой продукт общественный. Культура не есть нечто биологическое, присущее человеку по факту его рождения. Известны случаи полного одичания людей, когда они оказывались вытесненными из культурологической среды. Нет ничего плохого в том, что люди гордятся своей национальной культурой и лучшими ее представителями, но при этом необходимо иметь ясное представление о том, что есть действительное национальное достояние.

До Октябрьской революции в Петербургской консерватории вел педагогическую деятельность по классу скрипки выдающийся профессор Леопольд Ауэр. Ауэр оказался в чрезвычайно благодатной музыкальной среде, как раз в период ожесточенного соперничества между представителями «Могучей кучки», во главе с Балакиревым, и консерваторцами, группировавшимися вокруг Рубинштейна. Ауэр примкнул к лагерю консерваторцев. У него завязалась большая дружба с Рубинштейном, Давыдовым, Чайковским. Профессору удалось создать уникальную школу скрипичного исполнительского искусства. Выпускники его класса определили уровень инструментального мастерства на весь двадцатый век – по ним оценивали остальных музыкантов, они сделались мерой вещей. То были Яша Хейфец, Мирон Полякин, Ефрем Цымбалист, Миша Эльман и еще много блестящих имен. Кроме артистичного, виртуозного владения скрипкой, этих людей объединяло еще одно качество – все они были евреи.

Однако в мировой искусствоведческой литературе школа Ауэра рассматривается как выдающееся явление русской музыкальной культуры. И это абсолютно справедливое суждение, потому что все названные талантливые люди были носителями и выразителями русского музыкального мироощущения, они были продуктом той общественной культурной среды, которая вскормила их и вознесла к творческим олимпам.

В нашей стране подозрительно часто любят распространяться о необычайной музыкальной одаренности украинского народа. Мне представляется, что немзыкальных народов не существует по определению. Но вот о чем не худо призадуматься: почему украинская

культура, при наличии таких-то талантов, не сподобилась предъявить миру по-настоящему великого композитора, произведения которого пользовались бы широкой популярностью у серьезных музыкантов? Ведь вы не сыщете во всем мире ни одного уважаемого симфонического оркестра, в чьем репертуаре была бы представлена украинская классика. Происходит это вовсе не потому, что в искусстве существует мировой антиукраинский заговор; просто высокой нашей классической музыкальной культуры не существует в природе.

И это происходит не оттого, что на Украине живут бездарные люди; просто украинская национальная культура до сих пор еще не сумела подняться до уровня общечеловеческих кондиций и создать предпосылки для творчества индивидуальностей мирового масштаба. А такие индивидуальности в стране, несомненно, есть, иначе быть не может. Но для этого, прежде всего, необходимо много учиться, в том числе и уважению культуры иных народов. Бесконечной трескотней о своей музыкальности, о своей европейскости делу, увы, не поможешь, Шопены от этого на свет не появляются.

Некоторые евреи наивно полагают, что Альберт Эйнштейн стал великим физиком исключительно потому, что особенно удачно подвергся обрезанию. Хотя великим-то физиком его сформировала уникальная немецкая национальная культура. Эйнштейну лишь посчастливилось оказаться выразителем той напряженной работы, которую вели передовые европейские умы в начале двадцатого века. Окажись маленький мальчик Альберт где-нибудь на задворках могилевского гетто, мир обязательно пришел бы к теории относительности, но никогда ничего не узнал бы о физике Эйнштейне. Современный Израиль – прекрасная тому иллюстрация, как-то не густо в Телль-Авиве с великими композиторами, учеными, писателями.

Подлинным представителем еврейской национальной культуры по праву считается писатель Шолом-Алейхем или непревзойденный бестселлер на все времена – «семь сорок». Продолжить этот весьма скромный ряд я лично затрудняюсь. Вклад непосредственно еврейской национальной культуры в мировую сокровищницу чрезвычайно скромнен. Его не только невозможно сопоставить с великими

европейскими национальными культурами, о нем даже много распространяться не представляется возможным. Тот необъятный калейдоскоп блистательных имен, который, в простоте душевной, предъясняется многими детьми Авраама как свидетельство беспримерности их национальной одаренности, с неизбежными претензиями на исключительные интеллектуальные национальные достоинства, весьма и весьма проблематичен, если не сказать абсурден.

Невозможно отрицать выдающиеся достижения представителей еврейского народа, их способность ассимилировать в различные национальные культуры и добиваться феноменальных успехов. Но дело здесь не в каких-то богоданных особенностях еврейской крови, а все-таки в уникальности еврейского материнства. Почти все знаменитые евреи обязаны своим успехом родным матерям, их непревзойденному стремлению вознести свое чадо на пьедестал судьбы. Редко какая другая мамаша умеет быть настоящей путеводной звездой, наставницей, хранительницей, оберегом для своих деток. В христианском лексиконе существует много прекрасных определений для величания пресвятой Богородицы, даровавшей миру Иисуса. Заступница, Молитвенница – как только не восхваляют Богоматерь верующие люди, и все эти определения очень органично накладываются на великое еврейское материнство. Наверное, когда-нибудь люди воздвигнут грандиозный памятник еврейской матери от имени всего человечества в благодарность за славных ее сынов, так доблестно потрудившихся во благо цивилизации.

Разумеется, это собственное решение еврейского народа, как позиционировать себя относительно иных национальностей, иных представителей человечества. Однако не следует забывать, что любая исключительность – состояние хотя и приятное, но и очень рискованное. Так что, как торжественно предупреждали нас в школе мудрые пионервожатые, на всякий случай «будьте готовы!».

Я, естественно, далек от намерений скандалить по поводу разделения народов на элитные и второсортные категории. Однако не считаю правильным уклоняться от объективных оценок, опирающихся на веками выверенное восприятие той или иной национальной

общности людей. Иногда бывает достаточно одного прицельного определительного слова, чтобы охарактеризовать подлинное лицо целой нации, выразить его отличительную особенность, что называется, высветить одним ударом кисти.

Положим, для англичанина таким знаковым определительным словом несомненно является «джентльменство». Для китайца – «император». Для француза – «любовь». Для русского человека – «земля-матушка». Для украинца настойчиво просится милое сердцу «сало», хотя значительно серьезнее претендует определение «Богородица». А есть еще «сосиски», «макароны», «ром», «шашлык», «коньяк» и много чего еще. За евреями, как ни ряди, закрепилась позиция «хитрость». Лично я не вижу в слове «хитрость» ничего оскорбительного. Это качество сформировалось в результате извечной борьбы за выживание еврейского народа. На худой конец, понятие «хитрость» можно перевести в щадящую формулировку и определить как «предусмотрительность». Вообще я не понимаю, почему о русском пьянстве позволено высказываться сколько угодно, а вот о еврейской хитрости и жадности обязательно с оглядкой.

Много евреев на исходе прошлого века покинуло нашу страну. Трудно судить еврейское счастье. Никто не знает достоверно, что приобрели эти люди в землях обетованных, но вот наши потери имеют разрушительные приметы. Сужу об этом хотя бы и по городу Киеву. Покинувшие столицу Украины евреи увезли с собой неповторимую культуру, бытовую и профессиональную, фактически моделирующую некий общественный тип, отражающий усредненный портрет жителя большого города. Киевские врачи, музыканты, учителя, торгаши, парикмахеры в массе своей были евреями. Они придавали городской жизни особый подольский уклад, сообщали ей некоторую еврейскую доминанту. Потери города в связи с массовым отъездом евреев воистину невозполнимы. Освободившиеся еврейские вакансии авральным порядком заполнили корифеи безнадежно средней руки, отчего качество городской жизни с неизбежностью опустилось до уровня провинциальной безликости.

Вот не устою от соблазна вспомнить одного из старожил

киевского Подола. Мой старинный товарищ Евтеев Александр жил на Нивках, по улице Салютной. Наезжая к нему из Луганска в гости, я первым делом отправлялся в ближайшую парикмахерскую обслужиться у знакомого мастера, уроженца Подола, еврея по имени Саша. Это не было штатное брадобрейство, но полноценное представление, действие, достойное хорошего спектакля. Саша встречал меня такими картинными жестами и возгласами, что со стороны могло показаться, будто на ваших глазах происходит свидание Тристана с Изольдой. Мастер с поклоном приглашал взойти на тронное место, долго обхаживал со всех сторон, щурил глаз и болтал без умолку. После визита в парикмахерскую можно было покидать Киев со спокойной душой, потому что ты знал все, что когда-либо случилось в этом городе, что есть сейчас и что будет потом на многие годы вперед.

Саша, не торопясь закуривал дорогую папиросу и мягкими пассами начинал править опасную бритву на дюжине различных ремней. На ощупь большого пальца поверял готовность золингеновской стали и требовал подать горячий прибор. Подсобная женщина тотчас же подносила парующие снасти, и мастер начинал священнодействовать. Мылил, пенил подобранное белоснежной салфеткой лицо, словно объяснялся в любви, ангельскими прикосновениями снимал излишки пены с кончика носа и, затаив дыхание, демонстрировал чудеса владения трофейным инструментарием. Потом был с обжигающими компрессами кремовый массаж. Потом прохладное пощипывание непревзойденного одеколona «Шипр» и прощальная улыбка кудесника Саши.

Известно, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Не следует упрощать и представлять историю так, будто пришедший в Германии к власти баварский ефрейтор Шикльгрубер с самого начала своей политической одиссеи замышлял глобальную мировую бойню. Вот ведь удивительно: почему-то многие вожди-злодеи предпочитают отказываться от своих родовых фамилий и переходят на зоологический язык кличек. Главное дело, в корне настоящей фамилии Адольфа Гитлера затаилось созвучие «шикль» – право же, удивительно перекликается, едва ли не вытягивает на еврейский «шекель».

Увертюра к кровавой вендетте фюрера отзвучала вполне пристойно. Намерения и обещания рейхсканцлера были весьма благородны, ориентированы на социальную справедливость, полны забот, как принято говорить, о рядовом человеке.

С давних времен люди стремились держать на собственном подворье породистую живность, иметь под седлом крепкого скакуна, растить урожайные нивы. Жизнь оформила умение отбирать и выращивать элитные породы или сорта сельхозпродукции в науку о селекции. Современного человека не удивит сногшибательной стоимостью породистого голландского бугая, потому что вырастить знатного производителя – дело тонкое и дорогостоящее, хотя и вполне рентабельное.

Естественно было задуматься: если люди прилагают столь затратные усилия для выведения элитного поголовья буренок и кроликов, почему бы не обратить внимание на собственное несовершенство и не попытаться улучшить человеческую породу? Рассуждая подобным образом, некто Фридрих Ницше пришел к «счастливой» идее о необходимости становления сверхчеловека, фактически о селекции элитарной личности. Вот, собственно говоря, с какой, вроде бы научно обоснованной затее начинался обыкновенный фашизм. Оставалось лишь перебросить мосток от одного совершенного экземпляра к единственной совершенной нации, и дело оказывалось в шляпе. Потому что немедленно возникал нериторический вопрос: а что делать с остальными, беспородными нациями, хотя бы и на предмет неправильной формы черепа?

Человек устроен таким образом, что его восприятие внешнего мира всегда носит персональный характер. Мы видим и слышим не то, что объективно окружает нас, но только и именно то, что в состоянии видеть и слышать в данный момент. Когда разنوет зуб или одолеет головная боль, картина внешнего мира приобретает надлежащий колорит, соответствующий душевному расположению. Хорошо заметил поэт: «Гвоздь у меня в сапоге кошмарнее, чем все фантазии у Гёте». Когда на сердце легко и жизнь удалась, окружающий мир опять-таки отвечает настроению и видится преимущественно в розовых тонах.

Юрия Гагарина, мужчину, надо полагать, безукоризненно здорового и лучезарного, меньше всего беспокоила мысль о человеческом несовершенстве, о необходимости улучшения породы людей. Фридрих Ницше хотя и был человеком талантливым, но очень нездоровым. Он умер от сухотки спинного мозга, то есть от хронического заболевания нервной системы как следствия позднего проявления нехорошей венерической болезни. Психические патологии, несомненно, сопровождали по жизни Адольфа Гитлера. Парнем он был тоже одаренным, знал толк в высоком искусстве – имея замечательный голос, прекрасно пел, великолепно рисовал. Сталин от рождения был уродцем, с целым комплексом физических недостатков. С детства пытался подвизаться на ниве духовного служения, самозабвенно любил театр, мог часами, по памяти, декламировать высокую поэзию.

Разумеется, для этих ущербных, физически неполноценных людей мир виделся прямо-таки болезненно несовершенным, вызывающим благородные порывы заняться его исцелением. Никому из них в голову не приходило обратиться к себе, навести порядок в пределах собственной шкуры. Но вот устроить профилактические работы по оздоровлению населения планеты, а кое от кого и вовсе избавиться – казалось делом крайне необходимым, абсолютно гуманным.

Все беды на земле от безбожия. Верующий человек принимает жизнь, окружающий мир как абсолютную данность, в которой ничего не следует улучшать или ухудшать, разве только себя самого сделать немного чище, достойней радения Божия. У атеиста дела обстоят значительно сложнее. Если собственная жизнь складывается комфортно, окружающий мир принимается в его существующем виде. Если же в личном плане возникает неудовлетворенность, атеист заявляет во всеуслышание: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться». Взбунтовавшийся человек не желает задуматься, что никуда он не пришел, что жизнь человеческая есть священный дар Божий. Ведь не сами же мы назначаем себе право присутствовать в этом неопишимо прекрасном, бесконечно совершенном мироздании. Тогда, на подмену промысла Божьего, выступает дьявольская гримаса нашего тварного естества, вплоть до нелепой самооценки своего родства с

обезьяной и, как следствие, возможности соответствующих поведенческих норм, вплоть до проведения селекционных работ, по аналогии с разведением кроликов.

Германский народ состоит из очень ответственных, трезво мыслящих людей. Развязывая Вторую мировую войну, немцы свято верили, что несут европейским народам благо. Советские, в сущности, миролюбивые люди так же сулили Европе благо, разумеется, в собственной, марксистско-ленинской редакции. Не говоря уже о том, что сами европейцы имели и свою точку зрения на предмет личного блага. Вот ведь в чем основная коллизия Второй мировой. Столкнулось так много благожелателей, что угрохали чуть ли не сотню миллионов ни в чем не повинных человеческих душ.

Когда-то я спрашивал своего крестного дядю, фронтовика: страшно ли было убивать людей? Он удивленно вскидывал очи и говорил: «Каких людей? Я же убивал немцев». Когда бы мой дядя Павел знал музыку Вагнера, если бы он, как и я, не представлял жизни без сонат Бетховена, он все равно бы, конечно, воевал, но на мой вопрос, быть может, попытался бы ответить содержательнее. Наверное, и многие немцы, если бы они видели Покров на Нерли и читали «Старосветских помещиков» Гоголя, как-то более избирательно обращались с прицелами. А быть может, все гораздо проще – стреляли бы и те, и другие, так же азартно и весело, но мне никогда не понять эту готовность миллионов людей подниматься на убийство себе подобных. Даже в царстве зверей, на очень большом удалении от Библии и Корана, не бывает примеров кровожадности, сравнимых с теми, которыми полна наша история.

Если опять-таки обратиться к далеким, варварским, как представляется иным современникам, временам, то наши предки воевали следующим образом. Человек брал в руки меч или копье и выходил в поле, чтобы сразиться с таким же вооруженным противником. Воины сходились, видели друг друга в лицо, имели возможность просить пощады, наконец, могли не ввязываться в сражение, разворачиваться и бежать восвояси.

Но вот что мне интересно: американский летчик, который нес в чреве своего самолета увесистое благо для японцев, он что, намного гуманнее, цивилизованнее наших диких предков, если одним только нажатием кнопки стер с лица земли сотни тысяч никогда не знавших, не видевших в лицо, не причинивших ему никакого вреда людей? Причем все эти жертвы были лишены выбора и шанса на выживание, их никто не спросил – желают ли они, готовы ли воевать с американским народом. Невольно задумываешься, так ли уж принципиально отличаются подвиги американских военных летчиков, бомбивших Японию, от безумства гражданских парней, направивших пассажирские «Боинги» в наполненные живыми людьми небоскребы. А если быть уж совсем до конца последовательными, то, с точки зрения личной доблести исполнителей этих кошмарных злодеяний, поступок американских летчиков является просто вершиной возможностей человеческого паскудства.

Если внимательно посмотреть на политическую карту мира, можно заметить, что каждое государство в пределах своих границ окрашено собственным цветом. Из этого, в частности, следует, что каждый человек, будь то президент великой страны или рядовой гражданин, должен хорошо понимать, что он имеет моральное право сеять разумное, доброе, вечное только в пределах границ своего государства. Все равно как на своем приусадебном участке можно выращивать клубнику, кукурузу, ананасы, но не сметь шустрить с мотыгой на соседских грядках. Это единственно возможное условие мирного, добропорядочного сосуществования на Земле всего многообразия народов.

Как только кому-либо, под любым предлогом начинает казаться, что на соседской усадьбе вместо баклажан не худо бы развести чечевицу, начнутся серьезные проблемы. Сразу для всех – и для тех, кто сильно умен, и для тех, кто не очень. Потому что если факел на статуе Свободы начинает падать от несварения иракской нефти – жди беды, обязательно разгорится большущее пламя по месту жительства этой благороднейшей леди.

1956 ГОД

В одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом году произошло событие, определившее очень многое в моей дальнейшей судьбе. Внешне оно выглядело весьма заурядно. Папа принес с работы несколько почтовых марок, наклеенных на конверты для служебных переписок. Он научил меня отпаривать над носиком кипящего чайника эти симпатичные зубчатые картиночки. Научил закреплять почтовые марки на специальных бумажных язычках в альбоме для рисования. Одним словом, посвятил и приобщил к когорте коллекционеров.

Собирательство редкостей стало на всю жизнь моей второй натурой. Я уже никогда не расстанусь с волнующей страстью прикасаться к вещам, несущим на себе память прошлых лет. Никогда не устану, не пресыщусь испытывать несказанное удовольствие от прикосновения к изделиям, хранящим следы художественных и ремесленных вдохновений, сотворенных руками знаменитых и неизвестных мастеров.

За долгие годы чего только не перебивало в моей собственности. Я имел редчайшие, античные, византийские золотые солиды. Обладал драгоценнейшими царскими наградами, выполненными по заказу придворными ювелирами фирмы «Эдуард». Я владел уникальными картинами, иконами, скрипками самого высокого достоинства – всего не перечесать. Никаких слез не хватит, чтобы вспоминать и печалиться обо всех антикварных раритетах, прошедших через мои руки.

Всякий бывалый коллекционер проходит в своем развитии, если, конечно, проходит, три четко обозначенные стадии. На первых порах он руководствуется некоторым общим интересом, по избранной для себя тематике. Ему доставляет наслаждение сам факт обладания вожаделенным предметом, приносит удовлетворение осознание расширяющегося кругозора, непременно сопутствующего любому собирательству.

Следующая ступень – и она абсолютно неизбежна – связана с предпринимательским соперничеством и вовлечением в материальные страсти, кипящие вокруг хождения раритетных вещей. Здесь иногда фигурируют серьезные интересы, сталкиваются амбиции маститых коллекционеров и довольно значительные суммы. Во всем мире торговля антиквариатом – это целая индустрия, и каждый собиратель, в разной степени, причастен к ней. Чем значительней, масштабней ценитель старины, тем больше оборотных средств запущено в его деятельности. Финансовые дразги непредсказуемы, здесь все как в любви: от успеха до разочарования один только шаг.

Но есть еще высшая, третья ступень, которую достигают редкие магистры антикварных дел. Это удел избранных. Я имею в виду знатоков, истинных жрецов, хранителей древностей, которые умеют читать, постигать духовную сущность раритетов. Такие люди способны входить в тонкую связь, сожительствовать с уникальными вещами. Они понимают сокровенную суть мистической жизни рукотворных изделий, могут угадывать их настроения, намерения, способны понимать и уважать их непреклонную волю. От этого возникает несказанное наслаждение, томительное, ревностное, всепоглощающее.

Из школьных лет мы выносим убеждение, будто видимый мир делится по двум признакам – на одушевленные и неодушевленные предметы. И вроде бы между этими двумя категориями не существует никакой очевидной связи. Такое примитивное разделение окружающего мира, в духе вульгарного материализма, формирует абсолютно неверное, уродливое отношение к жизни. Потому что в действительности мир Божий един и неделим. Более того, вокруг нас существует огромное количество необыкновенных, мистических, особо одухотворенных предметов, способных оказывать на людей колоссальное живое воздействие. К ним относятся, в первую очередь, подлинные произведения искусства.

Когда талантливый человек создает то или иное художественное произведение, он вкладывает в него свое вдохновение, некоторую индивидуальную творческую энергию, попросту говоря, переносит частичку собственной души. У очень талантливых, гениальных

создателей щедрость души, воплощенная в их творениях, может обрести убедительность и силу необыкновенную. Вышедшие из рук больших мастеров, одухотворенные изделия несут на себе неотвратимые знаки собственной кармы, они могут заключать счастливую или трагическую судьбу. Поэтому, вступая в интимную связь со своими обладателями, становятся их жизненными партнерами, а иногда и противниками. Если какой-нибудь случайный, неопытный человек попытается неловким способом завладеть подобной одухотворенной вещью, да еще и навязать несвойственную данному предмету судьбу, он будет раздавлен, уничтожен творением мастера.

Это только начинающему собирателю приходится гоняться за раритетами. Он рыскает по блошиным рынкам, тусуется на специальных сходках старьевщиков в надежде на встречу с нечаянным антикварным чудом. Опытный же маэстро спокоен и терпелив, он знает наверняка, что серьезная вещь сама выбирает для себя хозяина, сама комбинирует выбор, может затаиться до срока, потом выкинуть совершенно непредсказуемый фортель, прокладывая свою персональную судьбу. Сколько раз случалось: идешь по следу, кажется, что вот-вот, остается последнее усилие и желанная вещь окажется в твоих руках. Но происходит какой-нибудь невообразимо непредсказуемый канкан – и добыча навсегда ускользает от тебя. Так иногда на рыбалке: у самого берега подцепленный на крючок карась делает какой-то замысловатый пируэт и моментально скрывается в спасительных водах.

Я знаю массу различных случаев, когда рукотворные вещи оказывались сильнее живых людей, навязывали владельцам свою непреклонную волю, а бывало, что и расправлялись с ними. Дабы не выглядеть голословным, приведу из своего личного опыта какой-нибудь поучительный пример. Почему, собственно говоря, только один пример? Расскажу для верности два-три интересных приключения из моей обширной коллекционной практики. Наверняка это будет занятно, а для кого-то и назидательно.

Как-то в начале девяностых, живя в Киеве, я по привычке заглянул в антикварный магазин, что находился на углу пересечения улиц

Красноармейской и Саксаганского. Любители старины со стажем отлично помнят этот магазин; его уж нет, а жаль. Вернее, магазин-то есть, но продают в нем теперь обои да унитазы.

Едва переступив порог антикварного торжища, я не просто увидел, сердцем почуял присутствие настоящего раритета. Достаточно было мимолетного взгляда направо, в сторону, где обыкновенно выставлялись на продажу иконы, чтобы увидеть необыкновенной чистоты и убедительности изображение Покрова Пресвятой Богородицы. На стене, за прилавком, красовалось исключительного достоинства, как по качеству исполнения, так и по редкости содержания, подлинное произведение искусства. На большеформатной, мощной, благородного дерева доске был изображен издавна почитаемый христианами образ Божией Матери. Уникальность раритета обуславливалась безупречной зрелостью вкуса, твердостью руки мастера. Икона поражала необыкновенной гибкостью обыгрывания голубых тонов, превалирующих в палитре художника и являющихся в церковной идеологии цветом Богородичного чина. К тому же это было крайне редко исполняемое явление Богоматери донским казаком в Августовских лесах, что связано с реальными историческими событиями.

В годы Первой мировой войны российские войска несли тяжелые потери на территории Польши. Однажды в Августовских лесах отбившаяся от войск донская казачья сотня, после долгих преследований неприятелем, угодила к концу дня в окружение. Казалось, что судьба сынов Дона предрешена: с рассветом они будут полностью уничтожены, ведь казаков в плен старались не брать. Всю ночь сотня не смыкала глаз, кто-то молился, кто-то вспоминал близких, люди готовились к принятию смерти. И вот только забрезжил рассвет, перед очами изумленных дончан предстала на облаке, в божественном сиянии, с пречистым Младенцем на руке Небесная Заступница. Казаки, при виде нечаянного чуда, пали на колени, и стали воздавать хвалу Господу за щедрый, утешительный, как представлялось, предсмертный дар.

Наступил рассвет, а неприятель все не давал о себе знать.

Дозоры стали докладывать, что во всем лесу, намного верст кругом, нет ни единой живой души. Казаки заседлали лошадей и тронулись в поход, по направлению к своим войскам. Они вышли из окружения, так и не потеряв ни единой сабли.

Все эти события имели место быть на глазах большого количества обреченных людей, получивших чудесное избавление. Русская Православная Церковь по свежей памяти признала и канонизировала небесное явление Богородицы донским казакам в Августовских лесах. Было утверждено и рекомендовано иконописное изображение происшедшего чуда. Явление полагалось рисовать как бы в двух уровнях. В верхней части иконы следовало изображать стоящую на облаке Божию Заступницу всех христиан, которая в одной руке держит Младенца, другой осеняет небесным покровом войска. В нижней части иконы изображалась разбившаяся лагерем, терпящая бедствие казачья сотня.

Продаваемое теперь в антикварном магазине произведение имело, несомненно, первосписочное происхождение. Возраст иконы выдавало состояние дерева и красочного слоя, но самое главное – на изображении весьма явственно проступала рука польского художника. Манера письма, в особенности на лице Богородицы и Младенца, несла на себе все признаки католической иконописной культуры. Это означало, что священный образ заказывали и выполняли непосредственно в Польше, сразу же по факту чудотворного явления Покрова Пресвятой Богородицы. Мне же оставалось только достать из кармана необходимую сумму, пробить чек и принять в свои руки прекрасную икону.

Есть в физике такое понятие, как «торричеллиева пустота», нечто наподобие глубокого вакуума. Мои финансовые возможности, на то время, были близки к этому суровому состоянию. Я недавно переехал из Луганска в Киев, в силу не совсем благоприятных обстоятельств, жил на квартире с женой и девятилетней дочерью. Жил, скажем осторожно, не на широкую ногу. За икону требовалось заплатить, в купонном выражении, что-то около трехсот долларов. Для меня же, что триста, что миллион, не имело большой разницы, денег

не было в упор. Я покрутился вокруг магазина, пощелкал зубами и очень расстроенный отправился восвояси, с полным пониманием, что такая уникальная вещь в магазине долго не задержится.

Между тем покоя я лишился по-серьезному, икона не покидала моего воображения, постоянно напоминала о себе. Неудивительно, что на следующий и еще через день я приезжал в магазин на Красноармейскую. А Богородица все стояла, сияя своей неповторимой красотой, на удалом антикварном торжище. Киев – многомиллионный город, с солидным представительством любителей старины, священников, перекупщиков и, вообще, множеством людей, для которых подобное произведение должно бы представлять горячий интерес, да еще при откровенно мизерной его цене. Казалось невероятным, что такая знатная вещь не находит своего покупателя.

В то время единственным моим источником дохода был ремонт и изготовление скрипок, и я, почти без всякой надежды, приступил к строительству нового инструмента. Дабы продать его и на вырученные деньги купить икону. Затея представлялась утопической, поскольку для изготовления скрипки требовался немалый срок. Тем не менее я настойчиво принялся за дело, но каждый вечер приезжал к магазину, чтобы очередной раз убедиться – на месте ли Богородица. В какой-то из дней продавцы выставили икону в витрину, чтобы она эффектно просматривалась с улицы и завлекала покупателей. Меня эта затея повергла в панику, я был в отчаянии.

Но однажды вечером, когда я приехал к магазину и внимательно всмотрелся в священный образ, меня осенила совершенно спокойная, непоколебимая уверенность, что не следует суетиться, – икона обязательно окажется в моих руках. Бестолковым поездкам был положен конец, и я с удвоенным рвением устремился к завершению работы над созданием скрипки, чтобытаки явиться в магазин с деньгами. Приблизительно месяц я не навещал Красноармейскую, до того самого дня, когда нанял такси, взял чистую простынку и в чудесном расположении духа переступил порог антикварной лавки, даже в мыслях не допуская, что могут произойти какие-либо неожиданности. По предъявлению оплаченного чека, мне с приятной

любезностью завернули икону в беленькую простынку и поздравили со счастливым приобретением.

Радость мою невозможно описать никакими словами. Я снимал очень скромную однокомнатную квартиру. Дочка Ульяна спала на диване, мы с женой ютились на полу, довольствовались матрасом. Икону ставили на ночь возле себя, так же на полу, запаливали лампаду и упивались ее неземной красотой. Мы прожили в Киеве с этой иконой не менее трех лет, она сделалась неотъемлемой частью нашего существования, фактически полноценным членом семьи, а быть может – ее главою. Судьба, как это иногда бывает, заложила очередной вираж, и я, по необходимости, возвратился обратно в Луганск.

За время отсутствия, а это более пяти лет, прямо около моего нового уже места жительства поставили Казанскую церковь, на месте небольшого сквера, где до войны стоял храм Божий, который приглянулся большевикам на предмет «шарахнуть динамитом». Мера цинизма при этом достигла революционного апогея – советские чертяки покуражились вволю. Прямо на месте бывшего алтаря поставили скульптуру горниста, алебастрового краснопузого мальчика при пионерском галстуке и дудке в гордо оттопыренной руке. Скажу по-совести: и мальчика мне жаль, позже с ним расправятся так же беспощадно, как в свое время разобрались с храмом.

Знаменательно, что к вновь открывшейся церкви Казанской Божией Матери приписалось луганское донское казачество. Таким образом, икона явление Пресвятой Богородицы в Августовских лесах оказалась в двух шагах от своего исконного храма, где ей должно находиться по чину и положению.

В Казанской церкви правил службу знакомый священник, отец Николай, человек в высшей степени достойный, и я поделился с ним радостью обладания имеющейся у меня святыней. Батюшка изъявил желание взглянуть на Богородицу. Я дал согласие, и он явился с парой казаков на свидание с донской Заступницей. Войдя в дом, гости обомлели: почтенного возраста казаки, при портупях и лампадах, грохнулись на колени и возликовали, как малые дети, батюшка

в восторге уронил слезу.

После этого визита моя жизнь утратила покой. Казаки принялись «доставать» со всех сторон, любыми путями вознамерились заполучить святыню – просили, увещевали, сулили деньги, грозили судом Божьим и так далее. Я, разумеется, и сам понимал, что подобное духовное сокровище не может и не должно принадлежать одному человеку, но расстаться с Покровом было выше моих сил. Надо хорошо представлять, какое это счастье, какая радость и утешение – видеть перед собой каждую минуту священный образ высочайшего духовного достоинства.

Между тем обстоятельства складывались таким образом, что мне предстояло уезжать обратно в Киев. Увозить явление Богородицы из-под стен казачьего храма представлялось делом сомнительным, что-то внутренне подсказывало о недопустимости подобного шага, и я принял сложное для себя решение – расстаться с Покровом.

За день до отъезда пришел к отцу Николаю и сообщил о своем намерении передать образ в храм. Батюшка ответил, что с великой радостью примет подношение, вот только хорошо бы устроить крестный ход, вынести икону из моего дома с певчими, со всем церковным церемониалом. Я же был непреклонен: икону следует брать сейчас же и без всякой помпы. Священник прихватил с собой бархатную скатерку, и мы отправились за Богородицей. Было делом одной секунды снять со стены образ, завернуть в скатерку, и я даже глазом не успел моргнуть, как батюшка был таков.

Когда я затворил за отцом Николаем дверь и вошел в свою комнату, где в святом углу, среди домашних икон зияло огромное пустое место, передо мною померк свет Божий. Потеря оказалась настолько кричащей и невосполнимой, что в эту минуту я возненавидел себя, отца Николая, казаков, богомольных старух – одним словом, всех, кто имел отношение к Казанской церкви. Чего только не передумал я в отчаянии! Когда домой пришла жена и обнаружила утрату, она молча посмотрела на меня, как смотрят на мерзавцев, подлецов или идиотов. Ночь я, конечно, не спал, маялся, как в судный день.

Утром, перед дальней дорогой, мы с женой поплелись в церковь, чтобы напоследок взглянуть на бывшую нашу икону. Шли, надо полагать, равно как на Голгофу. Что вам сказать, когда я увидел Покров Пресвятой Богородицы, то не поверил своим глазам. Воистину произошло чудотворное преображение. Богородица лучилась неопишимо живым светом, торжествовала всем своим божественным естеством. Казалось, переночевав в церкви, осуществилась самая заветная ее мечта.

Господи, сказал я себе, ну кем же надо быть, чтобы не видеть и не понимать, что это наверняка один из самых благодатных дней в моей жизни. И как же можно было жалеть и сокрушаться, что моя любимая икона перестала наконец скитаться по свету и оказалась в единственно благоприятном для себя окружении.

Позже, по зрелом размышлении, я в который раз для себя убедился, что подлинное произведение искусства неудержимо в изъявлении собственной воли. Ведь во всей этой истории я оказался всего лишь инструментом, с помощью которого Богородица преодолела путь от антикварного магазина к донскому казачеству. И молю Господа, что у меня достало ума, а быть может еще чего, чтобы не стать поперек воли священного образа и не попасть под его негодующее око.

Впрочем, был в моей жизни случай, когда пришлось на собственной шкуре по полной программе отведать грозную силу настоящего раритета.

Однажды в Киеве ко мне обратился, через общих знакомых, солидный мужчина с предложением купить у него старинную ценную скрипку. Мы созвонились, и я, проявив уважение к возрасту, поехал за инструментом лично. Хозяин принял меня весьма любезно, продемонстрировал действительно интересную скрипку и пригласил отведать хорошего чая.

Надо отметить, что квартира, в которой меня принимали, была тесно заставлена какими-то несуразными вещами, не имеющими друг к другу никакого отношения. Складывалось впечатление, что это не

жилая квартира, а барахолочный развал. Вещей было неестественно много, все старые, собранные без элементарной логики и, в целом, не коллекционные. Тем не менее ощущение интриги ни на секунду не оставляло меня. Пока хозяин гремел на кухне чашками, я, под разными предложениями, перемещался с хозяйкой по квартире, в надежде обнаружить нечто любопытное, щекотавшее мой наостренный нюх. Однако ничего достойного внимания серьезного собирателя на глаза не попадалось. В кухню я явился практически в безнадежном настроении. В самом деле, на какой раритет можно всерьез рассчитывать на наших совковых кухнях?

И вот – век живи, век учись. Именно на кухне, под потолком, на крыше старинного буфета, стоял предмет, который оказался самой крупной моей антикварной добычей. И только ли моей? Понимание истинной ценности этой вещи пришло не сразу, потому что ни о чем подобном я никогда не знал, нигде не читал, ни от кого не слышал. Перед моим взором предстал довольно внушительных размеров, сложной, я бы сказал паукообразной, конструкции старинный керамический сосуд, не имеющий аналогового определения в арсенале моих весьма обширных знаний в области антиквариата.

Представьте себе густо-черного цвета керамическое изделие, центральная часть которого выполнена в форме правильного шара. В верхней части сфера круто переходит в горловину, в нижней – в подставку. Посередине центральной, шарообразной части сосуда изваяны четыре барельефных изображения, имеющие портретное сходство с представителями народов, живущих по разным сторонам света относительно Киева. Если сосуд сориентировать по розе ветров, то на южной его стороне окажется изображение человека с ярко выраженными татарскими чертами лица. На северной стороне, соответственно, изображение человека с чертами представителей северных народов. На западной – представлена еврораса, и только на восточную сторону обращена какая-то фантастическая физиономия в виде конской морды с петушиным гребнем. Кроме того, в верхней половине изделия размещены четыре мощные рукояти, протянутые от верхней горловины до середины сосуда между четырьмя

барельефными изображениями. Рукояти выполнены таким образом, что они могут функционировать как музыкальные флейты. Если сосуд залить водой, поставить на огонь и плотно накрыть крышкой, то образующийся пар, по специально проделанным ходам, начнет продувать рукояти-флейты, в результате чего возникнет замысловатое музыкальное пение.

Обо всем этом я узнал позже, когда появилась возможность увидеть в деле чудесный сосуд. Любопытно, что поющие флейты музыкально точно интонированы по розе ветров. Каждая рукоять, обращенная на ту или иную сторону света, издает звук, отличающийся особыми тембральными окрасами, характерными именно для данной стороны. Но все это обнаружится потом, а пока что я пил чай и как замороженный смотрел на фантастический сосуд.

Было глупо скрывать свое любопытство, и я поинтересовался у хозяина, что это за предмет и откуда он у него. Вот какую удивительную историю поведал хозяин.

В послевоенные годы ему довелось работать учителем и преподавать уроки пения в специальной школе, где набирались знаний и воспитывались дети высшего руководства. Между прочим, и дети Никиты Сергеевича Хрущева. Школа находилась неподалеку от Софиевского собора, напротив пожарной части, в помещении нынешнего посольства Узбекистана. После войны было модно организовывать при школах всевозможные собственные музеи, помню это и по своей луганской школе. Здесь же, в соответствии с исключительностью заведения, местный музей отличался особым размахом и эксклюзивностью.

Уж и не знаю, на счастье ли, на беду, рядом со спецшколой находился Академический институт археологии, который принимал активное участие в жизни школы и, разумеется, в подборе экспозиции музея для венценосных чад. Полагаю, если бы от директора института потребовалось вывесить в том школьном музее собственные яйца, ждать пришлось бы недолго. Услужить-то мы умеем, а уж в приснопамятные сталинские времена – святое дело.

Сейчас невозможно установить, каким образом сосуд оказался в институте археологии, но в школьный музей он попал именно оттуда. Мне представляется, что война – это еще и миллионы кубометров изувеченной, искореженной земли. Вполне вероятно, что сосуд обнаружили где-нибудь на развороченных киевских улицах и, как подъемный материал, доставили в институт. Бог весть. Как бы там ни было, но руководство института отменно постаралось ублажить отпрысков вождей и отдало в музей экспонат, являющийся уникальной ценностью не только для отечественной культуры.

А что же детки? Детки оказались верными наследниками своих коронованных родителей, нет, не зря говорил Платонов: «Естество свое берет». Помните ли, Максим Горький, в своем очерке о Ленине, описывает дикую выходку советских хлеборобов, расквартированных в дни съезда в царских покоях. Когда господа от сохи покинули гостеприимный дворец, обнаружилось, что многие мировые шедевры были использованы ими для отправки своих, как бы сказать поделкатнее, невинных нужд. К расследованию этой милой шутки была привлечена специальная комиссия, которая с недоумением констатировала, что все подсобные службы работали безукоризненно и не было никакой видимой надобности искать альтернативные удобства.

Максим Горький очень верно анализирует крестьянский подход к делу, он утверждает: когда серость видит перед собой нечто возвышенное и прекрасное, она обязательно пытается опустить эту красоту до уровня своего культурного развития, то есть изгадить, осквернить возвышающуюся над ним вещь. Воистину, большевистский подход, когда все на равных.

Дети наших вождей начали систематически гадить в этот величайший памятник культуры. Он до сей поры еще источает из своих недр запахи мочи. В школе возник особый род состязания: каждому из мальчиков хотелось отличиться и первому повеселить публику, с девочками дело обстояло сложнее. Завхоз ежедневно опорожнял оскверненный сосуд, а мальчики, со своей стороны, не дремали, умудрялись не оставлять дядьку без работы. Наконец завхоз не выдержал издевательств и спрятал злополучный экспонат у себя в каморке.

По смерти Сталина, на волне либеральных перемен, спецшколу упразднили, а пай-учеников перевели в обычную школу, что напротив Андреевской церкви. Музей, скорее всего, растащили шустрые хлопцы, а вот с бедолагой сосудом произошла следующая история. Завхоз вынужден был освобождать помещение, и он ни до чего лучшего не додумался, как выбросить памятник на помойку, может и потому, что от него серьезно разило мочо и хозяйственник видел в нем срамное назначение. На счастье, а скорее всего по-другому и быть не могло, перед самой помойкой завхоз повстречался с учителем пения, с которым я пил на кухне чай и который забрал эту вещь к себе в дом. Надо бы низко поклониться доброму человеку.

Следующим владельцем таинственного сосуда оказался ваш покорный слуга. Придя домой, я набрал полную ванну воды и принялся отмывать, отдраивать это фантастическое изделие. Под многолетним слоем грязи обнаружилась довольно живописная картина. Портретные барельефы оказались покрытыми черной поливной глазурью, кроме того, фрагменты лиц были проработаны цветной эмалью. Четыре флейты-рукояти тоже оказались покрытыми поливной глазурью, тогда как сам сосуд имел мягкую, черно-матовую фактуру. Скажу так: уникальное произведение искусства заметно преобразилось.

Несколько дней я пристально рассматривал эту диковину. Ритуальное предназначение изделия не вызывало сомнения, напрашивалась связь с языческой культурой, но мои познания в этой области не позволяли делать какие-либо ответственные предположения. Глубокое, серьезное изучение памятника началось после прямого контакта с его мистической сущностью.

Дело в том, что донная часть сосуда требовала некоторой реставрации, и я разложился вечером на кухонном столе с набором необходимого материала и инструментария, чтобы подлатать днище. Хорошо запомнил первое внутреннее ощущение после того, как принялся зачищать наждачной бумагой места наложения латочек. Неожиданно по всему позвоночнику явственно обнаружил легкое жжение, как будто сработал внутренний теплоизлучатель. Мой

личный опыт общения с подлинными антикварными редкостями указывал, что я соприкоснулся с предметом мистического содержания, именно по ощущению тепла в позвоночнике. Однако оценить степень воздействия данной вещи на мое физическое состояние не представлялось возможным.

По окончании процесса реставрации и приготовившись ко сну, я почувствовал, что со мной происходит нечто неладное. Сначала возникла легкая лихорадка, которая нарастала, и дело дошло до того, что меня стало подбрасывать на постели, как на вибрационной доске. Трусил так, что супруга в панике кинулась вызывать «скорую». Я категорически запретил ей делать это, прекрасно понимая, что никакие врачи не помогут и вопрос заключается лишь в том, хватит ли у меня сил выдержать это испытание. Положение становилось настолько серьезным, что дело фактически шло о жизни и смерти, говорю об этом без всякой бравады. Я несколько раз терял сознание; могу только догадываться, что пережила в эту ночь моя бедная жена. К утру трясучка стала отступать, но неожиданно начала подниматься температура до каких-то невыносимых градусов. Однако во мне появилась надежда на избавление. С рассветом атака начала затухать, и я понемногу впал в забытие. Проснулся к вечеру свежий, вполне удовлетворенный состоявшимся знакомством и полон решимости разобраться с нечаянным приобретением.

Не стану утомлять читателя рассказами о хождениях по библиотекам, музеям, о встречах со специалистами, сделаю лишь короткое резюме. Оказавшийся в моих руках древний сосуд является не чем иным, как языческим идолом. Был в языческом пантеоне один из верховных властителей, именованный Стрибогом. Небесный Бог ветра, в народе его величали «Посвистач». В пользу этого утверждения говорит наличие четырех ликов, смотрящих «на все четыре стороны» и являющихся классическим апотропеем, оберегающим от всякого зла, могущего прийти с любой стороны света. Кстати говоря, фантастической физиономией, изображенной на восточной стороне идола, в виде конской головы с красным петушиным гребнем, оказался «Световид», предвещающий зарю. Разумеется, что и поющие

«на все четыре стороны» рукояти-флейты призваны были бороться со злом, ведь носителями зла считались «злые ветры».

Значительно сложнее оказалась проблема датировки изготовления идола. Нет смысла распространяться о возможных допущениях, скажу лишь о том, что известно доподлинно.

Размеры Стрибога выполнены в полном соответствии с метрической системой русского локтя периода XI-XIII веков. Высота Стрибога тридцать три сантиметра и точно такая же ширина, по самым выступающим точкам. Тридцать три сантиметра, как известно, приходится тремя четвертями древнерусского локтя. Надо иметь в виду, что многие ритуальные вещи той поры были выполнены именно с привязкой к русскому локтю в сорок четыре сантиметра. Например, легендарная вжищская бронзовая арка, найденная близ Брянска и датируемая двенадцатым веком, точно расчислена в древнерусских локтевых мерах. Внешний радиус дуги на престольной сени равен половине локтя, внутренний – четверти локтя. Расстояние между опорными подставками равняется целому локтю. Поэтому с точки зрения пространственной метрики моего Стрибога можно датировать XI-XIII веком.

Но вовсе не это главное. Самым убедительным аргументом в пользу того, что ко мне попал настоящий языческий идол, говорит вот какой факт. Мне удалось отыскать человека, весьма известного археолога, академика, в личной коллекции которого находится предмет, развеявший все сомнения. Этот ученый, перед оккупацией Крыма, вывез из одного местного музея небольшой сосуд, высотой около пятнадцати сантиметров, полностью повторяющий моего Стрибога. Сосуд найден во время раскопок поселения пятого века, паспортизован, имеет объективную научную атрибуцию. Назначение этого симпатичного предмета археолог не знал – он полагал, что это курительница.

Дело в том, что на всех четырех сторонах того маленького Стрибога изображен один и тот же портрет. Это обстоятельство затрудняло рассуждать в системе четырехчастного, крестообразного

расположения мистических ликов по географическим координатам. Трудно поверить, но один из портретов, изображенных на моем Стрибоге с западной стороны, абсолютно точно, то есть фотографически точно, соответствует портретам, изображенным на крымском сосуде пятого века. Следовательно, попавший ко мне предмет является не просто выражением свободной фантазии художника, но изделием, выполненным в строгой культурной традиции языческого исповедания. И уже не важно, в каком веке изготовлен мой Стрибог, важно то, что он подлинный по своей религиозной, изотерической сути.

В заключение расскажу, как выглядит Стрибог в деле. Когда в сосуде закипает вода, из флейтовых отверстий – а их восемь штук, по два на каждой рукояти – начинают фонтанировать струи пара и кумир как бы оживает. По мере возрастания парового потока, начинают оформляться явственные музыкальные голоса. На первых порах заманчиво далекие, зазывные, фактически безаналоговые, они совершенно непохожи на привычный окружающий нас звуковой фон. В этих голосах сокрыта, я полагаю, основная мистическая сила Стрибога.

Далее между флейтовыми голосниками затевается своеобразная игра: они то перехватывают исполнительскую инициативу, всегда очень точно интонированную по розе ветров, то неожиданно замолкают все вместе, чтобы затеять очередную магически проникновенную песнь. Однако все это еще только увертюра. В разогретом состоянии Стрибог по-божественному прекрасен и грозен – он шипит, свистит, клокочет. Возникает потрясающая эмоционально-эстетическая панорама, в ней задействованы роскошный внешний вид кумира, богатый звуковой ряд и динамический момент фонтанирующих струй. Зрелище, замечу, не для слабонервных.

Можно только догадываться, какое внушительное психологическое воздействие оказывал Стрибог на наших пращуров-язычников. Люди под его фантастическое пение предавались восторгам, с его помощью изгоняли хвори, устрашали недругов – одним словом, жили под его покровительством. Сейчас Стрибог обосновался при мне, а

может, я при нем. Кто знает? Сосуществуем мы, разумеется, с полным уважением друг к другу, сохраняя собственное достоинство.

Как человек, лично соприкоснувшийся с культовым языческим памятником, я в который раз убедился, что наши упования на некоторое поступательное совершенствование людей от века к веку довольно наивны и призрачны. В абсолютном выражении время не делает нас ни умнее, ни лучше. Подобно тому, как сегодняшний заяц никоим образом не отличается от своих сородичей, существовавших тысячу и более лет назад.

Человечество в своем развитии всегда было и остается самодостаточным и самоограниченным, в любое время, в любой ипостаси. Происходит это от того, что, приближаясь к чему-то и что-то приобретая, мы обязательно что-то утрачиваем, отходим от чего-то очень дорогого и важного. Нелепо, конечно, сравнивать достоинства Благой вести, дарованной нам через Иисуса, с мистическими возможностями Стрибога, но, опираясь на собственный опыт, должен признать, что совместная жизнь с языческим кумиром, в смысле духовной содержательности, не менее интересна и целесообразна.

Данное обещание следует выполнять, поэтому расскажу еще одну, третью поучительную историю из личного опыта общения с подлинными раритетами, несущими на себе духовные знамена творческих дерзаний великих художников.

Однажды, волею всяких судеб, ко мне в руки попала удивительная скрипка. Это старинный инструмент восемнадцатого века, я склонен полагать – саксонской школы, вероятнее всего, вышедший из мастерской известного автора Иоганна Готфрида Гамма. На инструменте отсутствовала авторская этикетка, но возможность ошибки по атрибуции данной скрипки я полностью исключаю.

На этом прекрасно сохранившемся творении большого мастера не весть кем были выжжены на обеих деках, по четырем углам и верхнем и нижнем клоце, зловещие знаки пиковой масти. Очень жирные, глубоко вдавленные символы рока придавали произведению вид весьма мрачный. Когда я впервые прикоснулся к скрипке,

признаюсь, сделалось не по себе. Естественной реакцией было желание немедленно выпустить скрипку из рук. Но надо понимать натуру истинного любителя старины – для нас ведь чем необычайней, тем заманчивей, тем привлекательней.

Первое, что я сделал после приобретения инструмента, – это явился в Киевскую консерваторию к покойному уже профессору Горохову, на предмет обсудить и прослушать старинный инструмент. Надо сказать, что профессор Горохов был человеком многоопытным, долгие годы проведенным в окружении знатных музыкальных инструментов. Прекрасный педагог, он вполне был осведомлен о мистических возможностях этих загадочных произведений искусства. Когда я открыл футляр, Алексей Михайлович даже не осмелился взять в руки лежащую там скрипку. Он в ужасе посмотрел на меня и посоветовал немедленно избавиться от сомнительного приобретения. К этому присовокупил рассказ о хранящейся в московской госколлекции итальянской скрипке, которую вот уже много лет боятся брать в личное владение концертирующие музыканты. Потому что все исполнители, дерзнувшие воспользоваться услугами великолепного инструмента, по скорой дорожке отправлялись на кладбище.

Об этой невеселой истории я впервые услышал из уст профессора Горохова, но лично меня она не очень шокировала. Почти за каждым экземпляром московской коллекции музыкальных инструментов тянется преступный, кровавый шлейф. Все эти произведения, во времена оные, были разбойничьими методами изъяты у прежних владельцев, часто с последним приветом у краснокирпичной стеночки. Я все ожидаю, что когда-нибудь у наших известных исполнителей, играющих на инструментах ценою в тридцать сребреников, заговорит человеческая совесть и они примутся бойкотировать этот музыкальный освенцим. Похоже, история с роковой итальянской скрипкой никого ничему не учит.

Между прочим, услугами подобной коллекционной скрипки пользуется и наш небезызвестный киевский маэстро Богодар Которович, музыкант с очень сложной личной судьбой. В этом смысле есть о чем призадуматься и многим сотрудникам художественных

музеев, выставляющим в экспозициях истекающие кровью настоящих владельцев вопиющие свидетельства былых преступлений. Хороши при этом физиономии директоров всемирно знаменитых музеев, рядящихся в великих гуманистов, всегда прекрасно осведомленных, кому по праву обязаны принадлежать взывающие к правосудию Божию награбленные произведения искусства.

Должен признаться, что меня вовсе не испугали предостережения бывалого человека, напротив, возникло внутреннее расположение к оказавшейся в собственности необычайной скрипке. Уже зловещие символы пиковой масти воспринимались со здоровым любопытством, одним словом, возникло ощущение внутреннего контакта с данной вещью.

Достоинства любого музыкального инструмента в конечном счете определяются его акустическими возможностями. С этой целью я отправился к знакомому концертмейстеру симфонического оркестра Киевского оперного театра, чтобы в зале, в студийных условиях прослушать старинную скрипку.

Через мои руки за долгую практику прошло немало интересных инструментов, в том числе и итальянских кровей, однако услышанное на сей раз откровенно потрясло всех присутствующих в зале. Скрипка обладала очень мощным концертным звуком, при этом тембральный диапазон ее оказался насыщенным такой фантастически яркой палитрой красок, что она буквально физически действовала, волновала ваше нутро. В лирических пассажах звук был настолько теплым и проникновенным, что невольно подкатывал ком к горлу. Когда же исполнение переходило в более решительные формы, зал наполнялся звуками неподражаемой патетики и драматизма. Потрясенный исполнитель Сергей Шот временами невольно прекращал игру и внимательно всматривался в дивную скрипку.

Искушенным коллекционерам прекрасно известно положение, согласно которому иногда попадают в собственность антикварные вещи, от которых невозможно избавиться. Не потому, что художественное изделие не представляет собирательского интереса,

– просто раритет не желает расставаться с вами. Вы будете много раз обменивать, продавать подобную штукуну, а она вновь и вновь будет находить вас. И вот каким-то подсознательным наитием я почувствовал, что эта клейменная скрипка довольно прочно увяжется за мной.

А потому принялся потихоньку забавляться, стал нарочито искать клиентов, дабы сосватать им скрипку и с любопытством наблюдать, каким образом она возвратится обратно. Учитывая уникальные концертные возможности инструмента, я с легкостью находил покупателей, но она невероятно быстро вновь и вновь возвращалась ко мне. Наконец я предпринял решительный шаг и завез инструмент в Крым, на довольно значительное от себя удаление. И вот здесь произошло нечто непредвиденное – скрипка по-серьезному проявила свой характер.

Однажды вечером, примерно через полгода после того, как расстался с таинственной скрипкой, у меня в прихожей раздался дверной звонок. На пороге я встретил женщину и едва признал в ней крымскую скрипачку, которая сделала владелицей клейменого инструмента. Сказать, что она изрядно постарела, – это значит не сказать ничего. Передо мной стоял абсолютно несчастный, разрушенный горем человек. Она молча разрыдалась и показала свои негнущиеся в суставах, опухшие пальцы рук, под мышкой у нее я признал знакомый скрипичный футляр. Разговор оказался предельно коротким. Я, разумеется, вернул пострадавшей женщине деньги и принял в дом забавную проказницу.

История с крымской скрипачкой заставила посмотреть на дело ответственно, и я прекратил рискованные игрища. Несколько лет не прикасался к инструменту, пока однажды все-таки решился очистить деки от злополучных символов рока, что для скрипичного мастера не составляет большого труда. Последствия вмешательства в энергетику скрипки оказались для меня примерно такими же, как в случае с ремонтом Стрибога, разве только в более щадящем режиме. Сейчас, насколько я осведомлен, скрипка находится в Германии, по-прежнему радует слушателей своим чарующим звуком и, надеюсь,

не доставляет законным владельцам обременительных хлопот.

В заключение этой главы желаю обратить внимание читателей на показательную судьбу великого музыканта Леонида Борисовича Когана. Как известно, вся творческая жизнь маэстро была напроочь связана с наследием легендарного Никколо Паганини. Оба этих несравненных художника, разумеется, играли на скрипках одного и того же непревзойденного мастера. Проникновение Когана в художественную и исполнительскую манеру гениального итальянца оказалось настолько глубоким и органичным, что это даже обусловило одинаковый возраст прожитых ими лет. С большой вероятностью смею предположить, что любой человек, дерзнувший на будущее неловко вторгнуться в эту тончайшую мистическую связь, будет безжалостно уничтожен проведением. К скрипке Леонида Когана следует относиться с высочайшим благоговением и много о чем передумать, прежде чем отважиться прикоснуться к ее струнам.

СТРИБОГ

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТНЫЕ СТОРОНЫ

1957 ГОД

Своим чередом наступил следующий, опять-таки юбилейный, в сорок лет от штурма Зимнего, тысяча девятьсот пятьдесят седьмой год. Тщетно пытаюсь развеять розовый флер моего пионерского детства. То ли издержки возраста, то ли коммунистическая бесовщина какая-то, но, право же, вовсе не отложились в памяти внешние признаки проявления социальных неравенств той поры. У нас напрочь отсутствовало восприятие друг друга с позиции имущественного превосходства. Невозможно даже представить, чтобы кто-то из моих одноклассников позволил себе кичиться материальным достатком.

Полагаю, такая атмосфера была повсеместно, хотя в моем случае, справедливости ради, следует заметить, что я учился в необычной школе. В луганской школе номер два учились преимущественно дети большого начальства, проживающего в элитарной части города. Родители моих одноклассников – это все больше директора, партийные боссы, вплоть до первого секретаря обкома, воротилы торговли, золотопогонники.

Нет ничего отвратительней, чем нужда в детском возрасте. Ни за что не соглашусь, будто бедность не деформирует душу ребенка необратимым образом. Никакими разумными доводами невозможно объяснить маленькому человеку, почему у одного все есть в изобилии, в избытке, а у другого только жалкие крохи на общественном пиру жизни. У ребенка неизбежно возникают чувства зависти, обиды, озлобленности – весь комплекс самых отвратительных ощущений, беспощадно угнетающих становление полноценной личности. Поэтому я не очень-то доверяю людям, бравирующим своим босяногим детством. Подозреваю, что у подъездов многих преуспевающих ныне моих соотечественников булгаковский профессор Преображенский поостерегся бы оставить без присмотра свои любимые калоши.

Безмерно благодарен своим трудолюбивым родителям, что лично меня миновала суровая чаша сия. В нашем роскошном

сталинском доме, одном из самых уважаемых в городе, папа первым приобрел новую «Победу», модели М-20. Шикарный по тем временам автомобиль, цвета «беж». Папа первым построил капитальный каменный гараж со смотровой ямой, он и до сей поры благополучно стоит во дворе. Сейчас-то я хорошо понимаю, что иметь собственную «легковуху» означало по тем временам очень многое, было знаком высшего благополучия и доставляло истинное наслаждение.

Чего стоили одни только летние поездки к Черному морю! Машин мало, дороги свободны, заправки, зоны отдыха, придорожные рестораны всегда доступны, в образцовой готовности, без суеты и хамства, готовы предоставить свои услуги. Автомобили ездили тогда не торопясь, скорость движения позволяла полноценно общаться с окружающим миром. Ты успеваешь рассмотреть в открытое ветровое стекло каждую травинку, любую пташку. Можно было свободно, без оглядки остановиться у приглянувшегося озера, у чистой речки, расположиться на отдых, хотя бы и на ночь, порыбачить, разложить костер, слушать музыку, мечтать, любоваться звездами, надеяться и верить, что ты храним на Земле чьим-то добрым радением.

Летом я всегда спал на открытом балконе, прямо над въездной аркой нашего благополучного дома. Удивительно бойко протекала по ночам дворовая жизнь, когда со всей области свозили к начальству продуктовые подношения, дары полей и птицефабрик. Уже по резонирующим в парадной арке двигателям мог догадываться, к какому подъезду и какому слуге народа обломилась гуманитарная помощь в виде бараньих туш, коробков с куриными яйцами, ящиков с вишнями, бидонов с медом. Папаховым мельтонам, дабы те избежали страданий голодающих Поволжья, дармовой харч подвозили в новеньких «воронках», обкомовцам – на черных «волгах», хозяйственникам – на крытых брезентом газиках. Пусть мусора – народ и не самый сентиментальный, но жратва в «воронках», несомненно, заряжалась благородной аурой, что придавало легкую пикантность семейному достатку.

Я категорически не приемлю, когда начинают делить коммунистов на честняг и проходимцев, не желаю слушать байки про истинных

ленинцев-бессребреников и обкомовских злыдней, по-черному опустошавших колхозные закрома. Потому что все коммуняки, все до единого, паразитировали на общественных хлебах, другое дело – в меру отпущенных возможностей.

Страна Советов была устроена таким замысловатым образом, что если вы устраивались работать в гараже обыкновенным водителем, то в зависимости от того, были ли вы большевиком или беспартийцем, возникали, как говорят в Одессе, две большие разницы. Коммунисту немедленно предоставляли лучший автомобиль, выписывались доходные путевые листы, что очень сказывалось на заработной плате. Беспартийцу доставалась какая-нибудь подзаборная колымага, под колесами которой в бесконечных ремонтах и протекал трудовой процесс, с соответствующим денежным довольствием. Так было повсюду, в любой сфере человеческой деятельности. А ведь были еще всевозможные премиальные выплаты, санаторные путевки, пионерлагеря, пристраивание детей в институт, распределительные продажи, и коммуняки при дележе всех этих совковых милостыней стояли в первых рядах насмерть.

В пятьдесят седьмом году произошло событие, значение которого мы все еще до конца не осознаем. Я имею в виду запуск первого искусственного спутника Земли. Потом будет блистательная космическая эпопея с полетом человека по околоземной орбите, с посадкой астронавтов на Луну и много чего еще. Но все это будут прямые свидетельства наших технических побед, результаты свершений научного толка.

Тогда же произошло глобальное тектоническое потрясение нашего вселенского миропонимания. Мало кто в действительности знал, что из себя представляет таинственный спутник, как далеко от Земли летает и где его можно увидеть хоть краешком глаза. Но люди напряженно всматривались в ночное небо и впервые, за всю историю своего существования, искали среди сонма звезд рукотворный маячок земного происхождения. То был колоссальный, прежде всего психологический прорыв в глубины Вселенной. Человечество впервые реально осознало возможность распространения своего

влияния за пределы Земли, к тому же как бы воочию убедилось, что она действительно круглая.

Мне, если верить календарю, исполнилось одиннадцать лет. Я по-прежнему подхожу по ночам к своему любимому окну и вижу все. Вижу площадь, увитую красным кумачом накануне большевистского шабаша. Плещутся на ветру знамена, волнуются портреты вождей, надуваются транспаранты, все вместе голосят революционными призывами. Ночь, площадь пуста, но гордо реет на шпиле «Дома техники», щедро политое кровью моих соотечественников багровое знамя Октября. Спросите, для кого реет? А так, для себя и еще для шельмующей на лишениях своего народа кучке прохвостов, которых судьба отечества и его великая история никогда не касались и не интересовали.

Завтра седьмое ноября – стало быть, в нашем доме развернется большое гуляние. Побойтесь Бога вообразить что-либо худое, праздник состоится в связи с днем рождения моей мамы, так уж случилось. Придет много гостей, соберутся родственники. К этому времени все Дмитриевы перебрались в Луганск, и только бабушка Ульяна осталась доживать свой век в Красном Луче. Но приедет и она, обязательно с дорогим подарком. Строгая, все еще энергичная, так и не разлучившаяся до конца своих дней с памятью прошлых лет.

В ней постоянно присутствовала упрямая надежда на возможность нечаянной встречи со своим мужем. Эта надежда подпитывалась массой невообразимых историй, которых в круговерти войны и азарте сталинских репрессий складывалось невероятное множество. Цена человеческой жизни, по тем окаянным временам, опустилась до таких смехотворных значений, что любой делопроизводитель с легкостью путал фамилии, искажал адреса, не нарочито, по известной славянской безалаберности. Иногда люди получали фронтовую похоронку или лагерное извещение о смерти, а спустя некоторое время давно оплаканный, а часто и позабытый человек возникал перед очами ошалевших родичей. Бабушка дожидалась мужа всегда. Я даже уверен: если бы он постучал к ней в окошко, то встретила бы его так, как встречают супруга с работы или с прогулки. Она ничего

не желала, не смела менять в своей жизни.

В нашей большой семье все дни рождения отмечались обязательным образом, непременно с гостями и крепким застольем. Папин день рождения приходился на тридцатое сентября – это было серьезное семейное торжество, как по значению, так и по размаху. Все понимали, что без папиных именин не было бы ничего и ничего. Увы, время только подтвердило это. По удивительному стечению обстоятельств, многое в моей личной жизни оказалось связанным с этой датой.

Поздравлять маму начинали рано, сразу по завершении демонстрации. Гости приходили возбужденные, слегка разогретые в праздничных колоннах. Папа частенько приводил с собой нечаянных, непредвиденных гостей-сослуживцев, с которыми остограммился на параде, чем немного огорчал наших бабушек, но виду те не подавали. Званные гости являлись с подарками, со свежими сплетнями, анекдотами и хохмами, неизбежно возникающими по ходу грандиозного праздничного шухера. Удивительное дело, как только начиналось застолье, о «коммунистической пасхе» уже не вспоминал никто. Наверное, это великая удача, что у нас был свой семейный праздник именно седьмого ноября. Мамин день рождения, словно оберег, закрывал домашний очаг от большевистской проказы.

Надо сказать, что по мере моего взросления самый главный советский праздник изрядно тускнел, он приобретал откровенно ернический характер. Люди, приближаясь к сияющим высотам коммунизма, радовались октябрю все больше без вдохновения, это дело превратилось в одну из форм общественной повинности. Человек, дерзнувший проигнорировать демонстрацию, рисковал попасть в черный список, всегда хранящийся под сукном до известного часа. При распределении совковых милостыней могли прокатить на талон для приобретения ковра или обнести детей путевкой в пионерлагерь.

Я хорошо помню октябрьские торжества в пятидесятые годы. Праздничная демонстрация в Луганске была организована таким образом, что сначала почти весь город собирался на Красной площади,

под нашими окнами, чтобы оттуда выстроенными колоннами двинуться к высоким трибунам, разбитым у подножия памятника Ленину, по одноименной улице. Между прочим, немцы, оккупировавшие город, поначалу не стали рушить памятник вождю мирового пролетариата. Они поступили по-иезуитски изобретательно – одели на голову Ильичу ржавое, поганое ведро и воткнули в руки метлу. Вот таким веселым снеговиком и стоял в центре города Владимир Ильич Ульянов, на потеху потомкам обожаемого им Карла Маркса. Не правда ли, удивительные гримасы судьбы?

Не понимаю зачем и не знаю что испытывали люди, шествуя широкими рядами перед местными партийными придурками, но я с чистой совестью свидетельствую: под нашими окнами разворачивалось грандиозное гуляние.

Ни свет ни заря на Красную площадь лихим десантом съезжались для торговли праздничными угощениями всевозможные конские фуры, автомобили, передвижные палатки. Они располагались по всему пространству площади, и из них выгружались привезенные товары. С глухими вздохами выкатывались дубовые пивные бочки, тарактели ящики с портвейном, коньяком, лимонадом. Разворачивались и выставлялись балыки, колбасы, сыры, окорока, корейки. Специальными пирамидами, на-подобие ёлки, укладывался «Гвардейский» шоколад, шоколад «Труд», папиросы «Дюбек». Раскрывались торты, пирожные.

Вкус, аромат, сам вид этой снеди таков, что нынешнее гастрономическое изобилие представляется жалкой пародией. Если современного молодого парня прикормить той французской булкой да с ломтем хоть какой угодно колбасы, он как пить дать замурлыкает «Смело, товарищи, в ногу». Не хватит никаких Гоголей, чтобы описать вкус и запах той «Любительской» колбасы или «Голландского» сыра. Постарайтесь понять, что прошло уже очень много долгих лет, но меня все еще преследуют луганские запахи кондитерской фабрики, хлебозавода, пивоваренного завода. Эти запахи накрывали целые районы, по ним ориентировались в городе, их здоровое аппетитное содержание никогда невозможно забыть.

Следом за торговлей на Красной площади появляются мужчины в парадных военных формах. Они проходят спешно, в глянцевых сапогах, и не обращают никакого внимания на пылающих яркостью напомаженных губ продавщиц в аж до дрожи накрахмаленных кокошниках, чующих славную поживу. Сразу за военными наступает черед по-деловому озабоченных мельтонов. Те идут не торопясь, по-хозяйски оглядывая изготовившуюся торговлю и заранее предвидя прорву хлопот, веселых и не очень. В восемь часов, как шайкой по голове, со всего замаха врубают громкоговорители, и площадь вздрагивает от грохота праздничных военных маршей.

Будто по мановению дирижерской палочки на Красную площадь вываливает разухабистый люд. Идут со знаменами, портретами, шарами, транспарантами. Идут группами, вдвоем, поодиночке. Шагают бойко, налегке, чисто вымыты и выбриты, в лучших одеждах, с сияющими лицами, в полной боевой готовности. Каждая организация загодя определяет место сбора на Красной площади. Вот там-то, как бы исподволь, и начинает завариваться настоящее гуляние. Никто не приходит на праздник с пустыми руками, потому что только глупые люди начинают веселье с покупного. Портвейн, коньяк – это все будет, но только потом, когда в захмелевших головушках деньги утратят привычную, будничную цену.

Сначала кто-то украдкой, едва ли не из рукава, извлечет чекушку и робко полюбопытствует: «Ну, а ждем-то чего?» Кто-то, покопавшись в потаенном кармане, обнаружит раскладной стаканчик, а кто-то шустренько развернет пирожки, котлеты, огурчики. Женщины не будут стоять в стороне, сейчас же настелят платки, по-своему разложат котлеты, огурчики, добавят солений, курятинки. Возникнут фляжки, бутылки, стаканы, рюмочки, и уже не разберешь, где чья котлета, где чье соленье.

Для разгона, конечно, опрокинут за революцию. Только не надо, прошу вас, думать, что при этом кому-то привидится залп «Авроры». Пьют, во-первых, потому что собрались все вместе, что музыка кругом, что знамена, что можно с начальством говорить на равных за одним столом. И как же тут не выпить? Пьют, во-вторых, потому

что для этого специально пришли и к этому серьезно готовились. И в-третьих, пьют потому, что должно же это чем-нибудь когда-то закончиться. Этот праздник, весь обернутый в красный сатин, должен же в конце концов обнажиться и показать свое настоящее нутро.

А потом загремят духовые трубы, расправятся гармони, закружит, запоет, запляшет подобревший народ, и не потому вовсе, что седьмое ноября. Просто вдруг все почувствуют, что жизнь – удивительно вкусная штука. Однако у распорядителей праздника возникнет немало хлопот, чтобы к назначенному часу организовать весь этот разгулявшийся хоровод, с разноцветными шарами и флагами, в стройные колонны советских тружеников.

Если разобраться, то коммунистическая эйфория пятидесятых – а она была, самая прекраснородушная из всех лет Советской власти – во многом обусловлена смертью Сталина. Так всегда бывает, когда из жизни уходит настоящий хозяин, а оставшиеся наследники, погрустив для порядка, пускаются в проматывание накопленного капитала.

Советский народ вкупе с Никиткой Хрущевым по простоте душевной решил, что это прикативший с гор злодей Иосиф Джугашвили препятствовал строительству коммунизма. Хотя, в действительности, именно с уходом Сталина и завершилось его реальное конструирование. Пусть никто не сомневается, отпусти Господь вождю еще десяток лет и страна организованно вступила бы в светлое настоящее, имея в виду, что хождение денежных знаков на территории Союза было бы прекращено, за полной ненадобностью. Все как взаправдашней зоне.

Со смертью Сталина фактически начался глубинный распад гигантской империи. Страна, взнузданная усилиями человека-дьявола, была настолько крепка и надежна, что понадобилось сорок долгих лет для бездарного ее разрушения. Трагедия страны Советов заключается в том, что Ленин и Сталин лепили ее под себя, под свой злой гений. Только в случае прихода к власти такого же человека-демона могло продолжиться ее успешное функционирование. Однако сама система не в состоянии была репродуцировать из своих высоких

рядов настоящего предводителя, и потому она была обречена. Людей, равных по масштабу обитателям мавзолея, возносит стихия бунта. В тепличных условиях, когда становление личности волочится по пионерским и комсомольским дружинам, вожди не созревают.

Для того чтобы понять, кем был Сталин или какой-нибудь там Брежнев, достаточно взять любую вещь, сработанную в сталинские времена: табуретку, шифоньер, топор, ботинок, книгу, чайник – и сравнить ее с подобным экземпляром эпохи Леонида Ильича. Если в первом случае на всем лежит печать надежности, добросовестности, то во втором – везде халтура, подтасовка. Ключ к разгадке этого феномена очень прост. При Сталине не было двойной морали. Можно соглашаться или нет со сталинской идеологией, но это уже другой вопрос. При Брежневе страна действительно превратилась в империю лжи, причем не в рейгановской, а еще в более дикой редакции, потому что эта ложь, в первую очередь, была обращена против собственного народа.

Я убежден, что в массовом сознании большевистский обман окончательно оформился к полувековому юбилею Октября, к тысяча девятьсот шестьдесят седьмому году. Разумеется, первый тяжелый удар по коммунистическим идеалам был нанесен развенчанием культа Сталина. Все ведь знали, что позади огромные жертвы, миллионы безвинно погибших людей, но величие идеи как бы допускало и подобную людоедскую цену.

Оглашение культа произошло по той причине, что пришедшие к власти сталинские прихвостни решили немедленно отмежеваться от своего кровавого прошлого, дескать, наша хата с краю. Народ же понял все по-своему, и как всегда очень правильно. Никому не было дела до того, кто лично подписывал и исполнял приговоры: Хрущев ли, Сталин ли, Ворошилов ли. Важнее всего оказалось то, что приговоры исполнялись не во имя великой идеи, а в результате нечеловеческой кровожадности, трусости, подлости наших вождей. И это повергло людей в шок, народ буквально офанарел от нечаянного откровения.

В нашей интересной стране, при наличии красивой идеи, кровь

никогда никого не останавливала. Корни этого безобразия уходят в далекие языческие времена. Согласно языческим поверьям, человек в загробной жизни навсегда остается тем, кем покидает этот мир. Славяне никогда не давались живьем в плен, они скорее соглашались принимать смерть, нежели на века оставаться рабами. Иноземцы панически боялись наших пращуров, всячески избегали прямых стычек со славянами, ибо знали наверняка: биться придется до смерти. Так что выбирать между идеей и жизнью – это наше излюбленное занятие, почти как гадание на ромашках.

Второй нокдаун, с крюка, любезно преподнес народу кукурузный генсек Никита. Этот неугомонный деятель своей дремучей некомпетентностью (в сравнении со Сталиным он был обыкновенным неандертальцем), своей взбалмошностью и агрессивностью умудрился за считанные годы довести страну до карточной системы. И все под звон политических бубенцов и фанфаронских обещаний. Если бы Никиту в шестьдесят четвертом не турнули, он, скорее всего, развалил бы страну. Всего-то оставалось шлепнуть пятно на лысину, пропечатать отметиной шельму.

Я желаю быть правильно понятым. При Сталине большинство граждан страны Советов, увлеченное строительством светлого будущего, вне всякого сомнения, жило впроголодь. На Руси перед большим праздником всегда полагалось крепко выпоститься. Иосиф Виссарионович был настоящим государственным стратегом, он точно выдерживал дистанцию между желаниями и возможностями подопечных несмышленишек. Показное изобилие, оно как пучок сена на конце оглобли перед очами запряженного мерина постоянно манило сытым ароматом светлого коммунистического будущего. При Никитке и любоваться оказалось нечем – продукты напрочь исчезли с прилавков магазинов, не потому что их стали меньше производить, просто показное гастрономическое изобилие сожрали на аппетитной волне так называемой «хрущевской оттепели».

О достатке советских трудящихся в приснопамятные хрущевские времена здорово напоминает мне приезд родной тети Лены из-под старинного города Ельца. Перед тем как отправиться к нам на

Донбасс в гости, ей довелось погулять на свадьбе у кого-то из наших дальних родственников, и она по свежей памяти живописала моей мамаше свадебное изобилие. На вопрос «Чем угощали гостей?» тетя Лена с восторгом сообщила: «Веришь, Тамара (моя мама), щи со стола не сходили». Надо иметь в виду, что здесь не какая-то замысловатая аллегория, не литературный пассаж, а информация прямого толка. То есть человек таки съедал тарелку щей и ему тотчас же подсовывали новую – это и было верхним пределом возможностей свадебного разгуляя для очумелого строителя коммунизма.

Но впереди, как бы там ни было, маячила символическая дата – пятидесятилетие Советской власти. В сущности, к тому времени уже никто ни во что не верил, работала подсознательная привязка к мистической метке. Каждый рассуждал про себя: если к пятидесяти годам торжества Советской власти ничего сверхъестественного не произойдет, то уже не произойдет ничто и никогда.

Дураку ведь понятно, что ничего особенного не случилось. Разве только покричали, побесились возле затянутых ситцевым кумачом трибун больше обычного. Люди, как водится, попели, поплясали, опохмелились и дружно сказали себе: коммунизм – это бред сивой кобылы. Вот так бесславно наши соотечественники окончили в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году поход в коммунизм.

Это по нынешним бездумным временам с легким сердцем можно потешаться над недавним коммунистическим прошлым. Кто из нас не силен задним умом? В школьные мои годы все обстояло совершенно иначе. Без тени иронии почтенные дяденьки и тетеньки восторженно живописали детишкам о прелестях будущей жизни, уготованной с подачи Владимира Ильича. Многие наставники в сердцах завидовали подросткам, иногда с раздражением подчеркивали халявность грядущего благополучия, обломившегося нам не весть за какие заслуги. Мы же на переменках, в перерывах между воспитательными экзекуциями, принимались фантазировать на тему предстоящей безденежной жизни. Чаще всего упражнялись в находчивости по поводу бесплатных магазинов и наперебой сочиняли дармовые приобретения из полюбившейся крем-соды и кондитерских изделий.

Мы-то дети – нам простительно, но ведь и серьезные люди, уважаемые ученые, целые институты осуществляли какие-то важные расчеты по обеспечению коммунистических потребностей. Социологи, представители экономической науки выдавали в средства массовой информации оптимальные нормы по количеству штанов, съеденных яиц, израсходованных карандашей, требующихся для полноты коммунистического счастья. Все научно обосновано, с ссылками на классиков марксизма-ленинизма.

Вот только не припомню, как обстояло дело с минимальным количеством улыбок, добрых сочувствий и вообще человеческих радостей, без которых даже лошадиное существование не мыслится по-хорошему. Кремлевские отморозки всегда видели в подопечном народе биологическую массу, высшим удовольствием для которой отводилось разве что хоровое пение. Не случайно в диссертации одной будущей первой леди, посвященной организации досуга советских людей, хоровому пению отводилось исключительное, самое почетное место. А чтобы не путали с сомнительным застольным пением после бокала доброго вина, все виноградники распорядились выкорчевать, дабы не нарушать идиллию. Они-то точно знали, за каждого из нас, кому что положено, а кому чего и нельзя.

Все-таки мы удивительные люди! При коммунистах всевозможные запреты носили ярко выраженный идеологический характер, они если и были неприемлемы, то хотя бы как-то понятны. В нынешние демократические времена все чаще проклевываются признаки националистических, читай людоедских, ограничений и всевозможных табу. Сегодня любой заведующий сельским клубом, сплошь и рядом из тех, кого совсем недавно коммунаки майкой гоняли на водопой, может с легкостью решать за каждого из нас, каких артистов следует привечать, а каких и нет. Этим ребятам не терпится разруливать проблемы мирового масштаба, потому им доподлинно известно, на каких языках следует петь песни, читать стихи, в каких штанах, на каких телевизионных каналах, порой забывая о своих непосредственных обязанностях: подборке собственных соплей и чистке сортиров.

Я вот часто задаюсь вопросом: почему именно в нашей стране

реализовалась эта импортная – ведь знаем же откуда приплывшая – коммунистическая пандемия? Авторы самой универсальной теории человеческого счастья ведут себя как Собакевич на званом обеде. Тот, если помните, умял со старта здорового осетра, а потом целый вечер со скучающим видом тыкал вилкой какую-то паршивую рыбешку, изображая полное равнодушие к гастрономическим слабостям. Чопорные европейцы ведут себя еще паскудней: они серчают, возмущаются, строят оскорбительные физиономии – дескать, до чего же обнаглели эти русские, устроили у себя какую-то пролетарскую революцию и мутят воду по всему белому свету. Терпение, господа хорошие, памяуйте библейскую мудрость: «Все возвращается на круги своя».

Мне представляется, что в деле возникновения коммунистической идеи, так же как и в вопросах практической реализации этой абракадабры, решающая роль принадлежит христианскому вероисповеданию. При этом почетные лавры авторства теоретических основ коммунистического кошмара, несомненно, следует отнести на счет католической церкви. В то время как лавры заслуг по воплощению западных прогрессивных откровений в реальную жизнь по праву принадлежат родной православной церкви.

Речь не идет о злоумышленном заговоре христианских первосвященников, с конечной целью вывода человечества под коммунистические хоругви, речь о другом – о неспособности официальной церкви вести за собой общество, быть его нравственным знаменем, его гуманитарным оправданием. Вместо того чтобы сделаться «хлебом жизни» по заповедям Иисуса, церковь постепенно превратилась в параллельный мир, изощренно обставленный всевозможными запретительными химерами. Здесь, на изощренно обособленной территории, неплохо устраивались и успешно делают это доньше ловкие парни, вольготно паразитирующие на духовных чаяниях и нуждах людей.

Коммунистическая абракадабра явилась своеобразной рефлексией общественной мысли на церковный произвол, чинимый духовенством в христианском мире. Люди, что называется, с черного

хода пытались подобраться к вершинам Нагорной проповеди. Им казалось вполне правомерным решать интеллектуальными средствами нравственные проблемы общества, по существу, подменяя прямое назначение церкви.

Если немного углубиться в историю развития христианства, можно с абсолютной достоверностью обозначить критические вехи падения евангельского духа в церковном обращении и, как следствие, популяризации коммунистических идей, своеобразного новозаветного эрзаца.

До возведения христианства в ранг государственной религии, наследники евангельской вести представляли живой организм, состоящий из различных течений, не во всем согласных между собой, иногда конфликтующих, но неизменно находящихся в процессе творческого самообновления. Именно возможность свободного поиска, перспектива нахождения новых, еще неизведанных путей Господних наполняли деятельность первых христиан особым смыслом сопричастности ко Христу.

Это было время жесточайших гонений. Власти всеми способами пытались препятствовать распространению христианского духа, полностью отрицающего превосходство и владычество земных князей. Но подвиг Спасителя, высветленный Им путь к вершинам бессмертия, наперекор гонителям и супостатам, завоевывал все новых последователей. Во главу своей деятельности первые христиане ставили призыв Иисуса «Яко кто хочет, следуй за Мной». Разумеется, яко кто не хочет, волен оставаться сам по себе. Во все времена находились люди, честно следующие по Христу, но только первые века остались в истории церкви полностью незапятнанными всевозможными дельцами и прохвостами, лихо обустроивающими свою греховную жизнь под молитвы верующих людей.

Когда Константин Великий принимал решение о провозглашении христианства официальной государственной религией, его меньше всего интересовала эзотерическая сущность новозаветного исповедания. Слово «религия» проистекает от латинского глагола

«связывать». Император, как государственный деятель, руководствовался исключительно соображениями целесообразности. Он усматривал в христианской доктрине универсальный инструмент, с помощью которого удобно держать подопечный народ в повиновении, то есть связывать его в необходимом покорном положении. Императора до глубины души устраивала в христианской догматике чудесная возможность «отсрочки по платежам». Человек, принявший Христа, ничего не требовал для себя в земной жизни, воздаяние предполагалось где-то там, далеко, вне зоны ответственности царствующих особ. Ничего лучшего для любого правителя и придумать нельзя – вот уж воистину дар небес, почти как перспектива построения коммунизма.

Давно известно, если кто-нибудь когда-нибудь вознамерится развалить любое живое дело, не надо выдумывать ничего сверхъестественного, достаточно просто придать процессу правильную организацию, еще лучше – возглавить его. И дело будет загублено на корню, бесповоротно. Потому что глупо и безнадежно становится поперек водяного потока, гораздо разумней направлять его в желаемое русло.

Нечто подобное произошло с христианским учением. Взяв на вооружение и возглавив христианское исповедание, император Константин тотчас же принялся формулировать неискаженную «Истину Христову», так сказать, стерильно правильную, окончательно выверенную истину, разумеется, в соответствии с его личными представлениями и интересами. Власти немедленно развернули деятельность по разработке и обеспечению интеллектуальной смысловой нагрузки, наполняющей христианское богословие.

К тому времени существовало много различных версий новозаветного повествования. Одних только евангельских текстов, отличных друг от друга, насчитывалось более десятка. Мы знаем Евангелие от Фомы, от Павла, от Марии и так далее. Книги, которые по понятным соображениям не устраивали авантюрную власть, не были канонизированы и остались в собрании апокрифов.

Для придания христианству необходимого властям теоретического наполнения были организованы Вселенские Соборы, постановления которых объявлялись обязательными к исполнению для всех христиан. На этих соборах принималась оптимальная редакция священных Новозаветных текстов. Не должно быть никаких сомнений, что канонизированные на этих сановных собраниях тексты были аккуратно выправлены, приспособлены под нужды текущего момента. Соборы проходили в очень жарких дискуссиях, многие видные богословы оказывали отчаянное сопротивление реставраторам Христова наследия, за что подвергались жесточайшим репрессиям.

Мало кто из современных ревнителей христианства подозревает, что самый ранний список известного нам текста священного Евангелия датируется пятым веком. Он хранится в Британской национальной библиотеке, с тех самых пор, как был преступно продан большевиками в годы красного беспредела. Это вовсе не означает, что до пятого века не существовало письменности и не имели хождения более ранние редакции Благой вести. Это свидетельствует лишь о том, что все ранние тексты священных заветов Господа нашего Иисуса Христа кого-то по принципиальным соображениям категорически не устраивали, а потому были тщательно уничтожены.

Методы, которыми христианство насаждалось в Римской империи, сами по себе являлись грубейшим надругательством над Евангельской вестью. Ничего общего с христианской моралью не могли иметь варварские гонения на язычников, которые возглавил александрийский епископ Феофил. Не может быть никакого сомнения, что преступное истребление оболваненными христианами Александрийской библиотеки, крупнейшей сокровищницы мировой культуры, или разрушение храма Сераписа, при котором погибло уникальное собрание древних рукописей, имели своей главной целью не столько уничтожение языческих манускриптов, сколько расправы с подлинными раннехристианскими текстами.

Как бы там ни было, но остается фактом, что в наших руках не оказалось ни одного евангельского списка до вселенского соборного периода. Очень может быть, что то Евангелие, которым мы ныне

пользуемся, имеет лишь отдаленное отношение к слову Божьему, возвещенному миру Господом нашим Иисусом. И разве результаты двух прошедших тысячелетий, прожитых во многом под знаком Новозаветных рекомендаций, не свидетельствуют об этом же?

Так же весьма вероятно, что появление Корана, вскоре после проведения Вселенских Соборов, тотально заорганизовавших, исказивших христианскую идею, сделалось своеобразной реакцией исконной религиозной мысли на оголтелый произвол, чинимый «закваской фарисейской». Отнюдь не случайно первым словом к Мухаммаду от архангела Гавриила был призыв: «Читай!» Само название «Коран» в переводе с арабского означает «то, что читают». Видимо читать то, что осталось после Вселенских Соборов во многом утратило боговдохновенный смысл.

Мухаммад познакомился с Кораном в откровениях, книга ниспослана была Пророку частями, источником ее он называл «Небесную книгу». Очень здорово, что Коран начали записывать еще при жизни Пророка. Пусть не полный сборник сур, но отдельные фрагменты переданы, что называется, из первых уст. Можно только представить, каким счастьем было бы для христиан всего мира прикоснуться мыслями к подлинным речам Господа нашего Иисуса, минуя формулировки евангелистов, да еще в редакции Вселенских Соборов. Справедливости ради надо заметить, что и судьба Корана оказалась отнюдь не безоблачной. В соответствии с арабской письменностью краткие гласные звуки тогда не записывались, это позволяло читать одни и те же слова по-разному, придавать им особое толкование, что неминуемо привело к разночтениям и к возникновению семи канонических вариантов изложения Корана.

Искусственная христианизация римского общества носила, несомненно, формальный характер. Граждане, крестясь по воле императора, лукаво пренебрегали духовной стороной принятого исповедания. Император щедро одаривал церковную кассу, тем самым провоцировал принимать крещение из корыстных побуждений. То, что раньше существовало как «христианство-мученичество», в одно мгновение превратилось в «христианство-процветание», поскольку

открывало дорогу к почестям, богатству, власти. Таким образом, христианская идея, которая дарована была миру, чтобы преобразить его, заразившись мирским духом, оказалась союзником зла, рабом правящего класса.

В конечном итоге церковь превратилась в арену политической борьбы и расколола христианский мир на два противоборствующих лагеря – на Западное и Восточное исповедание. В самом общем виде на Востоке церковь сделалась необходимым придатком, инструментом светской власти, а на Западе – государство стало играть роль инструмента, обслуживающего интересы церковной власти.

В данном случае нет никакой надобности анализировать сложные теологические противоречия, разделяющие магистральные христианские направления, а они есть, и весьма существенные. Попытаемся разобраться: каким образом в общественном сознании римского исповедания созрела коммунистическая идея? И почему эта идея реализовалась именно в обществе византийского религиозного исповедания?

Многие люди знают, что каноническое изображение распятого Христа в православной и католической иконографии имеет свои специфические особенности. В вопросах религии не бывает пустяков, тем более когда речь идет о трактовке самого кульминационного события в земной жизни Спасителя. Любые различия в подходах к изображению Голгофских страданий являются в высшей степени знаковыми. У католиков распятый Христос изображается таким образом, что одна нога Спасителя перехлестывает другую и обе они закрепляются на кресте одним гвоздем. В православной иконографии ноги Спасителя не переплетаются и каждая из них крепится на кресте отдельным гвоздем.

Символическое исполнение католического распятия призвано напоминать верующим, что все люди, исповедующие католичество, составляют одно целое, скрепленное единым церковным гвоздем, как ноги у распятого Спасителя. Декларируемое единство паствы позволяло духовенству проникать во все сферы человеческой

деятельности, вплоть до личной жизни. Римская церковь на протяжении многих веков фактически выполняла государственную функцию, она прессинговала своих граждан по всему жизненному пространству. Часто делала это откровенно грязно, не брезгуя методами инквизиции, что привело к широкому протестантскому движению.

По существу, католичество посягало на самое высокое достоинство человека – быть свободным. Тотальное доминирование, жесткое давление церкви вполне закономерно вызывало обратную реакцию, потому что, согласно законам Ньютона, «сила действия равна силе противодействия». Вместо желаемого единения люди стали замыкаться в себе. Они приходили в храм Божий, садились на скамью, принимали участие в общественном богослужении, но сердцем своим оставались наедине с собой. Вот эта духовная человеческая разобщенность западного мира жива и поныне, невзирая на видимое внешнее благополучие.

В православном мире все происходило с точностью до наоборот. Восточная церковь никогда не выказывала стремления подчинить свой воле гражданское общество. Ее философское кредо изначально заключалось в том, что каждый человек стоит пред Богом сам по себе, и об этом она заявляла в иконографических канонах, изображая распятого Христа с независимым закреплением каждой ноги по отдельности. Православная церковь никогда грубо не посягала на личную свободу человека, не вторгалась бесцеремонно в его повседневную жизнь. По известному закону противодействия, люди восточного исповедания сами устремились сердцем своим в лоно церкви, в братские объятия друг к другу, и возникло то вожделенное единство, высочайшая церковная соборность, за которую так безуспешно боролось католичество. Не случайно стержневым рефреном в православном богослужении звучит призыв: «Миром Господу помолимся».

Никогда, ни в какие времена, ни в одном католическом храме невозможно было совершать высочайшие подвиги религиозного духа, которыми полна история нашей церкви. Это только православные христиане имели мужество, в годину великих испытаний, сотнями душ затворяться в намоленных святынях и заживо предавать

себя огню во имя веры отцов, во славу Господа нашего Иисуса. Зашашлычить публично кого-нибудь на кострище, чтобы Земля не вертелась без толку, – это у католиков получалось превосходно, но чтобы самим вознестись сквозь огонь жертвенного подвига – тут уж увольте, как говорится, только после вас.

Обыкновенный человек, как известно, существо стадное, поэтому для полноценного функционирования сообщества людей всегда требуется некоторая консолидирующая идея, наполняющая общественную жизнь коллективной целесообразностью. В западном мире подобную консолидирующую функцию длительное время выполняла католическая церковь. Однако к середине второго тысячелетия эта «контора» настолько нравственно разложилась и дискредитировала себя, что уже само духовенство включилось и возглавило широкое протестантское движение. Почти все великие реформаторы вышли из лона католической церкви. Прогрессивно настроенные религиозные деятели отчаянно искали пути обновления института церкви, возвращения ей доверия граждан.

Светское общество, в противовес церковному мракобесию, пребывало в мучительных поисках новых социальных идей, по преимуществу тяготея к модели «Республики» Платона. Некая усредненная версия справедливого социального устройства человеческого общежития предлагалась автором «Города солнца». У Кампанеллы продуманная завершенность функционирования платоновской республики искусственно комбинировалась с уставом монастырских общин, и этот уродливый симбиоз абсолютно несовместимых концепций щекотал воображение европейских мечтателей.

Западное общество в конце концов приняло церковную реформу с последующими глубокими социальными преобразованиями. Но вот освоить кампанелловские утопии в полном объеме, с установлением специальных общинных порядков, европейцам не довелось. Не потому, что они оказались так уж прозорливы или особенно умны, – этому серьезно препятствовала закрепленная католичеством разобщенность людей.

Нравственное состояние православной церкви, в период западной реформации, было несравненно чище и богобоязненней, поэтому протестантские идеи не могли иметь решительной поддержки в богоносной Руси. Но вот социальная программа общинного устройства жизни людей рано или поздно просто обязана была реализоваться в нашем отечестве. Этому способствовала объективная легкость, с которой соборность православного вероисповедания накладывалась на выпестованную римским западом утопию построения града солнца.

Кроме вышеизложенного, была еще одна весьма тонкая причина состояться коммунистическому шабашу в наших пределах. Вы когда-нибудь задумывались, почему самый главный храм России, собор Василия Блаженного на Красной площади, посвящен юродивому? Между прочим, в недрах собора покоятся святые мощи великого подвижника духа. В ответе на этот, отнюдь не тривиальный вопрос заключена сакраментальная причина реального воплощения марксистско-европейских идей непосредственно в нашем отечестве.

Юродство – это высочайшая религиозная доблесть, несомненно наиболее праведный путь к достижению Царствия Божия. Институт юродства Христа ради возник как достояние православной веры. Больше нигде в христианском мире подобное служение не получило такого признания и распространения. Отказываясь от земных благ, исповедуя категорическое презрение к тварному зову собственной плоти, люди заживо достигали горнего света и обретали неземные дары. Являя миру живые свидетельства торжества религиозного духа над бренной плотью, юродствующие подвижники стяжали в награду чудесные способности – могли пророчествовать, исцелять с неподдающейся разумению эффективностью. Таким образом, низложение, попираание земных человеческих потребностей издавна считалось на святой Руси самым высоким, самым доблестным духовным служением.

Не молочные реки и вовсе не кисельные берега манили православный народ в коммунистическую западню, а исключительно бескорыстное служение великой идее, независимо от качества ее

теоретического наполнения. Сам факт посвящения жизни чему-нибудь идеальному, пусть того, вкуче с тяготами сегодняшнего дня, был очень любезен для нашего человека, как особая разновидность юродства. Вот почему так затейливо, так органично сплелись судьбы и прахи блаженных юродивых, почивающих в причудливой близости на Красной площади первопрестольного православного града.

Коварство, авантюризм коммунистической идеологии парадоксальным образом проистекают из якобы благих намерений, которыми вымощена дорога известно куда. Чем отличается здоровый человек от покойника? Да в общем-то ничем, разве только в последнем отсутствует энергия жизни. Так вот коммунистическая идеология абсолютно верна во всех отношениях, за исключением самой малости – она подавляет человеческую инициативу, в ней роковым образом истребляется энергия жизни. Коммунизм – это не просто заблуждение, это преступление против самой жизни. Преступление, проистекающее от великого хамства, в основе которого лежит иступленное неприятие Божьего мира. Потому что подлинное приятие Бога начинается с великой любви и ответственности и серьезных самоограничений.

Большевистские идеологические нестыковки с реальной жизнью обнаружили сразу же, в первые годы Советской власти. После октябрьской революции по всей стране прокатились волны стихийных восстаний, особенно крестьянских. Люди категорически протестовали против навязанного им неестественного способа и образа жизни, они нутром своим чуяли фальшь. Власти отреагировали своеобразно. Кроме того, что бунты были подавлены жесточайшим образом, большевики сделали следующие практические выводы. Идея построения коммунистического общества, несомненно, гениальна, но люди не совершенны, вот в чем беда. И большевики, засучив рукава, принялись перековывать ни в чем не повинных людей.

В связи с этим показателен знаменитый конфликт, разразившийся в академических кругах молодой советской республики. Сталин хотя и не был генетиком, но человеком слыл толковым; он прекрасно понимал, что учение Вавилова с точки зрения научной компетенции значительно прогрессивней доморощенных умствований

академика от сохи товарища Лысенко. Но теория Вавилова вступала в противоречие с главной задачей партии: генетика отвергала возможность сотворения человека новой формации, соответствующего требованиям коммунистической абракадабры. Судьба ученого была predetermined, коммунисты до сей поры только разводят руками, с физиономией, выражающей восхитительное «Вас здесь не стояло».

С лысенковщиной сталинские установки на селекционные работы по выращиванию солнечного человека совмещались превосходно. В качестве наглядного пособия был поднят на пьедестал известный преобразователь природы Мичурин Ваня. В его задачу входило выращивать по личному усмотрению всевозможные садовые диковины, иллюстрировать методику разведения краснопузых экземпляров. В народе бытует упрямая молва, что герой труда Мичурин трагически погиб при сборе урожая своей любимой клубники. То есть он таки вырастил чудо-куст величиной с баобаб, дождался урожая, стал карабкаться за ягодами, но не удержался на ветке, затархтел и разбился до смерти.

Нынче в Западной Европе происходят удивительные процессы. Стареющие, почтенные народы сбиваются в табун; печально видеть и понимать, что происходит это вследствие очевидной усталости хиреющего Старого Света перед лицом пробуждающейся Азии, с неминуемым глобальным стратегическим и экономическим переделом. Европейцы наивно рассчитывают обрести могущество в продуманном, интеллектуально выверенном единстве. «Все возвращается на круги своя» – так учит библейская мудрость. А ну как зацветет, заколосится на Эйфелевой башне клубника, ведь какие уважаемые люди головы посворачивают! Жизнь никогда не обещала быть скучной, но заварка, но интрига начала третьего тысячелетия воистину непредсказуема для судьбы Старого Света.

1958 ГОД

Когда-то давно люди умели обращаться с магией чисел. Знание таинственного значения математических символов называется «каббалой». Закрепленный, закабаленный цифровым набором знаковый смысл чисел, применительно к отдельному человеку или какому-либо явлению, может оказаться добрым и не очень. Для советских людей доленосной, воистину роковой цифирью оказалось число «58». Это номер зловещей статьи из уголовного кодекса, положившей барьер и расколовшей страну на две несовместимые половины. На тех, кто ретиво её применял, и тех, кто обреченно испытывал ее беспощадную формулировку, неотвратимую, как топор палача, как конец света: «враг народа».

Мне представляется, что и тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год, при всей своей неприметности, оказался знаковым в жизни страны, на предмет ее неминуемой гибели. Внешне, как часто бывает в серьезных делах, все выглядело на удивление прекраснодушно, можно даже сказать весело. На улицах наших городов стали появляться странные экзотические персонажи, так называемые «стиляги». Иногда пытаются рассматривать стиляжничество пятидесятых как некий модный рецидив прошедшего Всемирного фестиваля молодежи в Москве, иногда ставят вопрос очень круто и усматривают в стиляжничестве особую форму протеста против тоталитарного советского режима. И то и другое абсолютно неверное, крайне упрощенное видение прокатившегося по стране стихийного движения.

Стиляги – это молодые люди, который носили одежды вызывающе ярких тонов, слушали и танцевали рок-н-ролл, всем своим видом подчеркивая личную независимость и раскрепощенность. Стилягами становились советские граждане, которые раньше, чем кто-либо в нашей стране, ощутили, что человечество вступает в новую, принципиально иную жизнь, которая приведет к компьютерам, мобилкам, спутниковым антеннам. Своими зелеными с мартышками галстуками, ботинками на толстой «микропоре», шевелюрами-коками они

предвосхищали сегодняшние времена, к которым наша страна, увлеченная реализацией бредовых идей европейского средневековья, то бишь построением коммунизма, вовсе не готовилась.

Надо хорошо понимать, что цивилизацию нельзя принимать избирательно. Квантовая теория, «Битлы», компьютеры, рок-н-ролл тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой. Хрущев был настолько дремучим человеком, как, впрочем, и все последующие головотяпы, дефилирующие на мавзолеем подиуме, что у них не хватало ума относиться к прогрессу как к комплексному достоянию человечества. Им все казалось, что водородные бомбы, ракеты – это хорошо, но Элвис Пресли – ни в коем случае, хотя дураку понятно, что одно без другого абсолютно невысказимо. Мы проиграли научно-техническое соперничество с Западом во многом потому, что норовили собирать вершки с питательной закваски, в которой бродило человечество во второй половине двадцатого века.

Существует много различных версий по поводу безвременной гибели динозавров. Чаще всего это горе связывают с резким изменением климата на Земле, наступившего вследствие соударения нашей планеты с солидным блуждающим космическим телом. Мне же представляется убедительной толковая идея, согласно которой сама природа отвергла нерациональные формы развития жизни, основанные на бесконтрольном наращивании массы тяжеловесных животных при относительно скудном объеме мозгового вещества. Нечто подобное произошло и с Советским Союзом. Страна советов бестолково, непропорционально много увлекалась гигантскими начинаниями – строила БАМ, крепила военную мощь, перекладывала русла рек, но при этом не позволяла свободно развиваться мозговому веществу, жестко фиксировала его в рамках дозволенного.

В целом гигантомания – весьма обманчивая и коварная штука. Вот представьте, вам выпала удача и вы оказались владельцем новенького стоквартирного дома, при условии, что жить в нем обязана только ваша семья. Очень скоро это кажущееся счастье превратится в кошмар по обслуживанию принадлежащей вам собственности. У вас просто не хватит ни сил, ни средств на финансирование

коммунальных услуг, на бесконечные ремонты водопроводных кранов, стальнойки, парового отопления.

В нашей бывшей стране всегда с большим восторгом подчеркивали, что на территории какого-нибудь сибирского колхоза можно с легкостью разместить восемь Франций. При этом мало кто задумывался, чего стоит государству обслуживание этих необъятных просторов, оказавшихся в собственности народа. Наверняка существует некоторая масштабная целесообразность рационального соотношения между количеством населения и занимаемой им территорией, с наиболее эффективными экономическими последствиями. Иначе самыми счастливыми и процветающими на Земле людьми должны оказаться чукчи. Это у них самые большие пространства, да еще с залежами алмазов и нефти, не в пример какой-нибудь зачуханной Японии.

Тем не менее к концу пятидесятых появилось два вида штанов. Те, кто за Родину и за Сталина, носили «клеша». Космополиты, умащивая пятки баннным мылом, напяливали «дудочки». Скажу без ложной скромности: пусть не в пятьдесят восьмом, пусть несколько позже, но к «дудочкам» имел отношение и я. Мама сшила мне, не сама конечно, у знакомой портнихи, из папиного серого костюма изумительной красоты модные брюки с широченными манжетами. К штанам присовокупили желтые носки и красно-коричневые туфли на «микрופоре». Никогда уже, во всю жизнь, я не буду испытывать столько радости, столько восторга от ношения личной одежды, как от тех, перелицованных из папиного старого костюма штанов. Впрочем, и это не вся правда. Будет у меня в жизни еще один подарок от кутюрье, но об этом разговор впереди, поскольку связан он с хромовыми сапогами лагерной уже моей экипировки.

Надо ли сомневаться, что мой крестный, родной дядя Павел, до конца своих дней носил неизменно «клеша». Красота того кроя, в отличие от нынешних легкомысленных брюк, заключалась в верхней части штанов. Они плотно облевали сильное мужское тело. На них явственно выделялись широкие ременные петли, четко прострачивалась вызывающая уважение ширинка. Штаны украшали

благородного кроя карманы, выточки, все скомбинировано крепко, рельефно. Одним словом – шедевр.

В пятьдесят восьмом году дядя Павел с супругой и двумя сыновьями наконец-то въехал в государственную квартиру, ведь до этого они горемыкали по чужим углам. Родина предоставила советской трудовой семье, за верную многолетнюю службу, в личное пользование двухкомнатную «хрущевку». Какое привычное слово, но сколько значения, сколько смысла таит в себе это коммунистическое сладкозвучие!

Помню как сейчас, на новоселье к дяде Павлу я ехал с папой и мамой в деревянном, гремящем трамвае, с большим внутренним подъемом, искренне радуясь за своих близких родственников. Папа держал в руках новенькие, с блестящим никелированным маятником, настенные часы. Но, как говорится, человек предполагает, а «хрущевка» располагает.

Прозрение не заставило долго ждать. Оказавшись в прихожей, у меня возникло ощущение западни, полная иллюзия плена, было такое впечатление, что ты попался и это уже навсегда. Радость тотчас сменилась недоумением. Обойдя квартиру-мышеловку, с застенчивой мини-кухней и еще более мини-сортиром, мы все еще улыбались и поздравляли новоселов, но чувство досадного недоразумения просматривалось на всех лицах.

Мне, между прочим, никогда в жизни не случалось пользоваться в полном объеме услугами совмещенных хрущевских санузлов. Интересное дело, в них устроено все настолько компактно, что, очутившись в так называемой сидячей ванне, ты немного пребываешь и в унитазе. Потому что, как ни верти, если туловище расположено в ванне, то голова обязательно окажется при унитазе, если же голова в ванне, то задница опять-таки норовит пристроиться в объятия холодного керамического седалища.

А теперь сами призадумайтесь: может ли человек, выскочивший из совмещенного малогабаритного санузла, практически из-под унитаза, прискакать на городскую площадь и публично требовать от своих

властей немедленного вывода советских войск из Чехословакии? Как вам вопросик, он же и ответик на бесконечные поиски причин всех несчастий, обрушившихся на наш очумелый народ и продолжающих сыпаться нескончаемым камнепадом.

Унижения, которым подверглись мои соотечественники за годы краснопузой власти, не поддаются никакому измерению. Это дикая ложь, вопиющая неправда, что возникновение «хрущевок» продиктовано жилищной необходимостью. Эта необходимость живуча в нашей стране, как перпетуум мобиле. Но уж лучше жить в коммуналке, на чужой квартире, однако все-таки с надеждой на обретение достойного человеческого жилища, нежели оказаться в унизительно-издевательском благополучии до конца своих дней. Мой родной дядя Павел, фронтовик, кавалер солдатской «Славы», так и покинул этот мир, не отведав, не испытав элементарного удовольствия от купания в большой чугунной ванне, где можно свободно потянуться, расслабить уставшие члены и ощутить, убедиться, что жизнь – действительно прекрасная штука.

Сталин в этом смысле был стократ умнее. Он точно знал, что надежное будущее создается методически, упорно, без суеты и спешки. Ведь наша квартира на Красной площади и по прошествии полувека остается вождеденной мечтой многих современных состоятельных людей. Загоняя своих граждан в хрущевки, власти фактически ввергали их в звероподобное состояние и закладывали на будущее неминуемую гибель страны. Потому что рядовой труженик, испивший утренний чай в хрущевской кухне, где и трем тараканам невозможно разминуться, не потревожив друг друга не очень растопыренными усами, должен был отправляться на производство и конкурировать со штуртартским слесарем-сборщиком на ниве производства автомобилей. Отсюда, с кухни, с утреннего чая, начинается непостижимая для многих разница между «Мерседесом» и «Запорожцем».

В Советском Союзе, за годы большевистского маразма, была создана уникальная среда обитания, из которой как из гвоздильного станка выплевывались удивительно примитивные, очень похожие друг на друга товарищи-граждане. Как справедливо заметил

советский поэт Николай Тихонов, «Гвозди бы делать из этих людей, в мире бы не было крепче гвоздей». Когда я говорю о среде обитания, то имею в виду весь материально-вещественный мир нашего окружения. Противно вспоминать висячие книжные полки, серванты с хрустальными, стены в плебейских коврах. Все эти прелести совкового благополучия доставались человеку с огромным усилием, в страданиях, как награда за доблестный труд или свидетельство его изворотливости. Поголовная безвкусица, выхолощенность, унифицированность примитивного совкового быта, особенно постсталинского периода, поражали своей убогостью и, конечно же, очень корректировали духовное содержание подрастающих поколений.

Нельзя упрощать степень влияния окружающего предметного мира на качество формирования человеческой личности. Не к ночи будет сказано, но я никогда не поверю, что если повесить над детской кроваткой одну из гипсовых, крашенных грязной охрой уродливых масок, которыми буквально наводнили страну в начале перестройки, то из этой дитятки вырастет какой-нибудь Шопен или Моцарт. Вот хоть тресни, никогда не пойму, о чем думает взрослый дядя, неся в собственный дом, по собственной воле подобную гадость. Все эти уродливые гримасы приплыли в наши края из джунглей, от племенных народов, живущих в первобытном состоянии. Принося в дом частичку их культурологической среды, мы как бы погружаемся в туземное бытие, и тогда остается один только шаг в компанию аборигенов, закусивших филейными прелестями несчастного Кука.

Сегодня почти невозможно встретить в чьей-либо квартире настоящее, подлинное произведение искусства. Даже известные люди, имеющие претензии на некоторую причастность к культуре, удовлетворяют свои запросы на вернисажах Арбата и Андреевского спуска, в действительности, на уровне китча. По эстетическому содержанию любое творение базарных поставщиков мало чем отличается от гипсовых страшилищ, привезенных с уличных развалов республики Бангладеш. Невозможно переоценить значение присутствия в человеческом жилище хотя бы одного подлинного произведения искусства. Оно как свет зари, как камертон благовеста наполняет весь дом

особым ароматом деликатности и чистоты, связывающей нас с божественной предвечностью. В таком доме никогда не вырастет мерзавец, негодяй не приживется под этюдами Левитана, не развернется в присутствии мейсенского фарфора.

Практически все советские люди родом из китча. К деградации духовного состояния общества основательно приложились наши любимые художественные музеи. При этом чем выше статус музея, тем значительнее мера его вины перед собственным народом. Несметные запасники, которые буквально трещат от хранящихся там материалов, были созданы по преимуществу на основе изъятых у населения предметов красоты. Если раньше миллионы прекрасных художественных произведений выполняли очень необходимую и благородную функцию – они формировали духовный облик людей, то теперь томятся в заточении, в подвалах наших выдающихся музеев. Давно набрыдло пресловутое сравнение музейных коллекций с блуждающими айсбергами, но ведь именно невидимая, подводная ледовая глыба сразила бедолагу «Титаник». Точно так же не задействованная в экспозициях, большая часть музейных собраний смертельно ранит наше одичавшее общество, живущее вне культурно-исторического контекста.

Речь не идет, конечно, о Рафаэле и Сурикове, но доложу вам, что даже у моего родного деда, деревенского кузнеца, имелось в наличии прекрасное столовое серебро, вышедшее из известных мастерских ювелира Хлебникова. До меня дошла чудом уцелевшая серебряная чарка, которой дедушка имел удовольствие пользоваться. Имел удовольствие пользоваться изделием Хлебникова и я. Очень советую, обязательно обзаведитесь старинной серебряной чаркой. Возвращаясь домой из нелегких мужских дорог, присядьте к обеденному столу с любимой супругой, наполните старинное серебро крепкой, холодной водочкой, пригубите чарку – и вы обязательно ощутите на устах живительную прохладу благородного серебра, проникающую в самое сердце вашей уставшей плоти. Мера напитка, глоток предельно выверены, ни капли ни взять, ни добавить. Все настолько умно, удобно, приятно, что вы уже никогда в жизни не притронетесь

к этим псевдохрустальным рюмочкам и стопочкам, легкомысленно позвякивающим в хлипких совковых сервантах.

А еще у меня хранится приданое бабушки Ульяны – старинные, с боем, настенные часы. Помню их с раннего детства. Каждое воскресенье папа самолично поднимался на ореховый стул – потолки-то были будь здоров – и заводил часовой механизм. Ритуал очень строгий, никто не смел самовольно забавляться пружинным ключом или подводить циферблатные стрелки. Папа делал это основательно, не торопясь, мягко вкладываясь в старинный бронзовый механизм. Настоящий часовой ход сродни семейному гимну. Все живущие в доме круглыми сутками купались в этих глубоких, умиротворенных звуках, они задавали особый ритм всей нашей жизни. Ритм спокойный, надежный, весьма располагающий к любви и добропорядочности.

Я иногда слышу звуки мобильного, напоминающие моей дочери о необходимости собираться в университет. Это даже не звук, какая-то электрическая суматоха, напоминающая хаотическую возню нереализовавшихся сперматозоидов. До чего же жалко нынешнюю молодежь, досадно за родную дочь, но ведь ничего не изменишь, ничего не поделаешь.

Размышляя о всех надругательствах над средой нашего обитания, невозможно обойти вниманием (мучительно подбираю смысловой эквивалент) и культуру градостроительства, особенно в части нынешнего церковного строительного бума. Сравнительно недавно завершилось возведение Михайловского Златоверхого собора в городе Киеве. Казалось бы, чего желать, когда храм красуется во всем своем великолепии. Однако массового ликования верующих людей в связи с этим как-то не очень заметно. Неверующим же одинаково весело – что строить, что взрывать.

Наши высокие правители, отличающиеся, как известно, исключительной набожностью, в простоте душевной смотрят на храм Божий как на «Ваньку-встаньку». Махнул рукой – рухнуло, махнул другой – заново вскочило. Между тем практика возведения и содержания культовых сооружений имеет строгую религиозную традицию,

освященную церковными таинствами и многовековым христианским опытом. Как бы хотелось, чтобы эта область человеческой деятельности осталась неприступной для большевистской методологии.

Я вот все ломаю голову: а для чего, собственно говоря, нынешним властям потребовалось возводить столь дорогостоящий архитектурный комплекс, как Михайловский Златоверхий? Сказать, что православному люду тесно в киевских церквах, это будет, мягко говоря, не совсем верно, ибо храмы наши во время богослужений, как правило, полупусты. Предположить, что власти руководствуются желанием возвернуть древнему Киеву его старинный, дореволюционный облик, – значит отказать властям в наличии здравого рассудка, ибо такая задача невыполнима в принципе, да и нелепа сама по себе. Ведь тогда придется возрождать и «конку», да, пожалуй, и «золотарный» промысел.

Если заподозрить, что киевские власти страдают от переизбытка средств, значит, их усилия следует обратить к более животрепещущим нуждам общества. Не худо, например, выстроить приличный интернат для нашей беспризорной детворы, да много чего хорошего можно осуществить с помощью этих средств. А быть может, мы являемся свидетелями негласного соперничества между нашей столицей и Москвой, где с переполоху отчебучили вроде бы как настоящий храм Христа Спасителя.

Почему я сомневаюсь в подлинности вновь возведенного храма Христа Спасителя? Да прежде всего потому, что подменен, утрачен феноменологический побудительный мотив возникновения этой святыни. Люди, возводившие первозданный храм Божий, вкладывали в свое детище сердечное духовное благодарение Господу за освобождение России от иноземных завоевателей. Нынешние радетели восстановления храма Христа Спасителя руководствовались совершенно иными побудительными мотивами. Вся их суматошная деятельность неприлично откровенно напоминает мрачные времена покупателей и торговцев индульгенциями. Как ни кривляйся, но голая правда состоит в том, что власти фактически вознамерились откупиться звонкой монетой за свои преступления перед церковью

Христовой. Не уверен, что Всевышний склонен поощрять подобные игрища. Есть что-то карикатурное в данном грандиозном проекте, весьма напоминающем судьбу кремлевской Царь-пушки, отлитой, как оказалось, на потеху почтенной публике.

А еще немаловажно вот что. Сегодняшние зодчие принципиально не в состоянии воссоздать старинный памятник в полном объеме, как с технической, так и с художественной точки зрения. Ставить перед собой подобную задачу так же нелепо, как требовать от наших далеких предков, возводивших Михайловский Златоверхий, умения конструировать космический ракетоноситель. Я полагаю, нет нужды выстраивать бесконечный список уникальных атрибутов храма Христа Спасителя или Михайловского комплекса, которые ставили их в ряд всемирно известных памятников культуры. Атрибутов, которые мы утратили навсегда, невосполнимо. О чем можно говорить, если стены великого храма расписывал сам Василий Суриков! Нынешние росписи на стенах собора Христа Спасителя откровенно голосят: «Налетай, торопись, покупай живопись». Поэтому сегодня, в сущности, возводятся некоторого рода фантомы, наподобие призраков из музея восковых фигур. Вроде бы и похоже, совсем близко – а вот поди ж ты! – не поведешь под венец.

Старая истина учит: в одну и ту же воду нельзя войти дважды. Современные строительные технологии основаны на цементных композициях, в отличие от старинных яично-известковых связующих веществ. К тому же почти все сегодняшние конструктивные элементы имеют стальное или железобетонное решение, что делает нынешние сооружения абсолютно непригодными для религиозных богослужений. Надо обладать совершенно крокодильей толстокожестью, чтобы не чувствовать весь холод, всю нежизнелюбовность, заэкранированность этих глухих бункеров, куда не проникает ни один божественный посыл из Царствия Небесного. Никакой истинно верующий человек, находясь под железобетонным перекрытием современных храмов-бункеров, не в состоянии ощутить на себе небесный покров Пресвятой Богородицы.

Однако зачем-то ведь возникают, появляются на свет Божий эти

помпезные сооружения. Подозреваю, что в основе рождения современных храмов-призраков лежит интеллектуальная беспомощность нашей общественной мысли. Только неумение разглядеть перспективу, явная неспособность общества прогнозировать свое будущее заставляют нас жить с головой, обращенной в прошлое. Мы постоянно копошимся в старых временах, кого-то там хулим, кого-то оправдываем и все ищем, безнадежно ищем оправдания дню сегодняшнему. И боимся, малодушествуем по дне завтрашнем, ибо не видим себя в нем.

Спору нет, люди должны обращаться к памяти прошлого, но созидать-то надо день сегодняшний, устремленный в будущее. Лишь только то общество может рассчитывать на безоблачное процветание, которое своими творческими усилиями как бы опережает время и уж ни в коем случае не пытается возвратиться в состояние давно прошедшего.

К тому же лично я, например, очень тревожусь, весьма опасюсь, что если разрушение Михайловского комплекса было чудовищным надругательством над телом Христовым, то нынешнее его как бы восстановление легко может обернуться в надругательство над кровью Христовой. Ибо страшным, трагическим для православной церкви был разгул большевистской чумы, но более коварными для самого православного духа могут оказаться большевистские методы руководства над церковным домостроительством. По разрушительным своим масштабам, по губительности для всего православного исповедания второе надругательство куда как страшней и зловещей, нежели первое. Потому что те же самые вредные руки, которые много лет подряд настойчиво мостили на вербного ослика кремлевских вождей, ничтоже сумняшеся норовят возвести на броневике Голгофское ристалище.

Могу без труда изложить длиннющий поименный список этих вредных лап, но, во-первых, бумагу не хочется марать и еще – очень противно. Взять того же первого президента нашей страны. Леонид Макарович в бытность свою долго возглавлял идеологический отдел ЦК КПСС Украины. Стало быть, с утра до ночи, с неопишущим

сладострастием измывался над религиями наших народов. За свою шикарную жизнь он настроил столько всевозможных сатрапских циркуляров, оскверняющих церковь, унижающих исповедальные чувства людей, что черти в аду последнее время постоянно ломают от недоумения рога и копыта: оказывается, они еще не научились делать жаровню, способную вместить всю эту гадость и запечь фигуранту именинный большой каравай.

Сделавшись президентом страны, ясновельможный пан Кравчук, разумеется, не уgomонился, он с удвоенным усердием принялся дожирать православную веру, незаметно подкравшись к ней с другой стороны. Самостийный церковный раскол, учиненный этим комиссаром от религии в кожаном картузе, бездарно расчленивший страну на Восток и Запад, уже принес и еще доставит нашему народу столько хлопот, столько несчастий, что и предугадать невозможно. Это как раз и есть классический образчик водружения Креста Господня на башне бронепоезда или все тот же «куцен-бацен» в исполнении солиста кремлевского ансамбля песен и плясок.

Каждому нормальному человеку должно быть понятно, что негоже открывать танцевальную площадку в Бабьем Яру, у подножия памятника жертвам фашистского зверства. То есть открыть-то там развлекательное заведение, в принципе, можно, и как знать, может, так и случится, но с точки зрения человеческой морали делать это нехорошо. Вообще, в цивилизованном обществе существует много различных мест, где делать что-то хорошо, но что-то и нежелательно. Как водится, чем больше хамства, тем больше вседозволенности, ведь дикарю позволительно все и в любом месте.

К возведению храмов Божьих, во все времена, окромя нынешнего, люди относились с величайшей бережностью. Места, на которых возводились храмы, выбирались особым образом, часто с промыслом сил небесных. Для верующих людей такие Богом отмеченные места воспринимаются как территории, наполненные спасительной благодатью.

Надо сказать, что понятие «благодать» является

основополагающей доминантой в христианской мистерии. В материалистическом толковании это понятие необъяснимо. Оно как категория «совесть»: вроде бы физиологически два совершенно одинаковых человека, только у одного совесть есть, а у другого нет ее вовсе. Для христианина любое явление в этом мире подразделяется в контексте со знаком наличия или отсутствия благодати. Верующий человек смотрит иногда на роскошную грудь, обильно уснащенную драгоценными панагиями и крестами, и, в полном соответствии с системой Станиславского, говорит себе: не верю. Вот так и я, смотрю на нынешний Михайловский Златоверхий, а что-то внутри настойчиво щемит: не верь им.

Я хочу еще раз напомнить всему миру, что место, на котором возвели нынешний Михайловский Златоверхий, несет на себе следы совершения величайшего преступления против церкви Христовой. Имеется в виду варварское убийство ни в чем не повинного древнего православного храма. Следовательно, само место это, как принято считать у религиозных людей, пребывает в скверне. Поэтому ни о какой Божьей благодати, освящающей строительство и функционирование вновь возводимого храма, не может быть и речи. Мера осквернения этого места не идет ни в какое сравнение с мерой покаяния нашего общества, если таковое вообще происходило, когда-нибудь наблюдалось в стране.

Истории известны случаи возведения храмов Божьих на местах совершения страшных преступлений. Это так называемые храмы на крови. Мы знаем храм на крови в Петербурге, который освящает место убийства императора. История хранит в памяти факты возведения почитаемых святынь после разрушения их иноверцами. Но все это преступления иных содержания, иных побудительных мотивов. Никогда еще люди не совершали таких чудовищных преступлений против своей собственной религиозной культуры, ни один народ не опускался в своем самоосквернении так низко и мерзко, как это сделали мы. Поэтому я-то думаю, что путь к спасению народа, к обретению благодати Божией будет куда как сложнее и, надеюсь, доблестней, нежели авральное возведение храмовых призраков на местах

прежде поруганных святынь.

Приятно, наверное, жить с наивной уверенностью, что вот пришел бородатый батюшка, помахал кадыльцем, совершил эдакое благорастворение воздуха – и все окрест обволокло елейным духом ладана, дарующим присутствие спасительной благодати. Между тем вопрос о существовании благодати Божией имеет сакраментальное значение во всем христианском вероисповедании. Для того чтобы разобраться, что есть небесная благодать на самом деле, надо крепко усвоить, чем отличается Ветхий завет от завета Нового.

В нашем интересном отечестве даже люди, профессионально занимающиеся проповедью Евангельского слова, зачастую не умеют толково объяснить, чем отличается Ветхий завет от Нового, почему Ветхий завет не устраивал народы, зачем потребовалась Евангельская весть. А уж те из моих соотечественников, которые самодовольно величают себя просвещенной интеллигенцией, и вовсе безнадежно плавают в этом вопросе, хотя до чего ловки ссылаться на библейскую мудрость.

Так вот, доведу до сведения широкой публики. Вершиной Ветхого завета является закон. Избавитель израильского народа объединил своих единокровных братьев законом в повиновении Божию. Пророк Моисей, величайший из когда-либо живущих на земле людей, сформулировал требования-заповеди, соблюдение которых давало человеку надежду именоваться чадом Божиим. Человек, не признававший, не исполнявший эти заповеди, пребывал в грехах – от него отворачивались силы небесные. Закон был строг и тверд. По преданию, он был начертан на каменных скрижалях, что свидетельствовало о его незыблемости.

Новый завет учит, что вместе с верою в Светлое воскресенье из мертвых Иисуса Христа, в человека вселяется ниспосланное свыше состояние благодати, дарующее внутреннее ощущение закона Божьего. Такой, отмеченный благодатью человек соблюдает заповеди Господни не потому, что они начертаны на каменных скрижалях заветным слогом, – он делает это по велению своей религиозной

совести, ибо заповеди Божии становятся заветами, запечатленными на скрижалях его бессмертной души.

Ведь что такое закон, начертанный буквами для человека? Например, в Украине всегда существовал и остается в силе выписанный красивыми буквами закон, который не велит человеку воровать, однако это отнюдь не стало помехой для наших шляхетных комсомольцев разграбить богатейшую страну. Всегда был и остается в силе закон, не рекомендующий убивать людей, особенно хорошо он известен служителям Фемиды, дяденькам в золотых погонах, которые взяли да и позабыли его, повстречавшись с журналистом Гией Гонгадзе.

Новозаветный человек, пребывающий в благодати Божией, никогда не станет воровать или убивать, независимо ни от каких буквами прописанных законов, ему не позволит этого делать его собственная религиозная совесть. Преимущество благодати Нового завета над буквой закона завета Ветхого столь же велико и значительно, сколь огромно превосходство живой плоти над мертвым камнем. Если мы отвергаем наличие благодати Божией, то этим самым отвергаем славу Христовых страданий и славу светлого Его воскресения.

Нам не дано знать, по какому расчету и принципу Господь расточает спасительную свою благодать. Однако верующая душа безошибочно остро отличает наличие или отсутствие благодати Божией в любом человеке, в любой житейской ситуации. Наши православные прихожане прекрасно ориентируются, где служит священник всамделишный, отмеченный небесной благодатью, а где кропит мир сей откровенный шарлатан. Знают люди храмы, щедро отмеченные благодатью. Знают и храмы, лишенные такой высокой чести. Рассчитывать, что в заново отстроенном Михайловском соборе будет с избытком расточаться милость Божия, по меньшей мере – бессовестно. Тогда возникает извечный вопрос: что же делать? Прекратить функционирование храма или заново разрушить его? Ничуть не бывало, скажу я вам. Начатое дело всегда следует завершать. А вот что делать потом, об этом надо хорошенько поразмышлять.

Мне представляется, что Михайловский Златоверхий собор должен стать в нашем отечестве храмом сокрушения, святым местом покаяния для всего народа. Может быть, наподобие Стены плача в Иерусалиме. Было бы весьма уместно, если бы церковные иерархи нашли возможным организовать в храме круглосуточное бдение, с непрерывающимся чтением покаянного канона Андрея Критского, дабы Господь даровал стране прегрешений оставление. Чтобы любой наш гражданин, во всякое время дня или ночи, мог прийти в сей молитвенный дом и выразить там свое сердце, совершить великое таинство христианского исповедания.

И, быть может, когда мера раскаявшихся наших сердец превысит меру преступления, совершенного на месте воздвигнутого собора, – произойдет невечернее чудо и отворится животворная благодать христианской мистерии. Как знать, пути Господни неисповедимы. Мы помним, что великий грешник Савл, по призванию свыше, сделался великим праведником, апостолом Павлом. Будем же молиться, чтобы Господь, по неизбывной милости и щедрости Своей и, конечно, по усердию веры в наших сердцах, даровал Михайловскому Златоверхому собору счастливую православную судьбу.

Возрождение духовной славы Михайловского комплекса не мыслится без возвращения на свое исконное место нетленных мощей великомученицы Варвары. Подвиг этой страдальицы за веру Христову почти тысячу лет служил духовным знаменем Златоверхого собора. Сейчас невозможно даже вообразить, какое несметное количество паломников прибегло к помощи святой Варвары за многие века и получило избавление от тяжких недугов, с упованием на заступничество великомученицы. По мнению христиан, врачующая сила святых мощей наиболее ярко проявляется в защите от внезапной и насильственной смерти. В добрые времена считалось, что чудодействие происходит и от «серебра и злата, в кои мощи заключены».

Серебряная рака с пьедесталом, весившие около двадцати пяти пудов, усеянные бриллиантами и увешанные драгоценными дарами от важных доброхотов, вплоть до царствующих особ, разумеется, не обойдены оказались чутким большевистским вниманием. Уперли все,

конечно, сволочи, и следа не оставили. Расправиться с мощами великомученицы у киевских краснопузых отморозков градусу не достало, а ведь в Питере руки не дрогнули подвергнуть уничтожению святые мощи самого Александра Невского. Его серебряную раку высвободили для важных государственных дел, а с мощами легендарного князя, и секунды не сомневаюсь, покончили раз и навсегда.

Если быть точным, то в начале перестройки власти приперли в Невскую лавру бумажный мешок с каким-то суповым набором и предъявили эту радость как мощи великого князя. Но ребята совсем недавно, в Киеве, подвергли современной экспертизе мощи Ярослава Мудрого, которые в свое время побывали в Москве. Мало того что привезенные из Москвы мощи оказались женского происхождения, но они еще были собраны из останков разных людей. Как вам почерк? Неужели вы серьезно допускаете, что в разгул большевистского шабаша кто-то из государственных мужей мог позволить себе проявить заботу о сохранности мощей Александра Невского? И вообще, как вы представляете себе большевика Сергея Мироновича Кирова, стоящего у врат коммунистического рая с котомкой мощей за плечами?

Всем тем, кто распространяет бредни про нынешнее возрождение религиозного духа в стране, основываясь на повальной эпидемии картинно осенять себя крестными размахиваниями руками по поводу и без, советую на минуточку отложить все свои грандиозные дела и заглянуть во Владимирский собор, где сиротливо дожидаются своего триумфального часа много чего повидавшие на своем веку нетленные мощи Варвары. Если серьезно разобраться, по подлинности происхождения, по давности лет, по мужеству духовного подвига и силе целительных возможностей, святыня, пребывающая во Владимирском соборе, не имеет во всем христианском мире чего-либо равного.

Окажись подобное молитвенное достояние в какой-нибудь Англии или Америке, тотчас устроили бы вавилонское столпотворение, народищу бы потянулось со всего света видимо-невидимо, кто по религиозным убеждениям, кто по надежде получить на халяву

избавление от неисцелимых болезней. Вот где большевики опростоволосились в разлюбезные тридцатые, могли бы переправить святыню за океан и срубить неплохие деньжишки. С другой стороны, завези к нам из-за бугра какой-нибудь блестящий ларчик с подозрением на присутствие в нем чего-нибудь магического, зевак припрется, навалит в черных лимузинах столько мерзопакостины, что голова кругом пойдет. Вот в этом все мы, вся наша вера, вся наша дурь.

Интересно, задавался кто-либо из киевских ревнителей чистоты православной веры обыкновенным вопросом: по чьей недоброй воле продолжается разлучение мощей великомученицы Варвары с Михайловским Златоверхим собором? В принципиальном плане на этот вопрос существует два варианта полноправных ответов. По одному из которых нашим высоким государственным небожителям, крестно размахивающим руками под объективами телекамер, словно мельничными крыльями, глубоко наплевать на судьбу великой православной святыни. По второму ответу выражусь на сей раз исключительно тонко, предельно филигранно: кому-то во Владимирском соборе до жути страшновато оставаться один на один со своей интересной биографией. Кто-то шкурой своей насмерть прилепился к священным мощам великомученицы, как за последнюю надежду, как за последний патрон. Быть может, какая-нибудь уборщица, а может, кто-то еще.

Впрочем, не стану распространяться по этому деликатному поводу, чтобы как-нибудь ненароком не бросить тень на чье-нибудь персональное благочестие. Лучше догадайтесь сами, о ком идет речь. Учитывая невероятную сложность поставленной задачи, предлагаю фору: попробуйте определиться хотя бы с пяти тысяч раз. А скорее всего, в нашем случае работают сразу оба бессовестных фактора, до срока, конечно. Ведь не следует сбрасывать со счетов, что святая Варвара является и покровительницей артиллерии, так что сама она вроде бы как небесное орудие. Такое если громыхнет, как выражается нынешняя молодежь, мало не покажется.

Очень настораживает, что подобное легкомысленное отношение к древнейшей христианской святыне никого не волнует, и это

при наличии несметного полчища новоиспеченных богоносцев при пионерских галстуках. Трудно даже представить, чего здесь больше – глупости или невежества. Разумеется, можно не верить в Бога, это вовсе не обязательно. В конце концов, абсолютно не важно, как ты веришь в Бога, главное – верит ли Бог тебе. Но уважать историю своей страны, хранить верность памяти предков, быть залогом незаблемости почитания и местонахождения религиозных святынь обязан любой нормальный человек – правда если он в самом деле нормальный.

1959 ГОД

В пятьдесят девятом мне исполняется тринадцать лет. Это упрямое время под печальное сияние небесной лампы бороздит планету. Что и говорить, нежнейший возраст, когда кажется, что позади уже много всего, а вперед вообще не проглянуть, как в туманную ночь у окна. Где-то там, высоко в ночи, томится безмолвием Луна. Одной лишь ей известно, что мир существует сам по себе, что мы явились сюда на мгновение, ведь мы приходим и уходим, а холодный свет Луны от века и доныне висит над бездной.

Много старше, научившись созерцать любовь, я буду переноситься в пространство, где нет никаких измерений, где не на чем остановить взгляд и не на что опереть ногу. И в этом ледящем мозги ничего медленно нарождается волшебный цветок, напоминающий по очертаниям бутон тропического алоэ. В тиши прозрачного эфира ясно слышится небесный перезвон колокольчиков хрусталя, и под эту благоговейную мелодию волшебный цветок любви расправляет свои чарующие ланиты. Краски самые неземные, подернутые томной негой, струятся мне в очи и все округ наполняется благоуханием любви и Божества.

Однако прочь некстати снизошедшие сентиментальности; я приглашаю вас в Луганск, к моей школе номер два, что по улице Юного Спартака. Славное наименование, не правда ли? В переводе с совкового, суконного на язык человеческий оно означает «улица молодого гладиатора». Страна Советов являла собой настолько несуразное, прямо-таки фантазмагорическое образование, что, оказавшись в любой ее точке, было от чего прийти в замешательство.

Вот представьте, судьба привела вас в тенистую аллею по улице Юного Спартака, что в старой части города Луганска. Короткая улица, всего-то метров триста, но чего вокруг вас только не нагорожено. Детский садик, городская прокуратура, Дом-музей Владимира Даля, образовательная школа, водолечебница, епархиальное управление, жилые дома, ремесленное училище – и весь этот компот называется

почему-то Юным Спартаком, то есть еще не гладиатором, но мальчиком с хорошей перспективой. Чем руководствовались власти, положившие такое мудреное название улице, кого они имели в виду: детишек, попов, прокуроров, врачей, ремесленников?

Справедливости ради следует сказать, что сегодня улица носит имя великого моего земляка, большущего знатока русской словесности. Прокуратуры там давно уже нет, нет и епархиального управления, отчего весь колорит старой школьной улицы утратил былое многоцветие. Вы только вообразите: тут тебе зловещие «воронки», доставляющие на допросы тюремных арестантов, тут же стреляющая «чинарики» голытьба в форменных фуражках из седьмого ремесленного училища, следом важные попы в черных зашторенных «зимах», за ними, вприпрыжку, дьяконы и церковные старосты, медсестры в белых халатах, сопливые детсадовцы и мы, учащиеся школы имени Кирова, с пионерской дружиной опять-таки имени Павлика Морозова.

Вот ведь что удивительно, всю жизнь, от самого рождения, меня преследовала близость к духовенству. Началось все с того, что папа завел дружбу с жившим по соседству батюшкой, крестившим меня в младенческом возрасте. Частенько под чарочкой священник брал меня на руки и щекотал своей курчавой бородой, как бы заранее заигрывая со мною, предчувствуя наперед нашу неразрывную дружбу и крепкую, до боли в объятиях, любовь. В школе я учился рядом с епархиальным управлением, которое позже расположилось по соседству с моим домом на Красной площади. А совсем позже я и сам почти двадцать лет проработал на ниве церковного домостроительства. Фактически, большая часть моей жизни прошла в окружении людей, одетых в черные рясы.

В христианской иконографии существует прекрасный сюжет, согласно которому Спаситель изображается в окружении детворы. Он так и называется – «Христос проповедует детям». Признаться, это самое милое для меня изображение Иисуса. В нем присутствует потрясающая воображение кротость и безмятежность, воистину райского происхождения мудрость и чистота, возникающие от слияния детской непорочности с Христовой любовью. Тем удивительней

вспоминать неизменное чувство страха, с которым мы встречались с духовенством на наших улицах. От попов шарахались, как от черных кошек. То ли дети мы были какие-то не такие, то ли батюшки подгуляли на предмет сходства своего с Иисусом.

Мне за свою околицерковную жизнь довелось повстречаться, перезнакомиться с сотнями священнослужителей. Могу засвидетельствовать, что духовенство, в общем случае, делится на три четко обозначенные группы. Это батюшки городские, батюшки сельские и выездные, вояжные служители культа. Городские батюшки, тяготеющие к корыту пошире и поглубже, скажу по совести, для меня малоинтересны. Сельские священники – это в некотором роде ссыльное духовенство, неуютное высоким властям, часто и потому, что не желало стучать так громко, как хотелось бы. Их загоняли на далекие, малопривлекательные приходы, со скромным достатком, чтобы там на досуге поразмышлять на предмет, что есть истина. Фактически, эти неприметные люди пронесли на себе славу и дух православной веры сквозь жуткий двадцатый век. Среди выездных попов попадались такие перлы, что с них бы картины да эпические романы ваять. Обо всех, разумеется, не расскажешь, но вот об одном, отце Николае, могу замолвить пару словечек.

Надо знать, что сельские люди, посещающие церковные службы, разительно отличаются от городских прихожан. Городская душа отправляется в церковь из страха перед смертью, она ищет там утешения, надежды на спасение. Сельский человек меньше боится смерти, быть может от того, что постоянно наблюдает на собственном подворье жизненный круговорот. Пребывая ближе к повседневному естеству, он ходит в церковь большей частью из любви к жизни, ко Христу, видя в нем поруку и знамение щедрости природы. Господа нашего Иисуса городские и сельские люди видят и понимают по-разному.

Для горожанина иконный ряд, связанный с изображением Спасителя, рисуется как «Спас Вседержитель», «Спас в силах», «Спас ярое око», когда Христос фигурирует в качестве грозной силы, милующей и карающей людей за их добрые и худые дела. Для сельского

прихожанина Спаситель выступает преимущественно в образе маленького Иисуса, изображаемого на иконах Богородичного чина. Селяне воспринимают Христа как маленького ребенка, которого умиленно называют Боженька, и радостно молятся Ему, доверяя самые сокровенные тайны. Ребенок естественней воспринимается как залог бессмертия, ибо в нем невозможно прочесть признаки конечности и собственного бытия.

Итак, об отце Николае. Наше личное знакомство завязалось при необычайных обстоятельствах. Приехав по приглашению в одну из сельских церквей к концу богослужения, я застал в святом алтаре дерущихся на кулачках отца Николая и местного старосту, не поделивших по-доброму воскресную выручку. В наших храмах богослужения сопровождаются непрекращающейся денежной возней. Постоянно что-то шуршит, позвякивает. Этот зловещий лейтмотив пронизывает церковную жизнь сверху донизу. Итак, забавный, как вы правильно догадались, оказался священник. Позже мы славно подружились, и мне довелось немало потрудиться на его часто меняющихся приходах. В одной из доверительных бесед батюшка в сердцах поведал откровение высочайшей литературной пронзительности, перед которым меркнет гений самого Федора Михайловича.

Дело в том, что от города, в котором жил отец Николай, до его сельского прихода было не меньше двухсот верст. Режим работы священника оказался таков, что необходимый автобус отходил по расписанию крайне неудобно, буквально сразу же по окончании воскресной службы. Чаще всего батюшка даже не успевал пересчитать вырученные деньги. Он запихивал бумажные купюры, извлеченные из разных карманов, в поповский безразмерный саквояж и мигом залетал в автобус.

И вот тут-то начинались едва ли не крестные страдания. Дорога дальняя, народищу полный автобус, священнику, конечно, место полагалось, но деньги пересчитывать не было никакой возможности. Отец Николай говорил: «Пока доберешься домой, с ума можно сойти. Запущу втихаря руку в саквояж, на ощупь пробую деньги, чувствую, что нормально, но точно ведь не знаю сколько, хоть бейся головой в

стену». Вот ведь какие страстные муки приходилось терпеть нашим батюшкам. Может, не следовало об этом рассказывать, но и скрывать не смею пред Господом Богом своим.

Вне всякого сомнения, в доперестроечные времена христианство в целом, по всем конфессиям, пребывало в более крепком духовном стоянии, невзирая на жесточайшие репрессии и провокации со стороны властей. Курс на удушение религиозной жизни в стране ни от кого не скрывался. Мне приходилось встречаться в лагерях, отнюдь не пионерских, с людьми, имевшими мужество и светлую честь пострадать за веру Христову, большей частью протестантского исповедания. Это были в высшей степени порядочные ребята, несли себя они очень достойно. Прекрасно помню свои первые посещения церковных собраний у баптистов, субботников. Молитвенные дома были маленькими, не в пример нынешним хоромам. Людей всегда набито до упора, но дух веры стоял такой, что ты невольно проникался уважением к этим отчаянным людям. Разбойная политика властей по отношению к верующим, конечно, делала свое дело, в том смысле, что люди крепчали верой, действуя наперекор властям.

Сегодня все дозволено, желаешь в баптисты – милости просим, приглянулись харизматы – и туда дорога открыта, однако все без исключения христианские общины во многом утратили нечто чрезвычайно важное, животворящее церковную жизнь. Все-таки главная истина Христова постигается не в смирении, но именно в борьбе. Прежде всего, конечно, в поединке с самим собой, в советские же времена – в немалой степени и в поединке с государством.

Все сказанное в полной мере относится и к православной церкви. Кому не известно, что священников под страхом отлучения от службы принуждали подписывать унизительно грязные обязательства, фактически все они оказывались заложниками своего положения. Приходилось обладать недюжинной верой, чтобы при этом нести подлинное достоинство православного духа. Были священники – об этом тоже свидетельствую с чистой совестью, – которым и в тех людоедских условиях удавалось сохранять порядочность и благопристойность.

А вот о своей горемычной доле, о бесконечных подсматриваниях, подслушиваниях, о беспардонных наездах со стороны властей в связи с моей работой в церкви поведаю отдельно, на следующих страницах. Когда встречаешь в наших храмах узнаваемую мерзость, которая иступленно боролась с церковью, отравляла ей жизнь, а сегодня в первых рядах идет под благословение, просто начинаешь терять голову. Иначе как бесовщиной подобное преобразование не назовешь. Они лезут изо всех щелей как тараканы, прут так нагло и бесцеремонно, что нам сквозь них уже не протиснуться. Люди, которые буквально теплом своих тел отогревали, не позволяли заглохнуть церковной жизни в стране, опять никому не интересны.

Старые священники рассказывали, что большим негодяем по части издевательств над церковью был Никитка Хрущев. На поприще закрытия и уничтожения храмов, по количеству уволенного за штат духовенства он, якобы, перещеголял самого Сталина. В ряду всяких сумасбродностей Хрущев прослыл большим любителем незаслуженно присваивать звание Героя Советского Союза всевозможным заморским, большей частью экзотическим, лидерам. Ведь то было время широкой деколонизации малых стран Азии и Африки. Если поднимался вопрос о свободе какого-нибудь Манолиса Глезоса, затаившегося с берданкой под пальмой, то возмущению нашему не было предела, а уж звезду героя – отдай и не греши. Кого только Никита Сергеевич не награждал!

По этому поводу остроумцы сочиняли забавные анекдоты. Шутники предлагали первому секретарю ЦК очередные подходящие кандидатуры на соискание почетного звания. В частности, удачно предлагалось посмертно присвоить звание героя последнему императору всея белая, малая, серая и тд. за создание революционной обстановки в России.

В этом анекдоте присутствует большая ирония, но есть и огромный здравый смысл, гораздо более убедительный, нежели нынешнее причисление все того же царя к лику святых. С точки зрения обыкновенной человеческой морали объявление Николая Романова святым так же глумливо и подло, как если бы Михалку Горбачева назвали

трижды героем развалившегося Советского Союза. А за то, что этот несостоявшийся тракторист умудрился в кратчайший срок загнать страну в долги за сотню миллиардов долларов, можно было спокойно вручить и пару орденов Победы.

Для тех, кто запомнил, рассказываю последовательно. В свое время великому князю Николаю Романову с величайшей торжественностью и клятвенными заверениями были вручены бразды правления государством Российским, весьма благополучным, очень богатым государством. Правление это, как известно, закончилось позорнейшим отречением от престола, от священных императорских обязанностей. Подобное деяние, по всем нравственным меркам, рассматривается как подлейшее предательство своего народа.

Не хочу вспоминать всех гнусностей, связанных с убиением бывшего императора и униженного бриллиантовыми побрякушками его семейства. Что тут скажешь? Каждый берет с собой в большую дорогу все самое нужное, самое важное. Например, когда чекисты брали последнего насельника Киево-Печерской лавры, на деликатное приглашение «собирайся, скотина» тот спокойно ответил: «давно собрался». Монах тотчас же покинул келью в чем лихо застало, не прихватив с собой даже запасных подштанников. Вот только за один этот поступок лаврского старца вполне можно причислить к лику святых и с благодарностью молиться ему до конца отмеренных дней. Между тем я никак не возьму в толк, в чем, собственно говоря, состоит христианский подвиг, в чем высокая духовная доблесть императора Николая Романова.

Святоотеческое предание для причисления человека к лику святых выдвигает ряд вполне определенных требований, связанных с трудами на благо процветания церкви Христовой. Является ли великим духовным откровением поступок христианина, когда он бросает на произвол судьбы свой народ, свою церковь, втянув их предварительно в бесполовую, позорно проигранную войну, стоившую миллионы жизней наших соотечественников? Это что, деяние, сопоставимое с житийным подвигом Сергея Радонежского или Серафима Саровского?

Могут возразить: дескать, да как же, ведь он был так бесчеловечно расстрелян. Хотел бы я знать что-нибудь о человеческих способах казни людей. Скажите на милость, каким образом убийство Николая отличается от расстрела моего дедушки, тут что, пули были слаще? Или от казни политзаключенных в задраенных трюмах на Белом море, по известному тургеневскому сценарию. Когда вся вина этих людей состояла лишь в том, что они имели несчастье жить и родиться в стране, управляемой царем-недоумком. А не приходит ли часом в голову, что весь этот несусветный кошмар, обрушившийся на наше отечество, является прямым следствием преступно-бездарного владычества российского императора? Говоря по совести, чучело этого, с позволения сказать, горе-святого, следовало бы водрузить где-нибудь на людном месте, чтобы было куда плюнуть в сердцах и, чтобы будущие властители российского трона, непрестанно ощущали тяжкую ношу полноты ответственности за долю Отечества.

Не разделяю щенячьего восторга по поводу благозвучных фамилий из разряда Юсуповых или Голицыных, которые, обладая огромной властью, в бесконечных интригах и гульбищах, вплоть до придворных сафари на Распутина и Столыпина, просвистали великую страну и ввергли подопечный народ в братоубийственную бойню. Не желаю знать, как тендитные графинюшки становились в Парижах черными кухарками, тем более что многие из них благополучно уперли из России приваловские миллионища и неплохо устроили личную жизнь. Поэтому никак не могу умиляться при виде их высокомерных наследников, присвоивших себе право судить и рядить наше отечество. Извиняться не мы должны перед ними, но это они обязаны принести публичное покаяние за преступно бездарное руководство страной, вместо потешной демонстрации нам крапленых картонных королей.

Однако полноте, не будем наивными, есть серьезные причины быть Николаю Романову святым. Причины тайные, тщательно скрываемые, потому что касаются они нашего достославного духовенства.

Россия, как прежде, так и теперь, остается необъятным географическим образованием, способным функционировать как единый

государственный механизм только при наличии сильной державной идеи. Когда людей разделяют десятки тысяч километров, без привлечения специальных идеологических средств никакое самопроизвольное объединение народов в принципе невозможно. Должно быть понятно, что человека, живущего на берегах Охотского моря, ну никак не касаются саратовские страдания или поздние рязанские заморозки.

В недавние советские времена глобальной консолидирующей идеей, позволявшей удерживать народы бывшей Российской империи в единстве и повиновении, была коммунистическая абракадабра. Монолитность дореволюционной России обеспечивалась двуглавым гербовым орлом, несущим символическое изображение царя и православной веры.

Государственный российский герб был принят в годы царствования Ивана III, по завершении объединения вокруг Москвы разрозненных русских земель и после окончательного избавления от монголо-татарского ига. Этот герб утверждал выдающуюся роль православной веры в деле становления Российского государства и закреплял справедливый паритет между царской властью и церковью. Стоящие за двухипостасным державным гербом, царь и церковь органично дополняли друг друга, как бы соглашаясь, что одна голова хорошо, а две – лучше. Вместе они полностью накрывали жизненное пространство миллионов подопечных людей не только на грешной земле, но и на небе, потому что открыто выступали воплощенными посланцами, наместниками Бога на грешной Земле.

Таким образом, государственная жизнь Российской империи покоилась на двоевластии. Историк Соловьев сообщает, что были два великих государя – Михаил Федорович и отец его святейший патриарх Филарет Никитич. За этим стояла не одна только форма. Все важные дела докладывались обоим государям и любые решения принимались обоими. Иностранные послы представлялись обоим государям одновременно, заморские челобитники подавали двойные грамоты, подносили двойные дары.

Социальная устойчивость и единство царской России той поры напрямую зависели от гармоничного, равновесного сосуществования двух идеологических доминант, заключенных в двуглавом государственном гербе. Ни царь, ни церковь не должны были претендовать на главенствующее положение в обществе – в этом заключался залог, гарантия процветания государства Российского. Надо признать, что прочный союз, закрепленный двуглавым гербовым знаком, оказался весьма плодотворным. Централизация Москвы, ее влияние по всем направлениям распространялось с нарастающей мощью.

Первую серьезную попытку по преобразованию страны сделала церковь под предводительством московского патриарха Никона. Скорее всего, перед лицом европейской реформации, вылившейся в череду раннебуржуазных революций. Никон решил действовать как бы на опережение, он не стал дожидаться, пока светское общество примется насильственно урезать широкие полномочия церкви. Проще говоря, одна из двух орлиных глав решила, что она умнее и важнее другой.

Вопрос в то далекое время заключался не в том, двумя или тремя перстами следует осенять себя верующему человеку, как полагают иные наивные историки церкви. Вопрос был поставлен предельно остро: что есть высшая, верховная власть на Земле – царь или церковь? Аргументы Никона оказались малоубедительными – ему не удалось поставить церковную иерархическую власть выше светской. В итоге он лишился патриаршего сана.

Когда настал черед Петра Великого, тот своего шанса не упустил. Царь действовал твердо и решительно, видя перед собой образец европейских стран, реформы в которых начались с широкого выступления против господства католической церкви. Петр повел преобразования фактически с наступления на православную церковь, отчаянно препятствующую распространению светского просвещения. Император прекрасно осознавал, что духовенство будет всячески саботировать любые прогрессивные нововведения, ибо они обязательно станут ущемлять привилегированное положение служителей культа, вольготно почивающих в уверенности, что Земля

имеет форму чемодана. Вот тогда-то, поддавшись давлению светской власти, уступив признанное миром равенство между церковным и царским владычеством, православное духовенство впервые и предало свой богоносный народ.

Лиха беда начало. С легкой руки Петра унижения церкви приняли необратимый характер. Чего стоила одна только Екатерина, надменно полагавшая, что истина обитает исключительно на берегах Одера и Рейна. Своей секуляризацией она довела духовенство до крайней степени нужды и невежества, отчего в народе произошло величайшее презрение к попам и нескрываемое равнодушие к собственной религии. О поповской жадности, тупости и лени наш народ сподобился наговорить столько ярких афоризмов, что из них можно составить цельную энциклопедию человеческих пороков.

Постепенно православное духовенство, приборканное светской властью, утратило излишнюю ревность по Богу и обратилось большей частью к земным своим нуждам. Пока, наконец, не вошло в состояние, которое предельно емко охарактеризовал Салтыков-Щедрин как «жеребьячье племя». Состояние, в котором наше достославное священство благополучно пребывает и поныне.

Хронология упадка православного духа в России хорошо просматривается на письменах церковной иконографии. Не надо быть великим специалистом, чтобы отметить стремительное падение качества русской иконы с начала восемнадцатого века. До восемнадцатого, любое изображение на иконе – это все равно как волшебное окно, отворенное в царствие Божие. В древнерусской иконе нас волнует и радует горний мир, строжайший покой, благорастворение прозрачных воздушных масс. На старинном изображении запечатлены духовные чаяния истинно верующего человека, молитвенно дерзнувшему обнаружить темперным мазком священные лики, вызвать их из небытия и представить зрителю во всей непорочной чистоте. Духовное совершенство иконописных персонажей настолько убедительно, что порой возникает иллюзия, будто не мы вовсе, но они пристально рассматривают нас, иногда с иронией, часто с укором, но неизменно с надеждой и упованием.

После петровских реформ пространство иконы заполняет земная юдоль. Она лукава, диалектична, абсолютно ненадежна, когда уже не на чем сосредоточить вопрошающий взгляд и упокоить душу.

Наши современные православные священники, наши «постники-молитвенники» с талиями в три обхвата, умеют картинно сокрушаться по поводу страшных репрессий, обрушившихся на церковь в годы становления Советской власти. Однако не худо поинтересоваться: а где же было православное духовенство до семнадцатого года? Разве церковные иерархи не ведали, в какую пропасть катится их паства? Разве не в результате духовно-нравственного окормления нашими религиозными поводарями общество пустилось во все тяжкие?

Это только так говорится, что большевики глумились над церковью. Активнейшее участие в красном терроре принимало наше славное духовенство. Вместе с чекистами попы-оборотни затевали и реализовывали преступную идею создания так называемой «Живой церкви» на пепелищах исконной православной веры. Денно и ночью строчили друг на друга доносы в погоне за высокими митрами и жирными приходами. То же самое происходило в самые недавние времена. Не понимаю, почему общество должно молчать об этом? Не надо держать нас за идиотов. Мы прекрасно осведомлены, наследниками каких славных традиций является православное духовенство, и точно знаем, что бывает когда «молодое вино заливают в старые меха».

Когда в большевистском угаре социального реванша народ крушил свои храмы, то основным побудительным мотивом неслыханного варварства было глубокое презрение граждан, нет, не к вере, а именно к духовенству. Посмотрите кадры хроники, когда всей деревней, под гармонику, обезумевшие толпы ликуют над поверженными святынями. Люди этим диким актом сводили счеты с поповской ложью, с попами, которые, проповедуя не красть, были ох как не чисты на руку, а призывая к воздержанию, заживо гибли в похотях своих.

Отнюдь не секрет, что и сегодня для большинства церковных служителей храм Божий является неким доходным местом, где на прихожанина смотрят исключительно как на личность дающую. На поповском паскудном жаргоне это называется «стричь овечку». Разделение в нашей церкви на сторону берущую и сторону дающую настолько явно и отвратительно, что именовать себя церковной общиной и язык-то не всегда поворачивается.

Правда состоит в том, что люди никогда еще не совершали таких чудовищных преступлений против собственной религиозной культуры, против светской власти в лице семьи Николая Романова. Но причинная, более высокая правда заключается в том, что церковные иерархи вкупе с венценосным императором беззастенчиво предали свой народ и обрекли его на несказанные страдания. Это предательство сделалось возможным в результате вопиющего несоответствия между правами и ответственностью, присвоенными себе царствующими особами и духовенством. А теперь, выставляя Николая Романова в образе великомученика и причисляя его к лику святых, православные иерархи, что называется, заматают следы, наводят морока. Потому что если убиенный император Николай святой, то и попы при нем – они ведь, плоть от плоти, в гербовом двуглавом исполнении.

Невеселые мысли приходят на ум, когда по киевскому телевидению демонстрируют забавного негра, азартно проповедующего слово Божие. Одного из сонма евангельских миссионеров, атакующих в последние времена наше заплутавшее отечество. Конечно, нет ничего плохого в том, что представители и далеких экзотических стран славят имя Господа нашего Иисуса. Только чудится мне, что по ночам краснеют от стыда святые мощи Киево-Печерских праведников.

Давным-давно, когда далекие дедушки этих новоиспеченных проповедников только еще учились неуклюже сползать с бабабов, на киевской святой земле высоким горением светили лампы подвижников духа. И негоже заморским ловцам человеческих душ вести себя на этой земле так, будто они явились сюда в первозданном обличье. По-хорошему, все эти заезжие ребята, если они

действительно претендуют на христианское благочестие, должны бы сразу в Борисполе, по выходе из самолета, проследовать ползком на пузе к мощам наших великих праведников. Осмотреться в трезвом уме и попытаться проникнуться уважением к тысячелетней христианской истории нашего народа.

Каюсь, грешный человек, краснею от всего происходящего вокруг и я. Краснею, когда читаю на улицах почтенного Киева заманчивые приглашения во всевозможные церковные собрания, для духовного оболванивания. Я досажую от бессилия, когда встречаю в поезде метро юное создание с раскрытой Библией в руках, ибо знаю наверняка, что радость пробуждения эта просветленная душа испытала не в моем православном храме.

Нынешнее положение дел в нашей церкви таково, что я, православный человек, должен честно признать перед всем миром: у меня нет возможности подать руку этому юному созданию и привести его в свой храм, где Божие чадо встретят умные и добрые пастыри. Встретят не корысти или своенравия ради, но только и исключительно из христианской любви к чающему духовного обновления человеку. Свидетельствую об этом с чистым сердцем пред Господом Богом моим.

Могут возразить: а что плохого в том, когда люди, и молодежь в особенности, предпочитают православной церкви, скажем так, иные конфессии? Отвечаю: плохого в этом, разумеется, нет ничего, ибо всякое прославление Царствия Божия весьма желанно и благоприятно во всех отношениях. Но вот в чем я убежден бесповоротно – полноту религиозного чувства, его высшую ипостась, славянская душа может испытать только в лоне православной церкви.

У каждого человека, кроме памяти интеллектуальной, есть еще очень цепкая наследственная память, память генетическая. В недрах этой памяти, у любого из моих соотечественников, сокрыто несметное религиозно-нравственное богатство, накопленное предшествовавшими поколениями людей. Жизнь наших предков всегда нераздельно переплеталась с церковными таинствами, с культурой

православного богослужения. Все значительные события в жизни каждого человека и, следовательно, все наиболее яркие переживания человеческих скорбей и радостей были освящены и сопровождались церковными обрядами. Сами эти обряды, их порядок и внешнее оформление за долгие годы трансформировались в лучшие этнические и нравственно-эстетические особенности нашего народа. Поэтому, когда в молитве верующего человека происходит слияние переживаемого духовного восторга с памятью прошлых поколений, возникает абсолютная гармония торжествующей души с окружающим миром. Вот почему, при всем уважении к иным христианским исповеданиям, я утверждаю, что их молитвы, даже самые высокие и искренние, не могут претендовать в славянской душе на религиозную полноту, ибо они не подкрепляются наследственной, генетической памятью человека.

Наши далекие предки за право исповедовать православие заплатили огромную цену, включая триста лет монголо-татарского ига. Поэтому понятия «родина» и «вера» в сознании наших людей существуют нераздельно. Православная церковь является носителем и хранителем колоссального патриотического пафоса. Понимание этого обстоятельства имеет первостепенное значение в наше смутное время. Сегодня, как никогда ранее, светская власть должна быть кровно заинтересована в возрождении сильной духом, нравственно чистой православной церкви. Ведь самая главная проблема независимой Украины, например, заключается не в отсутствии энергоносителей или недостаточности инвалютных вливаний. Самой жгучей болью нашей страны остается катастрофический дефицит порядочных людей, выступающих носителями духовно-нравственных ценностей.

Что можно ожидать от общества, миллионы якобы лучших граждан которого на протяжении многих лет цинично провозглашали себя «умом, честью и совестью всей эпохи», а потом в мгновение ока открестились от своих идеалов и пустились в такое воровство, что у нас, беспартийцев, не являющихся «умом, честью и совестью», до сих пор голова кругом идет.

В ряду различных легенд о нашем народе бытует наивная байка о его набожности. Ничуть не бывало, скажу я вам. Все эти бабушки в платочках, упрямо посещающие наши храмы, никогда не были, да и не могут быть носителями высокого религиозного духа. Они ходят в церковь и несут батюшкам свои последние гроши только ради обыкновенного человеческого общения с себе подобными. Ведь в наших городах и весях это порой единственное место, где они могут чувствовать себя хоть как-то комфортно. Где их никто не оттолкнет, не оскорбит, не обидит, где они просто никому не мешают. А все эти свадебные и крестильные кортежи, под брызги шампанского у церковной ограды, есть примитивный кураж и к подлинно религиозным нуждам никакого отношения не имеют.

Очень удручает то обстоятельство, что наши храмы практически не посещает молодежь и не желают знать люди среднего возраста. То есть не посещает самая активная, крепкая умом и духом часть населения. А все дело в том, что с современным человеком можно разговаривать только на равных. Наши пастыри, в своих тяжелых, боярских облачениях, никак не могут примириться с этим. Они никак не могут взять в толк, что сегодня негоже, да и незачем заставлять человека часами стоять по стойке «смирно» и творить за завесой богослужение, сопровождая его малопонятными возгласами и жестами.

Современный человек имеет огромное желание сам творить богослужение, желает сам говорить слово и обращаться непосредственно к Богу, что, кстати, широко практиковалось в ранние христианские времена. Не приняв нового человека, человека третьего тысячелетия, наша церковь обречена на деградацию. И этому нельзя помочь никакими восстановлениями прежде поруганных святынь.

Я, разумеется, не так наивен и очень далек от мысли, что наши церковные иерархи хоть на йоту поступятся своим небожителем положением во имя процветания православной веры. Однако на дворе «лето Господне – время благоприятное». К служению приступает очень много молодежи, людей способных и обязанных быть ответственными за судьбу своей церкви. Они должны хорошо уяснить для себя, что сроки бабушек в платочках канут в Лету, что грядут иные

времена, иные прихожане, – если, конечно, грядут.

Каждому здравомыслящему человеку должно быть понятно, что на нас надвигается глобальная конкуренция, в том числе и та, которая коснется сферы предоставления религиозных услуг. Что, вообще говоря, уже имеет место быть. Наша церковная иерархия при этом принимает глупейшую страусиную позу. Подобно беспечной птахе, они прячут в песок встревоженную голову, в надежде, что резвые хищники не обратят внимание на торчашую в небо жирную задницу. Заметят обязательно, сожрут со всеми потрохами. Никто и не подавится.

Иногда в сердцах говорю себе: Господи, как же хорошо, что в нашей стране есть целых три православных патриарха! Очень хорошо, ибо это означает, что у нас вовсе нет патриарха и еще сохраняется надежда на приход настоящего, всамделишного архипастыря. Очень верится, он обязательно выйдет на подворье Софии Киевской, опустится на колени перед всем миром и будет долго просить у своего народа прощения за всех предшественников своих, которые, облачившись в святые одежды, творили ложь и непотребство, чем нанесли колоссальный урон православной церкви и нравственному состоянию общества.

А народ, он добрый, он обязательно распознает и примет своего настоящего пастыря, подымет его с колен, и вместе мы примемся созидать великую Церковь Христову.

1960 ГОД

Да, отшумели, отблистали веселые годы пятидесятые, как молодое игристое вино. Потому что впереди уже выстроились в нетерпении еще более азартные, несравненные годы шестидесятые. Тут тебе и люди, и собачки наперегонки устремляются в космос, тут же экзистенциалисты, «битлы», кукуруза, а еще наши записные бунтари-поэты, так и не убедившие нас до конца: «то ли гении они, то ли нет еще».

Удивительное дело: в годы горбачевского маразма в страну хлынула безудержным потоком всякая порно и псевдо культурная муть. Такое впечатление, что где-то за вершиной Арарата было устроено огромное отхожее место, куда в течение всего двадцатого века собиралось дерьмо из-под всего сущего. Собиралось, чтобы однажды прорваться и выплеснуться на наше заплутавшее отечество, затопив его аж по самые кремлевские флагштоки.

Не так было в шестидесятые. После долгих лет изоляции в страну ворвалась интеллектуальная стихия небывалого напора. Невозможно перечислить всех поэтов, писателей, художников, композиторов, о существовании которых мы имели лишь смутное представление. И вдруг все это невообразимое богатство заполнило нашу жизнь. Запросто, идя в гости, мы брали с собой «иностранку» с прозой Альбера Камю или новый альбом Матисса, Ван Гога. Делали это не для форсу, нам не терпелось, нас переполняло желание поделиться с друзьями своим потрясением от знакомства с «Едоками картофеля». И мы до утра сокрушались по поводу отрезанного уха гениального художника. И уха было жалко, и Ван Гога, а самое главное – очень досадно, что происходит это в безнадежно далеких, недоступных для нас цивилизациях.

Могут возразить, дескать, мир был иной. Неправда, мир все тот же. Люди в стране были другие. Каждый получает то, что ищет. Красота шестидесятников оплачена кровью Второй мировой. Вспомните Галича, Окуджаву, Высоцкого. Кого из современных парней с гитарой

в руках можно поставить вровень с ними? Есть несомненная связь между войной и шестидесятниками, увы, такова дорогая цена всего положительного, что творится на нашей планете. Посмотрите, до чего лихо произрастает чертополох на земельных угодьях – и какого труда стоит человеку выпестовать полезную огородинку.

Я полагаю, именно с шестидесятого года началось мое всепоглощающее увлечение чтением книг. В нашем доме хранилась прекрасная библиотека, одна из лучших в городе. Отец всю жизнь приобретал книги, еще до повального макулатурного бума, перечитал практически всю мировую классику. Любовь к книгам передалась и нам, детям. Я читал запоем, ненасытно, круглыми сутками. И за это тоже низайший поклон моим драгоценным родителям.

В шестидесятые я жил как библейская птаха, нимало не беспокоясь о завтрашнем дне. Годами сиживал на родительском попечении, нигде не работал, не учился. Днем отлеживался, водил дружбу с такими же оболтусами, как сам, а по ночам погружался в книжное безбрежие. Зимой ли, летом любил кружить по спящему Луганску, часто сам, иногда с товарищем. Родители без лишних истерик и упреков наблюдали мою беспечную жизнь.

Друг мой, Костя Боровков из нашего двора, тоже был большим любителем чтения книг, но и большим специалистом на всякого рода экстравагантные выдумки. Мог закупить дюжину вина и разнести в течение дня по всему городу, чтобы потом ночным гулянием кочевать от одного схрона к другому и по-детски радоваться очередной находке. Костя был врожденный интеллигент, очаровательно умен, высок, строен. Байроновский его портрет дополняли дорогие очки. Оскорблений не прощал, всегда призывал обидчиков к ответу, частенько не успевших разглядеть за элегантным пенсне взгляд твердый и непреклонный.

Обыкновенно Костюха одевал шикарный, сестрина мужа костюм с вузовским поплавком и выходил на бульвар кадрить простушек. Он выдавал себя за секретного физика или удачливого кинорежиссера, с непременно приглашением на кинопробы. Пробы проходили

на старинном бабушкином диване, под бдительным присмотром мраморных слоников. Когда Костя проводил через двор очередную кинозвезду, все соседи вываливали на балконы, дабы не упустить очередного момента падения нравов. Кое-кто втихаря завидовал не только самозваному режиссеру, но и незадачливой киноактрисе.

Помню, глубокой осенью к Косте приехала из города Саратова студентка Ира. Они познакомились летом, когда я с родителями отдыхал на побережье Черного моря, в Джубге. Мы прикупили ящик артемовского шампанского и бражничали пару дней напролет. Часа в три ночи Костя молча оделся и оставил нас вдвоем. Он явился под утро, свежий, чисто выбритый, с обескураживающей улыбкой и необъятным букетом оранжевых роз. Оказалось, что у Ирины был день рождения. До сих пор не представляю, где можно было по тем временам в Луганске, глухой ноябрьской ночью, раздобыть такие роскошные цветы.

Саратовская студентка неожиданно забеременела. Летом она приехала в Луганск и продемонстрировала свое интересное положение. Костя без лишних разговоров принял возлюбленную и женился на ней. Молодые по всем гражданским правилам скрепили печатью счастливый брак. Прямо из ЗАГСа отправились к родителям супруги для личного знакомства. Теща ненавидела зятя загодя, поддавшись всевозможным городским сплетням. Он не обманул самые смелые ее ожидания. Мой друг вручил теще в середине июля скромный букет из пластмассовых тюльпанов, в качестве подтверждения своей непутевости, и был окончательно проклят.

Такого человека, как Костя, мне не пришлось больше повстречать на своем пути. Если мы выезжали на рыбалку, он брал с собой все туалетные принадлежности. Надо было видеть, каким гоголем выходил Костюха из палатки к вечернему костру. Обязательно выбритый, надушенный, с безупречной прической, в наутюженных габардиновых брюках, в обуви, доведенной до состояния драгоценного глянца. Так было всегда, в любом лесу, у любой речки, независимо от состава компании, будь то одних только мужчин. Костя никому не позволял строить с собой отношения, что называется, по-простецки.

Дескать, мы люди простые, давайте без церемоний. Он был очень непростой человек, не терпел хамства и умел довести это до сведения окружающих.

Свою жизнь Костя оборвал жутким образом. Он вышел на балкон, облил себя бензином и закурил папиросу. Никто не вправе судить чужую жизнь, потому что она сама беспристрастно осудит всякого человека. Костя был из тех людей, которые не умеют и не желают приспособливаться. У них слишком велико значение собственного достоинства, и если подобная самооценка не находит положительной реализации, то возникает непреодолимый конфликт с окружающим миром.

Вот ведь представил вам Костю Боровкова эдаким суперменом, а может, рыцарем печального советского образа, и тут же вспомнил еще про одного моего удивительного приятеля, Женю Лицоева. Женька – это немного уменьшенная копия артиста Сергея Филиппова. Он происходил от очень добропорядочных, интеллигентных корней. В связи с очевидной нестыковкой генетических установок на советскую действительность, прожил жизнь бестолковую, но чистую и безмятежную.

Однажды судьба улыбнулась Женьке по-крупному: ему достался в наследство капитальный каменный дом, который он тут же продал за пятнадцать тысяч полновесных советских рублей. Немалая по тем временам сумма, способная круто изменить человеку жизнь. Ни за что не угадаете, как распорядился наследством мой приятель. Он приобрел в универмаге новенькое черниговское пианино, а на оставшиеся деньги закупил около пяти тысяч бутылок шампанского. Завез грузовиками все это хозяйство на подворье и складировал в собственном доме. За пару лет он, конечно, одолел с барышнями закупоренное в бутылках лето. Пустую тару аккуратно укладывал штабелями во дворе в форме египетской пирамиды и любил прохаживаться возле нее с победительной улыбкой фараона.

Я подозреваю, при этом он тешил свое самолюбие сладкими

воспоминаниями о былых кутежах. Должен признать, тут было от чего прийти в умиление. Но и это не самое главное. Когда я поинтересовался, для чего приятелю понадобилось покупать пианино (к музыке Евгений имел точно такое же отношение, как к филиппинской медицине), он и секунды не помедлив ответил: «Ты знаешь, очень приятно – зайду в дом, а оно стоит». Вот все, обезоруживающе просто и содержательно.

Хотя в действительности не все. В истории с приобретением моим товарищем пианино есть одно весьма деликатное обстоятельство. Дело в том, что когда-то, еще до рождения Евгения, в доме его бабушки регулярно звучал немецкий резной рояль «Бехштейн». Вот это проявление верности памяти своих предков, фактически на генетическом уровне, как раз и является свидетельством высокой порядочности и благородства настоящего человека.

У обоих моих товарищей, при всей внешней непохожести, было много общего. Мне никогда не приходилось быть свидетелем какой-либо лжи, исходившей из их уст. Они всегда говорили только правду, невзирая ни на какие расклады. Вот эта нравственная чистота имела буквально физическое оформление. Общаясь с ними, ты кожей ощущал благородство и красоту этих людей. Могут, конечно, напомнить мне о Костиных кинопробах, но в этой части я пребываю в мужской солидарности, что первым делом самолеты, ну а у девушек нижежайше прошу снисхождения.

Когда, бывая в гостях у сегодняшних друзей, я слышу, как за просто они говорят своим домашним в ответ на телефонный звонок: «Скажи, меня нет дома», хочется подняться и немедленно откланяться. Что и делаю порой, неизменно вызывая недоумение у гостеприимных хозяев.

Оба моих товарища очень деликатно обращались с едой, даже представить не могу, чтобы Костя или Евгений позволили себе слопать что-нибудь без разбора, от нечего делать или просто за компанию. На их столах всегда присутствовали чистые, здоровые, органично сочетающиеся, аппетитно дополняющие друг друга продукты. Это

проистекало от хорошего воспитания, передалось в генетическом коде. Они никогда не сквернословили всуе, не опускались до выяснения отношений на подзаборном жаргоне, хотя могли и умели постоять за истину.

Костину маму величали Эльвира Викторовна. Обратите внимание, девочку, родившуюся в гремучие двадцатые, когда выбор для многих сурово колебался между Клавой и Октябриной, нарекли чудесным именем Эля. Этим благородным актом сразу же был очерчен непреступный рубеж между подлинным женским достоинством и совковой быдлятиной. Костина мама удивительно красиво готовила и подавала чай, курила очень дорогие папиросы, одевала роскошные шелковые халаты, распространяя за собой по квартире тончайшие ароматы дамских духов в сочетании с легким табачным дурнопыяном. Эта женщина не могла не волновать любого мужчину загадочностью, тайной своей неприступности и очень глубоко затаившейся лукавинкой, до готовности очертя голову ринуться в самую авантюрную житейскую ситуацию, с одним лишь непременным условием – только без подлости, только без хамства.

Должен сказать, что в моей жизни не редко встречались удивительные люди, о которых я просто не имею права забывать. Обо всех, к сожалению, в этой книге не вспомнишь, но так, на вскидку, с превеликим удовольствием поведаю о знаменитом футбольном тренере луганской «Зари», Пестове Евгении Владимировиче.

Мне в годы андроповского чертополоха пришлось устроиться на работу дежурным слесарем в плавательный бассейн «Юность», общества «Трудовые резервы». Между прочим, когда я впервые увидел ворвавшихся в душевое помещение, как стая диких мустангов, мальчиков из ПТУ, с очень убедительными половыми аргументами, стало понятно, что будущего у страны победившего социализма не существует.

Однажды на подходе к плавательному бассейну меня подозвал к себе Евгений Владимирович, на то время, руководитель всего спортивного комплекса «Трудовые резервы». Он вполне обыденно, без

всякого пафоса, сообщил, что в прошлый выходной на бассейн приходили люди из органов, которые дотошно интересовались моей персоной. В довершение, эти ретивые парни удалили дежурных сотрудников с территории бассейна и чем-то долго там занимались. Скорее всего, по мнению Евгения Владимировича, ставили прослушку.

Я, конечно же, выразил глубокое недоумение, хотя доподлинно знал, что нахожусь под постоянным наблюдением. И, естественно, принес слова искренней благодарности.

И вот представьте. Мы были очень не близкими друг для друга людьми, как это обыкновенно случается между директором и рядовым слесарем. У нас не было никаких личных отношений. Фактически Евгений Владимирович рисковал из-за меня всем своим благополучием. И не только своим, поскольку на бассейне работала доктором его прекрасная супруга. Проведай каким-либо образом чекисты о его поступке, вся жизнь семьи Пестовых покатила бы кувырком.

Что здесь можно сказать? Во-первых, поступок Евгения Владимировича – это суровый приговор для всей Советской власти. Но, во-вторых, – это указывающий перст на огромные нравственные силы нашего народа. Я бесконечно счастлив, что повстречал на своем пути такого прекрасного человека и, что у меня появилась возможность познакомить вас с его безупречно светлым образом.

Я, разумеется, рассказал вам о моих старых друзьях не без тайного умысла, так сказать, для контраста, потому что имею намерение посплетничать о нынешних временах, о сегодняшних наших соотечественниках. Лично для меня очень показательным для характеристики нравственного состояния киевского общества оказался так называемый «кассетный скандал». Много чего обнаружилось в результате этой странной кампании, разные люди нашли в ней ответы на свои собственные вопросы.

Никого не оставила равнодушным история с Гией Гонгадзе. Что тут скажешь? Гия был взрослым, весьма грамотным человеком, хорошо понимающим, в какую грязную борьбу ввязывается на избранном поприще. Хождения за правдой-маткой в те сферы, куда

занесло увлекшегося парня, – дело очень рискованное. К тому же, как любил повторять бывший президент Леонид Данилович, «по великому рахунку» сомнительное, на предмет положительных результатов. Наверное, Гия был хорошим человеком, но, как мужчина, как журналист, оказался профнепригоден, ибо проиграл свою борьбу, таковы факты. Комментировать действия властей, в силу их крайней бездарности и гнусности, для меня не представляется возможным.

Когда я впервые прочитал стенографию записей пана Мельниченко из-под светлейшего пана Кучмы, меня, например, больше всего поразило обилие ненормативной лексики в словарном запасе президента европейской страны. Не хочу прослыть ханжой, я вовсе не отношусь к людям, не умеющим крепко выразиться, но сквернословия Леонида Даниловича выглядели как-то уж очень подзаборно. Так матерятся люди крайне ничтожные, что-то абсолютно убогое читалось в этой брани. Фактически, все диалоги в кабинете президента построены на матерных словах, в самом дешевом, низменном воплощении, от которого просто вянут уши.

А теперь припомните, слышали ли вы от кого-либо в нашей шляхетной стране, включая самых надутых небожителей, будь то академиков, писателей, народных артистов, а то и просто депутатов или министров, слова возмущения по этому хамскому поводу? Оскорбился ли кто-либо из них публично? Подверг ли кто-нибудь сомнению подлинность записей с точки зрения недопустимости их отвратительной лексики? Как справедливо говорил один мой знакомый: «А лупу вам синюю, синюю». Потому что рыбак рыбака чует издали, стало быть, наш президент – и баста. А вот если бы, упаси господи, на пленке пана Мельниченко обнаружилась какая-нибудь французская или латинская речь, да еще с цитатами из Гегеля или Канта, тогда началось бы вавилонское столпотворение и наша сраная элита воистину потеряла бы голову. Это все равно как Лаврентия Берия взять да и нарядить в костюм Дюймовочки.

Если страна не желает, не умеет адекватно реагировать на паксудства, творимые в самых высоких ее присутствиях, то дела у такой страны совсем плохи – это мое единственное, личное наблюдение в

связи с трескучим кассетным скандалом. Когда бы в президентском кресле волею судеб оказался один из моих вышеупомянутых товарищей, убежден: на иных языках, иные проблемы обсуждались бы в кабинете главы государства.

А недавно в нашей стране избрали нового президента, без всяких, правда, на то усилий с моей стороны. Я никого не собираюсь агитировать, но мое отношение к выборам продиктовано никем еще не опровергнутой мудростью первого псалма Давида: «Блажен муж, ибо не идет на совет нечестивых». Кстати сказать, когда перед апостолами возникла необходимость сопричислить к избранному кругу нового брата, вместо отпавшего от служения Иуды, они не отважились заручиться собственным изъявлением, дабы не впасть в лицепрятие, то есть не устроили демократического голосования. Но доверили это дело жребию, полностью положившись на волю Божию.

Говоря по совести, мои личные симпатии пребывали на стороне Виктора Андреевича Ющенко, хотя, с некоторых пор, в несколько укороченном виде. Всем памятна грязная история с попыткой физического устранения помаранчевого кандидата в пору предвыборной кампании. В прессе широко освещалась эта мрачная затея. В частности, по ходу освидетельствования приводился и перечень продуктов, которыми потчевался кандидат в тот злополучный день. Может, я чего и запомнил, но вот список, за который ручаюсь ответственно. Виктор Андреевич выпивал в гостях водочку, коньячок и пиво. Кушал любезный арбузы, суши, раков и сало. Вот такой, знаете ли, изысканный букет гастрономических фантазий, мягко перетекающий из английского ланча в холопский ужин, после которого любой нормальный человек, без всякого диоксина, просто обязан оказаться в реанимации.

Если бы я предложил одному из моих вышеупомянутых товарищей опрокинуть кружечку пива да закусить кусочком арбузика с салом, скорее всего, они бы меня не поняли. Когда в зарубежной светской хронике описывают дипломатические приемы, в обязательном порядке приводят обеденное меню, чтобы люди имели представление о деликатности гастрономических прихотей высоких особ.

Пытливому человеку о многом могут поведать эти привязанности.

Хорош в этом смысле бывший киевский мэр Омельченко. В одном из своих нетленных интервью, по поводу истории с отравлением кандидата в президенты, он откровенно заявил, что настоящему мужику не страшна даже серная кислота. Оставляю этот шикарный спич без комментариев.

Если внимательно познакомиться с биографиями большинства представителей нашего политического бомонда, то окажется, что почти все они выходцы из сельской глубинки. Я лично ничего не имею против селян и полностью солидарен с Сергеем Есениным, который справедливо подрифмовал: «А этот хлеб, что жрете вы, ведь мы его того – с навозом».

Но вот что настораживает. Всем известно, хороший врач – это тот, который в третьем поколении. Хорошо, когда и учитель в третьем поколении. Но ведь и парикмахер, и президент тоже желательно, чтобы в третьем поколении. Человеческая жизнь, она как долгая шахматная партия. Так не бывает, чтобы до двадцатого хода конь ходил буквой «Г», а потом неожиданно начал ходить буквой «Z». Все, что мы проживаем от самого детства, остается с нами навсегда. Если человек был однажды хозяином платного туалета, а потом все-таки сделался очень важной персоной, прежние элегантные запахи остаются при нем, несмотря на наличие самых изысканных французских духов. В этом смысле, я убежденный сторонник добрых фамильных традиций.

На свете бытует удивительно много сочиненных людьми идиотских вопросов; к таковым, например, я отношу вопрос о фантастическом возрождении немецкого государства после сокрушительного поражения во Второй мировой войне. Потому что никаких великих секретов германского чуда в действительности не было и нет, так же как и мифических успехов от реализации «плана Маршалла». Я, конечно, понимаю, что самое любимое наше занятие – это обнаружение чудес, но ларчик открывается до смешного просто.

Есть такое, давно призабытое в нашей истерзанной стране, прозаическое понятие, как «житейский уклад». Это когда человеческая жизнь строится на глубоких семейных традициях, когда из поколения в поколение передается годами складывающийся образ жизни, связанный, прежде всего, с некоторой профессиональной деятельностью.

Когда закончилась Вторая мировая война, каждый немец без суеты и спешки, не выдумывая ничего сверхъестественного, начал заниматься своими непосредственными обязанностями, вытекающими из его традиционного семейного уклада. Именно так, как рекомендовал булгаковский профессор Преображенский. Парикмахер, как это делали много веков подряд предшествующие ему поколения, взял в руки ножницы, колбасник принялся строгать поросятину, дипломат устраивать внешнюю политику страны. И жизнь государства очень быстро обрела устойчивые, рациональные формы.

Я хочу спросить: вы можете найти человека (шизофреники не в счет), который согласится лечь на операцию в больницу, в которой в результате сиреновой революции уборщицы возьмут в руки скальпели хирургов, а последние переместятся к швабрам уборщиц? Между тем в нашем разлюбленном отечестве все и всегда делается именно таким образом – проще говоря, через задницу, не исключая лечение ангины. У нас если скотовод оказывается в круговерти государственного переполоха, то вместо того, чтобы, продолжая дело своих отцов, добросовестно растить свиней и трескать арбузы с салом, не доставляя никому хлопот, мы начинаем биться в истерике по поводу своей необыкновенной европейскости, навязывая миру никого не интересующие геополитические откровения. Но самое основное, расталкивая всех локтями, пытаемся настойчиво продираться в генералы. При этом, как и полагается карикатурным генералам в гусиных перьях, играем по-крупному, скоморошничаем на весь белый свет.

А вот если доктор наук, то так и норовим оказаться в сторожах или кочегарах. В шестидесятые годы половину сторожей и кочегаров в стране Советов составляли люди с высшим образованием, причем, смею заверить, не худшего десятка. Все это и есть совковое чудо

– в противовес скучнейшей немецкой обыкновенности. Когда я вижу, прошу прощения за совсем интимную подробность, как висит мотня у многих наших несравненных депутатов, министров, в том числе и тех, кто по положению обязан служить эталоном мужской элегантности, сам порой начинаю путаться, что есть явь, а что – откровенная бесовщина.

Когда лицезреешь виртуозные коленца иных наших гигантов политического бомонда, невольно приходит на память известная миниатюра непревзойденного лицедея Аркадия Исааковича Райкина. В одном из своих гениальных номеров артист высказывал с идиотской мордой на сцену и орал во всю глотку: «Ну и дураки вы все!» Вот так и великие украинские реформаторы считают, что подавляющее большинство народа – это все больше дурачье, которому не дано знать, чего требуется человеку для полного счастья, а они, извините за нескромность, не скажу кто. Хотя по тому, как приноровились бойко размахивать руками перед святыми образами, следовало бы памятовать и вселенскую мудрость: «Глас народа – это глас Божий».

А еще доложу по дружбе, совсем доверительно, сейчас даже лошади сивеют от зависти, готовясь к выходу на арену киевского цирка. Потому что шедевры балаганного жанра, демонстрируемые на подмостках Верховной Рады, так сказать, «самостийне шапито», не имеют аналогов под вечерним сверкающим куполом. Все клоуны мира не в состоянии изобразить что-либо подобное.

Когда я слышу, как наши высокие государственные мужи бьются на вениках вокруг конституционной реформы, невольно заражаюсь дружным ржанием цирковых лошадей. Разве можно придумать занятие глупее, нежели реформирование чего-то не существующего в природе? Наши великие реформаторы никак не могут взять в толк, что плохих конституций не бывает в принципе. Просто есть страны, где конституции соблюдаются, а есть такие, как Украина, где никто даже не собирается делать вид, что государственные законы могут кому-то помешать грабить доверчивый народ.

Действующая конституция – это во все нето, что растиражировано

на бумаге печатной буквой, но именно и только то, чем руководствуется общество в реальной жизни. Только после жесточайшего менингита может зародиться в голове бредовая мысль, что в стране, устойчиво занимающей одно из первых мест в мире по коррумпированности, читай по легализованному воровству, существует какая-нибудь конституция. Когда наши депутаты размахивают перед телекамерами этой, застенчиво демонстрирующей свою невинность законодательной книжицей, невольно вспоминается недавнее прошлое, в котором почти сто лет подряд на каждом заборе писали: «Да здравствует коммунизм!». То есть вы как бы еще и не ждали, а мы уже приперлись, но жизнь людей от этого краше не становилась. Это все равно как долго малевать в подворотне какое-нибудь сладострастное словцо и с нетерпением, суча ногами, дожидаться оргазма.

Интересно пофантазировать. Вот представьте, в Украине появилась волшебная конституция с одной-единственной статьей. В ней огромными золотыми буквами выведено: «Не воруй!». И тогда, видит Бог, мы сделаемся свидетелями необыкновенного чуда. Роскошные оконные проемы здания Верховной Рады вдруг затянутся не очень ажурными, стальными решетками. Возникнут заборчики самого излюбленного дизайна, поднимутся вышки, засветят прожектора, и, словно радуга, перекинется шикарная триумфальная арка с бессмертным жигловским приветом: «Вор должен сидеть в тюрьме!». И от себя надеюсь, что рядом с этой веселой конторой появится трамвайная остановка с чудесным названием «Лукьяновская».

Слышу, ощущаю, как весь этот взбесившийся «свинтус-грандиозус» ударяет себя в державную грудь, источая благороднейший гнев. Дабы оскорбившиеся барыги и горлопаны спустили пар, оставив в покое паровозные гудки, отвечаю в очень щадящем режиме. Я ведь ничего нового не открываю, просто опираюсь на публичные выступления все тех же депутатов Верховной Рады. Это они повсеместно, брызжа слюной, утверждают, что в рядах их элитного корпуса на девяносто процентов прописалось откровенное жулье, попросту говоря, профессиональные ворюги. Но оставшиеся десять процентов состоят вовсе не из херувимов. Это те, кто способствует, покрывает,

знает, но молчит. Уголовный кодекс предусматривает за все эти «благородные» деяния полноценную ответственность. Так что, как подсчитал все тот же Глебушка Жиглов, по десятке вам, господа, на меньшее не рассчитывайте.

Говоря совсем серьезно, наша страна – это огромная, величюю в сто лет, незаживающая рана, которой просто не дают возможности затянуться, обрести здоровую ткань. Все эти бесконечные «из грязи в князи», и наоборот, есть потаенная первопричина всех наших бед. Не поняв этого, не оставив народ в покое, запретив под угрозой смертной казни само применение таких слов, как «революция» и «реформа», мы никогда не построим благополучное общество с человеческим, житейским укладом.

Следующую страницу своей робкой летописи я открою шестьдесят первым годом и, по всей видимости, начну с хрущевской денежной реформы. Деньги – это такая материя, которая позволяет порассуждать о многом, в том числе и о торговле. Торговать, как известно, можно чем угодно, даже остатками совести, даже людьми, лишь бы удачно сводился дебет с кредитом. Мне представляется целесообразным посудачить самую малость о торговле именно в данной главе, как бы забегая несколько наперед. Больно уж хочется. Речь ведь пойдет об аптечном бизнесе.

Вас никогда не смущало подозрительно большое количество аптек, расплодившихся в наших городах и весях? Украина незаметно превратилась в волшебную страну аптек, причем, судя по их фасадным оформленим, весьма и весьма преуспевающих. Сказать, что в Киеве много аптек – это значит вообще не сказать ничего. Верите ли, рядом с моим домом, на пересечении улицы Вышгородской и проспекта Правды, находится сразу пять полноценных специализированных аптек. Причем две из них расположены на первом уровне одной хрущевской пятиэтажки.

Кто-то может возликовать: какие удобства, какое изобилие, какой комфорт! Но это только в том случае, если не принимать в расчет, что всякая аптека является в некотором роде промежуточным

полустанком между здоровьем и кладбищем. От хорошей жизни аптеки никто не посещает, как-то не возникает необходимости. Так вот, если рассматривать количество аптек в нашей стране как некоторый условный коэффициент качества жизни людей, а если быть уж совсем откровенным – как коэффициент вымирания населения, то картина вырисовывается настолько устрашающая, что голодомор тридцатых покажется самодеятельной репетицией перед нынешней решительной профилактикой.

До чего же любят, как приноровились украинские горе-патриоты демонстрировать священное негодование по поводу большевистского голодомора, унесшего миллионы человеческих жизней! Хотя нынешняя «самостийная эпопея» уже обошлась населению страны едва ли дешевле, нежели душегубство, срежиссированное рябым грузинским самородком.

Эксплуатируя тему голодомора тридцатых, можно сколь угодно эффектно красоваться на телеэкранах в самом благородном гневе, ничем в действительности не рискуя, в отсутствие реальных виновников свершившихся злодеяний. С таким же успехом, если не с большим, можно бесконечно долго негодовать, клеймить позором косоглазых янычар Менглы Героя, лютовавших на просторах Украины в пятнадцатом веке. Но вот призвать к ответу виновных, безвременно отправивших на тот свет миллионы наших сограждан именно за последние годы, при четырех живых президентах, при всем их достославном окружении, политическим оборотням не приходит на ум.

В нашей разудалой стране одной из самых великих тайн всегда была и остается статистика. Только очень приближенные, исключительно важные персоны имеют доступ к точным данным по поводу настоящего количества загубленных человеческих жизней за годы незалежности. Главное, что им удается при этом крепко спать, спокойно смотреть своим детям в очи. Дабы всему миру стало понятно, что речь в современной Украине идет прежде всего о незалежности от совести и морали, могу предложить оригинальное решение.

Вместо бесконечных реконструкций майдана Незалежности,

демонстрирующих дремучее градостроительное невежество, можно, например, возвести огромное электрическое табло и непрерывно выводить на нем кровавые цифры стремительного сокращения населения нашей страны. Родина ведь должна знать своих настоящих героев, знать, под чьим мудрым руководством без лишнего шумера идут в расход, пропускаются сквозь комфортное аптечное чистилище миллионы наших безропотных граждан. Уже и мировое сообщество единодушно признало, что народ Украины пребывает в стадии вымирания.

Слышите зловещий алтарный шепот: «Яко овча на заклание ведется»?

Киев – 2007 год.

СОДЕРЖАНИЕ:

СТР.

1952 год	241
1953 год	262
1954 год	281
1955 год	300
1956 год	319
1957 год	340
1958 год	363
1959 год	386
1960 год	398